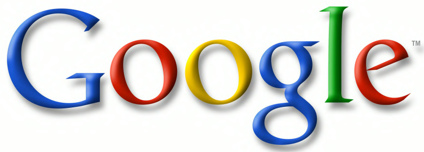
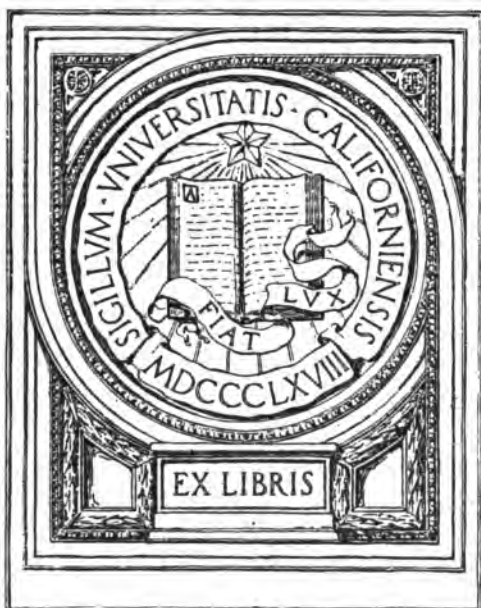

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

A. N. Gilarov

Grecheskie Sofisty

ГРЕЧЕСКІЕ СОФИСТЫ,

ихъ

МІРОВОЗЗРѢНІЕ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

въ связи

СЪ ОБЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІЕЙ ГРЕЦІИ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Н. Гилярова.

Sedulo curavi humanas actiones non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere.

Spinoza.

Ehre dem Geschichtschreiber, welcher den eitlen Schein vom Wesen zu trennen versteht, und gleich dem Richter der Unterwelt, die Seelen nackt und alles Pompes und Gepränges entkleidet vor seinen Richterstuhl zieht.

Böckh.

МОСКВА.

1888.

ГРЕЧЕСКІЕ СОФИСТЫ,

их

МІРОВОЗЗРѢНІЕ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

въ связи

СЪ ОБЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІЕЙ ГРЕЦІИ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Н. Гилярова.

Sedulo curavi humanas actiones non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere.

Spinoza.

Ehre dem Geschichtschreiber, welcher den eitlen Schein vom Wesen zu trennen versteht, und gleich dem Richter der Unterwelt, die Seelen nackt und alles Pompes und Gepränges entkleidet vor seinen Richterstuhl zieht.

Böckh.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1888.

[illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА V.

Настоящее изслѣдованіе составляетъ третью часть предпринятаго мною труда о греческихъ софистахъ. Изъ множества вопросовъ, „которыми софисты ограждаютъ себя отъ изслѣдователя“, оно пытается рѣшить во всей полнотѣ только два: о томъ, кто были греческіе софисты, и о связи ихъ міровоззрѣнія и дѣятельности съ общей политической и культурной исторіей Греціи. Вторая часть будетъ содержать критику источниковъ, подробное обозрѣніе всего того, что̀ намъ извѣстно о каждомъ софистѣ въ отдѣльности, и критическую оцѣнку софистическихъ теорій. Въ третьей я изложу исторію философскаго служенія Сократа, имя и дѣятельность котораго неразрывно связаны съ именами и дѣятельностью софистовъ.

Для знающихъ, что̀ въ данномъ случаѣ требуется отъ критика, должно быть вполнѣ ясно, почему я, хотя и ссылаюсь въ настоящей части на источники, не начинаю съ ихъ критики, а отношу ее къ началу второй части. Свидѣтельства главнаго повѣствователя о софистахъ, Платона, возбуждаютъ въ критикахъ недовѣріе въ особенности вслѣдствіе недоброжелательныхъ, вызванныхъ будто бы исключительно его личною философскою точкой зрѣнія, замѣчаній объ аѳинской демократіи, служителями которой были софисты. Пока мы не узнаемъ, какова была въ дѣйствительности эта демократія, мы не будемъ въ состояніи судить и о томъ, правильны или нѣтъ Платоновы сужденія о ней. Въ настоящемъ изслѣдованіи я даю характеристику аѳинской демократіи на основаніи разнообразныхъ источниковъ. Каково бы ни было мнѣніе объ этой характеристикѣ, она покажетъ во всякомъ случаѣ, что все то, что̀ Платонъ говоритъ о нравственныхъ идеалахъ, одушевлявшихъ аѳинянъ временъ охлократіи, подтверждается и всѣми другими современными ему писателями—историками, риторами, поэтами и философами. Въ слѣдующей части рядомъ доводовъ я постараюсь поставить внѣ сомнѣнія, что вполнѣ согласны съ исторической истиной и во всякомъ случаѣ ей не противорѣчатъ свидѣтельства Платона и объ упоминаемыхъ и выводимыхъ имъ въ діалогахъ историческихъ лицахъ и что у него не было никакой причины клеветать на однихъ только софистовъ. Изъ приведенныхъ въ настоящемъ

изслѣдованіи различныхъ отзывовъ о софистахъ всякій можетъ убѣдиться, что отзывы Платона и Аристотеля менѣе недоброжелательны, чѣмъ всѣ остальные.

Не много мнѣ нужно словъ и для оправданія, почему я вхожу въ подробности современнаго софистамъ греческаго быта. Софисты были общественные дѣятели: для того, чтобы понять значеніе и смыслъ ихъ дѣятельности, необходимо знать среду этой дѣятельности. Слѣдуя Платону, я стараюсь доказать, что софисты были лишь выразители общественной нравственности своего времени; самая задача моего изслѣдованія такимъ образомъ требовала, чтобы я представилъ возможно полную и яркую картину этой нравственности. Главное правило, которымъ я при этомъ руководствовался—говорить какъ можно меньше самому и какъ можно больше словами первоисточниковъ. Но сообщаемыя послѣдними бытовыя особенности не могутъ быть понятны безъ комментарія лицамъ, мало знакомымъ съ греческою стариною. Вотъ причина, по которой я счелъ нужнымъ пояснить примѣчаніями приводимые мною отрывки изъ Аристофана.

Съ презрѣніемъ посмотрятъ на эти отрывки и на эти примѣчанія, какъ и вообще на весь мой чисто историческій методъ изслѣдованія, тѣ изъ философовъ, которые привыкли считать достовѣрными только доводы отвлеченной мысли и не придавать значенія свидѣтельству опыта—въ особенности „низменнаго". Но на мой взглядъ имѣетъ цѣну лишь та философія, которая объясняетъ жизнь, и притомъ не произвольно, а на основаніи того, что̀ дается самою жизнью. Среди этихъ данныхъ ничтожная на первый взглядъ мелочь способна пролить свѣта больше, чѣмъ глубокомысленное, но неимѣющее подъ собою почвы житейскаго опыта разсужденіе. Про Лейбница разсказываютъ, что онъ съ любовью бралъ съ вѣтки насѣкомое и, разсмотрѣвъ подъ микроскопомъ, бережливо относилъ назадъ, благодарный за то знаніе, которое оно ему доставило. Не вижу причины, почему бы подробности человѣческаго быта могли интересовать философа меньше, чѣмъ подробности строенія насѣкомаго.

Кіевъ, 16 апрѣля 1888 г.

I.

Литературныя указанія. — Измѣнчивая судьба софистовъ.. — Старое и новое мнѣніе о нихъ.—Взглядъ Грота на софистовъ и Сократа.—Свидѣтельства Платона.—Заблужденія новыхъ историковъ философіи по Гроту.—Софистическій характеръ Гротовой защиты.— Задачи предстоящаго труда.

Въ исторіи философіи не найдется другаго примѣра такой измѣнчивой судьбы, какую испытали греческіе софисты [1]). Встрѣченные

[1]) Главнымъ источникомъ для исторіи софистовъ служатъ діалоги Платона, затѣмъ — сочиненія Аристотеля, Исократа, Ксенофонта, Діогена Лаерція, Секста Емпирика, Филострата, Цицерона, Квинтиліана, Авла Геллія и др. Въ настоящемъ изслѣдованіи сдѣланы ссылки на слѣдующія изданія этихъ авторовъ: Platonis opera ex rec. Hirschigii, Paris 1846—1873; Aristotelis opera, ex rec. Imm. Bekkeri, ed Acad. Regia Borussica, Berolini, 1831—1870; Xenophontis scripta quae supersunt, ed. Didot, Paris 1853; Isocratis orationes, recogn. Fr. Blass, Lips. 1882; Diogenis Laertii de clarorum philosophorum vitis, rec. C. Cobet, Paris, 1872; Sexti Empirici opera, ed. A. Fabricius, Lips. 1841; Fl. Philostrati quae supersunt, ed. C. L. Kayser, Tur. 1853; Ciceronis scripta quae manserunt omnia, rec. R. Klotz., Lips. 1851—1856; Quintiliani Institutiones oratoriae, rec. Bonnel, Lips. 1882; Auli Gellii Noctium atticarum libri XX, rec. M. Hertz, Lips. 1853. Изъ новыхъ трудовъ я пользовался слѣдующими: Cresoli-Thesaurum veterum rhetorum, oratorum, declamatorum, quos in Graecia nominabant σοφιστάς expositum libris V. (Thesaurus graecarum antiquitatum contextus et designatus a Gronovio, vol. X, Lugd. Batav. 1701, p. 1—247); Geel, Historia critica sophistarum, qui Socratis aetate Athenis floruerunt, Utrecht, 1823; Spengel, Συναγωγή τεχνῶν Stutg. 1828; Roller, die Griechischen Sophisten zu Socrates und Platons Zeit und ihr Einfluss auf Beredsamkeit und Philosophie, Stuttg. 1832; Baumhauer, quam vim Sophistae habuerint Athenis ad aetatis suae disciplinam, mores ac studia immutanda, Traj. Bat. 1844; Wecklein, die Sophisten und die Sophistik nach den Angaben Platon's, Würzb. 1865; Schanz, Beiträge zur vorsokratischen Philosophie aus Platon, I Heft. Die Sophisten, Götting. 1867; Blass, Attische Beredsamkeit, I, Leipz. 1868; Funck Brentano, Les sophistes grecs et les sophistes contemporains, Paris, 1879; Siebeck, das Problem des Wissens bei Socrates und der Sophistik, Halle, 1870; того же автора: Ueber Socrates Verhältniss zur Sophistik, Halle, 1873 (Untersuchungen zur Philosophie der Griechen, I); Bethe, Versuch einer sittlichen Würdigung der sophistischen Redekunst, Stade, 1876. Meiners, Histoire de l'origine, des progrès et de la décadence des sciences dans

1

при первомъ своемъ появленіи съ восторгомъ [1]), они почти вслѣдъ за тѣмъ навлекли на себя позоръ [2]), который тяготѣлъ надъ ними болѣе двадцати двухъ столѣтій. За исключеніемъ небольшаго числа ихъ сторонниковъ во времена упадка классической древности — нѣсколькихъ риторовъ и грамматиковъ [3])—всѣ остальные привыкли за все это время на нихъ смотрѣть какъ на людей нравственно-презрѣнныхъ, а на ихъ философскія воззрѣнія какъ на легкомысленную, хотя и блестящую, игру ума, несогласную ни съ достоинствомъ науки, ни съ истиной [4]). Но съ конца прошлаго вѣка судьба ихъ снова измѣняется. На защиту ихъ выступаютъ передовые люди науки, знаменитые философы. Сначала беретъ ихъ подъ свое покровительство Бар-

---

la Grèce, trad. par Laveaux, t. III, p. 113—312; Tenneman, Geschichte der Philosophie, 1-r B., Leipz. 1798, S. 344—402; Hegel, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, her. v. Michelet, 2-r Th., 2-te Aufl. B. XIV, S. 35—39; Ritter, Geschichte der Philosophie alter Zeit, 1-r Th., 2-te Aufl., Hamb. 1836, S. 576—659; Hermann, Geschichte und System der Platonischen Philosophie, Heid. 1838, S. 179—217; Brandis, Handbuch der Griechisch-römichen Philosophie, 1-r Th., Berl. 1835, S. 516—548; того же автора: Geschichte der Entwickelungen der griechischen Philosophie, 1-te Hälfte, Berl. 1862, S. 205—219; Strümpell, Geschichte der theoretischen Philosophie der Griechen, Leipz. 1854, S. 92—100; того же автора Geschichte der practischen Philosophie der Griechen, Leipz. 1861, S. 23—72; Zeller, Philosophie der Griechen, 1-r Th., 1-te Abth., 4-te Aufl., S. 932—1041; Schwegler, Geschichte der griechischen Philosophie, herausg. v. Köstlin, 3-te Aufl., Freib. 1882, S. 101—115; Ziegler, Geschichte der Ethik. I, Bonn, 1881, S. 38—53; Ueberweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie, 1-r Th. 7-e Aufl., Berl. 1886, S. 92—104; Lewes, History of Philosophy, 5-th ed. London, 1880, I, p. 106—126; Grote, History of Greece, a new ed. 1869, vol. V, Ch. LXVI, p. 257—262, vol. VI, Ch. LV, p. 305—310, vol. VIII, Ch. LXVII, p. 150—204; Plato and the other Companions of Socrates, 3-d ed., Lond. 1875; Aristotle, 3-d ed. London, 1883; Benn, The greecs Philosophers, London, 1882, I, p. 53—107; Grant, The Ethics of Aristotle, 4-th ed. London, 1885, I, p. 105 — 155; Blackie, Horae Hellenicae, Lond. 1874, p. 197—216; Bénard, La philosophie ancienne I, Paris, 1885, p. 248—365; ср. того же автора: Platon Gorgias, précédé d'une étude philosophique sur Gorgias et suivi d'un essai sur la sophistique et les sophistes, Paris, 1865; Frei, Beiträge zur Geschichte der griechischen Sophistik, Rhein. Mus., N. F., VII, 1850, S. 527—554, VIII, 1853, S. 268—279; Vitringa, de Sophistarum scholis, quæ Socratis ætate Athenis floruerunt, Mnemosyne, II, 1853, S. 223—237; T. Comperz, die griechischen Sophisten, Deutsche Jahrb., VII, 1853; Sidgwick, The Sophists, Journal of Philology, IV, 1872, p. 288—306. Ѳ. Коршъ, Критическое обозрѣніе, Москва, 1880, «Евтидемъ, діалогъ Платона» стр. 27—41. Остальная литература, касающаяся частныхъ вопросовъ въ исторіи софистовъ, будетъ приведена на своемъ мѣстѣ.

[1]) Plato, Apol. 19, E; Protag. 310, B, сл.; Meno, 91, D, сл.; Hipp. Maj. 282, B, сл.; De Rep. 600, C, сл. и др.

[2]) Ср. приведенные въ слѣдующей главѣ отзывы о софистахъ.

[3]) См. ниже, стр. 7, пр. 3.

[4]) Сводъ различныхъ мнѣній о софистахъ въ древности и въ новое время (весьма, впрочемъ, поверхностный и неполный) у Bénard, Philosophie ancienne.

телеми [1]), затѣмъ возстановляетъ въ правахъ Гегель [2]), наконецъ прославляютъ во имя справедливости Льюисъ и Гротъ [3]). Приговоръ вѣковъ отмѣненъ какъ несостоятельный; всѣ обвиненія съ софистовъ сняты, не только доброе имя ихъ возстановлено, но они возвеличены какъ никогда прежде. Ради спасенія ихъ чести воспроизведены враждебные отзывы древней критики о Платонѣ, какъ всеобщемъ клеветникѣ и насмѣшникѣ [4]); его свидѣтельства о нихъ приравнены тому, что̀ говоритъ Аристофанъ о Сократѣ [5]); замѣчанія Аристотеля о софистахъ объявлены лишенными философскаго смысла [6]). Не менѣе ошибочнымъ оказывается и прежнее мнѣніе о Сократѣ. Онъ вовсе не былъ противникомъ софистовъ и еристиковъ, какъ обыкно-

[1]) Barthelémy, Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, 3-me éd. Paris, 1790. Этотъ ученый изъ новыхъ первый, ссылаясь на авторитетъ враждебной Платону древней критики, объявилъ его свидѣтельства о софистахъ насмѣшками, t. 4, p. 284, sq.

[2]) Гегель видитъ въ софистахъ явленіе не случайное, но необходимое въ исторіи каждаго народа въ извѣстный моментъ его жизни (Hegel, Vorles. üb. die Geschichte der Philosophie, II, S. 19, 32; Encyclopädie, hsg. v. Henning, 2-te Aufl., Berl. 1843, S. 248); предостерегаетъ отъ злоупотребленія враждебнымъ значеніемъ слова «софистъ» (Vorles. S. 7); указываетъ на заслуги софистовъ и въ особенности на то, что Греція обязана своимъ образованіемъ и просвѣщеніемъ (Bildung, Aufklärung) именно софистамъ (ibid S. 8); называетъ ихъ спекулятивными философами и глубокими мыслителями (ibid. 39). Ср. также Hegel, Philosophie der Geschichte, II, 328, f. Подробно о взглядѣ Гегеля на софистовъ у Bénard, Philosophie ancienne, p. 252—278.

[3]) Первое изданіе Гегелевыхъ «Vorlesungen» вышло въ 1833 г. (онѣ обнимаютъ собою курсы 1806—1831 годовъ); Гротова «History of Greece» появилась между 1846 и 1855 годами; Льюисъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу то, что онъ на пять лѣтъ предупредилъ Грота, выставивъ новый взглядъ на софистовъ (Lewes, History of Philosophy, I, p. 106). Главу о софистахъ Льюисъ начинаетъ словами: The Sophists are a much calumniated race. That they should have been so formerly is not surprising; that they should be so still, is an evidence that historical criticism is yet in its infancy. In raising our voices to defend them we are aware of the paradox; but looked at nearly, the violation of probability is greater on the side of those who credit and repeat the traditional account. In truth, we know of few charges so unanimous yet so improbable as that brought against the Sophists. Cp. Grote, History of Greece, VIII, p. 150: If ever there was need to invoke this rare sentiment of candour, it is when we come to discuss the history of the persons called Sophists, who now for the first time appear as of note, the practical teachers of Athens and of Greece, misconceived as well as misesteemed.

[4]) См. ниже, стр. 7, пр. 3.

[5]) Lewes, History of Philosophy, I, p. 106, sq.: It is as if mankind had consented to judge of Socrates by the representation of him in «The Clouds». The caricature of Socrates by Aristophanes is quite as near the truth as the caricature of the Sophists by Plato; with this difference, that in the one case it was inspired by political, in the other by speculative antipathy. Grote, Plato, I, p. 527, 536, 549.

[6]) Grote, Plato, I, p. 542. Ср. также Aristotle, p. 382 sq.; 394 sq.

венно полагали; наоборотъ—онъ былъ софистомъ изъ софистовъ [1]) и еристикомъ изъ еристиковъ [2]). Все, что Платонъ говоритъ о софистахъ, скорѣе всего относится къ Сократу [3]); вмѣсто безсмысленнаго слова софистика слѣдуетъ говорить сократика [4]). Единственная разница между софистами и Сократомъ въ томъ, что первые были люди практичные и учили за плату, а Сократъ смотрѣлъ на торговлю мудростью какъ на недостойное и рабское дѣло, и потому не бралъ денегъ за свои бесѣды [5]); во всемъ остальномъ Сократъ, если смотрѣть на софистовъ какъ на вражью силу, былъ среди нихъ тѣмъ же, чѣмъ между дьяволами Вельзевулъ [6]). Но предразсудокъ, заставлявшій Сократа не брать съ учениковъ денегъ, имѣлъ въ исторіи софистовъ роковое значеніе. Онъ былъ вполнѣ усвоенъ Платономъ, который, какъ великій теоретикъ и соціалистъ [7]), шелъ къ тому же въ разрѣзъ съ господствовавшими нравственными убѣжденіями и потому вдвойнѣ возненавидѣлъ платныхъ наставниковъ въ ходячей добродѣтели [8]). Для названія особенно выдающихся между ними онъ счелъ наиболѣе подходящимъ слово софистъ, обозначавшее умственную знаменитость въ связи съ ненавистной ассоціацией [9]). „Блестящій геній, продолжительное вліяніе и частая полемика Платона (говоритъ главный защитникъ софистовъ—Гротъ [10]), заклеймили этимъ именемъ лицъ, противъ которыхъ онъ писалъ, какъ будто это было ихъ признанное, законное, имъ только принадлежащее обозначеніе; хотя достовѣрно то, что еслибы среди Пелопоннезской войны какой-нибудь аѳинянинъ былъ спрошенъ, кто главные софисты въ вашемъ городѣ, онъ прежде всего бы назвалъ Сократа, такъ какъ Сократъ былъ въ одно и то же время выдающимся учителемъ и лично непопуляренъ; а именно таково было сочетаніе качествъ, которое обыкновенная публика естественно

---

[1]) Grote, History of Greece, V, p. 260; VIII, p. 155. (См. слѣд. стр.). Plato II, p. 428—431.

[2]) Grote, Plato, I, p. 534 — 536; III, 479: Socrates the most persevering and acute Eristic of his age. Index, p. 65: Socrates the greatest Eristic of his age.

[3]) Grote, Plato, II, p. 428—431.

[4]) Ibid. I, p. 260: Instead of unmeaning abstract «Sophistik» given by Zeller and others, we ought properly to insert the word «Sokratik», if we are to have any abstract term at all.

[5]) Grote, History of Greece, VIII, p. 153; Plato, II, 431.

[6]) Grote, Plato, I, 395: Critics... do not like to see Socrates emploing sophistry against the Sophists: that is, as they think, casting out devils by the help of Beelzebul.

[7]) Grote, History of Greece, VIII, p. 204.

[8]) Ibid. p. 158.

[9]) Ibid. p. 155.

[10]) Ibid. p. 155.

выражала словомъ софистъ. Платонъ не только изъялъ это имя изъ общаго употребленія, чтобы закрѣпить спеціально за своими противниками, учителями изъ-за платы, но также связалъ съ нимъ крайне безчестные аттрибуты, которые вовсе не входили въ его первичное признанное значеніе, и были совершенно различны отъ неопредѣленнаго чувства нелюбви, связаннаго съ этимъ словомъ, хотя и были привиты къ этому чувству. Аристотель, слѣдуя примѣру своего учителя, далъ слову софистъ опредѣленіе въ сущности тождественное съ тѣмъ, которое оно имѣетъ въ современныхъ языкахъ—„софистъ—это обманщикъ, имѣющій притязаніе на знаніе, человѣкъ употребляющій то, что ему извѣстно за ложь, ради обмана и пріобрѣтенія денегъ“. „Вторая половина V вѣка до Р. Х. (читаемъ мы далѣе у Грота [1]) обыкновенно обозначается въ исторіи философіи какъ вѣкъ Сократа и софистовъ. О софистахъ говорили какъ о новомъ классѣ людей или иногда въ такихъ выраженіяхъ, которыя подразумѣвали новую ученую доктрину или школу, какъ будто софисты тогда въ первый разъ появились въ Греціи—чванные шарлатаны, льстящіе и обманывающіе богатыхъ юношей ради своей личной выгоды, подкапывающіе въ Аѳинахъ общественную и частную нравственность и поощряющіе своихъ учениковъ къ безсовѣстному потворству честолюбію и жадности. Сократа, напротивъ, обыкновенно изображали какъ святаго человѣка, борющагося съ этими лжепророками и изобличающаго ихъ, какъ неутомимаго поборника нравственности противъ ихъ коварныхъ уловокъ. Но хотя появленіе человѣка, столь сильно оригинальнаго, какъ Сократъ, было новымъ фактомъ невыразимой важности, появленіе софистовъ вовсе не было новымъ фактомъ: что было новаго, такъ это особое употребленіе стараго слова, которое Платонъ лишилъ его обычнаго значенія (took out of its usual meaning) и укрѣпилъ за выдающимися платными учителями Сократова вѣка“. Несмотря однако на то, что о такъ-называемыхъ софистахъ мы знаемъ главнымъ образомъ изъ свидѣтельствъ ихъ „отъявленнаго врага“ Платона, даже и его свидѣтельства, если ихъ построить правильно и взять въ цѣломъ, не могутъ уполномочить къ тѣмъ обвиненіямъ въ безнравственномъ ученіи, ложномъ притязаніи на мудрость и т. д., которыя современные историки философіи громкимъ хоромъ возводятъ на софистовъ [2]). У этихъ историковъ вошло въ обычай „переводить изъ Платона и выставлять вражью силу подъ названіемъ „софистика“ (dress up the fiend called „Die Sophistik“), которая, по ихъ

[1]) Ibid. p. 156.
[2]) Ibid. p. 164.

увѣренію, совращающимъ ученіемъ отравила и деморализовала аѳинскій нравственный характеръ, такъ что онъ сталъ испорченнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ былъ во время Мильтіада и Аристида. Но, чтобы абстракція „софистика“ могла получить какое-нибудь опредѣленное значеніе, мы должны имѣть доказательства того, что люди, именуемые софистами, имѣли какіе-нибудь доктрины, принципы или методы, общіе имъ всѣмъ и отличающіе ихъ отъ другихъ. Такое предположеніе не вѣрно: не существовало общихъ принадлежавшихъ имъ доктринъ, принциповъ или методовъ [1]). Даже имя, подъ которымъ они извѣстны, принадлежало имъ не больше, чѣмъ Сократу и другимъ; у нихъ не было ничего общаго, кромѣ ихъ профессіи платныхъ учителей, подготовлявшихъ молодыхъ людей „мыслить, говорить и дѣйствовать“ ради пріобрѣтенія къ себѣ довѣрія среди гражданъ. Но и эта общность профессіи не подразумѣвала въ то время такого аналогичнаго характера, какъ теперь, когда путь обученія пробитъ въ широкую и торную большую дорогу съ размѣренными разстояніями и установленными промежутками [2]). Еслибы поэтому и было справедливо, что въ періодъ отъ 480 г. и до конца Пелопоннезской войны произошло большое нравственное ухудшеніе въ Аѳинахъ и вообще въ Греціи, то мы должны искать для этого иной причины помимо измышленной абстракціи, именуемой софистикой“. На самомъ же дѣлѣ Аѳины въ концѣ Пелопоннезской войны были не только не болѣе развращены, чѣмъ Аѳины въ дни Мильтіада и Аристида, но даже стали въ нравственномъ и политическомъ отношеніи лучшими [3]), и этимъ улучшеніемъ онѣ обязаны главнымъ образомъ софистамъ. Софисты отвлекали молодыхъ людей отъ праздной жизни и борьбы партій, обогащали ихъ умъ самыми хорошими идеями и чувствами, знакомили съ общими обязанностями человѣка и гражданина, раскрывали

---

[1]) Въ доказательство Гротъ приводитъ то, что«Платонъ, въ своемъ діалогѣ «Протагоръ», гдѣ выведены Протагоръ, Продикъ и Гиппій, надѣляетъ каждаго изъ нихъ особымъ типомъ характера и особымъ методомъ, не безъ сильной примѣси взаимной ревности между ними; между тѣмъ какъ Ѳразимахъ, въ «Государствѣ», и Евѳидемъ, въ діалогѣ этого имени, опять изображены каждый своеобразными красками, отличающими ихъ отъ всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ». «Мы не знаемъ», говоритъ Гротъ, «насколько Горгій былъ согласенъ съ мнѣніемъ Протагора, что человѣкъ мѣра всѣхъ вещей, но мы можемъ заключить даже изъ самого Платона, что Протагоръ воспротивился бы взглядамъ, выраженнымъ Ѳразимахомъ въ первой книгѣ «Государства». (Grote, History of Greece, VIII, p. 175).

[2]) Ibid. p. 174—175.

[3]) Ibid. p. 178: It is my belief that the people had become both morally and politically better.

зерна нравственности, положенныя въ древнихъ легендахъ, оживляли чувства всеэллинскаго братства и т. д.[1]). Однимъ словомъ, въ исторіи мало характеровъ, съ которыми бы обходились столь жестоко, какъ съ такъ-называемыми софистами: они несутъ наказаніе за свое имя въ его современномъ значеніи[2]).

Своеобразность, смѣлость и кажущаяся убѣдительность этого новаго мнѣнія[3]), которое выступаетъ у Грота во всеоружіи самой широкой учености и увлекательнаго краснорѣчія, сдѣлали то, что оно многими считается послѣднимъ словомъ науки, безповоротнымъ приговоромъ исторіи[4]). И дѣйствительно, только слѣпая приверженность старинѣ можетъ не признать, что Гротъ горячимъ разоблаченіемъ крайностей стараго мнѣнія не мало способствовалъ болѣе правильному взгляду на софистовъ. Но, читая внимательно составленную Гротомъ съ великимъ ораторскимъ искусствомъ рѣчь на защиту софистовъ, нельзя не замѣтить, что онъ нерѣдко прибѣгаетъ въ ней къ тѣмъ самымъ пріемамъ, которые сдѣлали изъ слова софистъ позор-

[1]) Ibid. p. 203—204.

[2]) Ibid. p. 164.

[3]) Называя мнѣніе Грота новымъ, необходимо оговориться, что слово новый слѣдуетъ понимать въ этомъ случаѣ въ ограниченномъ смыслѣ. Большую часть того, что Гротъ говоритъ о софистахъ, говорили другіе раньше его. Такъ мнѣніе, что софисты существовали въ Греціи издревле, было высказано Протагоромъ (см. ниже, стр. 13, прим. 2); что Сократъ былъ софистомъ изъ софистовъ, на это указывалъ Аристофанъ въ «Облакахъ» и Андротіонъ (Aristid. XLVI, p. 407, Dind.: Ἀνδροτίων... προσείρηκε... Σωκράτη σοφιστὴν τοῦτον τὸν πάνυ; ср. также Aeschin, c. Timarch. 173); что слово софистъ имѣло въ древности не вполнѣ опредѣленное значеніе и поэтому могло давать поводъ къ произвольнымъ обобщеніямъ и классификаціямъ,—это ставили на видъ Платонъ (въ «Софистѣ»), Исократъ (см. ниже, стр. 15, прим. 5), Аристидъ (l. c. p. 407, 408, 409); что Платонъ былъ отъявленнымъ врагомъ софистовъ и клеветалъ на нихъ—это мы слышимъ отъ Аѳинэя и Аристида (Ath. XI, p. 505, sq.; Aristid. l. c.); послѣдній кромѣ того высказалъ мысль, которой Гротъ придаетъ такое большое значеніе,—что слово софистъ стало враждебнымъ благодаря стараніямъ Платона. (Aristid. l. c. p. 408: Πλάτων ὁ μάλιστ' ἀνθαψάμενος τούτου τοῦ προσρήματος... ἐπεὶ καὶ τὸν σοφιστὴν δοκεῖ μέν πως κακίζειν ἀεί, καὶ ὅ γε δὴ μάλιστα ἐπαναστὰς τῷ ὀνόματι Πλάτων εἶναί μοι δοκεῖ). Новизна мнѣнія Грота состоитъ въ томъ, что онъ извлекъ изъ прежнихъ мнѣній и объединилъ все выгодное для софистовъ и невыгодное для Платона, и что онъ первый сталъ восхвалять великую добродѣтель софистовъ, тогда какъ прежніе ихъ заступники скромно о ней умалчивали.

[4]) Ср. наприм. Mahaffy, History of Classical Greec Litterature, Lond. 1880, II, p. 57: Grote was the first to dispel the cloud of misconception which had been diffused about the Sophists by ancient calumny and modern dulness, nor is there any part of his monumental history of Greece more enduring in value than the famous sixty—seventh and sixty — eighth chapters on this subject. Ср. также Sidgwick, Journal of Philology, vol. IV, № 8, 1872, p. 289.

ное имя [1]). Невольно приходитъ поэтому на мысль, что быть можетъ дѣло софистовъ не всегда такъ право, какъ хочетъ доказать ихъ име-

---

[1]) Доказательства будутъ приведены не одинъ разъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ настоящемъ случаѣ достаточно указать на главнѣйшія противорѣчія, парадоксы и софизмы:

1) Не смотря на то, что слово софистъ было во времена Платона въ общемъ употребленіи для обозначенія платныхъ учителей (Grote, History of Greece VIII, p. 153: Now when, in the period succeeding 450 B. C., the rhetorical and musical teachers came to stand before the public at Athens in such increased eminence, they of course as well as other men intellectually celebrated, became disignated by the appropriate name of Sophists; ibid. p. 155: for Socrates was at once eminent as an intellectual teacher, and personally unpopular... and this was the precise combination of qualities, which the general public naturally expressed by a Sophist; ibid. 157: Protagoras, Gorgias and the rest... gained a distinction such as none of their predecessors had attained, were prized all over Greece, travelled from city to city with general admiration and obtained considerable pay. While such success, among men personally stangers to them, attests unequivocally their talent and personal dignity; of course it also laid them open to increased jealousy, as well from inferior teachers, as from the lovers of ignorance generally; such jealousy manifesting itself... by a greater readiness to stamp them with the obnoxious title of Sophists), Платонъ изъялъ это слово изъ общаго употребленія, чтобы закрѣпить за платными учителями (ibid. p. 155: Plato... stole the name out of general circulation in order to fasten it spacially upon his opponents the paid teachers, ср. также всю выписку изъ Грота на стр. 4 и 5).

2) Софисты не имѣли никакихъ общихъ стремленій (tendencies, ibid. p. 175), но въ тоже время всѣ ставили одну и туже цѣль—подготовлять молодыхъ людей къ дѣятельной жизни по правиламъ ходячей нравственности (ibid. p. 158—159 и др.); у софистовъ была общая профессія, но они не были классомъ (см. выше, стр. 5; ср. также Grote, Plato, I, 544; II, 115, 463; III, 163, 533); впрочемъ на стр. 204 History of Greece Гротъ соглашается, что софисты были «профессіей или классомъ».

3) Взглядъ софиста Пола на жизнь тиранна какъ на самую счастливую былъ взглядомъ всѣхъ аѳинянъ (History of Greece, p. 188: Polus... mantains no arguments which justify the charge of immorality against himself or his fellow-teachers. He defends the tastes and sentiments common to every man in Greece, and shared even by the most estimable Athenians—Periclês, Nikias and Aristocratês—въ этомъ Гротъ вполнѣ согласенъ съ Платономъ (Gorg., 472, A; ср. также ibid. 511, B); тѣмъ не менѣе софисты не могли проводить деспотическихъ воззрѣній, такъ какъ эти воззрѣнія были возмутительны для демократическаго чувства (ibid. 189—196). Они не могли дѣлать этого еще и потому, что ихъ ученіе было въ высшей степени публично (History of Greece, p. 191: We know, that the teaching of the latter (i. e. Sophists) was public in the highest degree; publicity was pleasing as well as profitable to them); но черезъ нѣсколько страницъ мы читаемъ (p. 213), что all teachers (въ противоположность Сократу) either took money for their lessons, or at least, gave them apart from the multitude in a private house or garden, to special pupils with admissions and rejections at their own pleasure.

4) Въ доказательство того, что Аѳины послѣ Пелопоннезской войны стали въ политическомъ и нравственномъ отношеніи лучшими, Гротъ приводитъ слѣдующіе доводы (p. 176—178):

нитый защитникъ, и что быть можетъ, защищая ихъ, онъ руководствовался не однимъ только чувствомъ справедливости, но и другими

a) Во всей аѳинской исторіи нельзя найти дѣйствій, которыя бы въ такой мѣрѣ свидѣтельствовали о добродѣтели и разсудительности всего народа, какъ дѣйствія аѳинянъ послѣ Четырехсотъ и Тридцати: современники Мильтіада *едва* ли (nor do I believe) могли проявить такой героизмъ; *сомнительно*, чтобы они могли быть такими самоотверженными въ храненіи и тратѣ общественныхъ денегъ, какъ аѳиняне во время и послѣ Пелопонезской войны.

b) Если аѳиняне временъ Мильтіада не совершали такихъ жестокостей (въ родѣ напр. избіенія Мелосцевъ), какъ аѳиняне временъ Пелопоннезской войны, то это объясняется не высшимъ принципомъ гуманности на сторонѣ первыхъ, но просто тѣмъ, что не представлялось случая къ подобнымъ искушеніямъ.

c) Если бы судъ надъ побѣдителями при Аргинузскихъ островахъ происходилъ въ 490 г., то приговоръ былъ бы вынесенъ гораздо скорѣе и безцеремоннѣе, чѣмъ какъ это было въ 406 г., такъ какъ въ тотъ ранній періодъ не существовало ни псефизмы Каннона, ни γραφὴ παρανόμων, ни опредѣленнаго песочными часами времени для защиты подсудимыхъ и т. д.

d) Наконецъ, больше всего свидѣтельствуетъ о строгой и хорошей нравственности (strict and decorous morality) аѳинянъ во время Пелопоннезской войны ихъ чрезмѣрное уваженіе къ благочестивому Никію, которое повело къ катастрофѣ Сицилійской экспедиціи.

Если подъ доказательствомъ подразумѣвать то умственное дѣйствіе, посредствомъ котораго мы утверждаемъ достовѣрность менѣе извѣстнаго на основаніи болѣе извѣстнаго, то очевидно, что первые три довода, какъ предположительные и сомнительные, не имѣютъ никакой логической цѣны. Упоминаніе о псефизмѣ Каннона служитъ не къ подтвержденію, а къ опроверженію мнѣнія Грота: полководцевъ судили не каждаго порознь, какъ слѣдовало бы согласно съ этой псефизмой, а всѣхъ вмѣстѣ, вопреки ей, т. е. противозаконно (Xen. Histor. Graeca, I, 7, 20, 34; Memorab. I, 1, 18). Послѣдній доводъ не имѣетъ значенія потому, что противорѣчитъ исторической истинѣ. Предпринимая Сицилійскую экспедицію, аѳиняне послушались не «благочестиваго» Никія, который ее горячо отсовѣтывалъ, но «безбожнаго» Алкивіада (См. Thuc. VI, 8 сл.; Grote, History of Greece, VI, p. 418 sq.). Неудачно кончилась экспедиція дѣйствительно отчасти по винѣ Никія; но эта вина состояла въ его малодушіи и малоспособности, а не въ благочестіи. Если Гротъ, говоря о благочестіи Никія, намекаетъ на то, что онъ въ роковую ночь 27 августа 413 г. отложилъ отплытіе изъ-за религіозныхъ соображеній, вызванныхъ случившимся въ эту ночь луннымъ затменіемъ, то всякій, кто прочтетъ объ этомъ обстоятельствѣ и объ ему предшествовавшихъ у Ѳукидида и даже у самого Грота (Thuc. VII, 47, слѣд.; Grote, History of Greece, VII, 148 sq.), убѣдится, что желаніе остаться вслѣдствіе этого затменія было общимъ и что религіозныя соображенія только утвердили Никія уже въ предпринятомъ рѣшеніи. Едва ли нужно говорить, что и первый доводъ не согласенъ со свидѣтельствомъ исторіи.

5) Свидѣтельства Платона заслуживаютъ довѣрія въ тѣхъ случаяхъ, когда оправдываютъ взгляды Грота (напр. свидѣтельства о великой славѣ софистовъ, о томъ, что они примѣнялись къ ходячимъ воззрѣніямъ, отличались одинъ отъ другаго различными особенностями и т. д.), но оказываются недостовѣрными, какъ скоро противорѣчатъ этимъ взглядамъ (напр. въ томъ, что Платонъ разсказываетъ о Ѳразимахѣ, Евѳидемѣ и Діонисодорѣ).

посторонними побужденіями. Эти побужденія угадать не трудно: стоить только обратить вниманіе на то, съ какимъ сочувствіемъ онъ относится къ утилитаризму вообще [1]) и къ утилитарному направленію софистовъ въ особенности [2]), съ какимъ увлеченіемъ говоритъ о дѣятельности и ученіи Протагора [3]), съ какой, наконецъ, горячностью отстаиваетъ свободу всякаго мнѣнія [4]), чтобы убѣдиться, какъ ему трудно было признать нравственно презрѣннымъ или ничтожнымъ какое бы то ни было философское направленіе, а тѣмъ болѣе то, которое раздѣляетъ онъ самъ. Изъ того, что Гротъ старался оправдать софистовъ съ извѣстной философской точки зрѣнія, не слѣдуетъ, конечно, что эта послѣдняя не вѣрна и что прежнее мнѣніе о софистахъ правильно; но Гротъ и съ вѣрной точки зрѣнія могъ смотрѣть на дѣло узко и односторонне и крайности стараго мнѣнія могъ замѣнить другими, противоположными. Истина о софистахъ лежитъ въ серединѣ между крайностями этихъ двухъ мнѣній. Софисты были въ Греціи и до V вѣка, но эти древніе софисты были совершенно отличны отъ тѣхъ, которые появились со второй половины этого вѣка; Сократъ былъ софистомъ въ древнемъ смыслѣ этого слова, но не былъ софистомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ назывались софистами Протагоръ, Горгій и другіе; софисты V и IV вѣковъ не составляли школы или секты, но были разрядомъ или классомъ; каждый изъ нихъ имѣлъ нѣкоторыя особенности, но всѣ они слѣдовали одному и тому же направленію, извѣстному подъ именемъ софистики; у нихъ были нѣкоторыя хорошія стороны, но были и крупные недостатки; не они внесли ядъ растлѣнія въ аѳинскую жизнь, но этотъ ядъ въ аѳинской жизни V и IV вѣковъ существовалъ и они (вмѣстѣ съ другими) повинны въ его распространеніи; Платонъ былъ косвеннымъ виновникомъ ихъ дурной славы (такъ какъ мы знаемъ о нихъ преимущественно изъ его сочиненій), но не былъ ихъ отъявленнымъ врагомъ, не клеймилъ ихъ позорнымъ именемъ, не клеветалъ и не лжесвидѣтельствовалъ на нихъ. Все это надѣюсь я доказать въ предстоящемъ изслѣдованіи, цѣль котораго самостоятельнымъ изученіемъ источниковъ и безпристрастною оцѣнкою чужихъ мнѣній способствовать рѣшенію труднаго и сложнаго вопроса о софистахъ.

---

[1]) Подробно развиваетъ Гротъ свой этическій взглядъ въ анализѣ діалога «Протагоръ» (Plato, II, p. 81—82).

[2]) Доказательствомъ служитъ вся глава LXVII его «History of Greece» и всѣ тѣ мѣста «Plato», въ которыхъ онъ говоритъ о софистахъ.

[3]) Ср. изложеніе діалоговъ «Протагоръ» и «Ѳеэтетъ» (Grote, Plato, II, p. 45, sq.; 325, sq.).

[4]) Ср. превосходныя замѣчанія Грота о положеніи самостоятельнаго мыслителя въ обществѣ. Plato, I, p. 250—265; II, p. 140—145.

II.

История слова софистъ.—Значеніе его у древнѣйшихъ историковъ, поэтовъ, философовъ.—Враждебная ассоціація, связанная съ нимъ, и причины этой ассоціаціи.—Колебанія въ употребленіи этого слова.—Софисты какъ учители различныхъ искусствъ.—Отношеніе современниковъ къ этимъ учителямъ.—Исторія словъ близко родственныхъ со словомъ софистъ.—Отзывы о софистахъ—Сократа, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Исократа, Анита, Калликла.—Выводы.

Въ настоящее время подъ словомъ софистъ обыкновенно подразумѣваютъ обманщика, прибѣгающаго къ различнаго рода уловкамъ, чтобы доказать завѣдомо ложную мысль. Но первоначально слово это значило тоже, что мудрецъ [1]), и было почетнымъ наименованіемъ [2]) людей съ выдающимися способностями, познаніями, навыками, сноровками — служило для обозначенія законодателей, поэтовъ, философовъ, музыкантовъ, врачей и т. д. Такъ, Геродотъ называетъ софистами знаменитаго законодателя Солона [3]), философа Пиѳагора [4]), вѣщателя Мелампа [5]). Современникъ Геродота, философъ Діогенъ изъ Аполлоніи, этимъ именемъ обозначалъ всѣхъ вообще философовъ, занимающихся изслѣдованіемъ природы [6]). Пиндаръ и комикъ Кра-

---

[1]) Diog. Laert., Prooem. 12: οἱ σοφοὶ καὶ σοφισταὶ ἐκαλοῦντο.

[2]) Themist. XXIII, 286. (См. ниже, стр. 13, пр. 2). Ср. также Isocr. De Permutat., 318: οὔκουν ἐπί γε τῶν προγόνων οὕτως εἶχεν, ἀλλὰ τοὺς μὲν καλουμένους σοφιστὰς ἐθαύμαζον καὶ τοὺς συνόντας αὐτοῖς ἐζήλουν.

[3]) Herod. I, 29: ἀπικνέονται ἐς Σάρδις ἀκμάζουσαι πλούτῳ ἄλλοι τε οἱ πάντες ἐκ τῆς Ἑλλάδος σοφισταί... καὶ δὴ καὶ Σόλων ἀνὴρ Ἀθηναῖος.

[4]) Ibid. IV, 95: τὸν Σάλμοξιν... οἷα Ἕλλησί τε ὁμιλήσαντα καὶ Ἑλλήνων οὐ τῷ ἀσθενεστάτῳ σοφιστῇ Πυθαγόρᾳ.

[5]) Ibid. II, 49: Ἕλλησι γὰρ δὴ Μελάμπους ἐστὶ ὁ ἐξηγησάμενος τοῦ Διονύσου τό τε οὔνομα καὶ τὴν θυσίην... ἀτρεκέως μὲν οὐ πάντα συλλαβὼν τὸν λόγον ἔφηνε, ἀλλ' οἱ ἐπιγενόμενοι τούτῳ σοφισταὶ μεζόνως ἐξέφηναν... ἐγὼ μέν νυν φημὶ Μελάμποδα γενόμενον ἄνδρα σοφόν... Изъ этихъ словъ Геродота нельзя не видѣть, что онъ не различалъ σοφιστής отъ σοφός.

[6]) Simplic. in Phys, 32, v, 35: ἰστέον ὡς γέγραπται πλείονα τῷ Διογένει τούτῳ συγγράμματα, ὡς αὐτὸς ἐν τῷ Περὶ φύσεως ἐμνήσθη, καὶ πρὸς φυσιολόγους ἀντειρηκέναι λέγων οὓς καλεῖ καὶ αὐτὸς σοφιστάς. Ср. Tim. Phl. ap. Diog. Laert. IX, 112 (fr. 1 M.) и Pollux Onom. IX, 42: законъ противъ τῶν φιλοσοφούντων или τῶν σοφιστῶν.

тинъ называютъ софистами поэтовъ [1]), Эсхилъ — музыкантовъ [2]), Софоклъ — изобрѣтательныхъ людей [3]). Но уже весьма рано съ этимъ словомъ сталъ соединяться непріязненный смыслъ — вслѣдствіе того, что высокоразвитыя умственныя качества, напр. проницательность, смѣтливость, изворотливость, ловкость и т. д. весьма часто граничатъ съ хитростью (или скрытымъ примѣненіемъ ума для достиженія своекорыстныхъ цѣлей) [4]); вслѣдствіе зависти, которая неизмѣнно ползетъ за сильнымъ [5]), вслѣдствіе нерасположенія толпы ко всякому самостоятельному проявленію мысли [6]), однимъ словомъ, вслѣдствіе естественнаго опасенія людей слабаго ума передъ людьми сильнаго ума [7]). Изъ дошедшихъ до насъ писателей слово софистъ во враждебномъ смыслѣ встрѣчается впервые у Эсхила въ „Скованномъ Прометеѣ“ — въ значеніи измудрившагося человѣка, хитреца [8]). Въ такомъ же при-

---

[1]) Pind. Isthm. IV, 34, слѣд.: μελέταν δὲ σοφισταῖς... πρόσβαλον... Οἰνεῖδαι κρατεροί, гдѣ подъ σοφισταί очевидно подразумѣваются поэты. Clem. Alex. I, 280 (Meineke, Fragmenta Comicorum graecorum, Berol. 1839, II, 2, p. 16): Κρατῖνος γοῦν ἐν τοῖς Ἀρχιλόχοις ποιητὰς καταλέξας ἔφη·

οἷον σοφιστῶν σμῆνος ἀνεδιφήσετε.

Ср. также собранныя Мейнеке въ поясненіе къ этому стиху параллельныя мѣста.

[2]) Athen. XIV, c. 32, 632, C (fr. 320D.): καὶ πάντας τοὺς χρωμένους τῇ τέχνῃ ταύτῃ (μουσικῇ) σοφιστὰς ἀπεκάλουν, ὥσπερ καὶ Αἰσχύλος ἐποίησεν·

εὖτ’ οὖν σοφιστὴς καλὰ παραπαίων χέλυν.

Ср. также Hesych. s. v. σοφιστής· σοφιστὰς ἔλεγον τοὺς περὶ μουσικὴν διατρίβοντας καὶ τοὺς μετὰ κιθάρας ᾄδοντας и Meineke, l. c.

[3]) Soph. ap. Stob. Flor. III, 8 (fr. 88D):

ψυχὴ γὰρ εὔνους καὶ φρονοῦσα τοὔνδικον
κρείσσων σοφιστοῦ παντός ἐστι εὑρέτις.

[4]) См. гл. V; см. также прим. 8 и на слѣд. стр. пр. 1.

[5]) Soph. Aj. 157. Ср. Plato, Euthyd. 3, D и на слѣд. страницѣ прим. 2.

[6]) Eurip. Medea, 299—302:

σκαιοῖσι μὲν γὰρ καινὰ προσφέρων σοφὰ
δόξεις ἀχρεῖος κοὐ σοφὸς πεφυκέναι·
τῶν δ’ αὖ δοκούντων εἰδέναι τι ποικίλον
κρείσσων νομισθεὶς λυπρὸς ἐν πόλει φανεῖ.

Ср. Pind. Pyth. III, 29—33.

[7]) Ср. Eurip. fr. 262 (D):

ἀεὶ γὰρ ἄνδρα σκαιὸν ἰσχυρὸν φύσει
ἧσσον δέδοικα τἀσθενοῦς τε καὶ σοφοῦ.

[8]) Aesch. Prometh. Desm. 61—62. Гермесъ обращается къ Силѣ съ просьбой —

καὶ τήνδε (τὴν χεῖρα) νῦν πόρπασον ἀσφαλῶς, ἵνα
μάθῃ σοφιστὴς ὢν Διὸς νωθέστερος,

гдѣ σοφιστής очевидно значитъ хитрецъ (въ презрительномъ смыслѣ). Еще яснѣе враждебный смыслъ этого слова въ ст. 946 сл. той же трагедіи. Гермесъ говоритъ Прометею:

σὲ τὸν σοφιστὴν τὸν πικρῶς ὑπέρπικρον,
τὸν ἐξαμαρτόντ’ εἰς θεοὺς ἐφημέροις
πορόντα τιμάς, τὸν πυρὸς κλέπτην λέγω.

близительно значеніи употребляетъ это слово и Еврипидъ [1]). Навсегда укрѣпился за словомъ софистъ враждебный смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ оно стало ходячимъ для обозначенія различныхъ учителей, въ особенности же послѣ того, какъ, по примѣру Протагора, его присвоили себѣ учители добродѣтели [2]). Уже въ исторіи Θукидида замѣтны слѣды враждебнаго отношенія къ этимъ послѣднимъ [3]); еще замѣтнѣе оно въ Аристофановыхъ „Облакахъ", гдѣ софистъ, на ряду съ значеніемъ хитреца, имѣетъ также и то, которое связывается въ настоящее время съ этимъ словомъ [4]). Со второй половины V вѣка до

---

[1]) Eurip. Hippol. 934—935:

δεινὸν σοφιστὴν (хитреца) εἶπες, ὅστις εὖ φρονεῖν
τοὺς μὴ φρονοῦντας δυνατός ἐστ' ἀναγκάσαι.

Срав. также Rhes. 927—928, гдѣ σοφιστής употреблено въ дурномъ смыслѣ:

δεινῷ σοφιστῇ Θρῃκί, κἀτυφλώσαμεν
Θάμυριν, ὃς ἡμῶν πόλλ' ἐδέννασεν τέχνην

и Heraclid. 996: πολλῶν σοφιστὴς πημάτων ἐγιγνόμην (=измышлялъ разнообразныя муки). Въ извѣстномъ фрагментѣ (897D.):

μισῶ σοφιστήν, ὅστις οὐχ αὑτῷ σοφός

слово σοφιστής употреблено въ значеніи «мудреца» съ презрительнымъ оттѣнкомъ.

[2]) Plato, Protag. 316, D, Пратагоръ говоритъ: ἐγὼ δὲ τὴν σοφιστικὴν τέχνην φημὶ μὲν εἶναι παλαιάν, τοὺς δὲ μεταχειριζομένους αὐτὴν τῶν παλαιῶν ἀνδρῶν φοβουμένους τὸ ἐπαχθὲς αὐτῆς πρόσχημα ποιεῖσθαι καὶ προκαλύπτεσθαι τοὺς μὲν ποίησιν, οἷον Ὅμηρόν τε καὶ Ἡσίοδον καὶ Σιμωνίδην, τοὺς δ' αὖ τελετάς τε καὶ χρησμῳδίας, τοὺς ἀμφί τ' Ὀρφέα καὶ Μουσαῖον, ἐνίους δέ τινας ᾔσθημαι καὶ γυμναστικήν, οἷον Ἴκκος θ' ὁ Ταραντῖνος καὶ ὁ νῦν ἔτι ὢν οὐδενὸς ἥττων σοφιστὴς Ἡρόδικος ὁ Σηλυβριανός, τὸ δ' ἀρχαῖον Μεγαρεύς. μουσικὴν δ' Ἀγαθοκλῆς θ' ὁ ὑμέτερος πρόσχημα ἐποιήσατο, μέγας ὢν σοφιστής, καὶ Πυθοκλείδης ὁ Κεῖος καὶ ἄλλοι πολλοί. οὗτοι πάντες, ὥσπερ λέγω, φοβηθέντες τὸν φθόνον ταῖς τέχναις ταύταις παραπετάσμασιν ἐχρήσαντο. Themist. XXIII, 286: ὅτι πάλαι τοὔνομα τοῦτο ὁ σοφιστὴς σεμνόν τε ἦν καὶ ἐπ' ἀξιώσει καὶ ὅτι Σόλωνα σοφιστὴν ὠνόμαζον οἱ τότε ἄνθρωποι καὶ Πυθαγόραν, ἀπειροκάλου ἂν εἴη κωμῳδοποιῶν ὑμᾶς ὑπομιμνήσκειν καὶ ξυγγραφέων... ἀλλὰ τοῦ ὀνόματος ὥσπερ νομίσματος μετέπεσεν ἡ δύναμις κατὰ τοὺς ὕστερον χρόνους, ἐξ οὗ Πρωταγόρας τε αὐτοῦ ἠμφισβήτει καὶ Πρόδικος καὶ Γοργίας, οἳ ὥσπερ ἄλλο τι τῶν ὠνίων χρημάτων ἐκέρυττον τὴν σοφίαν καὶ ἐπράττοντο πολὺ ἀργύριον τοὺς προσφοιτῶντας. Изъ этихъ свидѣтельствъ очевидно, во первыхъ, что слово софистъ еще во времена Протагора употреблялось широко и неопредѣленно для обозначенія всѣхъ вообще мудрыхъ людей; во вторыхъ, что имъ назывались преимущественно тѣ изъ нихъ, которые имѣли то или другое отношеніе къ воспитательной дѣятельности (поэмы Гомера и Гезіода и стихотворенія Симонида заучивались въ школахъ); въ третьихъ, что уже современники Протагора относились къ этимъ воспитателямъ враждебно, и въ четвертыхъ, что главными виновниками дурной славы софистовъ были сами софисты.

[3]) Thuc. III, 38. Клеонъ презрительно говоритъ аѳинянамъ: ἁπλῶς τε ἀκοῆς ἡδονῇ ἡσσώμενοι καὶ σοφιστῶν θεαταῖς ἐοικότες καθημένοις μᾶλλον ἢ περὶ πόλεως βουλευσαμένοις.

[4]) Въ ст. 331 — 333 «Облаковъ», на замѣчаніе Стрепсіада, что облака по его мнѣнію не что иное, какъ туманъ, роса и дымъ — Сократъ возражаетъ: О нѣтъ, кля-

Р. Х. это послѣднее значеніе становится преобладающимъ, но не утрачивается окончательно и исконное. Ксенофонтъ, извѣстный своимъ рѣзкимъ приговоромъ противъ софистовъ [1]), называетъ этимъ именемъ безъ всякой непріязни всѣхъ вообще мудрыхъ людей и въ особенности философовъ, занимающихся изслѣдованіемъ небесныхъ явленій [2]), а въ „Киропэдіи“, очевидно намекая на судьбу Сократа, приводитъ трогательный разсказъ о томъ, какъ былъ невинно умерщвленъ по

нусь Зевсомъ, будь увѣренъ, что они питаютъ множество софистовъ — вѣщателей изъ Ѳурій, врачей, бездѣльниковъ съ длинными волосами, съ отпущенными ногтями и кольцами на рукахъ, загибателей хороводовъ съ пѣснями, вралей о воздушномъ:

οὐ γάρ, μὰ Δί', ἀλλ' ἴσθ' ὅτι πλείστους αὗται βόσκουσι σοφιστάς
Θουριομάντεις, ἰατροτέχνας, σφραγιδονυχαργοκομήτας,
κυκλίων τε χορῶν ᾀσματοκάμπτας, ἄνδρας μετεωροφένακας.

Въ стихѣ 359 сл. той же комедіи Аристофанъ смѣется надъ Сократомъ и Продикомъ, какъ надъ μετεωροσοφισταί. Въ стихѣ 1095 Сократъ говоритъ Стрепсіаду про его сына Фидиппида: ἀμέλει, κόμιεῖ τοῦτον σοφιστὴν δεξιόν, т.-е. будь покоенъ, ты получишь его ловкимъ софистомъ. На это Фидиппидъ возражаетъ: ὠχρὸν μὲν οὖν, οἶμαί γε, καὶ κακοδαίμονα, т.-е. ужъ конечно блѣднымъ и злополучнымъ. Наконецъ въ пѣснѣ хора (1285—1300) слово софистъ примѣнено къ Стрепсіаду въ смыслѣ человѣка, который пускается на различныя ухищренія, чтобы обмануть своихъ кредиторовъ, а софистическое искусство его сына Фидиппида представлено какъ изворотливость говорить противное справедливости: ὁ γὰρ
γέρων ὅδ' ἐρασθεὶς
ἀποστερῆσαι βούλεται
τὰ χρήμαθ' ἁδανείσατο·
κοὐκ ἔσθ' ὅπως οὐ τήμερον
λήψεταί τι πρᾶγμ' ὃ τοῦ—
τον ποιήσει τὸν σοφιστὴν
ἀνθ' ὧν πανουργεῖν ἤρξατ' ἐξαίφνης κακὸν λαβεῖν τι.
οἶμαι γὰρ αὐτὸν αὐτίχ' εὑρήσειν ὅπερ
πάλαι ποτ' ἐζήτει
εἶναι τὸν υἱὸν δεινόν οἱ
γνώμας ἐναντίας λέγειν
τοῖσιν δικαίοις, ὥστε νικ—
ᾶν ἅπαντας οἷσπερ ἂν
ξυγγένηται κἂν λέγῃ παμπόνηρα.

[1]) См. ниже, отзывъ Ксенофонта.

[2]) Говоря (Memor. IV, 2, 1) о нѣкоемъ Евѳидемѣ, собравшемъ множество книгъ различнаго содержанія, Ксенофонтъ называетъ ихъ γράμματα πολλά... ποιητῶν τε καὶ σοφιστῶν τῶν εὐδοκιμωτάτων. Въ этомъ мѣстѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Гротъ (History of Greece, VIII, p. 152), слово σοφιστῶν употреблено въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ въ Mem. I, 6, 14 слово σοφῶν: τοὺς θησαυροὺς τῶν πάλαι σοφῶν ἀνδρῶν, οὓς ἐκεῖνοι κατέλιπον ἐν βιβλίοις γράψαντες. Въ другомъ мѣстѣ Mem. I, 1, 11 Ксенофонтъ называетъ софистами философовъ, занимающихся изслѣдованіемъ небесныхъ явленій. Сократъ—говоритъ въ этомъ мѣстѣ Ксенофонтъ—не занимался изслѣдованіемъ того, ὅπως ὁ καλούμενος ὑπὸ τῶν σοφιστῶν κόσμος ἔχει.

навѣту въ развращеніи юноши благородный и честный мудрецъ—софистъ [1]). У Платона, это слово встрѣчается для обозначенія „великаго благодѣтеля“ бога Плутона, искуснаго художника, геометровъ [2]). Исократъ, быть можетъ самый ревностный противникъ исторически извѣстныхъ софистовъ [3]), находитъ тѣмъ не менѣе подходящимъ назвать софистами Солона и другихъ шесть мудрецовъ, учителя музыки Дамона, философа Анаксагора [4]) и наконецъ самого себя [5]). Точто так-

---

[1]) Xenoph. Cyrop. III, 1, 14—38.

[2]) Plato, Cratyl. 403, E: ὁ θεὸς οὗτος (Ἅιδης, Πλούτων) τέλεος σοφιστής τε καὶ μέγας εὐεργέτης. De Rep. 566, D. Meno 85, B: καλοῦσί γε ταύτην διάμετρον σοφισταί.

[3]) См. ниже, отзывъ Исократа.

[4]) Isocr. De Permut. 235—236: ὥστε Σόλων μὲν τῶν ἑπτὰ σοφιστῶν ἐκλήθη καὶ ταύτην ἔσχε τὴν ἐπωνυμίαν τὴν νῦν ἀτιμαζομένην καὶ κρινομένην παρ' ὑμῖν, Περικλῆς δὲ δυοῖν ἐγένετο μαθητής, Ἀναξαγόρου τε τοῦ Κλαζομενίου καὶ Δάμωνος τοῦ κατ' ἐκεῖνον τὸν χρόνον φρονιμωτάτου δόξαντος εἶναι τῶν πολιτῶν. О Солонѣ ср. ibid. 313; объ Анаксагорѣ—Diod. XII, 39: Ἀναξαγόραν τὸν σοφιστήν, διδάσκαλον ὄντα Περικλέους и Ath. V, c. 62, p. 220, B; о Дамонѣ—Plutarch., Pericles, IV, гдѣ однако Плутархъ употребляетъ о Дамонѣ слово σοφιστής во враждебномъ смыслѣ: ὁ δὲ Δάμων ἔοικεν, ἄκρος ὢν σοφιστής, καταδύεσθαι μὲν εἰς τὸ τῆς μουσικῆς ὄνομα, πρὸς τοὺς πολλοὺς ἐπικρυπτόμενος τὴν δεινότητα. Въ той же рѣчи (268—269) Исократъ говоритъ о τερατολογίαι παλαιῶν σοφιστῶν Емпедокла, Іона, Алкмеона, Парменида, Мелисса, которыхъ онъ ставитъ на ряду съ Горгіемъ: τοὺς λόγους τοὺς τῶν παλαιῶν σοφιστῶν, ὧν ὁ μὲν ἄπειρον τὸ πλῆθος ἔφησεν εἶναι τῶν ὄντων, Ἐμπεδοκλῆς δὲ τέτταρα καὶ νεῖκος καὶ φιλίαν ἐν αὐτοῖς, Ἴων δ' οὐ πλείω τριῶν, Ἀλκμέων δὲ δύο μόνα, Παρμενίδης δὲ καὶ Μέλισσος ἕν, Γοργίας δὲ παντελῶς οὐδέν· ἡγοῦμαι γὰρ τὰς μὲν τοιαύτας τερατολογίας ὁμοίας εἶναι ταῖς θαυματοποιίαις ταῖς οὐδὲν μὲν ὠφελούσαις, ὑπὸ δὲ τῶν ἀνοήτων περιστάτοις γιγνομέναις и т. д. Ср. также ibid. 285: τὰς δὲ τῶν παλαιῶν σοφιστῶν τερατολογίας ἀγαπῶντας φιλοσοφεῖν φασιν и Helene 2, слѣд.: νῦν δὲ τίς ἐστιν οὕτως ὀψιμαθής, ὅστις οὐκ οἶδε Πρωταγόραν καὶ τοὺς κατ' ἐκεῖνον τὸν χρόνον γενομένους σοφιστάς, ὅτι καὶ τοιαῦτα καὶ πολὺ τούτων πραγματωδέστερα συγγράμματα κατέλιπον ἡμῖν; πῶς γὰρ ἄν τις ὑπερβάλοιτο Γοργίαν τὸν τολμήσαντα λέγειν, ὡς οὐδὲν τῶν ὄντων ἔστιν, ἢ Ζήνωνα τὸν ταὐτὰ δυνατὰ καὶ πάλιν ἀδύνατα πειρώμενον ἀποφαίνειν, ἢ Μέλισσον, ὃς ἀπείρων τὸ πλῆθος πεφυκότων τῶν πραγμάτων ὡς ἑνὸς ὄντος τοῦ παντὸς ἐπεχείρησεν ἀποδείξεις εὑρίσκειν. Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ ясно колебаніе слова σοφιστής между почетнымъ и презрительнымъ названіемъ.

[5]) Isocr. De Permut. 215—220: Παυσάμενος οὖν τούτων ἐπ' ἐκείνους τρέψομαι τοὺς οὐ καταφρονοῦντας μὲν τῆς φιλοσοφίας, πολὺ δὲ πικρότερον κατηγοροῦντας αὐτῆς, καὶ μεταφέροντας τὰς πονηρίας τὰς τῶν φασκόντων μὲν εἶναι σοφιστῶν, ἄλλο δέ τι πραττόντων ἐπὶ τοὺς οὐδὲν τῶν αὐτῶν ἐκείνοις ἐπιτηδεύοντας. ἐγὼ δ' οὐχ ὑπὲρ ἁπάντων τῶν προσποιουμένων δύνασθαι παιδεύειν ποιοῦμαι τοὺς λόγους, ἀλλ' ὑπὲρ τῶν δικαίως τὴν δόξαν ταύτην ἐχόντων... Πρῶτον μὲν οὖν ὁρίσασθαι δεῖ, τίνων ὀρεγόμενοι καὶ τίνος τυχεῖν βουλόμενοι τολμῶσί τινες ἀδικεῖν; ἢν γὰρ ταῦτα καλῶς περιλάβωμεν, ἄμεινον γνώσεσθε τὰς αἰτίας τὰς καθ' ἡμῶν (=τῶν σοφιστῶν) λεγομένας, εἴτ' ἀληθεῖς εἰσιν εἴτε ψευδεῖς· ἐγὼ μὲν οὖν ἡδονῆς ἢ κέρδους ἢ τιμῆς ἕνεκα φημὶ πάντας πάντα πράττειν· ἔξω γὰρ τούτων οὐδεμίαν ἐπιθυμίαν ὁρῶ τοῖς ἀνθρώποις ἐγγιγνομένην. εἰ δὴ ταῦθ' οὕτως ἔχει, λοιπόν ἐστι σκέψασθαι, τί τούτων ἂν ἡμῖν (=τοῖς σοφισταῖς) γίγνοιτο

же и Аристотель называетъ этимъ именемъ семь мудрецовъ [1]). Тому же словоупотребленію слѣдуютъ и другіе писатели [2]). Употреблялось иногда безъ враждебнаго оттѣнка слово софистъ и въ новомъ значеніи [3]), но вообще къ концу V вѣка это наименованіе стало позорнымъ [4]) и сопоставлялось со словами: болтунъ [5]), фокусникъ,

---

διαφθείρουσι τοὺς νεωτέρους.... οἶμαι, γὰρ δήπου τοῦτό γε πάντας γιγνώσκειν, ὅτι σοφιστῇ μισθὸς κάλλιστός ἐστι καὶ μέγιστος ἦν τῶν μαθητῶν τινες καλοὶ κἀγαθοὶ καὶ φρόνιμοι γένωνται καὶ παρὰ τοῖς πολίταις εὐδοκιμοῦντες.

[1]) Etymol. Magn., p. 722, 16 (fr. 7, 1475a, 31): ὁ Ἀριστοτέλης σοφιστὰς λέγει τοὺς ἑπτὰ σοφούς.

[2]) Напр. Pseudo-Demosth. Erot., 50: ἐπ' οὐδενὶ μᾶλλον ἐσπούδασεν ἢ τῶν ἑπτὰ σοφιστῶν ὅπως γένηται. Aristid. XLVI, p. 407 (Dind.): Ἀνδροτίων τοὺς ἑπτὰ σοφιστὰς προσείρηκε. Aristarch. ap. Plut. De frat. am. I, 648W.: πάλαι... ἑπτὰ σοφιστάς. Iambl. Vita Pythag. c. 18, 83: ἔστι δὲ αὕτη ἡ αὐτὴ τῇ τῶν ἑπτὰ σοφιστῶν γενομένῃ σοφίᾳ. Euphro (ap. Ath. IX, c. 23, p. 379, E) 11—12:

οὗτοι μετ' ἐκείνους τοὺς σοφιστὰς τοὺς πάλαι
γεγόνασιν ἡμῶν ἑπτὰ δεύτεροι σοφοί.

Подъ οὗτοι Евфронъ подразумѣваетъ, какъ видно изъ словъ предшествующихъ приведеннымъ стихамъ, поваровъ. Точно также въ значеніи поваръ встрѣчается слово σοφιστής у Алексида. Alexis (ap. Ath. IX, c. 23, p. 379, B), 14: εἰς τοὺς σοφιστὰς τὸν μάγειρον ἐγγράφω. Ср. также Pollux, Onom. 6, 7: ὀψοποιητικῆς πραγματείας σοφισταί. Старинное значеніе слова софистъ сохранилось также у Эліана въ выраженіяхъ: ἱππείαν σοφισταί, ἱερῶν μελῶν σοφισταί. (Ael. H. An. 11, 1; 13, 9).

[3]) Plato, Tim. 19, E. См. ниже отзывъ Платона въ «Тимэѣ»; ср. также выше, стр. 15, пр. 1. Аристотель (Metaph. 2, 996a, 32) называетъ софистомъ ученика Сократа Аристиппа несомнѣнно потому, что онъ за свои бесѣды бралъ деньги (Diog. Laert. IV, 66).

[4]) Ср. приведенные ниже отзывы Сократа, Ксенофонта, Платона (въ «Протагорѣ»), Исократа, Анита и Калликла. Ср. также Plato, Phaedr. 257, D: Ἐφαίνετο γάρ, ὦ Σώκρατες, καὶ σύνοισθά τε καὶ αὐτός, ὅτι οἱ μέγιστον δυνάμενοί τε καὶ σεμνότατοι ἐν ταῖς πόλεσιν αἰσχύνονται λόγους τε γράφειν καὶ καταλείπειν συγγράμματα ἑαυτῶν, δόξαν φοβούμενοι τοῦ ἔπειτα χρόνου, μὴ σοφισταὶ καλῶνται. Laches, 197, D: καὶ γὰρ πρέπει ὦ Σώκρατες, σοφιστῇ τὰ τοιαῦτα μᾶλλον κομψεύεσθαι ἢ ἀνδρί, ὃν ἡ πόλις ἀξιοῖ αὐτῆς προϊστάναι. Xenoph. Cyrop. IV, I, 41: νῦν τοῦτο πεφιλοσόφηκα μετὰ τοῦ ἀδίκου σοφιστοῦ τοῦ Ἔρωτος. Sympos. IV, 1: καὶ ἀνάσχου μέντοι, ὦ σοφιστά, ἐλεγχόμενος. Lysias, Olymp. 3: σοφιστῶν ἔργα λίαν ἀχρήστων καὶ σφόδρα βίου δεομένων. Ср. c. Aesch. ap. Ath. XIII, c. 95, p. 612. Demosth. De falsa legatione, 246: λογογράφους τοίνυν καὶ σοφιστὰς ἀποκαλῶν τοὺς ἄλλους, καὶ ὑβρίζειν πειρώμενος, αὐτὸς ἐξελεγχθήσεται τούτοις ὧν ἔνοχος. Ibid. 250: εἶτ' οὐ σὺ σοφιστὴς καὶ πονηρός γε; οὐ σὺ λογογράφος καὶ θεοῖς ἐχθρός; (Pseudo) Demosth. c. Lacrit. 39: οὕτως οὗτοι κακοῦργοι σοφισταὶ καὶ ἄδικοι ἄνθρωποι. Aesch. c. Ctesiph. 16: οὐ προσδέχεσθε κακοῦργον σοφιστὴν οἰόμενον ῥήμασι τοὺς νόμους ἀναιρήσειν.

[5]) Plato, Politic. 299, B: ἀδολέσχην τινὰ σοφιστήν. Eupolis, Meineke, Fragmenta Comicorum graecorum II, 1, p. 553: ἀδολεσχεῖν αὐτὸν ἐκδίδαξον, ὦ σοφιστά.

колдунъ [1]), клеветникъ, воръ [2]). Слова, близкія по происхожденію слову софистъ, имѣли подобную же судьбу [3]).

Мы бы ожидали, что непріязненное отношеніе къ софистамъ вызвано (кромѣ другихъ причинъ) въ извѣстной мѣрѣ ихъ личными дурными качествами. Но мы уже знаемъ взглядъ Грота, что софисты, безъ всякой вины съ ихъ стороны, несутъ наказаніе за клеймо позора, положенное

---

[1]) Plato, Sympos., 204, D: δεινὸς γόης καὶ φαρμακεὺς καὶ σοφιστής. Polit. 291, C: τὸν πάντων τῶν σοφιστῶν μέγιστον γόητα. Ibid. 303, C: μεγίστους δ' ὄντας μιμητὰς καὶ γόητας μεγίστους γίγνεσθαι τῶν σοφιστῶν σοφιστάς. Leges 908, D: σοφιστῶν ἐπικαλουμένων μηχαναί. Demosth. De Corona 276: δεινὸν καὶ γόητα καὶ σοφιστὴν καὶ τὰ τοιαῦτ' ὀνομάζων.

[2]) Aristot., Top. IV, 5, 126a, 31: σοφιστὴν ἢ διάβολον ἢ κλέπτην.

[3]) Σοφιστής происходитъ отъ σοφίζομαι. Ни этотъ глаголъ, ни происходящее также отъ него слово σόφισμα первоначально не имѣли дурнаго значенія. Такъ у Гезіода въ Ἔργα καὶ ἡμέραι ст. 648, 649 читаемъ:

δείξω δή τοι μέτρα πολυφλοίσβοιο θαλάσσης
οὔτε τι ναυτιλίης σεσοφισμένος οὔτε τι νηῶν,

гдѣ σεσοφισμένος очевидно значитъ *свѣдущій*. Пиндаръ въ Olym. 13, 24 говоритъ объ ἀρχαῖα σοφίσματα, подъ которыми онъ, какъ видно изъ слѣдующихъ за этими словами стиховъ, подразумѣваетъ искусство слагать диѳирамбы, укрощать коней, украшать храмы боговъ и т. д. Эсхилъ въ «Скованномъ Прометеѣ» ст. 457 говоритъ объ искусствѣ счета, какъ объ ἔξοχον σοφισμάτων. У Ксенофонта въ Vita Hieronis 1, 23 слово σόφισμα употреблено для обозначенія изысканно приготовленнаго кушанья. Но уже у Геродота слово σοφίζομαι всегда обозначаетъ ухитряться (при чемъ нравственное значеніе хитрости остается неопредѣленнымъ). Ср. напр. Her. I, 80; II, 66; VIII, 27 Ср. также Soph. Phil. 77; Eurip. Bacchae, 200 Aristoph. Equ. 299, 718. Точно также и σόφισμα весьма рано стало обозначать хитрость. Напр. у Эсхила въ «Скованномъ Прометеѣ» ст. 460, 1001. Ср. также Herod. II, 66; III, 85, (гдѣ σόφισμα отождествляется съ σοφία, откуда видно, что и σοφία употреблялось для обозначенія хитрости); Ib. 152; VIII, 27; Thuc. VI, 77; Soph. Philoct. 15; Arist. Nub. 206; Plut. 160; Ran. 17, 871, 1102. У Платона σοφίζομαι постоянно значитъ мудрить, умствовать. Ср. Hipp. Maj. 283, A; Gorg. 497, A; Polit. 299, B; Phaedr. 299, C; De Rep. 509, D. Σόφισμα у Платона всегда означаетъ хитрость, уловка, хитрое измышленіе: Sympos. 214, A; Lach. 183, D; De Rep. 496, A. Значеніе софизма σόφισμα получило у Аристотеля: Top. 162 a, 12—16: Ὅταν δ'ἀπόδειξις ἤ τινὸς ὁ εἰρημένος λόγος, εἴ τί ἐστιν ἄλλο πρὸς τὸ συμπέρασμα μηδαμῶς ἔχον, οὐκ ἔσται περὶ ἐκείνου συλλογισμός· ἂν δὲ φαίνηται, σόφισμα ἔσται, οὐκ ἀπόδειξις. ἔστι δὲ φιλοσόφημα μὲν συλλογισμὸς ἀποδεικτικός, ἐπιχείρημα δὲ συλλογισμὸς διαλεκτικός, σόφισμα δὲ συλλογισμὸς ἐριστικός, ἀπόρημα δὲ συλλογισμὸς διαλεκτικὸς ἀντιφάσεως. Въ другихъ мѣстахъ у Аристотеля σόφισμα значитъ хитрость, уловка. Ср. Polit. 1297 a, 14; 1307 b, 40; 1308 a, 2; 1322 a, 21. Σοφίζομαι Аристотель употребляетъ то въ значеніи строить софизмы, заниматься софистическими тонкостями и т. п. (Soph. Elench. XVII, 776 b, 23; Hist. Animal. 582 a, 35), то въ значеніи хитрить, прибѣгать къ хитрости (напр. Pol. 1267 a, 14; 1319 b, 25). У ораторовъ σόφισμα и σοφίζομαι обыкновенно обозначаютъ первое—увертку, ухищреніе съ цѣлью сдѣлать что-нибудь дурное, второе—хитрить, изощряться ради чего-нибудь безчестнаго. Напр. Dem., 29, 28;35, 2 и др.

на ихъ имя чужими руками — въ особенности руками Платона и Аристотеля [1]). Любопытно поэтому, прежде чѣмъ имѣть дѣло съ самими софистами, ознакомиться съ ними по отзывамъ этихъ двухъ философовъ. Но эти отзывы мы можемъ правильно оцѣнить лишь въ томъ случаѣ, если сопоставимъ ихъ со всѣми другими, намъ извѣстными. Я приведу поэтому мнѣнія людей самыхъ противоположныхъ направленій—философовъ, риторовъ, политиковъ — по возможности ближе придерживаясь подлинника. Эти отзывы важны еще потому, что они дадутъ намъ возможность въ точности опредѣлить, съ кѣмъ собственно изъ большаго числа лицъ, носившихъ имя „софистъ", намъ придется имѣть дѣло.

Первый опредѣленный отзывъ объ исторически извѣстныхъ софистахъ мы слышимъ изъ устъ Сократа.

Однажды (разсказываетъ Ксенофонтъ [2]) софистъ Антифонтъ, разговаривая съ Сократомъ, сказалъ: „Сократъ, я конечно тебя считаю справедливымъ, но мудрымъ нисколько; да, мнѣ кажется, ты и самъ это сознаешь: по крайней мѣрѣ, ты не берешь денегъ за свои бесѣды. И однакоже, ты никому не отдалъ бы, я не говорю уже даромъ, ни одежды, ни дома, ни другаго какого имущества, такъ какъ ты считаешь эти вещи стоющими денегъ, но даже не взялъ бы за нихъ меньше того, чѣмъ сколько онѣ стоютъ. Очевидно, стало-быть, что если бы ты и свою бесѣду считалъ чего-нибудь стоющею, то и за нее сталъ бы брать не меньше, чѣмъ сколько она стоитъ. Быть-можетъ, конечно, ты и справедливъ, такъ какъ не обманываешь изъ жадности, но ты не можешь считаться мудрымъ, такъ какъ не знаешь ничего цѣннаго. Сократъ на это отвѣтилъ: У насъ, Антифонтъ, считается, что красотою и мудростью можно располагать одинаково хорошо и дурно. Такъ, если кто продаетъ свою красоту всякому желающему, то такого человѣка называютъ развратникомъ; а если кто сдѣлаетъ своимъ другомъ того, кого знаетъ за своего хорошаго и честнаго приверженца, то мы такого человѣка считаемъ нравственнымъ. Точно также тѣхъ, которые продаютъ мудрость всякому желающему, называютъ софистами, какъ бы развратниками; напротивъ, кто дѣлаетъ своимъ другомъ человѣка, за которымъ признаетъ хорошія природныя способности, и учитъ его всему хорошему, чѣмъ самъ владѣетъ, тотъ, по нашему мнѣнію, поступаетъ такъ, какъ прилично честному и благородному гражданину".

Въ другомъ мѣстѣ Ксенофонтъ разсказываетъ [3]), что Сократъ

---

[1]) См. выше, стр. 4 и 5.

[2]) Xenoph. Memorab. I, 6, 11—14.

[3]) Ibid. I, 2, 6—8; ср. также ibid. 5, 6.

называлъ продажными душами людей, берущихъ за свои бесѣды плату, такъ какъ эти люди вынуждены разговаривать съ тѣми, кто даетъ имъ деньги, и удивлялся, что объявляя себя учителями добродѣтели, они не только не надѣются пріобрѣсти своими бесѣдами лучшую награду— вѣрныхъ друзей, но даже опасаются, что тѣ, которые станутъ чрезъ нихъ людьми во всѣхъ отношеніяхъ хорошими, не отблагодарятъ ихъ за это величайшее благодѣяніе величайшею благодарностью.

Взглядъ Сократа на мудрость, какъ на нѣчто священное, стоящее выше торговыхъ разсчетовъ, былъ вполнѣ усвоенъ Ксенофонтомъ. Но отзывъ послѣдняго о софистахъ рѣзче, чѣмъ отзывъ Сократа. Сократъ не отрицалъ великихъ дарованій, которыми были награждены отъ природы нѣкоторые изъ софистовъ [1]), цѣнилъ ихъ знанія [2]), охотно называлъ себя ихъ ученикомъ [3]) и отсылалъ къ нимъ тѣхъ изъ своихъ слушателей, для которыхъ его бесѣда могла быть менѣе полезною, чѣмъ бесѣда съ „практическими учителями мудрости" [4]). Ксенофонтъ произносилъ огульный приговоръ надъ всѣми софистами своего времени.

„Относительно такъ называемыхъ софистовъ, говоритъ онъ [5]), мнѣ удивительно то, что большинство изъ нихъ обѣщаются вести юношей къ добродѣтели, а ведутъ къ противоположному; я еще не видалъ ни одного человѣка, котораго бы теперешніе софисты сдѣлали хорошимъ. Да и сочиненій у нихъ нѣтъ, отъ которыхъ люди могли бы сдѣлаться хорошими; но у нихъ много написано о пустякахъ, доставляющихъ юношамъ пустое удовольствіе, а не добродѣтель. Чтеніе этихъ сочиненій служитъ празднымъ препровожденіемъ времени для тѣхъ, которые понапрасну надѣятся поучиться изъ нихъ, мѣшаетъ занятію полезнымъ и научаетъ дурному. Всего больше я укоряю софистовъ за самое главное: за то, что, когда они пишутъ о чемъ нибудь, выраженія у нихъ изысканы, но нигдѣ нѣтъ правильныхъ мнѣній, которыми могли бы воспитываться юноши въ добродѣтели. Я самъ человѣкъ простой, но я полагаю, что всего лучше учиться добру у самой природы, а за тѣмъ—скорѣе у тѣхъ, которые на самомъ дѣлѣ знаютъ что-нибудь хорошее, чѣмъ у тѣхъ, которые занимаются искусствомъ обманывать. Быть-можетъ, я не говорю умудренными сло-

---

[1]) Ср. напр. разговоры Сократа съ Гиппіемъ (Plato, Hipp. Major и Minor). Шуточный тонъ этихъ разговоровъ нельзя принимать за издѣвательство. (См. «Критику источниковъ»).

[2]) Тамъ же. Ср. также Xenoph. Memor. IV, 4, 6 и Conviv. IV, 62.

[3]) Plato Meno, 96, D; Protag. 341, A.

[4]) Plato, Theaet. 151, B.

[5]) Xenoph. Cyneget., XIII, 1—9.

вами, да я этого и не желаю; но я желаю говорить то, о чемъ имѣю истинное знаніе, и то, что нужно для людей правильно воспитанныхъ въ добродѣтели. Вѣдь слова не могутъ воспитать, но мысли, если онѣ правильны. Многіе и другіе укоряютъ теперешнихъ софистовъ, не философовъ—что они мудрость свою полагаютъ въ словахъ, а не въ мысляхъ. Впрочемъ, я не скрываю отъ себя, что для меня писать стройно—дѣло хорошее, такъ какъ иначе софистамъ тотчасъ же представится случай упрекнуть меня въ неправильности; однако же мое сочиненіе написано такъ, чтобы оно было истинно и дѣлало людей не софистическими, но мудрыми и хорошими: я желаю не того, чтобы мои мысли *казались*, но чтобы онѣ *были* полезными и неопровержимыми на вѣчное время. А между тѣмъ софисты говорятъ и пишутъ съ цѣлью обмана ради своихъ собственныхъ выгодъ и никому не приносятъ никакой пользы. Никто изъ нихъ не мудръ и не былъ мудрымъ, но для каждаго изъ нихъ достаточно называться софистомъ, что считается за позоръ у людей благомыслящихъ. И такъ, я совѣтую относиться осторожно къ обѣщаніямъ софистовъ, но не пренебрегать внушеніями философовъ. Софисты гоняются за богатыми и молодыми, а философы всѣмъ одинаково друзья; они не почитаютъ, но и не презираютъ людское счастье".

Платонъ говоритъ о софистахъ во многихъ діалогахъ, но его личное мнѣніе можно всего лучше прослѣдить по пяти діалогамъ: „Протагору", „Горгію", „Государству", „Софисту" и „Тимею".

Въ Протагорѣ Платонъ передаетъ разговоръ Сократа съ Гиппократомъ—молодымъ человѣкомъ, страстно желавшимъ научиться мудрости у Протагора. Разговоръ этотъ любопытенъ какъ потому, что разъясняетъ взглядъ Сократа на софистовъ, такъ и потому, что даетъ нѣкоторыя указанія для опредѣленія слова софистъ.

Желая испытать Гиппократа, разсказываетъ отъ лица Сократа Платонъ [1]), я сказалъ ему: „Еслибы кто-нибудь, видя, что мы такъ рвемся къ Протагору, спросилъ насъ: Скажите мнѣ, Сократъ и Гиппократъ, кѣмъ вы считаете Протагора, которому хотите платить деньги? Чтобы мы отвѣтили? Какимъ другимъ именемъ обыкновенно называютъ Протагора? Про Фидія говорятъ, что онъ ваятель, про Гомера, что онъ поэтъ. Что же мы слышимъ о Протагорѣ?—Его, Сократъ, называютъ софистомъ...—Но если тебя еще спросятъ: Кѣмъ же ты самъ желаешь быть, что идешь къ Протагору?—Гиппократъ покраснѣлъ... и сказалъ: Если судить по сказанному раньше, то очевидно я иду для того, чтобы сдѣлаться софистомъ.—А ты, ради боговъ, не постыдился бы

[1]) Plato, Protag. 311 D—313 E.

среди эллиновъ выступить софистомъ?—Клянусь Зевсомъ, Сократъ, постыдился бы, если нужно сказать то, что я думаю.—Быть-можетъ, впрочемъ, Гиппократъ, ты не такую надѣешься пріобрѣсти науку у Протагора, но въ родѣ тѣхъ, которыя ты усвоилъ отъ грамматика, киѳариста и гимнаста. У нихъ ты учился не съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать изъ своего знанія ремесло, но ради воспитанія, какъ подобаетъ частному свободному человѣку.—Мнѣ всего скорѣе кажется, что именно такая наука у Протагора...—Ты намѣренъ ввѣрить попеченіе о своей душѣ человѣку, котораго называешь софистомъ; а между тѣмъ я бы удивился, еслибы ты зналъ, что такое софистъ. Если же это тебѣ неизвѣстно, то ты не знаешь и того, хорошо или дурно то, чему отдаешь душу.—Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что знаю.—Въ такомъ случаѣ, скажи, что такое, по твоему мнѣнію, софистъ?—Судя по названію, я считаю его знатокомъ мудрыхъ вещей...—Но еслибы насъ спросили: Въ какихъ мудрыхъ вещахъ знатокъ софистъ и въ какомъ искусствѣ наставникъ? Что бы мы отвѣтили?—Мы бы сказали, Сократъ, что онъ наставникъ въ искусствѣ ловко говорить.—Быть-можетъ, мы сказали бы и правду, но все же не вполнѣ удовлетворительно. Отвѣтъ нашъ требуетъ еще вопроса: о какихъ вещахъ софистъ дѣлаетъ ловкими говорить? Игрокъ на киѳарѣ, напримѣръ, дѣлаетъ ловкими говорить о томъ, о чемъ онъ знаетъ... а софистъ о чемъ дѣлаетъ ловкими говорить? Не явно ли, о томъ, что онъ знаетъ.—Надо полагать.—Но что же это такое, въ чемъ софистъ самъ свѣдущъ и дѣлаетъ свѣдущимъ ученика?—Клянусь Зевсомъ, не могу тебѣ сказать.—.... Не есть ли, Гиппократъ, софистъ разнощикъ и продавецъ товаровъ, которыми питается душа? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ кажется такимъ.—Чѣмъ же, Сократъ, питается душа?—Очевидно, что знаніями. Но смотри, мой другъ, какъ бы софистъ, расхваляя то, что продаетъ, не обманулъ насъ, какъ это дѣлаютъ разнощики и продавцы, торгующіе тѣлесной пищей. Вѣдь и эти не знаютъ того, какіе изъ развозимыхъ ими товаровъ хороши и какіе дурны для тѣла, а хвалятъ все, что продаютъ; не знаютъ этого и тѣ, которые у нихъ покупаютъ, за исключеніемъ развѣ гимнаста или врача. Точно также и люди, развозящіе по городамъ знанія, продающіе ихъ всякому желающему и барышничающіе ими, хотя и расхваливаютъ все, что продаютъ, быть-можетъ не всѣ знаютъ, что изъ продаваемаго ими для души хорошо и что дурно; не знаютъ этого и тѣ, которые покупаютъ у нихъ, за исключеніемъ развѣ врача души“.

Въ діалогѣ „Горгій“ Платонъ опредѣляетъ отношеніе между софистами и риторами. Его основная мысль та, что разсчиты-

вать на успѣхъ можетъ только тотъ риторъ, который говоритъ слушателямъ угодное, и при томъ не притворно, но всѣмъ существомъ раздѣляя ихъ мысли, убѣжденія и чувства [1]). Точно тоже слѣдуетъ сказать и о софистахъ, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать риторовъ. Поэтому риторику и софистику Платонъ относитъ къ одному и тому же роду—къ сноровкѣ льстить. Риторы—говоритъ Платонъ—руководствуются не искусствомъ, но безотчетной сноровкой, ставятъ главною цѣлью не пользу, но удовольствіе и лесть [2]). На пользу тѣла и на пользу души существуютъ по два искусства: на пользу тѣла—гимнастика и врачеваніе, на пользу души—законодательство и судебная дѣятельность [3]). Подъ каждое изъ этихъ четырехъ полезныхъ искусствъ поддѣлалось искусство льстивое, заботящееся о пріятномъ, не о полезномъ, и представляющееся неразумію наилучшимъ: подъ гимнастику—искусство прихорашиваться, подъ врачеваніе—искусство поваренное, подъ судебную дѣятельность риторика, подъ законодательство — софистика [4]). Какъ поваренное искусство относится къ врачеванію, такъ риторика—къ судебной дѣятельности, и какъ искусство прихорашиваться—къ гимнастикѣ, такъ софистика—къ законодательству [5]). Впрочемъ, между софистами и ри-

---

[1]) Plato, Gorg. 513 B—C: εἰ δέ σοι οἴει όντινοῦν ἀνθρώπων παραδώσειν τέχνην τινὰ τοιαύτην, ἥτις σε ποιήσει μέγα δύνασθαι ἐν τῇ πόλει τῇδ' ἀνόμοιον ὄντα τῇ πολιτείᾳ εἴτ' ἐπὶ τὸ βέλτιον εἴτ' ἐπὶ τὸ χεῖρον, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, οὐκ ὀρθῶς βουλεύει, ὦ Καλλίκλεις· οὐ γὰρ μιμητὴν δεῖ εἶναι, ἀλλ' αὐτοφυῶς ὅμοιον τούτοις, εἰ μέλλεις τι γνήσιον ἀπεργάζεσθαι εἰς φιλίαν τῷ 'Αθηναίων δήμῳ.... ὅστις οὖν σε τούτοις ὁμοιότατον ἀπεργάσεται, οὗτός σε ποιήσει, ὡς ἐπιθυμεῖς πολιτικὸς εἶναι, πολιτικὸν καὶ ῥητορικόν. τῷ αὐτῶν γὰρ ἤθει λεγομένων τῶν λόγων ἕκαστοι χαίρουσι, τῷ δ' ἀλλοτρίῳ ἄχθονται.

[2]) Ibid.. 462, C: Ἆρ' ἐρωτᾷς ἥντινα τέχνην φημὶ εἶναι.—Ἔγωγε. — Οὐδεμία ἔμοιγε δοκεῖ, ὦ Πῶλε, ὥς γε πρὸς σὲ τἀληθῆ εἰρῆσθαι.—'Αλλὰ τί σοι δοκεῖ ἡ ῥητορικὴ εἶναι;—Πρᾶγμα, ὃ φῂς σὺ ποιῆσαι τέχνην ἐν τῷ συγγράμματι, ὃ ἐγὼ ἔναγχος ἀνέγνων.—Τί τοῦτο λέγεις;—'Εμπειρίαν ἔγωγέ τινα.—'Εμπειρία ἄρα σοι δοκεῖ ἡ ῥητορικὴ εἶναι.—Ἔμοιγε, εἰ μή τι σὺ ἄλλο λέγεις.—Τίνος ἐμπειρία;—Χάριτός τινος καὶ ἡδονῆς ἀπεργασίας. Ibid. 463, B: Δοκεῖ τοίνυν μοι, ὦ Γοργία, εἶναί τι ἐπιτήδευμα τεχνικὸν μὲν οὔ, ψυχῆς δὲ στοχαστικῆς καὶ ἀνδρείας καὶ φύσει δεινῆς προσομιλεῖν τοῖς ἀνθρώποις· καλῶ δ'αὐτοῦ ἐγὼ τὸ κεφάλαιον κολακείαν. ταύτης μοι δοκεῖ τῆς ἐπιτηδεύσεως πολλὰ μὲν καὶ ἄλλα μόρια εἶναι, ἓν δὲ καὶ ἡ ὀψοποιϊκή· ὃ δοκεῖ μὲν εἶναι τέχνη, ὡς δ' ὁ ἐμὸς λόγος, οὐκ ἔστι τέχνη, ἀλλ' ἐμπειρία καὶ τριβή. ταύτης μόριον καὶ τὴν ῥητορικὴν ἐγὼ καλῶ καὶ τήν γε κομμωτικὴν καὶ τὴν σοφιστικήν, τέτταρα ταῦτα μόρια ἐπὶ τέτταρσι πράγμασιν.

[3]) Ibid. 464 B.

[4]) Ibid. 464 C—465 B.

[5]) Ibid. 465, C: ὅτι ὃ κομμωτικὴ πρὸς γυμναστικήν, τοῦτο σοφιστικὴ πρὸς νομοθετικήν, καὶ ὅτι ὃ ὀψοποιϊκὴ πρὸς ἰατρικήν, τοῦτο ῥητορικὴ πρὸς δικαστικήν. Подъ νομοθετική Платонъ подразумѣваетъ въ данномъ случаѣ законодательство въ широкомъ

торами нѣтъ большой разницы: тѣ и другіе занимаются почти однимъ и тѣмъ же[47]), но софистика лучше риторики, точно такъ же какъ законодательство лучше судебной дѣятельности и гимнастика лучше врачеванія[48]).

Въ концѣ діалога Платонъ указываетъ на несообразность, которую, по его мнѣнію, допускаютъ софисты, требуя за наставленія въ добродѣтели денегъ и обвиняя, въ случаѣ неблагодарности, учениковъ въ несправедливости и испорченности. Добродѣтель (разсуждаетъ вмѣстѣ съ Сократомъ Платонъ) сама собою обязываетъ къ благодарности. Получивъ какое нибудь другое благодѣяніе, человѣкъ можетъ не отблагодарить своего благодѣтеля, такъ какъ люди бываютъ неблагодарными не вслѣдствіе какихъ либо иныхъ качествъ, а исключительно вслѣдствіе несправедливости; но нелѣпо предположить, чтобы ученикъ, ставшій благодаря наставленіямъ въ добродѣтели изъ худшаго лучшимъ, могъ допустить противъ наставника несправедливость, которую этотъ послѣдній изъ него извлекъ и замѣнилъ справедливостью. Поэтому, тогда какъ брать деньги за всякіе другіе совѣты нисколько не постыдно, требовать плату за наставленія въ добродѣтели считается позорнымъ. Обвиняя воспитанниковъ въ неблагодарности, софисты произносятъ приговоръ противъ самихъ себя: если у тѣхъ, которые воспитываютъ въ справедливости, ученики оказываются несправедливыми, то виноваты въ этомъ не ученики, а воспитатели [49]).

Въ „Государствѣ" Платонъ болѣе обстоятельно развиваетъ мысль, высказанную въ „Горгіи",—что софисты, какъ воспитатели юношества, по самымъ условіямъ своей дѣятельности вынуждены сообразоваться съ мнѣніями и настроеніемъ большинства, и ставитъ на видъ неосновательность предразсудка, будто главный и единственный источникъ общественнаго разврата кроется въ софистахъ, а не въ самомъ большинствѣ, котораго мнѣнія проводятъ софисты. „Или и ты—спрашиваетъ Сократъ у Главкона [50])—полагаешь, что юношей развращаютъ

смыслѣ—не только изданіе гражданскихъ законовъ, но и установленіе правилъ нравственности. Νόμος по-гречески значитъ и «законъ» и «обычай». Послѣдній создается между прочимъ и нравственнымъ воспитаніемъ. Въ этомъ именно смыслѣ Платонъ и сопоставляетъ дѣятельность софистовъ съ νομοθετική. О взглядѣ софистовъ на законодательную дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ ср. ниже, стр. 32, прим. 3.

[47]) Ibid. 465, C: ὅπερ μέντοι λέγω, διέστηκε μὲν οὕτω φύσει, ἅτε δ' ἐγγὺς ὄντων, φύρονται ἐν τῷ αὐτῷ καὶ περὶ ταὐτὰ σοφισταὶ καὶ ῥήτορες, Ср. также 520, A: ταὐτόν, ὦ μακάρι', ἐστὶ σοφιστὴς καὶ ῥήτωρ, ἢ ἐγγύς τι καὶ παραπλήσιον.

[48]) Ibid. 520, B: τῇ δ' ἀληθείᾳ κάλλιόν ἐστι σοφιστικὴ ῥητορικῆς, ὅσῳπερ νομοθετικὴ δικαστικῆς καὶ γυμναστικὴ ἰατρικῆς.

[49]) Plato, Gorg. 519 C—521 A.

[50]) Plato, De Rep. 492 B—493 E.

софисты и что частныя лица, называемыя этимъ именемъ, способны развратить въ чемъ нибудь, достойномъ вниманія, а не тѣ величайшіе софисты, которые говорятъ это, такъ какъ они сами воспитываютъ отъ начала до конца молодыхъ и стариковъ, мужчинъ и женщинъ, и дѣлаютъ ихъ такими, какими захотятъ.—Когда же это? спрашиваетъ Главконъ. — Когда, засѣдая полнымъ сборомъ въ народныхъ собраніяхъ, судилищахъ, театрахъ, военныхъ станахъ или въ другомъ какомъ-нибудь общественномъ мѣстѣ, они съ великимъ шумомъ одни изъ рѣчей и дѣлъ порицаютъ, другія хвалятъ, то отвергая громкимъ крикомъ, то одобряя рукоплесканіемъ, а скалы вокругъ и то мѣсто, гдѣ они засѣдаютъ, откликомъ усугубляютъ шумъ порицанія и похвалъ. При такомъ положеніи, что по твоему дѣлается съ сердцемъ юноши? Или какое частное воспитаніе можетъ быть настолько сильнымъ, чтобы при бурѣ этихъ порицаній и похвалъ не вырваться изъ души юноши и не унестись туда, куда несетъ общій потокъ? Не станетъ ли питомецъ называть похвальнымъ и постыднымъ тоже, что они, заниматься тѣмъ же, чѣмъ они, и не сдѣлается ли самъ такимъ же?— По всей необходимости, Сократъ.—Однако же, мы еще не сказали о самой главной необходимости.—О какой?—О той, которую эти воспитатели и софисты прилагаютъ на дѣлѣ, если не убѣдятъ словомъ. Или ты не знаешь, что непослушныхъ они караютъ безчестіемъ, лишеніемъ имущества и смертью?—Даже очень знаю.—И такъ, какой же другой софистъ или какія частныя убѣжденія, противорѣча имъ, будутъ имѣть силу?—Я думаю, что никакой.—Подумай также вотъ о чемъ. Всѣ тѣ наемныя частныя лица, которыхъ эти люди называютъ софистами и считаютъ своими соперниками по ремеслу, воспитываютъ не въ чемъ другомъ, но во мнѣніяхъ толпы, которыя она постановитъ, когда соберется, и называютъ это мудростью. Софисты поступаютъ совершенно также, какъ еслибы кто-нибудь сталъ изучать чѣмъ радуется и чѣмъ гнѣвается большой, сильный и откормленный звѣрь,—какъ слѣдуетъ подойти къ нему и какъ прикоснуться, когда и отчего онъ приходитъ въ ярость или становится кроткимъ, какіе въ каждомъ случаѣ онъ привыкъ издавать звуки и при какихъ,произносимыхъ другими, звукахъ онъ укрощается и свирипѣетъ,—и изучивъ все это черезъ обхожденіе и долгую привычку, назвалъ бы свою опытность мудростью, составилъ въ видѣ руководства и обратился къ преподаванію; на самомъ дѣлѣ онъ не зналъ бы, что изъ этихъ мнѣній и желаній похвально и постыдно, хорошо и дурно, справедливо и несправедливо, но все сталъ бы опредѣлять мнѣніями огромнаго животнаго, считая благомъ то, чѣмъ оно радуется, и зломъ то, чѣмъ оно печалится; никакого другаго отчета

въ этомъ дать онъ не былъ бы въ состоянiи, но сталъ бы называть необходимое справедливымъ и прекраснымъ, а какъ велика на самомъ дѣлѣ разница между природой добра и природой необходимости, онъ и самъ бы не видѣлъ, да и другому разъяснить не былъ бы въ состоянiи. Такой воспитатель не кажется ли тебѣ страннымъ?—Конечно.— Думаешь ли ты, что отъ него отличается тотъ, кто полагаетъ мудрость въ знанiи того, что вызываетъ гнѣвъ и удовольствiе въ людяхъ всякаго сброда относительно живописи, музыки или политики? Если человѣкъ, въ обхожденiи съ толпой, будетъ себя подчинять ей больше чѣмъ необходимо въ поэзiи, ремеслѣ или служенiи государству, то очевидно, что онъ будетъ поставленъ въ такъ-называемую Дiомедову необходимость дѣлать то, что толпа хвалитъ; а что это поистинѣ хорошо и прекрасно, слышалъ ли ты, чтобы кто-нибудь изъ такихъ людей приводилъ доказательство, которое не было бы смѣшнымъ?— Нѣтъ, не слыхалъ, да, думаю, и не услышу".

Въ „Софистѣ" Платонъ сравниваетъ софистовъ съ ловчими, охотящимися за знатными юношами по лугамъ, изобильнымъ богатствомъ и молодостью [1]), называетъ ихъ продавцами и разнощиками душевныхъ товаровъ—изготовленныхъ ими самихъ знанiй о добродѣтели [2]), которыя они продаютъ за безцѣнокъ [3]) — видитъ наиболѣе знаменательную черту ихъ дѣятельности въ умѣньи противорѣчить и вообще въ еристикѣ или искусствѣ спорить обо всемъ—о

---

[1]) Plato, Soph. 221, D; Ibid. 223, E: νέων πλουσίων καὶ ἐνδόξων γιγνομένη θήρα προσρητέον... σοφιστική. Ibid. 231, D: φέρε, ὁπόσα ἡμῖν ὁ σοφιστὴς πέφανται; δοκῶ μὲν γὰρ τὸ πρῶτον εἰρέθη νέων καὶ πλουσίων ἔμμισθος θηρευτής.

[2]) Plato, Soph. 223, A: Τὸ δ' ἐπαγγελλόμενον μὲν ὡς ἀρετῆς ἕνεκα τὰς ὁμιλίας ποιούμενον, μισθὸν δὲ νόμισμα πραττόμενον, ἆρ' οὐ τοῦτο τὸ γένος ἑτέρῳ προσειπεῖν ἄξιον ὀνόματι;... Τίνι δὴ τούτῳ; πειρῶ λέγειν.—Δῆλον δή· τὸν γὰρ σοφιστήν μοι δοκοῦμεν ἀνευρηκέναι. Ibid. 224, C—E: ἴθι δὴ νῦν συναγάγωμεν αὐτό, λέγοντες ὡς τὸ τῆς κτητικῆς, ἀγοραστικῆς, μεταβλητικῆς, ἐμπορικῆς, ψυχεμπορικῆς περὶ λόγους καὶ μαθήματα ἀρετῆς πωλητικὸν δεύτερον ἀνεφάνη σοφιστική.... Τρίτον δέ γ' οἶμαί σε, κἂν εἴ τις αὐτοῦ καθιδρυμένος ἐν πόλει, τὰ μὲν ὠνούμενος, τὰ δὲ καὶ τεκταινόμενος αὐτὸς μαθήματα περὶ ταὐτὰ ταῦτα καὶ πωλῶν, ἐκ τούτου τὸ ζῆν προὐτάξατο, καλεῖν οὐδὲν ἄλλο πλὴν ὅπερ νῦν δή... Καὶ τὸ κτητικῆς ἄρ' ἀγοραστικόν, μεταβλητικόν, καπηλικὸν εἴτ' αὐτοπωλικόν, ἀμφοτέρως, ὅ τι περ ἂν ᾖ περὶ τὰ τοιαῦτα μαθηματοπωλικὸν γένος, ἀεὶ σὺ προσερεῖς, ὡς φαίνει, σοφιστικόν. Ibid. 231, D: Τὸ δέ γε δεύτερον ἔμπορός τις περὶ τὰ τῆς ψυχῆς μαθήματα... Τρίτον δ' ἆρ' οὐ περὶ ταὐτὰ ταῦτα κάπηλος ἀνεφάνη;—Ναί. καὶ τέταρτόν γ' αὐτοπώλης περὶ τὰ μαθήματα ἡμῖν. Ср. также Protag. 313, D. (См. выше, стр. 21).

[3]) Plato, Soph. 234, A. Элеатъ сравниваетъ софиста, обѣщающаго научить всему, съ человѣкомъ, обѣщающимъ сдѣлать все, и продолжаетъ: καὶ τοίνυν καὶ ταχὺ ποιήσας αὐτῶν ἕκαστα πάνυ σμικροῦ νομίσματος ἀποδίδοται.—Παιδιὰν λέγεις τινά.—Τί δαί; τὴν τοῦ λέγοντος ὅτι πάντ' οἶδε καὶ ταῦθ' ἕτερον ἂν διδάξειεν ὀλίγου καὶ ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ, μῶν οὐ παιδιὰν νομιστέον.

дѣлахъ божественныхъ, о небѣ и землѣ, о бытіи и происхожденіи, въ особенности же о дѣлахъ человѣческихъ—о законахъ, о справедливости и несправедливости, и въ умѣньи сообщать это мнимое искусство другимъ [1]),—мнимое потому, что ни одинъ человѣкъ не можетъ знать всего, а стало-быть и спорить обо всемъ [2]),—и приравниваетъ, хотя и не безъ колебанія, ихъ дѣятельность къ дѣятельности великаго обличителя и очистителя души—Сократа [3]). Софистъ—это подражатель истины и чародѣй [4]), обольщающій слушателя призраками,

[1]) Plato, Soph. 225, B—D: Τὸ δ' ἐν ἰδίοις αὖ καὶ κατακεκερματισμένον ἐρωτήσεσι πρὸς ἀποκρίσεις μῶν εἰθίσμεθα καλεῖν ἄλλο πλὴν ἀντιλογικόν;—Οὐδέν.—Τοῦ δ' ἀντιλογικοῦ τὸ μὲν ὅσον περὶ τὰ ξυμβόλαια ἀμφισβητεῖται μέν, εἰκῇ δὲ καὶ ἀτέχνως περὶ αὐτὰ πράττεται, τοῦτο θετέον μὲν εἶδος, ἐπείπερ αὐτὸ διέγνωκεν ὡς ἕτερον ὂν ὁ λόγος, ἀτὰρ ἐπωνυμίας οὔθ' ὑπὸ τῶν ἔμπροσθεν ἔτυχεν οὔτε νῦν ὑφ' ἡμῶν τυχεῖν ἄξιον.—'Αληθῆ· κατὰ σμικρὰ γὰρ λίαν, καὶ παντοδαπὰ διῄρηται.—Τὸ δὲ γ' ἔντεχνον καὶ περὶ δικαίων αὐτῶν καὶ ἀδίκων καὶ περὶ τῶν ἄλλων ὅλως ἀμφισβητοῦν ἆρ' οὐκ ἐριστικὸν αὖ λέγειν εἰθίσμεθα;—Πῶς γὰρ οὔ; Ibid. 225 E—226 A: Τούτου τοίνυν (ἀδολεσχικοῦ) τοὐναντίον, ἀπὸ τῶν ἰδιωτικῶν ἐρίδων χρηματιζόμενον, ἐν τῷ μέρει σὺ πειρῶ νῦν εἰπεῖν.—Καὶ τίς ἂν αὖ εἰπὼν ἕτερον οὐκ ἐξαμάρτοι, πλὴν γε τὸν θαυμαστὸν πάλιν ἐκεῖνον ἥκειν αὖ νῦν τέταρτον τὸν μεταδιωκόμενον ὑφ' ἡμῶν σοφιστήν;—Οὐδὲν ἄλλ' ἢ τὸ χρηματιστικὸν γένος, ὡς ἔοικεν, ἐριστικῆς ὂν τέχνης, τῆς ἀντιλογικῆς, τῆς ἀμφισβητητικῆς, τῆς μαχητικῆς, τῆς ἀγωνιστικῆς, τῆς κτητικῆς ἔστιν, ὡς ὁ λόγος αὖ μεμήνυκε νῦν, ὁ σοφιστής. Ibid. 231, E: τῆς γὰρ ἀγωνιστικῆς περὶ λόγους ἦν τις ἀθλητής, τὴν ἐριστικὴν τέχνην ἀφωρισμένος. Ibid. 232, B: ἕν γάρ τί μοι μάλιστα κατεφάνη αὐτὸν μηνῦον... 'Αντιλογικὸν αὐτὸν ἔφαμεν εἶναί που... Τί δ'; οὐ καὶ τῶν ἄλλων αὐτοῦ τούτου διδάσκαλον γίγνεσθαι;—Τί μήν;... φέρε περὶ τῶν θείων, ὅσ' ἀφανῆ τοῖς πολλοῖς, ἆρ' ἱκανοὺς ποιοῦσι τοῦτο δρᾶν;—Λέγεται οὖν δὴ περὶ αὐτῶν ταῦτα.—Τί δ'; ὅσα φανερὰ γῆς τε καὶ οὐρανοῦ καὶ τῶν περὶ τὰ τοιαῦτα;—Τί γάρ;—'Αλλὰ μὴν ἔν γε ταῖς ἰδίαις συνουσίαις, ὁπόταν γενέσεώς τε καὶ οὐσίας πέρι κατὰ πάντων λέγηταί τι, ξύνισμεν ὡς αὐτοί τ' ἀντειπεῖν δεινοὶ τούς τ' ἄλλους ὅτι ποιοῦσιν ἅπερ αὐτοὶ δυνατούς;—Παντάπασί γε.—Τί δ' αὖ περὶ νόμων καὶ ξυμπάντων τῶν πολιτικῶν ἆρ' οὐκ ὑπισχνοῦνται ποιεῖν ἀμφισβητητικούς;—Οὐδεὶς γὰρ ἂν αὐτοῖς, ὡς ἔπος εἰπεῖν, διελέγετο μὴ τοῦθ' ὑπισχνουμένοις.

[2]) Ibid. 232, E: Ἀτὰρ δὴ τὸ τῆς ἀντιλογικῆς τέχνης ἆρ οὐκ ἐν κεφαλαίῳ περὶ πάντων πρὸς ἀμφισβήτησιν ἱκανή τις δύναμις ἔοικ' εἶναι;—Φαίνεται γοῦν δὴ σχεδὸν οὐδὲν ὑπολιπεῖν.—Πῶς οὖν ἄν ποτέ τις πρός γε τὸν ἐπιστάμενον αὐτὸς ἀνεπιστήμων ὢν δύναιτ' ἂν ὑγιές τι λέγων ἀντειπεῖν;—Οὐδαμῶς. Ibid. 233, C: δοξαστικὴν ἄρα τινὰ περὶ πάντων ἐπιστήμην ὁ σοφιστὴς ἡμῖν ἀλλ' οὐκ ἀλήθειαν ἔχων ἀναπέφανται.

[3]) Изложивъ (Plato, Soph. 229 E—230 E) пріемы сократическаго испытующаго обличенія и указавъ на его значеніе, Платонъ говоритъ (Ibid. 230, E—231 A): Τί δέ; τοὺς ταύτῃ χρωμένους τῇ τέχνῃ τίνας φήσομεν; ἐγὼ μὲν γὰρ φοβοῦμαι σοφιστὰς φάναι.—Τί δή;—Μὴ μεῖζον αὐτοῖς προσάπτωμεν γέρας.—'Αλλὰ μὴν προσέοικε τοιούτῳ τινὶ τὰ νῦν εἰρημένα.—Καὶ γὰρ κυνὶ λύκος, ἀγριώτατον ἡμερωτάτῳ.... ὅμως δὲ ἔστωσαν· οὐ γὰρ περὶ σμικρῶν ὅρων τὴν ἀμφισβήτησιν οἴομαι γενήσεσθαι τότε ὁπόταν ἱκανῶς φυλάττωσι. Ibid. 231, E: τό γε μὴν ἕκτον ἀμφισβητήσιμον μέν, ὅμως δ' ἔθεμεν αὐτῷ συγχωρήσαντες δοξῶν ἐμποδίων μαθήμασι περὶ ψυχὴν καθαρτὴν αὐτὸν εἶναι.

[4]) Plato, Soph. 234 E—235 A: περὶ δ' οὖν τοῦ σοφιστοῦ τόδε μοι λέγε· πότερον ἤδη τοῦτο σαφές, ὅτι τῶν γοήτων ἔστι τις, μιμητὴς ὢν τῶν ὄντων, ἢ διστάζομεν

умѣющій говорить такъ, что подражаніе принимается за истину, что малое становится большимъ, легкое труднымъ, и наоборотъ [1]). Онъ пестрый и многоголовый звѣрь [2]), удивительно изворотливо и замысловато ускользающій въ самыя недоступныя мѣста [3]) и ограждающій себя безчисленными загадками [4]), такъ что его возможно изловить только при помощи самыхъ трудныхъ и отвлеченныхъ изслѣдованій [5]). При поискахъ за нимъ невозможно миновать діалектики и не встрѣтиться съ философомъ [6]), но тогда какъ послѣдній, соприкасаясь мыслью въ свѣтлыхъ областяхъ бытія съ истинно сущимъ, трудно зримъ вслѣдствіе яркости свѣта, первый, съ своимъ искусствомъ про-

---

ἔτι, μὴ περὶ ὅσωνπερ ἀντιλέγειν δοκεῖ δυνατὸς εἶναι, περὶ τοσούτων καὶ τὰς ἐπιστήμας ἀληθῶς ἔχων τυγχάνει;—Καὶ πῶς ἄν, ὦ ξένε; ἀλλὰ σχεδὸν ἤδη σαφὲς ἐκ τῶν εἰρημένων, ὅτι τῶν τῆς παιδιᾶς μετεχόντων ἐστί τις εἷς.—Γόητα μὲν δὴ καὶ μιμητὴν ἄρα θετέον αὐτόν τινα. Ср. ниже 236, B: θαυματοποιῶν τις εἷς.

[1]) Ibid. 234 C—E: Τί δὲ δή; περὶ τοὺς λόγους ἆρ' οὐ προσδοκῶμεν εἶναι τιν' ἄλλην τοιαύτην τέχνην ᾗ δυνατὸν αὖ τυγχάνειν τοὺς νέους καὶ ἔτι πόῤῥω τῶν πραγμάτων τῆς ἀληθείας ἀφεστῶτας διὰ τῶν ὤτων τοῖς λόγοις γοητεύειν δεικνύντας εἴδωλα λεγόμενα περὶ πάντων, ὥστε ποιεῖν ἀληθῆ δοκεῖν λέγεσθαι καὶ τὸν λέγοντα δὴ σοφώτατον πάντων ἅπαντ' εἶναι;.. Τοὺς πολλοὺς οὖν, ὦ Θεαίτητε, τῶν τότ' ἀκουόντων ἆρ' οὐκ ἀνάγκη, χρόνου τ' ἐπελθόντος αὐτοῖς ἱκανοῦ καὶ προϊούσης ἡλικίας, τοῖς τ' οὖσι προσπίπτοντας ἐγγύθεν καὶ διὰ παθημάτων ἀναγκαζομένους ἐναργῶς ἐφάπτεσθαι τῶν ὄντων μεταβάλλειν τὰς τότε γενομένας δόξας, ὥστε σμικρὰ μὲν φαίνεσθαι τὰ μεγάλα, χαλεπὰ δὲ τὰ ῥᾴδια, καὶ πάντα πάντῃ ἀνατετράφθαι τὰν τοῖς λόγοις φαντάσματα ὑπὸ τῶν ἐν ταῖς πράξεσιν παραγενομένων ἔργων; Ср. также Phaedr. 267, B: τά τ' αὖ σμικρὰ μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα σμικρὰ φαίνεσθαι ποιοῦσι διὰ ῥώμην λόγου, καινά τ' ἀρχαίως τά τ' ἐναντία καινῶς и Isocr. Paneg. 8: οἱ λόγοι τοιαύτην ἔχουσι τὴν φύσιν ὥσθ οἷόν τ' εἶναι περὶ τῶν αὐτῶν πολλαχῶς ἐξηγήσασθαι καὶ τά τε μεγάλα ταπεινὰ ποιῆσαι καὶ τοῖς μικροῖς μέγεθος περιθεῖναι, καὶ τά τε παλαιὰ καινῶς διελθεῖν καὶ περὶ τῶν νεωστὶ γεγενημένων ἀρχαίως εἰπεῖν.

[2]) Plato, Soph. 240, C: ὁ πολυκέφαλος σοφιστής. Ibid. 226, A: ἀληθῆ λέγεται τὸ ποικίλον εἶναι τοῦτο τὸ θηρίον (ὁ σοφιστής). Ibid. 235, B. Ср. также Euthyd. 297, C, гдѣ Платонъ уподобляетъ софистику гидрѣ, а софиста раку.

[3]) Plato, Soph. 236, D. Ср. также Ibid. 239 C. Въ Эвеидемѣ (288, C.) Платонъ сравниваетъ софиста съ Протеемъ: ἀλλ' οὐκ ἐθέλετον ἡμῖν ἐπιδείξασθαι σπουδάζοντε, ἀλλὰ τὸν Πρωτέα μιμεῖσθον τὸν Αἰγύπτιον σοφιστὴν γοητεύοντε ἡμᾶς.

[4]) Plato, Soph. 261, A.

[5]) Ibid. 236, D: Ὄντως, ὦ μακάριε, ἐσμὲν ἐν παντάπασι χαλεπῇ σκέψει. Впрочемъ, доказательствомъ служитъ весь діалогъ «Софистъ».

[6]) Ibid. 253, D: ἢ πρὸς Διὸς ἐλάθομεν εἰς τὴν τῶν ἐλευθέρων ἐμπεσόντες ἐπιστήμην, καὶ κινδυνεύομεν ζητοῦντες τὸν σοφιστὴν πρότερον ἀνευρηκέναι τὸν φιλόσοφον;... Τὸ κατὰ γένη διαρεῖσθαι καὶ μήτε ταὐτὸν εἶδος ἕτερον ἡγήσασθαι μήθ' ἕτερον ὂν ταὐτόν, μῶν οὐ τῆς διαλεκτικῆς φήσομεν ἐπιστήμης εἶναι; Ibid. 253 E: Ἀλλὰ μὴν τό γε διαλεκτικὸν οὐκ ἄλλῳ δώσεις, ὡς ἐγῷμαι, πλὴν τῷ καθαρῶς τε καὶ δικαίως φιλοσοφοῦντι.

изводить призраки и кажущіяся подобія[1]), постоянно укрывается въ темныя страны небытія и трудно распознаваемъ вслѣдствіе густоты мрака[2]).

Подражательное искусство, которымъ занимается софистъ, имѣетъ два вида: можно подражать, зная то, чему подражаешь, и можно подражать, не зная того, чему подражаешь[3]). Къ подражателямъ послѣдняго рода относятся между прочимъ тѣ, которые, хотя и считаютъ себя знающими, но не знаютъ на самомъ дѣлѣ, что такое справедливость и вообще добродѣтель, и стараются, подражая добродѣтели и справедливости въ рѣчахъ и дѣлахъ, показать видъ, будто они обладаютъ той и другой[4]). Одни изъ этихъ подражателей простодушно увѣрены въ томъ, что знаютъ въ дѣйствительности то, въ чемъ считаютъ себя знающими; другіе вертятся въ рѣчахъ туда и сюда и вслѣдствіе этого внушаютъ сильное опасеніе и подозрѣніе, что не знаютъ того, въ чемъ передъ другими принимаютъ видъ свѣдущихъ[5]). Послѣдняго рода подражатели могутъ быть названы ироническими[6]). Одни изъ нихъ проявляютъ свою иронію всенародно, обращаясь къ толпѣ съ длинными рѣчами; другіе—въ частной бесѣдѣ заставляютъ собесѣдниковъ путемъ краткихъ рѣчей (вопросовъ и отвѣтовъ) противорѣчить самимъ себѣ[7]). Человѣкъ, принадлежащій къ подражателямъ, произносящимъ всенародно длинныя рѣчи, не есть истинный государствен-

---

[1]) Ibid. 235 B: σοφιστική... εἰδωλοποιϊκή. 236, C: φανταστική. 226, D: εἰδωλουργική и др.

[2]) Ibid. 254, A: Τὸν μὲν δὴ φιλόσοφον ἐν τοιούτῳ τινὶ τόπῳ καὶ νῦν κἄπειτ' ἀνευρήσομεν, εἀν ζητῶμεν, ἰδεῖν μὲν χαλεπὸν ἐναργῶς καὶ τοῦτον, ἕτερον μὴν τρόπον ἥ τε τοῦ σοφιστοῦ χαλεπότης ἥ τε τούτου.... Ὁ μὲν ἀποδιδράσκων εἰς τὴν τοῦ μὴ ὄντος σκοτεινότητα τριβῇ προσαπτόμενος αὐτῆς διὰ τὸ σκοτεινὸν τοῦ τόπου κατανοῆσαι χαλεπός.... Ὁ δέ γε φιλόσοφος, τῇ τοῦ ὄντος ἀεὶ διὰ λογισμῶν προσκείμενος ἰδέᾳ, διὰ τὸ λαμπρὸν αὖ τῆς χώρας οὐδαμῶς εὐπετὴς ὀφθῆναι· τὰ γὰρ τῆς τῶν πολλῶν ψυχῆς ὄμματα καρτερεῖν πρὸς τὸ θεῖον ἀδύνατα.

[3]) Ibid. 267, B.

[4]) Ibid. 267, C: τί δὲ δικαιοσύνης τὸ σχῆμα καὶ ὅλης ξυλλήβδην ἀρετῆς; ἆρ' οὐκ ἀγνοοῦντες μέν, δοξάζοντες δέ πῃ, σφόδρα ἐπιχειροῦσι πολλοὶ τὸ δοκοῦν σφίσι τοῦτο ὡς ἐνὸν αὐτοῖς προθυμεῖσθαι φαίνεσθαι ποιεῖν, ὅ τι μάλιστα ἔργοις τε καὶ λόγοις μιμούμενοι;

[5]) Ibid. 268, A: ὁ μὲν γὰρ εὐήθης αὐτῶν ἐστιν, οἰόμενος εἰδέναι ταῦτα ἃ δοξάζει· τὸ δὲ θατέρου σχῆμα διὰ τὴν ἐν τοῖς λόγοις κυλίνδησιν ἔχει πολλὴν ὑποψίαν καὶ φόβον ὡς ἀγνοεῖ ταῦτα ἃ πρὸς τοὺς ἄλλους ὡς εἰδὼς ἐσχημάτισται.

[6]) Ibid.: Οὐκοῦν τὸν μὲν ἁπλοῦν μιμητήν τινα, τὸν δὲ εἰρωνικὸν μιμητὴν θήσομεν;

[7]) Ibid. 268, B: καὶ μοι διττὼ καταφαίνεσθόν τινε· τὸν μὲν δημοσίᾳ τε καὶ μακροῖς λόγοις πρὸς πλήθη δυνατὸν εἰρωνεύεσθαι καθορῶ, τὸν δὲ ἰδίᾳ τε καὶ βραχέσι λόγοις ἀναγκάζοντα τὸν προσδιαλεγόμενον ἐναντιολογεῖν αὐτὸν αὑτῷ.

ный мужъ, но народный ораторъ, а принадлежащій къ подражателямъ, ведущимъ частныя бесѣды безъ дѣйствительнаго знанія, не есть мудрый человѣкъ, но лишь подражатель мудраго человѣка или софистъ [1]).

Въ „Тимеѣ" Платонъ ограничивается заявленіемъ, что хотя онъ считаетъ софистовъ людьми, знающими много хорошихъ рѣчей и опытными въ другихъ вещахъ, но опасается, что они, какъ люди переходящіе изъ города въ городъ и неимѣющіе постояннаго мѣстожительства, не могутъ правильно судить о томъ, что скажутъ и сдѣлаютъ философы и политики [2]).

Аристотель софистомъ называетъ человѣка, наживающаго деньги призрачною мудростью [3]), и замѣчаетъ, что тогда какъ отношенія между людьми занимающимися сообща философіей измѣряются не деньгами, но дружбою и посильною признательностью, софисты вслѣдствіе несоотвѣтствія между обѣщаніями и исполненіемъ обѣщаній вынуждены брать съ учениковъ деньги впередъ [4]). Онъ раздѣляетъ взглядъ Платона [5]), что софистика логически неотдѣлима отъ еристики [6]), имѣетъ дѣло съ небытіемъ [7]), близка къ философіи и со-

[1]) Ibid. 268, B: Τίνα οὖν ἀποφαινώμεθα τὸν μακρολογώτερον εἶναι; πότερα πολιτικὸν ἢ δημολογικόν;—Δημολογικόν.—Τί δὲ τὸν ἕτερον ἐροῦμεν; σοφὸν ἢ σοφιστικόν;—Τὸ μέν που σοφὸν ἀδύνατον, ἐπείπερ οὐκ εἰδότα αὐτὸν ἔθεμεν· μιμητὴς δ' ὢν τοῦ σοφοῦ δῆλον ὅτι παρωνύμιον αὐτοῦ τι λήψεται, καὶ σχεδὸν ἤδη μεμάθηκα, ὅτι τοῦτον δεῖ προσειπεῖν ἀληθῶς αὐτὸν ἐκεῖνον τὸν παντάπασιν ὄντως σοφιστήν.

[2]) Plato, Tim. 19, E: τὸ δὲ τῶν σοφιστῶν γένος αὖ πολλῶν μὲν λόγων καὶ καλῶν ἄλλων μάλα ἔμπειρον ἥγημαι, φοβοῦμαι δέ, μή πως, ἅτε πλανητὸν ὂν κατὰ πόλεις οἰκήσεις τε ἰδίας οὐδαμῇ διῳκηκός, ἄστοχον ἅμα φιλοσόφων ἀνδρῶν ᾖ καὶ πολιτικῶν, ὅσα ἂν οἷά τε ἐν πολέμῳ καὶ μάχαις πράττοντες ἔργῳ προσομιλοῦντες ἑκάστοις πράττοιεν καὶ λέγοιεν.

[3]) Aristot. Sophist. Elench. I, 165 a, 22, 28, 32: ἔστι γὰρ ἡ σοφιστικὴ φαινομένη σοφία οὖσα δ' οὔ, καὶ ὁ σοφιστὴς χρηματιστὴς ἀπὸ φαινομένης σοφίας ἀλλ' οὐκ οὔσης· ἀνάγκη οὖν τοὺς βουλομένους σοφιστεύειν τὸ τῶν εἰρημένων λόγων γένος ζητεῖν·—ὅτι μὲν οὖν ἔστι τι τοιοῦτον λόγων γένος, καὶ ὅτι τοιαύτης ἐφίενται δυνάμεως οὓς καλοῦμεν σοφιστάς, δῆλον. Ibid. XI, 171 b, (см. ниже стр. 31, прим. 6); Metaph. III, 1004 b, 26 (см. ниже, стр. 30 прим. 1).

[4]) Aristot. Eth. Nic. X, 1, 1164 a, 27—33: οἱ δὲ προλαβόντες τὸ ἀργύριον, εἶτα μηδὲν ποιοῦντες ὧν ἔφασαν διὰ τὰς ὑπερβολὰς τῶν ἐπαγγελιῶν, εἰκότως ἐν ἐγκλήμασι γίνονται· οὐ γὰρ ἐπιτελοῦσιν ἃ ὡμολόγησαν. τοῦτο δ' ἴσως ποιεῖν οἱ σοφισταὶ ἀναγκάζονται διὰ τὸ μηδένα ἂν δοῦναι ἀργύριον ὧν ἐπίστανται. οὗτοι μὲν οὖν ὧν ἔλαβον τὸν μισθόν, μὴ ποιοῦντες εἰκότως ἐν ἐγκλήμασιν εἰσίν. Ibid. 1164 b, 1—5.

[5]) См. выше, стр. 26 прим. 1.

[6]) См. ниже, стр. 30, прим. 7 и стр. 31, прим. 6.

[7]) Arist. Metaph. VI, 1, 1026 b, 14, 15: διὸ Πλάτων τρόπον τινὰ οὐ κακῶς τὴν σοφιστικὴν περὶ τὸ μὴ ὂν ἔταξεν. Cp. ibid. XI, 8, 1064 b, 29, 30: διὸ Πλάτων οὐ κακῶς εἴρηκε φήσας τὸν σοφιστὴν περὶ τὸ μὴ ὂν διατρίβειν.

прикасается съ діалектикой [1]); но точно такъ же, какъ Платонъ [2]), отличаетъ софистику и отъ философіи и отъ діалектики. Философія ставитъ цѣлью познаніе истины [3]), идетъ путемъ доказательствъ отъ однихъ неопровержимыхъ положеній къ другимъ [4]); діалектика только пытается подойти къ истинѣ: она выставляетъ философскія апоріи и основываетъ свои силлогизмы не на безспорномъ, но на вѣроятномъ [5]), на томъ, что кажется всѣмъ людямъ или большинству людей, или же, что принято людьми мудрыми, всѣми или многими, или нѣкоторыми особенно знаменитыми [6]); софистика либо выводитъ ложныя заключенія изъ вѣроятнаго, либо строитъ (правильныя или ложныя) силлогизмы на томъ, что только кажется вѣроятнымъ, но на самомъ дѣлѣ невѣроятно [7]). Діалектика руководится правилами логики [8]), софистика различными ухищреніями, основанными на скрытомъ отступленіи отъ правилъ логики [9]). Впрочемъ, главная разница діалектики отъ софистики не въ пріемахъ и средствахъ, а въ цѣляхъ [10]). Діалектика

---

[1]) Arist. Metaph. III, 1004 b, 15—26: οὕτω καὶ τῷ ὄντι ᾗ ὄν ἔστι τινὰ ἴδια, καὶ ταῦτ' ἐστὶ περὶ ὧν τοῦ φιλοσόφου ἐπισκέψασθαι τἀληθές. σημεῖον δέ· οἱ γὰρ διαλεκτικοὶ καὶ σοφισταὶ ταὐτὸν μὲν ὑποδύονται σχῆμα τῷ φιλοσόφῳ, διαλέγονται δὲ περὶ ἁπάντων, κοινὸν δὲ πᾶσι τὸ ὄν ἐστιν. διαλέγονται δὲ περὶ τούτων δῆλον ὅτι διὰ τὸ τῆς φιλοσοφίας εἶναι ταῦτ' οἰκεῖα. περὶ μὲν γὰρ τὸ αὐτὸ γένος στρέφεται ἡ σοφιστικὴ καὶ ἡ διαλεκτικὴ τῇ φιλοσοφίᾳ, ἀλλὰ διαφέρει τῆς μὲν τῷ τρόπῳ τῆς δυνάμεως, τῆς δὲ τοῦ βίου τῇ προαιρέσει. ἔστι δὲ ἡ διαλεκτικὴ πειραστικὴ περὶ ὧν ἡ φιλοσοφία γνωριστική, ἡ δὲ σοφιστικὴ φαινομένη, οὖσα δ' οὔ. Ср. также Soph. Elench. XXXIV, 183 a, гдѣ Аристотель говоритъ о сосѣдствѣ софистики (τῆς σοφιστικῆς γειτνίασις) съ діалектикой.

[2]) См. выше, стр. 27, прим. 6.

[3]) Aristot. Met. 992 a, 30: ἡ περὶ τῆς ἀληθείας θεωρία.

[4]) Arist. Anal. post. I, 2, 71 b, 19: ἀνάγκη καὶ τὴν ἀποδεικτικὴν ἐπιστήμην ἐξ ἀληθῶν τ' εἶναι καὶ πρώτων καὶ ἀμέσων. Ср. также данное Аристотелемъ опредѣленіе слову φιλοσόφημα (см. выше, стр. 17, прим. 3).

[5]) Aristot. Top. I, 1, 100 a, 29, 30: διαλεκτικὸς δὲ συλλογισμὸς ὁ ἐξ ἐνδόξων συλλογιζόμενος. О діалектическихъ апоріяхъ см. ниже, стр. 31, прим. 1 и выше, стр. 17, прим. 3 (опредѣленіе слова ἀπόρημα).

[6]) Ibid. 100 b, 21—23: ἔνδοξα δὲ τὰ δοκοῦντα πᾶσιν ἢ τοῖς πλείστοις ἢ τοῖς σοφοῖς, καὶ τούτοις ἢ πᾶσιν ἢ τοῖς πλείστοις ἢ τοῖς μάλιστα γνωρίμοις καὶ ἐνδόξοις.

[7]) Ibid. 100 b, 23: ἐριστικὸς δ' ἐστι συλλογισμὸς ὁ ἐκ φαινομένων ἐνδόξων, μὴ ὄντων δέ, καὶ ὁ ἐξ ἐνδόξων καὶ φαινομένων ἐνδόξων φαινόμενος. Софистическій силлогизмъ не отличается отъ еристическаго. Ср. Soph. Elench. XI, 1716, 8: καὶ συλλογισμὸς ἐριστικὸς καὶ σοφιστικός ἐστι νεῖς μὲν ὁ φαινόμενος συλλογισμός... Ср. также стр. 31 прим. 6.

[8]) Въ этомъ именно и состоитъ внѣшнее отличіе діалектики отъ софистики.

[9]) Arist. Soph. Elench. XI, 171 b, 22: ὥσπερ γὰρ ἡ ἐν ἀγῶνι ἀδικία εἶδός τι ἔχει καὶ ἔστιν ἀδικομαχία τις, οὕτως ἐν ἀντιλογίᾳ ἀδικομαχία ἡ ἐριστική ἐστιν· ἐκεῖ τε γὰρ οἱ πάντως νικᾶν προαιρούμενοι πάντων ἅπτονται καὶ ἐνταῦθα οἱ ἐριστικοί.

[10]) См выше, прим. 1. Ср. также Arist. Rhetor. I, 1, 1355 b, 17—21: ἡ γὰρ σοφιστικὴ οὐκ ἐν τῇ δυνάμει ἀλλ' ἐν τῇ προαιρέσει· πλὴν ἐνταῦθα μὲν ἔσται ὁ μὲν κατὰ

имѣетъ цѣль въ себѣ самой: она нужна для того, чтобы пріобрѣсти навыкъ въ умозаключеніяхъ, опытность въ оцѣнкѣ мнѣній, способность къ изслѣдованію философскихъ истинъ [1]); софистика преслѣдуетъ цѣль чисто внѣшнюю: она ради тщеславной наживы [2]) учитъ, какъ сбивать людей съ толку [3]). Косвенно, черезъ обнаруженіе того, чего должно избѣгать въ философіи, софистика (во всякомъ случаѣ полезная для людей тщеславныхъ) можетъ принести туже пользу, что и діалектика [4]), но основная цѣль софистики — пріобрѣтеніе денегъ призрачною мудростью [5]). Стремленіемъ къ наживѣ софистика отличается и отъ діалектики и отъ простой любви къ спору или еристики въ собственномъ значеніи этого слова, для которой главное—побѣда надъ противникомъ [6]).

τὴν ἐπιστήμην ὁ δὲ κατὰ τὴν προαίρεσιν ῥήτωρ, ἐκεῖ δὲ σοφιστὴς μὲν κατὰ τὴν προαίρεσιν, διαλεκτικὸς δὲ οὐ κατὰ τὴν προαίρεσιν ἀλλὰ κατὰ τὴν δύναμιν.

[1]) Arist. Top. I, 2, 101, 25—35: Ἑπόμενον δ'ἂν εἴη τοῖς εἰρημένοις εἰπεῖν πρὸς πόσα τε καὶ τίνα χρήσιμος ἡ πραγματεία. ἔστι δὴ πρὸς τρία, πρὸς γυμνασίαν, πρὸς τὰς ἐντεύξεις, πρὸς τὰς κατὰ φιλοσοφίαν ἐπιστήμας. ὅτι μὲν οὖν πρὸς γυμνασίαν χρήσιμος, ἐξ αὐτῶν καταφανές ἐστι· μέθοδον γὰρ ἔχοντες ῥᾷον περὶ τοῦ προτεθέντος ἐπιχειρεῖν δυνησόμεθα. πρὸς δὲ τὰς ἐντεύξεις, διότι τὰς τῶν πολλῶν κατηριθμημένοι δόξας οὐκ ἐκ τῶν ἀλλοτρίων ἀλλ' ἐκ τῶν οἰκείων δογμάτων ὁμιλήσομεν πρὸς αὐτούς, μεταβιβάζοντες ὅτι ἂν μὴ καλῶς φαίνωνται λέγειν ἡμῖν. πρὸς δὲ τὰς κατὰ φιλοσοφίαν ἐπιστήμας, ὅτι δυνάμενοι πρὸς ἀμφότερα διαπορῆσαι ῥᾷον ἐν ἑκάστοις κατοψόμεθα τἀληθές τε καὶ τὸ ψεῦδος.

[2]) См. выше, стр. 29 прим. 3 и ниже, прим. 6.

[3]) Arist. Soph. Elench. III, 165 b, 12—21: Πρῶτον δὴ ληπτέον πόσων στοχάζονται οἱ ἐν τοῖς λόγοις ἀγωνιζόμενοι καὶ διαφιλονεικοῦντες. ἔστι δὲ πέντε ταῦτα τὸν ἀριθμόν, ἔλεγχος καὶ ψεῦδος καὶ παράδοξον καὶ σολοικισμὸς καὶ πέμπτον τὸ ποῆσαι ἀδολεσχῆσαι τὸν προσδιαλεγόμενον (τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ πολλάκις ἀναγκάζεσθαι ταὐτὸ λέγειν)· ἢ τὸ μὴ ὄν, ἀλλὰ τὸ φαινόμενον ἕκαστον εἶναι τούτων. μάλιστα μὲν γὰρ προαιροῦνται φαίνεσθαι ἐλέγχοντες, δεύτερον δὲ ψευδόμενόν τι δεικνύναι, τρίτον εἰς παράδοξον ἄγειν, τέταρτον δὲ σολοικίζειν ποιεῖν (τοῦτο δ' ἐστὶ τὸ ποιῆσαι τῇ λέξει βαρβαρίζειν ἐκ τοῦ λόγου τὸν ἀποκρινόμενον)· τελευταῖον δὲ τὸ πλεονάκις ταὐτὸ λεγειν.

[4]) Ibid. XVI, 175 a, 5—16: χρήσιμοι μὲν οὖν εἰσὶ (οἱ ἐν ταῖς ἀγωνιστικαῖς διατριβαῖς λόγοι. Ibid. 175 a, 2): πρὸς μὲν φιλοσοφίαν διὰ δύο. πρῶτον μὲν γὰρ ὡς ἐπ τὸ πολὺ γινόμενοι παρὰ τὴν λέξιν ἄμεινον ἔχειν ποιοῦσι πρὸς τὸ ποσαχῶς ἕκαστον λέγεται, καὶ ποῖα ὁμοίως καὶ ποῖα ἑτέρως, ἐπί τε τῶν πραγμάτων συμβαίνει καὶ ἐπὶ τῶν ὀνομάτων. δεύτερον δὲ πρὸς τὰς καθ' αὑτὸν ζητήσεις· ὁ γὰρ ὑφ' ἑτέρου ῥᾳδίως παραλογιζόμενος καὶ τοῦτο μὴ αἰσθανόμενος κἂν αὐτὸς ὑφ' αὑτοῦ τοῦτο πάθοι πολλάκις. τρίτον δὲ καὶ τὸ λοιπὸν ἔτι πρὸς δόξαν, τὸ περὶ πάντα γεγυμνάσθαι δοκεῖν καὶ μη δενὸς ἀπείρως ἔχειν· τὸ γὰρ κοινωνοῦντα λόγων ψέγειν λόγους, μηδὲν ἔχοντα διορίζειν περὶ τῆς φαυλότητος αὐτῶν, ὑποψίαν δίδωσι τοῦ δοκεῖν δυσχεραίνειν οὐ διὰ τἀληθὲς ἀλλὰ δι' ἀπειρίαν.

[5]) См. выше, прим. 2.

[6]) Arist. Soph. Elench., XI, 171 b, 24—34: οἱ μὲν οὖν τῆς νίκης αὐτῆς χάριν τοιοῦτοι ἐριστικοὶ ἄνθρωποι καὶ φιλέριδες δοκοῦσιν εἶναι, οἱ δὲ δόξης χάριν τῆς εἰς χρημα-

Изъ опредѣленія, даннаго Аристотелемъ софистикѣ, видно, что софисты могли примѣнять свое искусство ко всѣмъ вопросамъ жизни и знанія. Но Аристотель, подробно останавливаясь на формальной сторонѣ софистики, только вскользь упоминаетъ о главномъ занятіи софистовъ — объ ихъ дѣятельности въ области политическаго воспитанія. Несмотря на то, что одни только софисты объявляютъ себя учителями политики, они, на взглядъ Аристотеля, всего менѣе на это пригодны, такъ какъ не имѣютъ ни практической опытности [1]), ни даже самыхъ основныхъ теоретическихъ знаній [2]).

Изъ риторовъ о софистахъ особенно обстоятельно говоритъ Исократъ. Его отзывъ обращаетъ на себя вниманіе потому, что Исократъ самъ называлъ себя софистомъ [3]) и смотрѣлъ на дѣло съ чисто практической стороны.

„Еслибы всѣ, которые берутся за воспитаніе"—говоритъ онъ въ рѣчи „Противъ софистовъ" [4])—„желали говорить правду и не дѣлали бо́льшихъ обѣщаній, чѣмъ сколько могутъ исполнить, то они не были бы въ дурной славѣ у частныхъ лицъ. А теперь люди, позволяющіе себѣ слишкомъ неосмотрительно хвастаться, довели до того, что кажется лучшимъ совѣтоваться съ тѣми, кто избралъ для себя праздную жизнь, чѣмъ съ тѣми, кто занимается философіей. Кто бы, въ самомъ дѣлѣ, не возненавидѣлъ и не сталъ презирать прежде всего тѣхъ, которые занимаются спорами и хотя дѣлаютъ видъ будто ищутъ истины, но тотчасъ же, въ началѣ своихъ заявленій, принимаются говорить ложь. Вѣдь, я думаю, всѣмъ ясно, что знать напередъ будущее не въ нашей природѣ... А между тѣмъ эти люди дошли до крайней наглости: они пытаются убѣждать юношей въ томъ, что если сблизятся съ ними, то будутъ знать, какъ имъ нужно поступать, и вслѣдствіе этого знанія будутъ счастливыми. И, выставляя себя учителями и господами столь великихъ благъ, они не стыдятся просить

τισμὸν σοφιστικοί· ἡ γὰρ σοφιστική ἐστιν, ὥσπερ εἴπομεν, χρηματιστική τις ἀπὸ σοφίας φαινομένης, διὸ φαινομένης ἀποδείξεως ἐφίενται. καὶ τῶν λόγων τῶν αὐτῶν μέν εἰσιν οἱ φιλέριδες καὶ σοφισταί, ἀλλ' οὐ τῶν αὐτῶν ἕνεκεν. καὶ λόγος ὁ αὐτὸς μὲν ἔσται σοφιστικὸς καὶ ἐριστικός, ἀλλ' οὐ κατὰ ταὐτόν, ἀλλ' ᾗ μὲν νίκης φαινομένης, ἐριστικός, ᾗ δὲ σοφίας, σοφιστικός· καὶ γὰρ ἡ σοφιστική ἐστι φαινομένη σοφία τις ἀλλ' οὐκ οὖσα.

[1]) Arist. Eth. Nic. XI, 10, 1180 ,b 35: τὰ δὲ πολιτικὰ ἐπαγγέλλονται μὲν διδάσκειν οἱ σοφισταί, πράττει δ' αὐτῶν οὐδείς.

[2]) Ibid. 1181 a, 12—17: τῶν δὲ σοφιστῶν οἱ ἐπαγγελλόμενοι λίαν φαίνονται πόῤῥω εἶναι τοῦ διδάξαι· ὅλως γὰρ οὐδὲ ποῖόν τί ἐστιν ἢ περὶ ποῖα ἴσασιν· οὐ γὰρ τὴν αὐτὴν τῇ ῥητορικῇ οὐδὲ χείρω ἐτίθεσαν, οὐδ' ἂν ᾤοντο ῥᾴδιον εἶναι τὸ νομοθετῆσαι συναγαγόντι τοὺς εὐδοκιμοῦντας τῶν νόμων.

[3]) См. выше, стр. 15, прим. 5.

[4]) Or. XIII.

за нихъ три или четыре мины. Еслибы они что нибудь изъ другаго имущества продавали за безцѣнокъ сравнительно съ дѣйствительною стоимостью, они не могли бы имѣть притязанія на благоразуміе; [1]) а между тѣмъ, цѣня всю добродѣтель и счастье столь малыми деньгами,[2]) они требуютъ, чтобы ихъ считали разсудительными учителями другихъ. Они говорятъ, что вовсе не нуждаются въ деньгахъ, презрительно называютъ богатство серебрецомъ и золотцемъ, и, стремясь къ небольшей выгодѣ, обѣщаются сдѣлать ближнихъ чуть ли не безсмертными. Но всего смѣшнѣе то, что они не довѣряютъ тѣмъ, отъ кого имъ слѣдуетъ получить деньги, т. е. тѣмъ, кому обѣщаютъ передать справедливость, а за учениковъ дѣлаютъ поручителями людей, которыхъ учителями никогда не бывали; старательно заботясь о своей обезпеченности, они дѣлаютъ противное обѣщанію. Воспитывающимъ въ чемъ нибудь другомъ слѣдуетъ обезпечить себя въ дѣлахъ спорныхъ, такъ какъ ничто не мѣшаетъ сильнымъ въ другихъ вещахъ быть нечестными въ сдѣлкахъ. Но людямъ, вселяющимъ добродѣтель и скромность, не безмысленно ли меньше всего вѣрить собственнымъ ученикамъ? Вѣдь, конечно, эти послѣдніе, будучи для всѣхъ остальныхъ хорошими и справедливыми, не погрѣшатъ противъ тѣхъ, черезъ которыхъ стали такими [3]). Когда, такимъ образомъ, частныя лица, взвѣсивъ все это, увидятъ, что учащіе мудрости и преподающіе счастье хотя во многомъ нуждаются сами, но съ учениковъ получаютъ немного, противорѣчія въ рѣчахъ подстерегаютъ, а въ дѣлахъ не замѣчаютъ, да сверхъ того выдаютъ себя за знающихъ будущее, между тѣмъ какъ о настоящемъ не могутъ ни сказать, ни посовѣтовать ничего должнаго, и что больше между собою согласны и правильнѣе поступаютъ люди, руководствующіеся мнѣніями, чѣмъ тѣ, которые объявляютъ себя обладающими наукой,—естественно думаю я, они станутъ презирать и считать такія занятія болтовнею и пустяками, а не заботой о душѣ.

„Не только этихъ, но и обѣщающихъ обучать политическимъ рѣчамъ стоитъ упрекнуть: и они объ истинѣ совсѣмъ не заботятся, но видятъ искусство въ томъ, чтобы малостью вознагражденія и величиною обѣщанія привлечь учениковъ какъ можно больше и сумѣть взять съ нихъ что нибудь. Настолько не наблюдательны и сами они, да и другихъ считаютъ такими же, что, составляя рѣчи хуже, чѣмъ

---

[1]) Ср. Xenop. Memorab. I, 6, 11—13. См. выше, стр. 18.

[2]) Ср. Plato, Soph. 234, A. См. выше стр. 25, прим. 3.

[3]) Ср. Plato, Gorg. 519, C—521, A (выше, стр. 23 и прим. 3).

нѣкоторыя изъ простыхъ лицъ безъ всякаго приготовленія, они тѣмъ не менѣе обѣщаютъ учениковъ сдѣлать такими ораторами, которые ничего не упустятъ въ дѣлахъ. И изъ этой способности они ничего не удѣляютъ ни опытности, ни природнымъ дарованіямъ ученика, но говорятъ, что науку о рѣчахъ передадутъ такъ же, какъ науку о буквахъ; не разслѣдовавъ свойствъ той и другой, они думаютъ, что громадностью обѣщаній возбудятъ удивленіе къ себѣ и воспитанію въ рѣчахъ придадутъ болѣе достойный видъ, плохо зная, что великими дѣлаютъ искусства не тѣ, которые нагло хвастаются ими, но тѣ, которые могутъ найти все то, что заключается въ каждомъ изъ нихъ.

„Я бы предпочелъ многимъ деньгамъ, еслибы философія имѣла такую силу, какую утверждаютъ эти люди; но когда на самомъ дѣлѣ это не такъ, то я желалъ бы, чтобы болтуны замолчали, такъ какъ я вижу, что дурная молва распространяется не о тѣхъ только, кто ведетъ дѣло неправильно, но что также клевещутъ на всѣхъ другихъ, занимающихся тѣмъ же дѣломъ. Про недавно народившихся и только что принявшихся за хвастовство софистовъ я хорошо знаю, что, хотя они теперь и въ большомъ ходу, про всѣхъ нихъ будутъ говорить тоже самое. Остаются еще бывшіе до насъ и дерзнувшіе написать такъ называемыя „руководства“. Ихъ также нельзя отпустить безъ упрека, такъ какъ они обѣщали научить судиться— выбравъ самое ненавистное изъ именъ, которое было бы пристойно говорить завистникамъ, а не представителямъ этого воспитанія, и при томъ выбравъ для занятія, которое, поскольку изучимо, способно принести не меньшую пользу въ рѣчахъ судейскихъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Но эти люди были хуже занимающихся спорами тѣмъ, что послѣдніе хотя и изслѣдовали такіе пустяки, что если остаться имъ вѣрнымъ въ дѣлахъ, тотчасъ же окажешься въ безъисходномъ положеніи, все же внушали добродѣтель и скромность, а тѣ, которые побуждали къ политическимъ рѣчамъ, пренебрегая связанными съ этими рѣчами благами, становились учителями суетливости и жадности“.

Въ другомъ мѣстѣ (въ „Еленѣ“) Исократъ, разсуждая о безполезности теоретической философіи вообще, укоряетъ въ особенности еристиковъ, которымъ, по его словамъ, нѣтъ ни до чего дѣла, кромѣ наживы съ молодыхъ людей, и ставитъ на видъ, что выдающіе себя за воспитателей должны посвящать себя не никуда негоднымъ занятіямъ, въ родѣ превознесенія жизни нищихъ и бѣглецовъ, прославленія шмелей, соли и т. п., но ознакомленію учениковъ съ такими дѣ-

лами, изъ которыхъ слагается общественная жизнь. Тѣ, которые имѣютъ притязаніе на мудрость и объявляютъ себя софистами, должны отличаться отъ простыхъ людей и превосходить ихъ не тѣмъ, чѣмъ всѣ пренебрегаютъ, но тѣмъ, въ чемъ всѣ соперничаютъ [1]).

Еще суровѣе отзываются о софистахъ государственные люди Аѳинъ. Платонъ сохранилъ намъ отзывы двухъ политиковъ—консерватора Анита и радикала Калликла.

Въ діалогѣ „Менонъ“ [2]) Сократъ спрашиваетъ у Анита, къ кому, по его мнѣнію, послать Менона, который стремится къ политической мудрости и доблести. „Не ясно-ли, говоритъ Сократъ, что надо послать его къ тѣмъ, которые объявляютъ себя учителями добродѣтели для всѣхъ еллиновъ, желающихъ у нихъ учиться за извѣстную плату.—Какихъ же людей ты подразумѣваешь? спрашиваетъ Анитъ.—Я думаю и тебѣ извѣстно, отвѣчаетъ Сократъ, что это тѣ самые, которыхъ называютъ софистами.—О, Гераклъ, восклицаетъ Анитъ, не сквернословь, Сократъ; пусть ни на одного изъ моихъ родственниковъ, близкихъ и друзей, пусть ни на одного гражданина и чужестранца не найдетъ такое безуміе, чтобы идти къ этимъ людямъ и оскверниться, такъ какъ очевидно, что эти люди скверна и язва для всѣхъ, кто съ ними имѣетъ дѣло.—Неужели же правда, Анитъ, что только одни софисты изъ всѣхъ тѣхъ, которые выдаютъ себя за способныхъ принести пользу, такъ мало похожи на остальныхъ, что не только не улучшаютъ какъ другіе то, что имъ поручаютъ, но даже наоборотъ портятъ, и за это еще открыто требуютъ денегъ? Я не знаю какъ тебѣ вѣрить. А мнѣ извѣстенъ одинъ человѣкъ, по имени Протагоръ, который такою мудростью нажилъ больше денегъ, чѣмъ Фидій, дѣлавшій такія великолѣпныя и прекрасныя вещи, и вмѣстѣ съ Фидіемъ десять другихъ ваятелей. Да и странное ты говоришь; вѣдь если бы люди, занимающіеся починкой старой обуви и зашиваньемъ стараго платья, возвращали платья и обувь въ худшемъ состояніи, чѣмъ какъ получили, то они не могли бы скрыть этого

[1]) Helene (X), 1—14. Кромѣ того Исократъ говоритъ о софистахъ въ Panath. (XII), 5, 17—20 (разсказъ о томъ, какъ старались всячески повредить Исократу нѣкоторые изъ τῶν ἀγελαίων σοφιστῶν καὶ πάντα φασκόντων εἰδέναι καὶ ταχέως πανταχοῦ γιγνομένων), 271; De Permut. (XV), 2, 4, 136, 147—148, 155, 157, 169, 197—198, 203, 221, 237; Paneg. (IV), 4, слѣд., 28; Phil. (V), 12.

[2]) Plato, Meno, 91, A—92, E. Несмотря на заявленіе самого Анита, что онъ не имѣлъ лично дѣла съ софистами (οὐ συγγέγονε), все же его отзывъ имѣетъ значеніе, такъ какъ о стоящихъ на виду общественныхъ дѣятеляхъ можно знать и безъ личнаго знакомства съ ними.

даже и въ теченіе одного мѣсяца, и если бы поступали такимъ образомъ, то скоро бы умерли съ голоду, а между тѣмъ Протагоръ скрывалъ отъ всей Еллады больше сорока лѣтъ, что развращаетъ учениковъ и отсылаетъ ихъ худшими, чѣмъ принялъ. Вѣдь онъ, думаю я, умеръ недавно семидесяти лѣтъ отъ роду, послѣ того какъ занимался своимъ искусствомъ сорокъ лѣтъ; и въ теченіе всего этого времени, до сегоднишняго дня, нисколько не потерялъ своей славы. Да и не одинъ только Протагоръ; много и другихъ, изъ которыхъ иные жили раньше его, а иные еще и до сихъ поръ живутъ. Такъ должны-ли мы согласно съ твоимъ мнѣніемъ сказать, что они сознательно обманываютъ и оскверняютъ молодыхъ людей, или же, что они дѣлаютъ это сами того не зная? И можемъ-ли мы признать, что до такой степени безумствуютъ тѣ, которыхъ нѣкоторые считаютъ мудрѣйшими изъ людей?—Да они вовсе и не безумствуютъ, Сократъ; но скорѣе тѣ изъ молодыхъ людей, которые даютъ имъ деньги, а еще больше безумствуютъ города, которые допускаютъ ихъ въ свои предѣлы и не выгоняютъ,—иностранца-ли, собственнаго-ли гражданина, какъ скоро онъ начинаетъ дѣлать что нибудь подобное.—Обидѣлъ что ли, Анитъ, тебя кто изъ софистовъ, что ты такъ сердитъ на нихъ?—О нѣтъ, клянусь Зевсомъ, я никогда не имѣлъ съ ними дѣла, да и не позволилъ бы этого никому изъ моихъ.—Такъ, значитъ, ты совсѣмъ не знаешь этихъ людей?—Да и знать не хочу.—Какъ же ты, чудной человѣкъ, можешь знать объ этомъ дѣлѣ, хорошо оно или нѣтъ, если оно тебѣ совсѣмъ неизвѣстно?—Да очень просто. Ужъ про этихъ то людей я знаю, знакомъ я съ ними или нѣтъ.—Можетъ быть, Анитъ, ты прорицатель, такъ какъ, судя по твоимъ словамъ, было бы удивительно, какъ иначе ты можешь знать объ этихъ людяхъ. Впрочемъ, вѣдь мы ищемъ не тѣхъ, отъ которыхъ Менонъ сталъ бы дурнымъ; такими людьми, если ты желаешь, пусть будутъ софисты. Но ты назови намъ другихъ и окажи благодѣяніе этому гостю твоего отца; скажи ему, къ кому долженъ онъ идти въ такомъ большомъ городѣ, чтобы ему быть чего нибудь стоющимъ въ добродѣтели?—А ты отчего ему самъ этого не сказалъ?—Я уже указалъ, кого я считалъ учителями въ этомъ дѣлѣ; но по твоему выходитъ, что я не сказалъ ничего путнаго. Быть можетъ, ты и правъ; но теперь ты ему въ свою очередь скажи, къ кому изъ аѳинянъ ему идти. Назови имя, чье хочешь.—Да къ чему слышать имя одного человѣка; съ кѣмъ бы изъ хорошихъ аѳинянъ онъ ни встрѣтился, всякій скорѣе сдѣлаетъ его лучшимъ, чѣмъ софисты, если только онъ захочетъ слушаться“.

Не меньшимъ презрѣніемъ дышитъ и отзывъ Калликла. Калликлъ заявляетъ просто, что о софистахъ не стоитъ говорить, такъ какъ они люди ничего не стоющіе [1]).

Какъ изъ только-что приведенныхъ отзывовъ, такъ и изъ всего того, что было нами сказано объ исторіи слова софистъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы, которые затѣмъ провѣримъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи:

1) Въ Греціи со второй половины V в. существовалъ особый профессіональный разрядъ или классъ учителей, называвшихся софистами. Софисты были платные учители добродѣтели (въ греческомъ значеніи этого слова), т.-е. необходимыхъ для успѣха въ практической жизни знаній и умственной ловкости или изворотливости, занимавшіеся философіей и слѣдовавшіе въ своей философской и воспитательной дѣятельности общему ходячему въ то время направленію, (субъективизму, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ).

2) Всѣ софисты преподавали искусство ловко говорить, но одни изъ нихъ занимались преимущественно теоретической и практической разработкой общихъ правилъ риторики, другіе руководили въ составленіи политическихъ и судебныхъ рѣчей, третьи учили вести споры (были еристиками).

3) Уже въ древности различали два поколѣнія софистовъ: старшихъ и младшихъ.

4) О софистахъ мы не слышимъ ни одного сочувственнаго отзыва, ни отъ теоретиковъ, ни отъ практиковъ; тѣ и другіе ставятъ на видъ недобросовѣстность, хвастливость, корыстолюбіе софистовъ, но отзывы практиковъ суровѣе, чѣмъ отзывы теоретиковъ. Наименѣе неблагопріятные для софистовъ отзывы—Платона и Аристотеля. Платонъ (устами Сократа) не только не присоединяется къ суровымъ отзывамъ практиковъ, но даже защищаетъ софистовъ противъ взводимыхъ на нихъ практиками обвиненій.

5) Въ отзывахъ Ксенофонта, Платона и Аристотеля сквозитъ взглядъ Сократа на торгъ мудростью какъ на дѣло позорное; въ отзывахъ Платона и Аристотеля мы, сверхъ того, встрѣчаемся съ другимъ взглядомъ Сократа, что добродѣтель сама обязываетъ къ благодарности и что поэтому требовать деньги за наставленія въ ней нелѣпо; но эти взгляды не составляютъ ни главнаго, ни единственнаго основанія этихъ отзывовъ. Основанія этого слѣдуетъ искать въ одномъ и томъ же убѣжденіи, которое въ большей или меньшей степени про-

[1]) Plato, Gorg. 519, E—520, A: Οὐκοῦν ἀκούεις τοιαῦτα λεγόντων τῶν φασκόντων παιδεύειν ἀνθρώπους εἰς ἀρετήν; — Ἔγωγε. ἀλλὰ τί ἂν λέγοις ἀνθρώπων πέρι οὐδενὸς ἀξίων;

глядываетъ во всѣхъ отзывахъ (не исключая отзывовъ Сократа и Исократа),—что софисты не знали надлежащимъ образомъ того, чего объявляли себя преподавателями; а рѣшительный тонъ, которымъ Платонъ и Исократъ, не смотря на различіе точекъ зрѣнія, единогласно указываютъ на несообразные поступки софистовъ [1]), уполномочиваетъ предположить, что эти указанія имѣли за себя не унаслѣдованное отъ Сократа мнѣніе, но дѣйствительные факты.

6) Въ Платоновомъ опредѣленіи софистики замѣчается двойственность: неизмѣнно называя софистовъ учителями добродѣтели, Платонъ въ „Протагорѣ“ и „Горгіи“ видитъ основную черту софистическаго искусства въ риторикѣ, а въ „Софистѣ“—въ еристикѣ. Аристотель при опредѣленіи софистики стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, на какой Платонъ въ „Софистѣ“. Такъ какъ „Софистъ“ написанъ Платономъ несомнѣнно позднѣе „Протагора“ и „Горгія“ [2]) и такъ какъ Аристотель ничего не говоритъ о риторической дѣятельности еристиковъ, то можно предположить, что старшіе софисты были по преимуществу риторы, а изъ младшихъ большинство по преимуществу еристики. Объ еристикѣ, точно также, какъ о софистикѣ вообще, наименѣе суровъ отзывъ Платона; самый непріязненный объ еристикѣ отзывъ Исократа.

7) До второй половины V вѣка всѣ вообще мудрые, ловкіе, искусные люди назывались софистами. Нѣкоторые изъ нихъ занимались преподаваніемъ искусствъ и вообще имѣли то или другое отношеніе къ воспитательной дѣятельности, но ни объ этихъ преподавателяхъ, ни о другихъ мудрыхъ людяхъ до второй половины V вѣка мы не слышимъ, чтобы они объявляли себя платными учителями добродѣтели, преподавали искусство ловко говорить, приводили свою практическую дѣятельность въ связь съ философскими теоріями. Древніе софисты не имѣли поэтому съ софистами, появившимися со второй половины V вѣка, ничего общаго, кромѣ имени и извѣстной степени умственныхъ дарованій.

8) Слово софистъ было въ V и IV вѣкахъ ходячимъ для обозначенія платныхъ учителей. Оно въ этомъ значеніи встрѣчается у нѣсколькихъ писателей, современныхъ Платону. Поэтому несправедливо мнѣніе Грота, что Платонъ изъялъ слово софистъ изъ общаго употребленія и закрѣпилъ за платными учителями.

---

[1]) См. выше, стр. 23, 33. Подлинныя слова Платона и Исократа слѣдующія. Gorg., 519, C: καὶ γὰρ οἱ σοφισταί, τἆλλα σοφοὶ ὄντες, τοῦτ' ἄτοπον ἐργάζονται πρᾶγμα· φάσκοντες γὰρ ἀρετῆς διδάσκαλοι εἶναι πολλάκις κατηγοροῦσι τῶν μαθητῶν, ὡς ἀδικοῦσι σφᾶς и т. д. Isocrt. XIII, 5: τὸ δὲ πάντων καταγελαστότατον, ὅτι παρὰ μὲν ὧν δεῖ αὐτοὺς λαβεῖν, τούτοις μὲν ἀπιστοῦσιν, οἷς μέλλουσι τὴν δικαιοσύνην παραδώσειν и т. д.

[2]) По языку и отсутствію драматической живости «Софистъ» примыкаетъ къ безспорно позднѣйшимъ Платоновымъ діалогамъ—«Филебу», «Тимэю», «Законамъ», «Епи-

III.

Лица, извѣстныя въ исторіи подъ именемъ софистовъ. — Единство ихъ направленія. — Политическія причины, вызвавшія это направленіе.—Ростъ гражданскаго субъективизма въ Аѳинахъ.—Единство духовной жизни.—Субъективизмъ въ религіи, музыкѣ, поэзіи, какъ соотвѣтствіе субъективизму гражданскому.—Связь драматическаго искусства съ софистикой.—Воспитательное значеніе поэзіи.—Кругъ въ исторіи аѳинскаго субъективизма.—Безсиліе противодѣйствующихъ теченій.

Подъ опредѣленіе, данное въ предыдущей главѣ, подходятъ слѣдующія лица, извѣстныя въ древности подъ именемъ софистовъ: Протагоръ изъ Абдеры, Продикъ изъ Юлиды, Горгій изъ Леонтинъ, Гиппій изъ Елиды, Ѳразимахъ изъ Халкидона, Полъ изъ Агригента, Евѳидемъ и Діонисидоръ изъ Хіоса, Антифонтъ изъ Аѳинъ, Алкидамантъ изъ Елеи, Евенъ изъ Пароса и Ликофронъ (мѣсто рожденія этого софиста неизвѣстно [1]). Всѣ эти лица, какъ мы видѣли изъ различныхъ отзывовъ о нихъ и какъ убѣдимся изъ непосредственнаго знакомства съ ними, были вмѣстѣ общественными дѣятелями и философами. Знаменитѣйшій между ними, Протагоръ, выставилъ положеніе (которое доказывалъ психологической теоріей объ условности и относительности всѣхъ духовныхъ состояній), что человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей [2], и это положеніе выражало общую всѣмъ софистамъ точку

номисъ», «Критію», тогда какъ «Протагоръ» и «Горгій» несомнѣнно принадлежатъ къ группѣ «сократическихъ» діалоговъ, т. е. написанныхъ частью при жизни, частью вскорѣ послѣ смерти Сократа. Ср. Campbell, The Sophistes and Politicus of Plato, Oxford, 1867, p. XIX sq.

[1]) Обыкновенно (Zeller, Philosophie der Griechen, I, 961 f., Ueberweg, Grundriss I, 103 и другіе) причисляютъ къ софистамъ тиранна Критія (одного изъ Тридцати), политика Калликла (извѣстнаго намъ исключительно изъ Платонова «Горгія») и скептика Ксеніада (о которомъ мы знаемъ только изъ Секста Емпирика - Adv. Math. VII, 48. 53. 388. 399. VIII, 5. Pyrrh. II, 18), такъ какъ всѣ эти лица слѣдовали софистическому направленію. Но ни Критій, ни Калликлъ, ни Ксеніадъ не были учителями добродѣтели и потому не могутъ быть причислены къ софистамъ. Калликлъ не только не былъ софистомъ, но, какъ мы уже знаемъ (см. выше, стр. 37), презиралъ софистовъ. Изъ того, что всѣ эти лица держались софистическаго направленія слѣдуетъ не то, что они были софистами, но то, что софистическое направленіе было принадлежностью не однихъ только софистовъ (какъ это и будетъ доказано въ настоящей главѣ). Исократъ, хотя самъ называетъ себя софистомъ, не можетъ быть причисленъ къ софистамъ потому, что не слѣдовалъ субъективному направленію и не приводилъ своей дѣятельности въ связь съ какой-либо философской теоріей. Объ ученикахъ софистовъ Протархѣ, Антимэрѣ и др. будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Plato, Theaet. 152, A: φησὶ γάρ που (Πρωταγόρας) πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπον εἶναι, τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστι, τῶν δὲ μὴ ὄντων, ὡς οὐκ ἔστιν. Ibid. 160,

зрѣнія. Продикъ стоялъ на ней въ ученіи о внѣшнихъ благахъ,— что „каковы пользующіеся вещами люди, таковы и самыя вещи"— и въ натуралистическомъ объясненіи религіозныхъ миѳовъ [2]), Горгій—въ безусловномъ, отвергавшемъ возможность всякаго бытія и знанія скептицизмѣ, примыкавшемъ къ сходному съ Протагоровымъ взгляду на духовныя состоянія, какъ безусловно индивидуальныя [3]); Антифонтъ—въ отрицаніи реальности содержанія духовныхъ состояній [4]); Гиппій, Ѳразимахъ, Полъ, Алкидамантъ, Ликофронъ—въ теоріяхъ нравственнаго субъективизма: Гиппій—во взглядѣ на законъ, какъ на тиранна, заставляющаго людей дѣлать противное ихъ природѣ [5]), Ѳразимахъ—въ ученіи о справедливости, какъ о томъ, что̀ полезно для сильнаго [6]), Полъ—въ прославленіи своеволія и тиранніи [7]), Ликофронъ и Алкидамантъ—въ отрицательномъ отношеніи къ установленнымъ обычаемъ сословнымъ различіямъ (первый считалъ вымысломъ знатность [8]), второй—не признавалъ рабства [9]); объ Евенѣ мы знаемъ только, что онъ былъ платный учитель добродѣтели, поэтъ, риторъ и философъ [10]).

С; Cratyl. 385, E; Aristot. Metaph. X, 1, 1053a, 35 и др. Психологическая теорія Протагора у Plato, Theaet. 156, A сл. См. ниже, стр. 141, пр. 3; стр. 146, пр. 8; стр. 148, пр. 4.

[2]) (Pseudo) Plato Eryxias, 397, D: ὁποῖοι ἂν τινες ὦσιν οἱ χρώμενοι, τοιαῦτα καὶ τὰ πράγματα αὐτοῖς ἀνάγκη εἶναι. О натурализмѣ Продика см. ниже, стр. 143, пр. 9.

[3]) (Pseudo) Aristot. De Melisso, c. 5: οὐκ εἶναί φησιν (ὁ Γοργίας) οὐδέν. εἰ δ' ἔστιν, ἄγνωστον εἶναι· εἰ δὲ καὶ ἔστι καὶ γνωστόν, ἀλλ' οὐ δηλωτὸν ἄλλοις. Ibid. c. 6: φαίνεται δ' οὐδ' ὁ αὐτὸς αὑτῷ ὅμοια αἰσθανόμενος ἐν τῷ αὐτῷ χρόνῳ ἀλλ' ἕτερα τῇ ἀκοῇ καὶ τῇ ὄψει καὶ νῦν τε καὶ πάλαι διαφόρως· ὥστε σχολῇ ἄλλῳ πᾶν ταὐτὸ αἴσθοιτό τις.

[4]) Fr. 97 (Muller.): ταῦτα δὲ γνοὺς εἰς ἕν τε οὐδὲν αὐτῷ οὔτε ἣν ὄψει ὁρᾷ μακρότητα οὔτε ἣν γνώμῃ γιγνώσκει ὁ μακρότητα γιγνώσκων. То, что̀ справедливо о макротѣ, должно быть справедливымъ и относительно всѣхъ другихъ духовныхъ состояній. О принадлежности книги Ἀλήθεια, изъ которой сохранился этотъ фрагментъ, софисту Антифонту (а не Рамнузійскому) свидѣтельствуетъ Hermogenes, Περὶ ἰδεῶν, Rhetores graeci, II, ed. Spengel. Lips., 1854, p. 414.

[5]) Plato, Protag. 337, D: ὁ δὲ νόμος τύραννος ὢν τῶν ἀνθρώπων πολλὰ παρὰ τὴν φύσιν βιάζεται. Ср. Xen. Memor. IV, 4, 14.

[6]) Plato, De Rep. 338, C: φημὶ γὰρ ἐγὼ εἶναι τὸ δίκαιον οὐκ ἄλλο τι, ἢ τὸ τοῦ κρείττονος συμφέρον.

[7]) Plato, Gorg. 470, C, слѣд.

[8]) Plut. De Nobil. XVIII, 650W: ἔστιν εὐγένεια... καθάπερ Λυκόφρων ὁ σοφιστὴς ἔγραψεν κενόν τι πάμπαν; ἐκεῖνος γὰρ ἀντιπαραβάλλων ἑτέροις ἀγαθοῖς αὐτήν, εὐγενείας μὲν οὖν, φησίν, ἀφανὲς τὸ κάλλος, ἐν λόγῳ δὲ τὸ σεμνόν.

[9]) Fr. 1 (Muller.): ἐλευθέρους ἀφῆκε πάντας θεός, οὐδένα δοῦλον ἡ φύσις πεποίηκεν.

[10]) Объ Евенѣ см. Plato, Apol. 20, A, сл.; Phaedo 60, D, сл.; Phaedr. 267, A.

Двоякая дѣятельность софистовъ была вызвана и двоякаго рода причинами: внѣшними и внутренними. Между тѣми и другими взаимодѣйствіе: жизнь общественная слагается такъ или иначе между прочимъ вслѣдствіе тѣхъ или другихъ духовныхъ особенностей народа, а эти послѣднія въ свою очередь въ извѣстной мѣрѣ обусловлены средою. Дѣятельность каждаго человѣка стоитъ въ зависимости отъ причинъ ему внѣшнихъ; но своей дѣятельностью человѣкъ способенъ вносить въ среду такія измѣненія, которыя могутъ стать причинами той или другой дѣятельности какъ его самого, такъ и другихъ лицъ. Люди обыкновенные идутъ по стезѣ, проложенной другими, люди выдающіеся могутъ (по вызову причинъ внѣшнихъ) вносить въ жизнь новыя начала. Причины, обусловливающія ихъ духовную жизнь, тѣже, что и причины, обусловливающія духовную жизнь простыхъ людей; но, дѣйствуя черезъ среду своеобразной умственной организаціи, онѣ производятъ и своеобразныя явленія, которыя могутъ стать движущей силой общественной жизни, если для ихъ дѣйствія подготовлена почва. Вѣкъ софистовъ и Сократа былъ, какъ увидимъ, вѣкомъ разцвѣта личнаго самосознанія въ Греціи; субъективизмъ со второй половины V вѣка царилъ во всѣхъ проявленіяхъ греческой жизни — въ политикѣ, искусствѣ, религіи, философіи. Не софисты и не Сократъ создали это направленіе; наоборотъ, и софисты и Сократъ были имъ созданы. Взглядъ на человѣка, какъ на мѣру всѣхъ вещей, скептицизмъ, противопоставленіе законнаго естественному, теоретическое признаніе права сильнаго — всѣ эти и имъ подобныя формы субъективизма были уже въ большей или меньшей степени частью сознательнымъ, частью безсознательнымъ достояніемъ грековъ въ то время, когда софисты дали этимъ формамъ законченное выраженіе; были точно также заложены основанія и для своеобразной философской дѣятельности Сократа. Но тогда какъ софисты вмѣстѣ съ другими передовыми людьми того времени [1]) были лишь наиболѣе видными представителями ходячаго субъективизма, Сократъ указалъ субъективизму новое направленіе — отъ сенсуализма къ раціонализму, отъ себялюбія къ дружелюбію, отъ скептицизма въ религіи и нравственности къ положительному нравственному и религіозному міровоззрѣнію. Субъективная сторона дѣятельности Сократа способствовала размноженію еристиковъ (вызвала появленіе еристиковъ обличителей [2]); объективная способствовала появленію Платона. Напротивъ, значеніе софистовъ (какъ цѣлаго разряда) исключительно въ томъ, что они возвели въ теорію то, чѣмъ руководствовалась практическая жизнь, и приложили эту теорію къ дѣлу воспитанія.

[1]) Напр. Критіемъ, Калликломъ, Еврипидомъ (см. ниже).

[2]) См. главу V.

Этимъ ихъ положеніемъ объясняется отношеніе къ нимъ современниковъ. Какъ теоретики, они возбудили къ себѣ презрѣніе практиковъ [1]); какъ практики, они не встрѣчали сочувствія въ теоретикахъ [2]); какъ наставники въ практическомъ примѣненіи субъективизма, они были ненавистны всѣмъ нравственно неиспорченнымъ; шарлатанствомъ и другими дурными личными качествами они увеличили общее противъ себя негодованіе. Впрочемъ, говоря о софистахъ, мы должны дѣлать различіе между именитыми родоначальниками софистическаго искусства—Протагоромъ, Продикомъ, Горгіемъ, Гиппіемъ, ихъ младшими современниками—Поломъ, Ѳразимахомъ и др., и тѣми безъимянными учителями добродѣтели, которыхъ Исократъ называетъ стадными софистами, всезнающими и повсюду быстро поспѣвающими [3]). Первые были рѣзкими выразителями субъективизма только въ теоретической философіи, а въ нравственной области проводили субъективизмъ не столько въ теоріи, сколько на дѣлѣ; вторые слѣдовали субъективизму одинаково рѣзко какъ теоретически, такъ и практически; третьи не заявили себя ничѣмъ самостоятельнымъ и были лишь послушными орудіями чужаго субъективизма. Первые и вторые были люди даровитые и сумѣли кромѣ ненависти стяжать къ себѣ и уваженіе; третьи—(на сколько мы можемъ судить по отзывамъ о нихъ) не только сами не были уважаемы никѣмъ, но усилили ненависть и къ своимъ знаменитымъ предшественникамъ. Прилагая ими разработанную теорію на практикѣ, софисты усиливали субъективное теченіе, и такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ практическомъ примѣненіи субъективизмъ равносиленъ отрицанію нравственности, то нельзя отрицать и того, чего не хотѣлъ признать Гротъ, но въ чемъ согласны всѣ другіе историки философіи, что софисты расшатывали нравственные устои греческой жизни. Въ настоящей главѣ я укажу, какимъ образомъ субъективное направленіе слагалось въ Греціи исторически. Я начну съ изложенія причинъ политическихъ, такъ какъ, гдѣ бы въ общемъ ходѣ всемірной исторіи ни крылось начало, руководящее судьбами народовъ—въ сознательной ли дѣятельности духа, или въ силѣ внѣшней необходимости, въ ранней исторіи Греціи безспорно не столько умственная жизнь указывала пути жизни внѣшней, сколько наоборотъ—внѣшняя давала направленіе жизни умственной.

Софисты, жизнь и ученіе которыхъ мы будемъ излагать, были уроженцами различныхъ греческихъ городовъ. Но входить въ подроб-

---

[1]) См. отзывъ Калликла (на стр. 37).

[2]) Напр. Платона. Платонъ не былъ врагомъ софистовъ, но и не сочувствовалъ имъ.

[3]) См. выше, стр. 33, прим. 3.

ности исторіи каждаго изъ этихъ городовъ нѣтъ ни возможности, ни необходимости. Мы знаемъ обстоятельно только исторію Аѳинъ и Спарты (исторія послѣдняго государства впрочемъ не имѣетъ къ исторіи софистовъ никакого прямаго отношенія); о другихъ городахъ мы имѣемъ лишь отрывочныя историческія свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія однако уполномочиваютъ насъ заключить, что политическія судьбы почти всѣхъ греческихъ городовъ были въ общихъ чертахъ одинаковы. Во всѣхъ городахъ мы видимъ первоначально царскую власть, возникшую на почвѣ родовыхъ отношеній; во всѣхъ городахъ эту власть ограничиваетъ родовая знать, и царство уступаетъ въ концѣ мѣсто олигархіи; въ большинствѣ городовъ возникаетъ въ половинѣ VII и въ началѣ VI в. тираннія; наконецъ, во всѣхъ городахъ въ V и IV в. мы замѣчаемъ колебанія между демократіей и олигархіей [1]). Общій смыслъ исторіи всѣхъ этихъ городовъ одинъ и тотъ же. Но о немъ мы будемъ говорить, когда изложимъ исторію Аѳинъ. Знать эту послѣднюю намъ необходимо не только потому, что софисты избирали главнымъ поприщемъ своей дѣятельности именно Аѳины и должны были поэтому сообразовать свои воззрѣнія съ тамошнею жизнью, но также и потому, что съ половины V в. этотъ городъ, стоявшій къ тому времени во главѣ нѣскольких сотъ городовъ, сдѣлался пританеемъ греческой мудрости [2]), образцомъ и воспитателемъ всей Греціи [3]).

Политическую исторію Аѳинъ [4]) можно назвать исторіей возникновенія и развитія аѳинской демократіи до охлократіи. Эта исторія начинается съ тѣхъ поръ, какъ вокругъ акрополя объединились подъ именемъ Аѳинъ нѣсколько дотолѣ самостоятельныхъ общинъ, носившихъ различныя названія. Населеніе этихъ общинъ состояло изъ благородныхъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ и было подраздѣлено на

[1]) Hermann, Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, 5-te Aufl., 2-te Ausg. Freib. 1884, S. 218—270.

[2]) Такъ называлъ Аѳины софистъ Гиппій. Plato, Protag. 337, D.

[3]) Thuc. II, 37: χρώμεθα γὰρ πολιτείᾳ οὐ ζηλούσῃ τοὺς τῶν πέλας νόμους, παράδειγμα δὲ μᾶλλον αὐτοὶ ὄντες τινὶ ἢ μιμούμενοι ἑτέρους. Ibid. 41: ξυνελών τε λέγω τήν τε πᾶσαν πόλιν τῆς Ἑλλάδος παίδευσιν εἶναι и т. д. (То и другое мѣсто изъ рѣчи Перикла).

[4]) Пособіями при составленіи настоящаго историческаго очерка служили мнѣ слѣдующіе труды: Grote, History of Greece, vs. I—VIII, Lond. 1869; Duncker, Geschichte des Alterthums, Erste Folge, B. V — VII, 5-te Aufl., Leipz. 1881 — 1882; Neue Folge, B. I—II, Leipz. 1884—1886; Curtius, Griechische Geschichte, 5-te Aufl., Berlin, 1878; Hertzberg, Geschichte von Hellas und Rom, her. v. Oncken, I, Berl. 1876; Ranke Weltgeschichte, I, 1881; Hermann, Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer (см. выше прим. 1); того же автора Geschichte und System der Platonischen Philosophie, Heidelberg, 1838; Gilbert, Handbuch der griechischen Staatsalterthümer, I, Leipz. 1881. Rötscher, Aristophanes und sein Zeitalter, Berlin, 1827.

четыре родовые союза или филы; каждая фила обнимала собою три фратріи, каждая фратрія тридцать родовъ. Члены филы были связаны между собой частью кровными узами, частью общими религіозными обрядами. Во главѣ родовъ, фратрій и филъ стояли благородные. Представители филъ носили названіе царей филъ и отправляли священныя обязанности отъ имени государства. Верховная власть находилась въ рукахъ царя и была наслѣдственною въ родѣ [1]). Но постепенно эта власть въ борьбѣ съ родовою знатью теряетъ одно преимущество за другимъ. Сначала дѣлаютъ ее отвѣтственной передъ совѣтомъ благородныхъ, въ концѣ первой половины VIII вѣка ограничиваютъ десятилѣтнимъ срокомъ; въ концѣ VIII вѣка объявляютъ принадлежностью всѣхъ благородныхъ, а въ началѣ VII вѣка дѣлятъ между ежегодно избираемыми десятью сановниками. Первый изъ нихъ, подъ именемъ архонта, былъ предсѣдателемъ правительства; второй сохранилъ имя и священныя обязанности царя; третій — полемархъ — завѣдывалъ войсками; остальные шесть — ѳесмоѳеты — блюли и создавали право и судили вмѣстѣ съ царемъ. Совѣщательная власть находилась въ рукахъ совѣта трехсотъ благородныхъ; послѣдній вѣдалъ кромѣ того уголовныя дѣла [2]).

Уже во второй половинѣ VII вѣка противъ этого олигархическаго устройства начинается (вслѣдствіе притѣсненія бѣдныхъ богатыми) демократическое движеніе. Къ этому времени образовались въ аѳинской области три партіи—партія долины или крупныхъ землевладѣльцевъ, партія приморскихъ или богатыхъ купцовъ и промышленниковъ и партія нагорныхъ или независимыхъ крестьянъ. Первая—правящая—стремилась къ сохраненію олигархіи; вторая желала смѣшаннаго правленія, средняго между демократіей и олигархіей; третья—независимые землевладѣльцы—требовала полной демократіи [3]). Въ борьбѣ противъ олигарховъ приморскіе соединились съ нагорными, совмѣстно требуя участія въ высшемъ правительствѣ. Послѣ долгихъ смутъ правящіе уступили: въ 637 г. было рѣшено, чтобы четыре архонта выбирались изъ благородныхъ, три—изъ крестьянъ и два —изъ ремесленниковъ [4]). Но эта уступка показалась правящимъ слишкомъ тяжелою и скоро была взята назадъ. Тогда, съ цѣлью ограничить

[1]) Grote, History of Greece III, 49, sq.; Duncker, Gesch. des Althertums, V, 453 f.; Gilbert, I, 101 f.; Curtius, Griechische Geschichte, I, 292 f.; Hermann, Lehrbuch 361, f.

[2]) Duncker, V, 458 f.; Curtius, I, 295 f.; Gilbert, I, 115 f.; Hertzberg, I, 87 f.

[3]) Plut. Solon XIII; Duncker VI, 447; Gilbert, I, 126 f.; Hermann, Lehrbuch, 399 f.

[4]) Duncker, VI, 125 f.; Gilbert, I, 123 f.

произволъ правящихъ, крестьяне и ремесленники потребовали писанныхъ законовъ. Правящіе согласились и въ 621 году поручили составленіе законовъ первому архонту—Дракону. Законы Дракона обыкновенно называютъ кровавыми; но жестокость ихъ сказывалась не столько въ тяжкихъ наказаніяхъ за преступленія уголовныя (въ этомъ случаѣ Драконъ только закрѣпилъ обычное въ то время право), сколько въ суровыхъ постановленіяхъ противъ несостоятельныхъ должниковъ. Заимодавецъ имѣлъ право не только на все имущество должника, но и на его личную свободу, могъ сдѣлать несостоятельнаго должника рабомъ и продать въ неволю [1]). Судьба бѣдныхъ людей отъ такихъ законовъ не могла улучшиться. Снова начались смуты. Общимъ недовольствомъ задумалъ воспользоваться одинъ изъ благородныхъ, Килонъ, чтобы при содѣйствіи неимущихъ учредить тираннію. Съ помощью войскъ своего зятя, мегарскаго тирана Ѳеагена, ему удалось захватить акрополь; однако, онъ не только не встрѣтилъ поддержки среди населенія, но земледѣльцы толпами устремились къ акрополю, чтобы выгнать оттуда иноземцевъ вмѣстѣ съ тиранномъ. Килонъ съ немногими близкими спасся бѣгствомъ; изъ остальныхъ его приверженцевъ одни погибли голодною смертью, другіе были, по приказанію перваго архонта того года, Мегакла, изъ рода Алкмеонидовъ, вѣроломно умерщвлены у алтарей Евменидъ въ то время, какъ молили о пощадѣ [2]). По общему убѣжденію, гнѣвъ боговъ за это вѣроломное убійство не могъ не разразиться надъ оскверненнымъ городовъ. Опасеніе скоро оправдалось: зять Килона, въ отмщеніе за убійство близкихъ своего родственника, сталъ опустошать войсками Аттику и отнялъ у Аѳинъ Саламинъ. Потеря этого острова была одинаково тяжела какъ для приморскихъ, такъ и для нагорныхъ и мелкихъ ремесленниковъ. По всему западному берегу Аттики морская торговля остановилась; прекратился вмѣстѣ съ тѣмъ и подвозъ хлѣба въ малоплодородную аѳинскую область. Хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ; богатые землевладѣльцы еще больше стали тѣснить мелкихъ собственниковъ и ремесленниковъ. Вскорѣ вся аѳинская область покрылась каменными столбами съ именами заимодавцевъ и обозначеніемъ взятой подъ землю ссуды; неимущіе были обращены въ рабовъ; ихъ жены и дѣти проданы въ чужія земли. Между тѣмъ попытки возвратить Саламинъ оказались тщетными; государство настолько было изнурено

---

1) Duncker, VI, 126 f; Curtius, I, 301 f.; Grote, III, 76, sq:, Hertzberg, I, 118; Ranke, I, 185; Gilbert, I, 127 f.; Hermann, Lehrbuch, 383 f.

2) Duncker, VI, 132 f.; Curtius I, 303 f.; Grote, III, 82 sq.; Gilbert, I, 128 и др.

войною съ Мегарой, что правящіе назначили смертную казнь всякому, кто будетъ возбуждать народъ къ походу на Саламинъ. Бѣдные приняли угрожающее положеніе противъ своихъ притѣснителей; къ довершенію бѣдствій, жрецы предсказали появленіе язвы [1]). Изъ этого крайняго положенія вывелъ своихъ соотечественниковъ Солонъ изъ знатнаго рода Медонтидовъ [2]). Онъ отвоевалъ Саламинъ (который однако былъ вскорѣ снова потерянъ и возвращенъ окончательно лишь около 570 г.) и способствовалъ примиренію государства съ богами: по его совѣту надъ Мегакломъ и его сторонниками былъ наряженъ судъ, изгнавшій Алкмеонидовъ изъ Аттики, и приглашенъ изъ Крита извѣстный благочестіемъ и мудростью Епиминидъ, который различными обрядами очистилъ оскверненную святыню. Въ признательность за эти заслуги Солонъ въ 594 году былъ избранъ первымъ архонтомъ, посредникомъ между богатыми и бѣдными и законодателемъ. Посредничество Солона состояло въ такъ называемой сиссахтіи, т.-е. освобожденіи отъ долговъ тѣхъ, которые не имѣли недвижимой собственности, и облегченіи условій уплаты для собственниковъ. Всѣ обращенные въ рабство несостоятельные должники были освобождены; проданные за долги въ неволю въ чужіе края выкуплены; изданъ законъ, объявлявшій заемъ подъ личную свободу недѣйствительнымъ и грозившій смертью всякому, кто станетъ продавать соотечественника въ чужую страну; съ цѣлью предотвратить захватъ благородными земли у бѣдныхъ была опредѣлена наивысшая мѣра для земельной собственности; наконецъ, чрезъ уменьшеніе на одну четверть вѣса монетъ при сохраненіи номинальной цѣны, была увеличена стоимость денегъ.

Эти мѣры сначала вызвали общее неудовольствіе, но затѣмъ вскорѣ были признаны полезными, справедливыми и безпристрастными. Когда въ слѣдующемъ году, по истеченіи законнаго срока, Солонъ добровольно сложилъ свои высокія права, не смотря на то, что его съ различныхъ сторонъ побуждали захватить въ руки власть, онъ снова былъ выбранъ архонтомъ и законодателемъ. Въ основаніе своихъ политическихъ преобразованій Солонъ положилъ взглядъ, что права должны уравновѣшиваться повинностями. Онъ раздѣлилъ все населеніе примѣнительно къ количеству доходовъ съ земельной собственности на пять разрядовъ. Къ первому разряду были отнесены крупные землевладѣльцы, получавшіе 500 медимновъ хлѣба или 500

---

[1]) Duncker, VI, 136 f.; Grote, III, 90 sq.; Gilbert, I, 125 f. и др.

[2]) О дѣятельности Солона см. Duncker, VI, 138—250; Curtius, I, 306 f; Grote, III, 82 sq.; Gilbert, I, 129, f.; Hertzberg, I, 121 f.; Ranke, I, 186 f.; Hermann, Lehrbuch, 399 f.

метретовъ вина или масла, ко второму—собственники, имѣвшіе дохода меньше 500, но больше 300 медимновъ или метретовъ, къ третьему—крестьяне, доходъ которыхъ былъ меньше 300, но больше 150 медимновъ или метретовъ, къ четвертому — все остальное населеніе—мелкіе владѣльцы, купцы, ремесленники, поденьщики и т. д. Собственникамъ первыхъ трехъ разрядовъ принадлежали извѣстныя преимущества, которымъ соотвѣтствовали опредѣленныя обязанности; четвертый классъ не имѣлъ никакихъ особыхъ преимуществъ, но не несъ за то никакихъ повинностей. Изъ перваго разряда избирались архонты; изъ перваго, второго и третьяго — члены совѣта четырехсотъ, которымъ Солонъ замѣнилъ старый совѣтъ знати. Высокія преимущества собственниковъ перваго разряда уравновѣшивались тяжелыми обязанностями: эти собственники не только были обязаны нести службу въ войскѣ, но также снаряжать корабли и участвовать въ расходахъ по устройству различныхъ празднествъ. Собственники второго разряда обязаны были появляться на войну въ полномъ вооруженіи и на конѣ; собственники третьяго разряда несли повинность только какъ тяжеловооруженные. Четвертый разрядъ не былъ обязанъ никакою службою государству, однако ему вмѣстѣ съ остальными было предоставлено право выбирать архонтовъ и членовъ совѣта четырехсотъ, право голоса въ народномъ собраніи и учрежденномъ Солономъ народномъ судѣ или геліэѣ. Архонты и члены совѣта избирались всенародно всѣми четырьмя разрядами, выборъ членовъ совѣта производился по филамъ, по 100 изъ каждой. Избирателемъ могъ быть всякій полноправный гражданинъ, свыше двадцати лѣтъ отъ роду, избраннымъ въ совѣтъ — всякій полноправный гражданинъ свыше тридцати лѣтъ; въ архонты избирались тѣ, которые сами заявляли желаніе занять эту высокую, но расходную и отвѣтственную должность. Народное собраніе (состоявшее изъ всѣхъ гражданъ свыше 20 лѣтняго возраста) имѣло право выражать согласіе или несогласіе на ту или другую мѣру, предложенную архонтами и одобренную совѣтомъ, и рѣшительный голосъ въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ; кромѣ того передъ нимъ были обязаны отчетностью всѣ государственные сановники по истеченіи срока ихъ службы. Въ народномъ судѣ имѣли право участвовать всѣ граждане свыше 30 лѣтъ; къ этому суду можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаться съ жалобой на рѣшеніе судебной исполнительной власти, т.-е. шести архонтовъ—ѳесмоѳетовъ. Отношенія гражданъ другъ къ другу, къ родителямъ, дѣтямъ, женамъ, правила воспитанія, размѣръ отвѣтственности за проступки и преступленія,—все это опредѣлилъ Солонъ особыми зако-

нами, которые были вырѣзаны на деревянныхъ доскахъ, поставленныхъ на виду въ акрополѣ. За исполненіемъ этихъ законовъ долженъ былъ наблюдать ареопагъ — стародавнее, освященное различными религіозными преданіями учрежденіе, первоначально вѣдавшее одни только уголовныя дѣла, но въ государственномъ устройствѣ Солона — высшій государственный совѣтъ, передъ которымъ отвѣтственны какъ частные, такъ и государственные люди, но самъ отвѣтственный только передъ своею совѣстью [1]). Ареопагъ состоялъ изъ архонтовъ, безупречно окончившихъ службу. Высшее учрежденіе государства находилось такимъ образомъ въ рукахъ надежнѣйшихъ изъ высшаго сословія и было поэтому строго охранительнымъ. На случай государственнаго переворота Солономъ былъ изданъ весьма характерный для того времени законъ, принуждавшій, подъ страхомъ потери права гражданства, всякаго гражданина тотчасъ же примкнуть къ той или другой изъ борющихся партій. Законъ этотъ (поясняетъ Плутархъ) былъ изданъ съ тою цѣлью, „чтобы ни одинъ гражданинъ не относился безстрастно и безчувственно къ общегосударственному дѣлу, спрятавъ имущество въ безопасномъ мѣстѣ и прикрываясь благовиднымъ предлогомъ, что онъ не сострадаетъ, но и не наноситъ государству страданія, но чтобы тотчасъ же присоединился къ тѣмъ, кто поступаетъ лучше и справедливѣе, и предпочелъ бы скорѣе подвергать себя опасностямъ и оказывать помощь, чѣмъ въ безопасности ожидать побѣды“ [2]).

Своими преобразованіями Солонъ надѣялся, по его собственнымъ словамъ, „прикрыть крѣпкимъ щитомъ обѣ стороны, не позволяя ни одной одерживать несправедливую побѣду“. Народу онъ далъ столько силы, сколько на его взглядъ народу было нужно; но онъ не желалъ также и ничего дурнаго богатымъ и знатнымъ [3]). Тѣмъ не менѣе, ни бѣдные, ни богатые не были удовлетворены вполнѣ: богатые не могли забыть потерь, понесенныхъ ими при сиссахтіи, и не могли примириться съ мыслью, что доступъ къ высшимъ государственнымъ почестямъ зависитъ отъ воли народа; бѣдные собственники надѣялись

---

[1]) См. ниже, стр. 52 прим. 2.

[2]) Plut. Solon, XX.

[3]) Solon, Fr. 5 (Hart.).

Δήμῳ μὲν γὰρ ἔδωκα τόσον κράτος, ὅσσον ἐπαρκεῖ
  τιμῆς οὔτ' ἀφελὼν οὔτ' ἐπορεξάμενος·
οἳ δ' εἶχον δύναμιν καὶ χρήμασιν ἦσαν ἀγητοί,
  καὶ τοῖς ἐφρασάμην μηδὲν ἀεικὲς ἔχειν.
ἔστην δ' ἀμφιβαλὼν κρατερὸν σάκος ἀμφοτέροισι·
  νικᾶν δ' οὐκ εἴασ' οὐδετέρους ἀδίκως.

на полное уничтоженіе долговъ. Борьба партій—жителей долины, приморскихъ и нагорныхъ, замолкшая въ первые годы по реформѣ, вскорѣ возобновилась. Во главѣ нагорныхъ сталъ одинъ изъ знати, Пизистратъ, и съ помощью бѣднаго населенія захватилъ (въ 560 г.) акрополь. Пизистратъ почти вслѣдъ за тѣмъ былъ изгнанъ знатью, но захватилъ (въ 550 г.) власть снова, былъ опять изгнанъ, но опять захватилъ власть (въ 538 г.) и на этотъ разъ такъ укрѣпился, что послѣ одиннадцатилѣтняго правленія могъ безпрепятственно передать тираннію своимъ дѣтямъ, Гиппію и Гиппарху. Время Пизистратидовъ было однимъ изъ наиболѣе блестящихъ въ исторіи Аѳинъ, но въ 514 году Гиппархъ палъ жертвой личной мести отъ руки заговорщиковъ. Гиппій только случайно не раздѣлилъ судьбу брата. Онъ сталъ вслѣдствіе этого подозрителенъ и жестокъ, возбудилъ противъ себя ненависть даже среди своихъ приверженцевъ и былъ наконецъ (510 г) свергнутъ совмѣстными усиліями аѳинской знати, собравшейся вокругъ Исагора, и возвратившихся изъ изгнанія Алкмеонидовъ съ Клисѳеномъ во главѣ [1]). Между этими двумя вождями знати тотчасъ же началась борьба изъ-за власти. Исагоръ одержалъ верхъ и былъ въ 508 году избранъ первымъ архонтомъ. Чтобы обезпечить за собой успѣхъ на будущихъ выборахъ, Клисѳенъ старался заручиться расположеніемъ народа и съ этою цѣлью провелъ новый избирательный законъ, болѣе демократичный, чѣмъ прежній [2]). Клисѳенъ оставилъ неприкосновеннымъ прежнее дѣленіе на четыре имущественные разряда съ соотвѣтствующими каждому разряду правами; выборы, какъ прежде, производились по филамъ; но съ цѣлью ослабить среди избирателей родовой духъ [3]) и освободить ихъ отъ гнета знатныхъ и богатыхъ родичей, старыя четыре родовыя филы онъ замѣнилъ десятью новыми политическими. Старыя филы были родовыми общинами, состоявшими изъ родичей, ихъ подзащитныхъ и слугъ; земли общинниковъ находились въ сосѣдствѣ одна съ другой. Новыя филы были составлены каждая изъ десяти отдѣльно лежавшихъ демосовъ, не имѣвшихъ между собой никакой родовой связи. Въ старыхъ филахъ главное политическое значеніе принадлежало крупнымъ землевладѣльцамъ, представителямъ филъ, фратрій и родовъ; въ новыхъ филахъ это значеніе перешло къ представи-

[1]) О Пизистратѣ и Пизистратидахъ см. Duncker, VI, 451 f., 489 f.; Curtius, I, 339 f.; Grote, III, 155 sq., IV, 29 sq. и др.

[2]) Herod. V, 66, 69, 70. Aristot. Polit. VI, 4, 1319b, 21, сл. (см. слѣд. прим.). См. также на слѣд. стр., пр. 2.

[3]) Что такова именно была главная цѣль Клисѳена, видно изъ свидѣтельства Аристотеля (l. c.). Для демократіи (говоритъ онъ) полезны мѣры въ родѣ тѣхъ, которыя предпринялъ въ Аѳинахъ Клисѳенъ βουλόμενος αὐξῆσαι τὴν δημοκρατίαν... φυλαί τε γὰρ ἕτεραι ποιητέαι πλείους καὶ φρατρίαι, καὶ τὰ τῶν ἰδίων ἱερῶν συνακτέον εἰς ὀλίγα καὶ κοινά, καὶ πάντα σοφιστέον ὅπως ἂν ὅτι μάλιστα ἀναμιχθῶσι πάντες ἀλλήλοις, αἱ δὲ συνήθειαι διαζευχθῶσιν αἱ πρότεραι.

телямъ отдѣльныхъ демосовъ, демархамъ, избираемымъ демотами. Съ цѣлью противопоставить благороднымъ возможно большее число простыхъ гражданъ, Клисѳенъ даровалъ право гражданства многимъ иностранцамъ и рабамъ и распредѣлилъ этихъ новыхъ гражданъ по филамъ [1]). Изъ каждой новой филы выбиралось по пятидесяти членовъ совѣта, такъ что этотъ послѣднiй состоялъ уже не изъ 400, а изъ 500 членовъ. Не были окончательно устранены Клисѳеномъ и старыя филы: онѣ по прежнему оставались религiозными союзами, и ихъ члены были все также связаны между собою общими религiозными преданiями и празднествами; но политическое значенiе этихъ союзовъ было уничтожено. Чтобы по возможности уменьшить и ихъ религiозное значенiе, Клисѳенъ частныя празднества филъ старался замѣнить общегосударственными [2]).

Новый избирательный законъ не устранилъ, а лишь ослабилъ господство аристократiи. Крупный собственникъ всегда могъ держать въ зависимости мелкихъ избирателей; но труднѣе становилось господство одной аристократической партiи, и еще труднѣе давленiе на выборы по сговору между нѣсколькими нерасположенными къ народу соумышленниками. Для предотвращенiя тираннiи, Клисѳенъ ввелъ такъ называемый остракизмъ. Народному собранiю было предоставлено право одинъ разъ въ годъ, въ опредѣленный срокъ, рѣшать посредствомъ голосованiя черепками предложенный совѣтомъ пятисотъ вопросъ, не зловреденъ ли какой-нибудь гражданинъ для государства, и удалять на десять лѣтъ изъ предѣловъ государства того, чье имя будетъ обозначено не менѣе чѣмъ на 6000 черепкахъ [3]).

Пока Клисѳенъ вводилъ эти реформы, на Востокѣ подготовлялись событiя, сдѣлавшiя необходимымъ еще большее расширенiе правъ народа. Въ почетномъ плѣну у персидскаго царя Дарiя долгiе годы томился тираннъ Милета Гистiэй. Стосковавшись по родному городу, поднялъ онъ противъ царя малоазiйскихъ грековъ, въ надеждѣ такимъ путемъ найти возвратъ на родину. Аѳиняне и жители евбейскаго города Еретрiи откликнулись на зовъ своихъ братьевъ и послали нѣсколько кораблей на помощь. Дарiй, подавивъ возстанiе, рѣшилъ наказать помогавшихъ. Первый походъ на Грецiю (492) окончился неудачей, но черезъ два года царь снарядилъ новое войско. На этотъ разъ Персы черезъ Еретрiю вторгнулись въ Аттику, но на Мараѳонскомъ полѣ были разбиты на голову. Сколь

[1]) Aristot. Polit. III. 2, 1275b, 36.
[2]) См. на предыд. стр. прим. 3.
[3]) О Клисѳенѣ и его реформахъ ср. Duncker, VI, 585 f.; Curtius, I, 369 f. Grote III, 33, 67; IV, 92, 103; Hertzberg, I, 136; Ranke, I, 200 f.; Hermann, Lehrbuch, 417 f.; Gilbert, I, 141.

ни великъ былъ успѣхъ этой побѣды, для всѣхъ было ясно, что она не предохранитъ Грецію отъ новаго вторженія; наблюдательные сверхъ того не могли не замѣтить, что на будущее время Аѳины могутъ успѣшно вести съ Персами борьбу лишь въ томъ случаѣ, если заведутъ большой флотъ. До Клисѳена аѳинскій флотъ состоялъ изъ сорока тріеръ; Клисѳенъ увеличилъ это число на десять; послѣ Мараѳонской битвы Ѳемистоклъ предложилъ увеличить флотъ до двухсотъ тріеръ. Когда въ 480 году Ксерксъ наводнилъ своими полчищами Грецію, эти тріеры уже готовы были встрѣтить врага. Нововведеніемъ Ѳемистокла въ государственной жизни Аѳинъ былъ совершенъ поворотъ къ охлократіи [1]). Для вооруженія двухсотъ тріеръ нужно было около 36,000 человѣкъ команды. Это число могло быть пополнено лишь привлеченіемъ къ службѣ неимущаго большинства изъ четвертаго разряда, который до сихъ поръ не несъ никакой государственной службы. Но и богатымъ людямъ четвертаго разряда пришлось нести государственную повинность; государство не было въ состояніи держать въ постоянной боевой готовности всѣ тріеры (что̀ во время персидскихъ войнъ было необходимо); поэтому вошло въ обычай, чтобы стратеги (десять военачальниковъ, избиравшихся по реформѣ Клисѳена по одному каждой филой) назначали изъ зажиточныхъ гражданъ, безъ различія разрядовъ, ежегодно двѣсти тріерарховъ, на обязанности которыхъ лежало снаряженіе и украшеніе кораблей. Привлекая всѣхъ гражданъ къ равной службѣ, законъ по требованію, положенному Солономъ въ основаніе аѳинскаго государственнаго права, чтобы повинности уравновѣшивались соотвѣтствующими преимуществами, долженъ былъ дать всѣмъ и равныя права. Поэтому было дѣломъ столько же необходимости, сколько справедливости, когда послѣ побѣдъ при Саламинѣ и Микале, одержанныхъ главнымъ образомъ морскими силами, Аристидъ провелъ законъ, предоставлявшій всѣмъ гражданамъ одинаковыя права на всѣ государственныя должности. Съ этихъ поръ выборы на должности стали производиться по жребію. Каждая партія выставляла своихъ приверженцевъ, но побѣда той или другой зависѣла отъ случайности. Наибольшій успѣхъ могла имѣть та сторона, у которой было наибольшее число кандидатовъ; аристократія при такихъ условіяхъ не могла бороться съ демократіей [2]). Такимъ

[1]) Arist. Polit. V, 4, 1304a, 22 сл.: ὁ ναυτικὸς ὄχλος γενόμενος αἴτιος τῆς περὶ Σαλαμῖνα νίκης καὶ διὰ ταύτης τῆς ἡγεμονίας διὰ τὴν κατὰ θάλατταν δύναμιν τὴν δημοκρατίαν ἰσχυροτέραν ἐποίησεν. Ср. Isocr. De Pace (VIII), 64.

[2]) Значеніе нововведенія Ѳемистокла обстоятельно разсмотрѣно у Duncker'a, VII, 173 f.

образомъ, чрезъ перенесеніе главныхъ военныхъ силъ съ суши на море, граждане, наполнявшіе ряды сухопутныхъ войскъ, должны были, съ теченіемъ времени, уступить въ государственной жизни первенствующее значеніе морякамъ, т.-е. землевладѣльцы купцамъ, ремесленникамъ и поденьщикамъ [1]).

Впрочемъ, и послѣ реформы Аристида до охлократіи было еще далеко: государственныя должности отправлялись безвозмездно; вслѣдствіе этого въ совѣтѣ, народномъ собраніи и судѣ могли участвовать лишь немногіе изъ неимущихъ. Къ тому же цензорская власть ареопага оставалась неприкосновенной, и въ ней охранительная партія всегда могла найти оплотъ противъ излишествъ демократіи [2]). Къ устраненію этой власти и были теперь направлены усилія вождей демократіи. По предложенію Ефіальта (въ 460 г.), политическія права ареопага были уничтожены; древнему аѳинскому судилищу было оставлено только вѣдать нѣкоторыя уголовныя преступленія, а наблюдать за тѣмъ, что законно и незаконно, предоставлялось отнынѣ всякому полноправному аѳинянину. Новый законъ о γραφὴ παρανόμων, введенный, какъ можно думать, также Ефіальтомъ, давалъ каждому гражданину право объявлять въ народномъ собраніи и совѣтѣ незаконными тѣ предложенія (или даже состоявшіяся по нимъ рѣшенія), которыя могли казаться несоотвѣтствующими тому или другому изъ существующихъ законовъ. Объявленное незаконнымъ предложеніе (или рѣшеніе) отдавалось на судъ геліастовъ. Если послѣдніе находили обжалованіе основательнымъ, виновникъ предложенія подвергался денежному взысканію или даже смертной казни [3]).

Зданіе аѳинской демократіи завершилъ Периклъ введеніемъ платы за участіе въ судѣ, народномъ собраніи и совѣтѣ. Мѣры эти были вызваны столько же личными видами Перикла на расположеніе толпы, которое ему нужно было въ борьбѣ съ противниками—вождями аристократіи Кимономъ и Ѳукидидомъ, сколько усложненіемъ аѳинской государственной жизни, требовавшей сравнительно съ прежнимъ болѣе частыхъ и продолжительныхъ народныхъ собраній для рѣшенія текущихъ политическихъ и судебныхъ дѣлъ [4]). Съ половины V вѣка Аѳи-

---

[1]) О реформѣ Аристида см. Duncker, VIII (Neue Folge, I), 101 f.; Curtius II, 113 f.; Grote, IV, 73; Gilbert, I, 146 f.; Hermann, Lehrbuch, 427 f.

[2]) О цензорской власти ареопага ср. Isocr. (VII) Areop. 37, 45, 55.

[3]) О реформѣ Ефіальта см. Duncker, VIII, 256 f.; Curtius, II, 161 f.; Grote, V, 211 sq.; 222; Gilbert, I, 148 f.

[4]) На основаніи источниковъ нельзя доказать, что вознагражденіе законодателей введено Перикломъ. Но такъ какъ достовѣрно извѣстно, что онъ ввелъ жалованье войску и судьямъ и раздачу театральныхъ денегъ (Plut. Per. c. 9; Aristot. Pol. II, 12, 1274a, 8) и такъ какъ Аристофанъ (Eccl. 303, см. гл. V) указываетъ на правленіе

ны стояли во главѣ обширнаго Делосскаго союза изъ нѣсколькихъ сотъ городовъ; частью силою внѣшнихъ обстоятельствъ, частью стараніемъ Перикла, города эти изъ зависимыхъ были сдѣланы подчиненными, и аѳинскимъ гражданамъ пришлось рѣшать дѣла не только своего города, но и союзныхъ городовъ [1]). Плата за участіе въ судѣ, народномъ собраніи и совѣтѣ не только открывала въ нихъ доступъ всѣмъ желавшимъ, но и привлекла наиболѣе бѣдныхъ и праздныхъ. Послѣ Перикла, сумѣвшаго поставить свое личное значеніе выше народнаго собранія и править такъ, что „государственный строй въ его время былъ только по имени демократіей, а на дѣлѣ властительствомъ перваго человѣка“ [2]),—рѣшителями судебъ аѳинскаго государства стали вдохновляемые демагогами торговцы и ремесленники—валяльщики, сапожники, плотники, мѣдники [3]) и т. д.—главнымъ образомъ тѣ, которые не имѣли работы. Какъ въ началѣ аѳинской исторіи богатые правили бѣдными, такъ къ концу ея разцвѣта бѣдные стали править бо-

---

Миронида, старшаго современника Перикла, а не на правленіе Перикла, какъ на то время, когда законодатели еще не получали денегъ, то надо думать, что отъ Перикла ведетъ начало и жалованье законодателямъ. Предполагать, что Периклъ исключилъ однихъ только законодателей—ту самую власть, чрезъ которую онъ достигъ своего положенія и проводилъ свои рѣшенія—отъ участія въ пользованіи государственными доходами за отправленіе обязанностей, значитъ допускать въ его политикѣ совершенно необъяснимую непослѣдовательность. Изъ молчанія источниковъ въ данномъ случаѣ нельзя дѣлать рѣшительныхъ выводовъ; Плутархъ, по его собственнымъ словамъ, пользовался Аристотелемъ (l. c.), а этотъ послѣдній, хотя и прославленъ за свою точность, далеко не всегда ею отличается. Свѣдѣнія, сообщаемыя позднѣйшими (Paroimiogr. Gr. p. 437, schol. ad Arist. Eccl. 102), что жалованье законодателямъ ввели Каллистратъ и Агиррій, имѣютъ за себя такіе ничтожные авторитеты, на столько сбивчивы, противорѣчивы и неправдоподобны, что заслуживаютъ развѣ только упоминанія. Ср. Duncker, IX (2-te F. 2-r B.), 148 f.; Hermann, Lehrbuch, 482 f., 516 f., 607 f.; Gilbert, I, 149, 152, 213, 325 f.; Böckh Staatshaushaltung der Athener, 3-te Aufl., Berlin, 1886, I, 278 f.

[1]) Аристофанъ (Vespae, 707) говоритъ, что число городовъ было 1000. Въ настоящее время насчитано по надписямъ 257, но это число меньше дѣйствительнаго, такъ какъ подъ однимъ именемъ записывалось иногда по нѣскольку мелкихъ городовъ, составлявшихъ одну податную единицу. Перечень у Böckh, II, 120 f.

[2]) Thuc. II, 65: ἐγίγνετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή. Ср. также слова комика Телеклида (Plut. Pericl. XVI): аѳиняне предоставили Периклу

πόλεών τε φόρους, αὐτάς τε πόλεις, τὰς μὲν δεῖν, τὰς δ' ἀναλύειν
λάϊνα τείχη τὰ μὲν οἰκοδομεῖν, τὰ δὲ αὖτὰ πάλιν καταβάλλειν,
σπονδάς, δύναμιν, κράτος, εἰρήνην, πλοῦτόν τ', εὐδαιμονίαν τε.

[3]) Ср. Xenoph. Memor. III, 7, 6: πότερον γὰρ τοὺς γναφέας αὐτῶν ἢ τοὺς σκυτέας ἢ τοὺς τέκτονας ἢ τοὺς χαλκέας ἢ τοὺς γεωργοὺς ἢ τοὺς ἐμπόρους ἢ τοὺς ἐν τῇ ἀγορᾷ μεταβαλλομένους καὶ φροντίζοντας ὅ τι ἐλάττονος πριάμενοι πλείονος ἀποδῶνται αἰσχύνει; ἐκ γὰρ τούτων ἁπάντων ἡ ἐκκλησία συνίσταται.

ими [1]); какъ бы въ отмщеніе за своихъ угнетенныхъ предковъ, бѣд-
тѣснили богатыхъ и вымогали отъ нихъ деньги,—проявляя при
ъ страстность издавна рвавшейся къ жизни, но только что въ
вступившей охлократіи [2]).

Такова внѣшняя исторія аѳинской демократіи. Посмотримъ те-
на смыслъ этой исторіи. Въ основаніи демократіи
, въ основаніи свободы—стремлен
основаніи стремленія къ личной са
обособленности или субъективизм
ся стѣсненію одной личности другою
мости отъ другихъ, субъективизмъ
нности, какъ обязательной для каж
рія была исторіей возникновенія
іи, то она была также исторіей п
, отъ зависимости къ самостоятел
убъективизму. Субъективизмъ ес
законности невозможенъ никакой
дарственный строй; крайняя демокр
ебѣ поэтому противорѣчіе: она (
воихъ нѣдрахъ тираннію [3]). Полная

---

[1]) Aristot. Polit. IV, 5, 1293a, 4; ibid. V

[2]) См. гл. V. Ср. также Plato, De Rep. 556,
она (въ особ. 664, D—565, A), гдѣ онъ гово
ыхъ и сравниваетъ вымогающихъ отъ нихъ де
ъ которыхъ одни вооружены жалами, а други
имъ противорѣчивые голоса жужжаньемъ воз
невольно напрашиваются на сопоставленіе
Ικέτιδες, «die mehr als jede andere eine Zw
eht, ist entweder ein Bild dessen, was dam
ı geschehen pflegte, oder hat den Zweck a
thener zu wirken» (Hartung, Euripides We

τρεῖς γὰρ πολιτῶν μερίδες. ο
ἀνωφελεῖς τε πλειόνων τ' ἐρ
οἱ δ' οὐκ ἔχοντες καὶ σπανίζο
δεινοί, νέμοντες τῷ φθόνῳ π
ἐς τοὺς ἔχοντας κέντρ' ἀφιᾶσ
γλώσσαις πονηρῶν προστατῶ
τριῶν δὲ μοιρῶν ἡ 'ν μέσῳ σ

Это согласіе между несочувствовавшимъ аѳин
Еврипидомъ (такимъ выставляютъ Еврипида
ельно для тѣхъ, кто вмѣстѣ съ Гротомъ (H ... Greece, VIII, p. 150 и др.)
даетъ значенія свидѣтельствамъ Платона, с... ссылаясь на ихъ «полемичность».

[3]) Plato, De Rep. 568. См. ниже, стр. 59, сл.

ществованіи между членами общества полнаго равенства; за невозможностью установить равенство дѣйствительное, демократія замѣняетъ его равенствомъ отвлеченнымъ—равноправностью всѣхъ передъ закономъ. Свободою и равенствомъ исчерпываются формальныя основанія демократіи [1]).

Жизнь общественная въ ея подвижности и разнообразіи не под- ›чнымъ разграниченіямъ; поэтому одинаково ошибочно было гь въ греческой исторіи какъ эпоху безусловнаго господ- :она, такъ и эпоху безусловнаго произвола. Но если при ніи духа времени смотрѣть только на выдающіяся чер- ›езошибочно можно сказать, что время до Перикла было іъ законности [2]), вѣкъ Перикла — вѣкомъ законнаго про- , слѣдующій затѣмъ періодъ—разцвѣтомъ субъективизма [4]).

'lato, De Rep., 557, B: οὐκοῦν πρῶτον μὲν δὴ ἐλεύθεροι, καὶ ἐλευθερίας ἡ ἡ καὶ παῤῥησίας γίγνεται, καὶ ἐξουσία ἐν αὐτῇ ποεῖν ὅτι τις βούλεται; Ibid. .ῦτά τε δή, ἔφην, ἔχοι ἂν καὶ τούτων ἄλλα ἀδελφὰ δημοκρατία καὶ εἴη, ὡς ἔοικεν, τεία καὶ ἄναρχος καὶ ποικίλη, ἰσότητά τινα ὁμοίως ἴσοις τε καὶ ἀνίσοις διανέμουσα. :тр. 59.) Aristot. Pol. VI, 2, 1317 a, 40 b, 8.: ὑπόθεσις μὲν οὖν τῆς δημοκρατικῆς ἐλευθερία· τοῦτο γὰρ λέγειν εἰώθασιν, ὡς ἐν μόνῃ τῇ πολιτείᾳ ταύτῃ μετέ- υθερίας· τούτου γαρ στοχάζεσθαί φασι πᾶσαν δημοκρατίαν..... καὶ γὰρ τὸ δί- ημοτικὸν τὸ ἴσον ἔχειν ἐστὶ κατ' ἀριθμὸν ἀλλὰ μὴ κατ' ἀξίαν, τούτου δ'ὄντος ι, τὸ πλῆθος ἀναγκαῖον εἶναι κύριον, καὶ ὅτι ἂν δόξῃ τοῖς πλείοσι, τοῦτ' εἶναι καὶ τοῦτ' εἶναι τὸ δίκαιον· φασὶ γὰρ δεῖν ἴσον ἔχειν ἕκαστον τῶν πολιτῶν· 4, 1291 b, 34: εἴπερ γὰρ ἐλευθερία μάλιστ' ἐστὶν ἐν δημοκρατίᾳ καθάπερ ουσί τινες καὶ ἰσότης. Ср. ниже, прим. 4.

lato, Leges, 698, B—C: ἡμῖν γὰρ κατ' ἐκεῖνον τὸν χρόνον, ὅτε ἡ Περσῶν ›ῖς Ἕλλησιν, ἴσως δὲ σχεδὸν ἅπασι τοῖς τὴν Εὐρώπην οἰκοῦσιν ἐγίγνετο, πόλι- παλαιὰ καὶ ἐκ τιμημάτων ἀρχαί τινες τεττάρων, καὶ δεσπότις ἐνῆν τις αἰδώς, υλεύοντες τοῖς τότε νόμοις ζῆν ἠθέλομεν· καὶ πρὸς τούτοις δὴ τὸ μέγεθος) κατά τε γῆν καὶ κατὰ θάλατταν γενόμενον, φόβον ἄπορον ἐμβαλόν, ἔτι οίησεν ἡμᾶς τοῖς τε ἄρχουσι καὶ τοῖς νόμοις δουλεῦσαι. καὶ διὰ πάντα ταῦθ' εσε πρὸς ἡμᾶς αὐτοὺς σφόδρα φιλία. Thucyd., II, 37: ἀνεπαχθῶς δὲ τὰ ἴδια ντες τὰ δημόσια διὰ δέος μάλιστα οὐ παρανομοῦμεν, τῶν τε ἀεὶ ἐν ἀρχῇ ράσει καὶ τῶν νόμων, καὶ μάλιστα αὐτῶν ὅσοι τε ἐπ' ὠφελίᾳ τῶν ἀδικουται καὶ ὅσοι ἄγραφοι ὄντες αἰσχύνην ὁμολογουμένην φέρουσι.

м. выше, стр. 53 прим. 3.

lato, De Rep. 557, B.: ὅπου δέ γε ἐξουσία, δῆλον ὅτι ἰδίαν ἕκαστος ἂν κατα-) αὐτοῦ βίου κατασκευάζοιτο ἐν αὐτῇ, ἥτις ἕκαστον ἀρέσκοι. (См. ниже, ιristot. Polit. V, 7, 1310 a, 28—34: δύο γάρ ἐστιν οἷς ἡ δημοκρατία δοκεῖ ῷ τὸ πλεῖον εἶναι καὶ τῇ ἐλευθερίᾳ· τὸ μὲν γὰρ δίκαιον ἴσον δοκεῖ εἶναι ι ἂν δόξῃ τῷ πλήθει, τοῦτ' εἶναι κύριον, ἐλεύθερον δὲ καὶ ἴσον τὸ ὅ τι ἂν ς ποιεῖν· ὥστε ζῇ ἐν ταῖς τοιαύταις δημοκρατίαις ἕκαστος ὡς βούλεται. Ср. также VI, 2, 1317, b, 13—14, и Thuc. VII, 69, 3: Νικίας.... πατρίδος τε τῆς ἐλευθερωτάτης ὑπομιμνήσκων καὶ τῆς ἐν αὐτῇ ἀνεπιτάκτου πᾶσιν ἐς τὴν δίαιταν ἐξουσίας.

Политическая жизнь первой эпохи была проникнута взглядомъ что законъ царь всего [1]); въ лицѣ Перикла совмѣщалась законность съ произволомъ: Периклъ управлялъ государствомъ по своей волѣ, но его воля (имѣвшая цѣлью благо государства) была закономъ для всѣхъ; послѣ Перикла жизнь общественная руководствовалась правиломъ, впервые ясно выраженнымъ Протагоромъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Въ это время истиннымъ закономъ былъ всякій свободный человѣкъ, а государственный законъ сталъ въ глазахъ людей свободныхъ тиранномъ, принуждающимъ людей дѣлать то, что противно ихъ природѣ [2]).

Своимъ возникновеніемъ и первоначальнымъ развитіемъ гражданскій субъективизмъ въ Аѳинахъ былъ, какъ мы видѣли, обязанъ причинамъ чисто внѣшнимъ. Въ началѣ аѳинской исторіи мы видимъ царскую власть въ борьбѣ съ родовою знатью, которая отстаиваетъ свои права, какъ цѣлаго сословія. Затѣмъ, вслѣдствіе причинъ экономическихъ, возникаетъ борьба между богатой и властной знатью съ одной стороны и бѣдными и угнетенными мелкими земледѣльцами и ремесленниками съ другой. Кровавый призракъ междуусобной войны выдвигаетъ геніальную личность Солона, который даетъ государственное устройство, уравновѣшивающее права борющихся сословій. Личная государственная дѣятельность этого выдающагося человѣка расчищаетъ поприще для дѣятельности другихъ личностей. Борьба сословій прекращается; начинается борьба между отдѣльными личностями, стоящими во главѣ партій. Къ концу VI вѣка значеніе личности настолько возрастаетъ, что Клисѳенъ находитъ нужнымъ издать законъ объ остракизмѣ, дающій народу средство законнымъ путемъ устранять изъ своей среды опасную для государственной жизни личность. Впрочемъ, эта мѣра была направлена съ цѣлью ослабить значеніе личности изъ рядовъ сильной знати; въ рядахъ низшаго сословія родовой духъ былъ еще настолько крѣпокъ, что для пробужденія личности къ самостоятельной политической дѣятельности, Клисѳенъ вынужденъ былъ произвести переворотъ въ старинномъ устройствѣ филъ. Уничтоженіе Клисѳеномъ политической связи древнихъ родо-

---

[1]) Pind. I, fr. 169 (Bergck, Poetae Lyrici graeci, ed. 4, 1878, p. 439):

Νόμος ὁ πάντων βασιλεύς,
θνατῶν τε καὶ ἀθανάτων и т. д.

Ср. Herod. III, 38. См. также приведенные ниже хоры изъ трагедій Эсхила и Софокла.

[2]) Такъ называлъ законъ софистъ Гиппій. Plato, Protag. 337, D: ὁ δὲ νόμος, τύραννος ὢν τῶν ἀνθρώπων, πολλὰ παρὰ τὴν φύσιν βιάζεται.

выхъ союзовъ было первымъ важнымъ шагомъ аѳинскаго законодательства на проложенномъ Солономъ пути къ гражданскому субъективизму. Второй важный шагъ на томъ же пути былъ сдѣланъ Аристидомъ, уравнявшимъ всѣхъ гражданъ передъ закономъ; третій и послѣдній—закономъ о γραφὴ παρανόμων, дозволявшимъ каждому аѳинянину быть судьею того, что законно и незаконно, и введенной Перикломъ мисѳофоріей (или платой за участіе въ совѣтѣ, народномъ собраніи и судѣ), сдѣлавшей практическое примѣненіе этого закона каждому доступнымъ. Къ концу V вѣка полновластнымъ господиномъ въ законодательныхъ собраніяхъ и народномъ судѣ было вольное слово демога—витіи, увлекавшее народъ къ тому или другому рѣшенію, сообразно съ личными видами оратора [1]).

---

[1]) Ср. Isocr. VIII, 52: ἐμπειρότατοι δὲ λόγων καὶ πραγμάτων ὄντες οὕτως ἀλογίστως ἔχομεν, ὥστε περὶ τῶν αὐτῶν τῆς αὐτῆς ἡμέρας οὐ ταὐτὰ γιγνώσκομεν, ἀλλ' ὧν μὲν πρὶν εἰς τὴν ἐκκλησίαν ἀναβῆναι κατηγοροῦμεν, ταῦτα συνελθόντες χειροτονοῦμεν, οὐ πολὺν δὲ χρόνον διαλιπόντες τοῖς ἐνθάδε ψηφισθεῖσιν, ἐπειδὰν ἀπίωμεν, πάλιν ἐπιτιμῶμεν· προσποιούμενοι δὲ σοφώτατοι τῶν Ἑλλήνων εἶναι τοιούτοις χρώμεθα συμβούλοις, ὧν οὐκ ἔστιν ὅστις οὐκ ἂν καταφρονήσειεν, καὶ τοὺς αὐτοὺς τούτους κυρίους ἁπάντων τῶν κοινῶν καθίσταμεν, οἷς οὐδεὶς ἂν οὐδὲν τῶν ἰδίων ἐπιτρέψειεν. Demosth. Olynth. 30—31: τὸ μὲν πρότερον..... αὐτὸς ὁ δῆμος δεσπότης τῶν πολιτευομένων ἦν καὶ κύριος αὐτὸς ἁπάντων τῶν ἀγαθῶν, καὶ ἀγαπητὸν ἦν παρὰ τοῦ δήμου τῶν ἄλλων ἑκάστῳ καὶ τιμῆς καὶ ἀρχῆς καὶ ἀγαθοῦ τινος μεταλαβεῖν· νῦν δὲ τοὐναντίον κύριοι μὲν οἱ πολιτευόμενοι τῶν ἀγαθῶν, καὶ διὰ τούτων ἅπαντα πράττεται. Ср. также Aristoph. Equ. 1106—1116:

ὦ Δῆμε, καλήν γ' ἔχεις
ἀρχήν, ὅτε πάντες ἄν—
θρωποι δεδίασί σ' ὥσ—
περ ἄνδρα τύραννον·
ἀλλ' εὐπαράγωγος εἶ,
θωπευόμενός τε χαί—
ρεις κἀξαπατώμενος,
πρὸς τόν τε λέγοντ' ἀεὶ
κέχηνας· ὁ νοῦς δέ σου
παρὼν ἀποδημεῖ,

и характеристику демократіи въ Ἱκέτιδες Еврипида, 406—422 (Hart):

ἓν μὲν τόδ' ἡμῖν, ὥσπερ ἐν πεσσοῖς, δίδως
κρεῖσσον· πόλις γάρ, ἧς ἐγὼ πάρειμ' ἄπο,
ἑνὸς πρὸς ἀνδρός, οὐκ ὄχλῳ, κρατύνεται·
οὐδ' ἔστιν αὐτὴν ὅστις ἐκχαυνῶν λόγοις
πρὸς κέρδος ἴδιον ἄλλοτ' ἄλλοσε στρέφει.
ὁ δ' αὐτίχ' ἡδὺς καὶ διδοὺς πολλὴν χάριν
ἐσαῦθις ἔβλαψ', εἶτα διαβολαῖς νέαις

Поэтическую, но снятую съ дѣйствительности, картину аѳинской вольности временъ охлократіи даетъ Платонъ въ своемъ „Государствѣ“ [1]).

Въ демократическомъ государствѣ (говоритъ онъ) все переполнено вольностью и свободой. Каждый тамъ живетъ по своему, избираетъ образъ жизни, какой нравится. Отъ того можно тамъ встрѣтить людей всевозможныхъ обычаевъ: какъ пестрая одежда разукрашена цвѣтами, такъ демократическій городъ разцвѣченъ разнообразными нравами. Подъ охраной демократической вольности находятъ себѣ пріютъ всевозможныя формы правленія; если кто желаетъ основать государство по какому-нибудь образцу, пусть придетъ въ демократическій городъ, и онъ найдетъ тамъ въ дѣйствіи любой. Демократія не знаетъ никакого стѣсненія: нѣтъ нужды ни властвовать, ни быть

κλέψας τὰ πρόσθε σφάλματ᾽ ἐξέδυ δίκης.
ἄλλως τε πῶς ἄν, μὴ διευθύνων λόγους,
ὀρθῶς δύναιτ᾽ ἄν δῆμος εὐθύνειν πόλιν;
ὁ γὰρ χρόνος μάθησιν ἀντὶ τοῦ τάχους
κρείσσω δίδωσι. γηπόνος δ᾽ἀνὴρ πένης,
εἰ καὶ γένοιτο μὴ ἀμαθής, ἔργων ὕπο
οὐκ ἄν δύναιτο πρὸς τὰ κοίν᾽ ἀποβλέπειν.
τὸ δ᾽ αὖ νοσῶδες, ταὐτὸ τοῖς ἀμείνοσιν
ὅταν πονηρὸς ἀξίωμ᾽ ἀνὴρ ἔχῃ,
γλώσσῃ κατασχὼν δῆμον, οὐδὲν ὢν τὸ πρίν.

Эта характеристика безспорно (см. выше стр. 54, прим. 1) относится къ аѳинской демократіи; единственная поэтическая вольность, которую допустилъ Еврипидъ, состоитъ въ томъ, что онъ, бытъ-можетъ по требованію метра, говоритъ γήπονος вмѣсто χειροτέχνης (аѳинское народное собраніе, какъ мы видѣли, состояло главнымъ образомъ изъ ремесленниковъ). Напротивъ то, что говоритъ дальше, восхваляя демократическое устройство, Ѳезей, 430—438:

γεγραμμένων δὲ τῶν νόμων ὅ τ᾽ ἀσθενὴς
ὁ πλούσιός τε τὴν δίκην ἴσην ἔχει,
ἔστιν δ᾽ἐνισπεῖν τοῖσιν ἀσθενεστέροις
τὸν εὐτυχοῦντα ταὔθ᾽, ὅταν κλύῃ κακῶς,
νικᾷ δ᾽ὁ μείων τὸν μέγαν, δίκαι᾽ ἔχων.
τοὐλεύθερον δ᾽ἐκεῖνο· τίς θέλει πόλει
χρηστόν τι βούλευμ᾽ ἐς μέσον φέρειν ἔχων;
καὶ ταῦθ᾽ ὁ χρῄζων λαμπρὸς ἔσθ᾽, ὁ δ᾽ οὐ θέλων
σιγᾷ. τί τούτων ἔστ᾽ ἰσαίτερον πόλει —

относится очевидно къ демократіи идеальной, а не той, которая существовала въ Аѳинахъ.

[1]) Plato, De Rep. 557,B—558,C, 562,E—563,D. Я даю въ этомъ случаѣ не переводъ, а изложеніе. Что эта поэтическая картина снята съ дѣйствительности, видно изъ словъ Главкона 558,B: καὶ μάλα γνώριμα λέγεις и 563,D: τὸ ἐμὸν ἐμοὶ λέγεις ὄναρ.

подвластнымъ, когда не желаешь; можно не воевать, когда другіе ведутъ войну, и не быть въ мирѣ, когда остальные не нарушаютъ мира; можно, вопреки закону, быть начальникомъ и судьей—все зависитъ отъ того, какъ придетъ въ голову. Однимъ словомъ демократія самое лучшее государственное устройство: пестрое, безначальное, уравнивающее всѣхъ, равныхъ и неравныхъ. Въ каждомъ жилищѣ царитъ вольность и безначаліе. Отцы привыкаютъ на себя смотрѣть какъ на равныхъ сыновьямъ и испытывать передъ ними страхъ, сыновья считаютъ себя равными отцамъ и, отстаивая свою свободу, не стыдятся и не боятся родителей. Переселенцы, граждане, иностранцы—всѣ имѣютъ одинаковыя права. Въ школахъ учителя боятся учениковъ и имъ льстятъ, ученики ставятъ ни во что учителей и наставниковъ; вообще—молодые уподобляются старымъ и соревнуютъ имъ въ рѣчахъ и дѣлахъ, а старые подражаютъ молодымъ, веселятся и шутятъ, не желая показаться непріятными и деспотичными. Но высшее проявленіе свободы и равенства въ томъ, что рабы не менѣе вольны, чѣмъ господа, что мужчины и женщины одинаково свободны и равноправны. Каковы люди, таковы и живущіе съ ними звѣри. Собаки, лошади и ослы ходятъ по улицамъ демократическаго города важно и свободно и сшибаютъ съ ногъ всякаго, кто не посторонится. До того становится у гражданъ нѣжной душа, что не можетъ выносить и намека на рабство; въ концѣ они пренебрегаютъ законами писанными и неписанными, не желая надъ собою никакого господства.

Нежеланіе подчинять свою волю законамъ писаннымъ и неписаннымъ есть лишь отрицательное выраженіе гражданскаго субъективизма; положительное выраженіе состоитъ въ обратномъ, въ желаніи поставить свою волю законодательницей въ области законовъ писанныхъ и мѣриломъ въ области законовъ неписанныхъ—иначе сказать, въ утвержденіи притязаній своей единичной сильной личности. Ѳукидидъ говоритъ, что послѣ изгнанія Пизистратидовъ аѳиняне постоянно опасались возникновенія тиранніи и были въ этомъ отношеніи подозрительны [1]); Алкивіадъ у того же историка оправдывается, что не стремился къ тиранніи [2]); Аристофанъ смѣется, что въ его время во всемъ подозрѣваютъ тираннію и заговорщиковъ. „На рынкѣ (говоритъ онъ) тираннія въ большемъ ходу, чѣмъ соленая рыба: станешь-ли покупать крупную рыбу и не захочешь взять мелкой, торговецъ мелкой рыбой тотчасъ-же скажетъ: „Этотъ жаритъ для тиранніи“; спросишь-ли чесноку въ приправу къ корюшкамъ, торговка

[1]) Thucyd. VI, 53, 3; ibid 60, 1; ср. также 27, 2.

[2]) Ibid. VI, 89, 3. См. ниже.

зеленью смотритъ искоса и говоритъ: „Ты требуешь чесноку—ужъ не для тиранніи-ли?“ [1]) Всѣ эти указанія свидѣтельствуютъ ясно, что опасеніе видѣть тираннію было не однимъ только слѣдствіемъ пережитаго опыта, но также и того, что условія для ея возникновенія существовали. Условія эти лежали частью въ общихъ свойствахъ человѣческой природы, частью въ особенностяхъ демократіи.

„Человѣкъ, говоритъ Аристотель, есть животное политическое“ [2]), или выражаясь грубымъ, но болѣе точнымъ языкомъ естествовѣдѣнія,—животное стадное. Какъ ни одно стадо не можетъ обойтись безъ вожака, точно также не можетъ обойтись безъ него и народная толпа. Повсюду, гдѣ существуетъ охлократія, существуетъ и вожакъ толпы или демагогъ. „Въ тѣхъ демократіяхъ, гдѣ законъ не имѣетъ силы“, читаемъ мы у Аристотеля [3]), „появляются демагоги. Народъ въ этомъ случаѣ превращается въ многоголоваго монарха, такъ какъ верховная власть принадлежитъ всей толпѣ, хотя и не каждому человѣку въ отдѣльности. Какъ монархъ, такой народъ ищетъ проявить свое самодержавіе тѣмъ, что не признаетъ надъ собой никакихъ законовъ. Онъ становится такимъ образомъ деспотомъ и чтитъ льстецовъ. Въ этомъ, да и вообще народовластіе подобно тиранніи. Характеръ того и другаго правленія одинъ и тотъ же: оба притѣсняютъ лучшихъ; народные приговоры соотвѣтствуютъ приказаніямъ властелина, а демагоги совершенно тоже, что придворные льстецы. Льстецы и демагоги имѣютъ одинаковую силу: первые у тиранна, вторые у толпы. Предоставляя все на усмотрѣнія толпы, демагоги бываютъ причиною того что рѣшающее значеніе получаютъ народные приговоры, а не законы. Дѣлаютъ же это демагоги потому, что становятся великими, когда государемъ бываетъ народъ, а они государями его мнѣній, увлекая за собою толпу“. Какъ недалеко отъ демагогіи до тиранніи, изъ этихъ словъ Аристотеля не трудно видѣть. „Когда нараждается тираннъ, говоритъ Платонъ [4]), онъ выростаетъ не изъ чего другаго, но изъ корня предстоятельства“.

Въ Аѳинахъ узаконилъ демагогію своимъ великимъ именемъ Периклъ. Подобно всѣмъ остальнымъ демагогамъ, Периклъ достигъ власти угожденіемъ толпѣ [5]), но затѣмъ, ставъ единоличнымъ предсто-

---

[1]) Aristoph. Vespae 488—500; ср. также ibid. 416, 463—470, 500—502 (грубая, но мѣткая острота) и Aves 1074—1075.

[2]) Aristot. Polit. I, 2, 1253a, 2.

[3]) Ibid. IV, 4, 1292a, 10—27; ср. ibid. V, 11, 1313b, 39—1314a, 10.

[4]) Plato, De Rep. 565,D; ср. ibid. 565,C.

[5]) Plutarch. Pericl. XI, XV.

ятелемъ Аѳинъ, онъ (говоритъ Ѳукидидъ [1]), сильный своимъ обаяніемъ, совершенно недоступный подкупу, правилъ народомъ независимо и не столько подчинялся его волѣ, сколько ее себѣ подчинялъ. Поддерживая свою власть не безчестными средствами, онъ не имѣлъ нужды говорить народу пріятное, но, опираясь на свое обаяніе, возражалъ даже съ гнѣвомъ. Напротивъ, его преемники, мало отличаясь по способностямъ одинъ отъ другаго, но каждый желая быть первымъ, стали вести дѣла въ угоду народу.“ Дѣлать угодное народу, значитъ угождать однимъ въ ущербъ другимъ. Демократія въ греческихъ городахъ была, по согласному свидѣтельству Платона и Аристотеля, господствомъ бѣдныхъ и свободныхъ [2]). Но граница между бѣдными и богатыми весьма неопредѣленна и интересы тѣхъ и другихъ часто переплетаются. Отъ того, угождая бѣднымъ и притѣсняя богатыхъ, демагогъ навлекаетъ на себя ненависть какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ и въ концѣ можетъ поддерживать свою власть только насиліями и внушеніемъ страха. „Если предстоятель черни, замѣчаетъ съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца Платонъ [3]), имѣетъ позади себя совершенно покорную толпу, то онъ не будетъ воздерживаться отъ единоплеменной крови, но приводя, какъ это вообще бываетъ, по ложнымъ доносамъ обвиняемаго предъ судъ, станетъ оскверняться убійствомъ, отнимать у человѣка жизнь, языкомъ и нечестивыми устами пробовать родственной жертвы, изгонять въ ссылку, убивать, подстрекать къ снятію чужихъ долговъ и раздѣлу земли. Но такому человѣку необходимость и самая судьба либо погибнуть отъ враговъ, либо тиранствовать и изъ человѣка сдѣлаться волкомъ“. [4]) Периклъ не сдѣлался волкомъ частію по своему великодушію, частью вслѣдствіе того, что толпа, которую онъ принялъ, хранила еще въ себѣ уваженіе къ стародавнимъ нравственнымъ правиламъ и потому не нуждалась въ развращенномъ вождѣ. Но ядъ растлѣнія, внесенный Перикломъ въ аѳинскую жизнь лестью народному самолюбію и развитіемъ въ аѳинянахъ корысти мисѳофоріей [5]), не могъ не проявить своей разрушительной силы. Въ послѣдніе годы Периклъ на себѣ испыталъ его дѣйствіе [6]), а своимъ преемникамъ передалъ уже не на-

[1]) Thucyd. II, 65, 5—6.

[2]) См. выше, стр. 53, прим. 5 и слѣд.

[3]) Plato, De Rep. 565,E—566,A.

[4]) Тираннія Фалариса въ Агригентѣ и французскихъ «демократовъ» Великой революціи не оправдываетъ ли это замѣчаніе Платона?

[5]) Plato, Gorg. 215,E. Ср. выше стр. 53.

[6]) Plat. Gorg. 516,E; Thucyd. II, 21, 3; Plut. Pericl. XXXV.

родъ, но „безстыжую маску народа, которая ни передъ чѣмъ не краснѣетъ“ [1]). Актеръ, избирающій своею ролью одухотворять такую маску не на сценѣ, а въ жизни, самъ не можетъ не быть безстыднымъ. Демагогія третьяго послѣ Перикла демагога, Клеона, (первымъ былъ торговецъ паклей и мельникъ Евкратъ, вторымъ прасолъ Лизиклъ [2]) служитъ выразительнымъ подтвержденіемъ этой и безъ того очевидной истины. Если при Периклѣ аѳинское государство было только по имени демократіей, а на дѣлѣ правленіемъ перваго человѣка, [3]) то, годъ спустя послѣ его смерти, оно было на дѣлѣ тираніей Клеона. Аристофанъ живо рисуетъ, какъ трепетали богатые и бѣдные передъ этимъ сильнымъ демагогомъ [4]) („смертоноснымъ Тифономъ, Харибдой грабежа, подобнымъ Церберу чудовищемъ съ зубастой пастью, со свирѣпосверкающимъ взоромъ блудницы, съ головою, облизанною сотнею визжащихъ льстецовъ, съ голосомъ подобнымъ реву гибельнаго потока, со смрадомъ коровы“), [5]) который стоялъ во главѣ густой единомышленной толпы молодцовъ кожевниковъ и торговцевъ сыромъ и медомъ, [6]) провѣдывалъ все, что творится въ городѣ и обо всемъ горланилъ, [7]) и для обогащенія казны однихъ мучилъ, другихѣ вѣшалъ, отъ третьихъ вытребывалъ, не заботясь ни о комъ изъ частныхъ лицъ, но только о томъ, какъ бы угодить народу. [8]) Сколько бы мы ни относили въ этихъ показаніяхъ Аристофана къ комическимъ или даже злостнымъ преувеличеніямъ— Аристофанъ былъ лично оскорбленъ Клеономъ — нельзя не придать значенія его словамъ, обращеннымъ (во „Всадникахъ“) со сцены ко всему народу и самому Клеону, что изъ страха предъ могучимъ демагогомъ никто не рѣшился изготовить его маску [9]) (вслѣдствіе чего Аристофанъ лично выступилъ въ роли Пафлагонскаго раба—Клеона,

---

[1]) Слова Аристофана, Equites, 395—397.
[2]) Объ этихъ демагогахъ см. ниже, стр. 64, прим. 5 и 6.
[3]) См. выше, стр. 53, прим. 3.
[4]) Aristoph. Equites, 222, слѣд. ;ср. 60, слѣд.
[5]) Ibid. 248, 519; Vespae, 1031—1035; ср. Pax 737—742.
[6]) Aristoph. Equites 849—851.
[7]) Ibid. 858—860.
[8]) Ibid. 770—773. Клеонъ говоритъ:

καὶ πῶς ἄν ἐμοῦ μᾶλλόν σε φιλῶν ὦ Δῆμε γένοιτο πολίτης;
ὃς πρῶτα μέν, ἡνίκ' ἐβούλευόν σοι, χρήματα πλεῖστ' ἀπέδειξα
ἐν τῷ κοινῷ, τοὺς μὲν στρεβλῶν, τοὺς δ' ἄγχων, τοὺς δὲ μεταιτῶν,
οὐ φροντίζων τῶν ἰδιωτῶν οὐδενός, εἰ σοὶ χαριοίμην.

Ср. также ibid. 61—70; 258—265.
[9]) Ibid. 230—232.

подкрасивъ свое лицо). Впрочемъ, вѣрность красокъ въ Аристофановомъ изображеніи Клеона подтверждается свидѣтельствами Өукидида.[1]) Гротъ не придаетъ вѣры и этому историку, ссылаясь на то, что Өукидидъ былъ изгнанъ Клеономъ и потому могъ быть къ нему пристрастенъ (Өукидидъ написалъ свою исторію въ изгнаніи) и старается выставить Клеона въ наилучшемъ свѣтѣ.[2]) Но не только нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Клеонъ совершалъ возмутительныя насилія, невозможно предположить противнаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ Клеонъ долженъ былъ бы идти противъ общаго нравственнаго и политическаго теченія, а это несовмѣстимо съ положеніемъ демагога.

Право сильнаго, на которое опирался Клеонъ, было высшимъ закономъ всей аөинской политики второй половины V вѣка. Это право признаютъ представители аөинскаго народа теоретически, то (какъ въ спартанскомъ народномъ собраніи) доказывая, что отъ вѣка такъ установлено, чтобы слабый былъ въ рукахъ у сильнаго, что поэтому, если представится случай къ пріобрѣтенію чего-нибудь силою, доводы справедливости никого не воздерживаютъ отъ преобладанія, и что заслуживаетъ похвалы уже тотъ, кто, слѣдуя естественному влеченію властвовать надъ другими, окажется справедливѣе, чѣмъ какъ требуетъ его сила[3]); то (какъ въ спорѣ съ мелосцами) заявляя „безъ красивыхъ словъ и околичностей", что въ человѣческихъ разсчетахъ справедливость бываетъ рѣшительницей лишь тогда, когда обѣ стороны испытываютъ одинаковое принужденіе, но что въ противномъ случаѣ сильнѣйшіе дѣлаютъ возможное, а слабѣйшіе имъ уступаютъ[4]), что какъ боги, такъ еще несомнѣннѣе люди самою природою вынуждены властвовать надъ покоренными, что этотъ законъ не они, аөиняне, впервые ввели и не они первые примѣнили, но приняли его уже готовымъ и пользуются имъ такъ, какъ на ихъ мѣстѣ всякій этимъ закономъ воспользовался бы и какъ во всѣ времена будутъ пользоваться имъ всѣ другіе[5]); то наконецъ, (какъ въ собраніи кимаринэевъ) ссылаясь, какъ на общепризнанную истину, что для тиранна или города властелина справедливо все, что̀ полезно[6]). Это право самъ аөинскій народъ примѣняетъ на дѣлѣ, по-

---

[1]) Thucyd. III, 36; IV, 28, 4 и др.; ср. также Plutarch. Nic. II—III, VII.
[2]) Grote, History of Greece, VI, 257, sq.
[3]) Thucyd. I, 76, 2—3.
[4]) Ibid. V, 89.
[5]) Ibid. V, 105, ср. также ibid. 111.
[6]) Ibid. VI, 85.

рабощая союзные города[1]), тратя на свои нужды или прихоти союзную казну[2]), избивая жителей возмутившихся Митиленъ[3]), поголовно умерщвляя взрослое мужское населеніе ни въ чемъ неповиннаго Мелоса[4]). Тому же самому праву, естественно, должна была слѣдовать и чистовнутренняя политика. Заботясь исключительно о своей выгодѣ, партія болѣе численная оттѣсняла менѣе численную, вожакъ болѣе сильный, хитрый и наглый бралъ верхъ надъ вожакомъ менѣе сильнымъ, хитрымъ и наглымъ, въ народномъ собраніи, совѣтѣ и судѣ болѣе искусный ораторъ побивалъ менѣе искуснаго (ὁ κρείττων λόγος τὸν ἥττω λόγον).

Если бы въ Аѳинахъ не было Клеона, то на его мѣстѣ былъ бы другой, быть можетъ еще худшій, и во всякомъ случаѣ не лучшій. Непосредственный предшественникъ Клеона, прасолъ Лизиклъ, уступалъ, какъ видно изъ намековъ Аристофана, въ нравственныхъ достоинствахъ своему предшественнику, торговцу пенькой и мельнику Евкрату[5]), который отъ государственнаго кормила долженъ былъ возвратиться къ своей мельницѣ[6]). Послѣ Клеона (говоритъ Аристофанъ[7]) долженъ былъ бы править Аѳинами какой-нибудь колбасникъ, еще большій негодяй и нахалъ, чѣмъ Клеонъ, хотя быть можетъ и меньшій воръ[8]). Вымышленный Аристофаномъ разговоръ между этимъ идеальнымъ демагогомъ—колбасникомъ и аѳинскими военачальниками Демосѳеномъ и Никіемъ весьма характеренъ для аѳинской демагогіи. Я привожу поэтому изъ него небольшой отрывокъ[9]).

Демосѳенъ. О, счастливецъ колбасникъ, сюда, сюда, иди, любезнѣйшій, явленный спаситель государства и насъ. *Колбасникъ.* Что такое? Что вы меня зовете? *Демосѳенъ.* Поди сюда, узнай какое тебѣ благополучіе, какое великое счастье. *Никій.* Поди же, поставь здѣсь свой лотокъ. Прочти, что предсказываетъ тебѣ богъ. *Демосѳенъ.* Ну же, положи сначала на землю свои снаряды, а потомъ поцѣлуй землю и боговъ. *Колбасникъ.* Да что, что такое? *Демосѳенъ.* О счастливецъ! О богачъ! О ты, сегодня ничто, а завтра первая величина! О счастливыя Аѳины! *Колбасникъ.* Да что ты, любезный, мѣшаешь мнѣ мыть

[1]) Объ этомъ см. Gilbert, I, 390 f.

[2]) Plutarch. Pericles XII; ср. также Duncker, IX, 167 (Neue F., 2—rB.)

[3]) Thucyd. III, 50; ср. Grote, History of Greece, VI, 28, sq.

[4]) Thucyd. V, 116; Grote, History of Greece, VI, 379, sq.

[5]) Aristoph. Equites 129, слѣд.; 762.

[6]) Ibid. 254.

[7]) Ibid. 143, слѣд., 944—945.

[8]) Ibid. 1248—1249.

[9]) Ibid. 147—195, 209—220.

кишки и продавать колбасы и смѣешься надо мною. *Демосѳенъ*. Эхъ простакъ, какія кишки? Посмотри сюда. Видишь эти ряды людей? *Колбасникъ*. Вижу. *Демосѳенъ*. Такъ вотъ, ты будешь начальникомъ надъ всѣми ими—надъ рынкомъ, надъ пристанями, надъ Пниксомъ. Ты будешь попирать ногами совѣтъ, будешь снимать стратеговъ, будешь заковывать въ цѣпи, будешь сажать въ темницы, будешь распутничать въ пританеѣ. *Колбасникъ*. Я? *Демосѳенъ*. Именно ты. Ты еще не все видишь. Встань на этотъ лотокъ и посмотри на эти раскинувшіеся кругомъ острова. *Колбасникъ*. Смотрю. *Демосѳенъ*. А видишь эти пристани и корабли? *Колбасникъ*. Вижу. *Демосѳенъ*. Да какъ же не велико твое счастье? Посмотри теперь однимъ глазомъ на Карію, а другимъ на Калхидонъ. *Колбасникъ*. Что жъ, я буду счастливымъ, если перекошу себѣ глаза? *Демосѳенъ*. Нѣтъ, это все перейдетъ къ тебѣ. Ты сдѣлаешься, какъ говоритъ это предсказаніе, величайшимъ человѣкомъ. *Колбасникъ*. Скажи мнѣ, какъ же я, колбасникъ, могу сдѣлаться великимъ человѣкомъ? *Демосѳенъ*. Вотъ потому ты и сдѣлаешься великимъ, что ты негодяй, что ты съ рынка, что ты нахалъ. *Колбасникъ*. Да я не считаю себя достойнымъ имѣть великую силу. *Демосѳенъ*. Эхъ, почему ты называешь себя недостойнымъ. Ты должно быть сознаешь въ себѣ что нибудь хорошее. Или ты изъ людей честныхъ? *Колбасникъ*. Клянусь Зевсомъ, нѣтъ, изъ подлецовъ. *Демосѳенъ*. Какое счастливое совпаденіе! Какимъ обладаешь ты благомъ для веденія дѣлъ! *Колбасникъ*. Но я ничего не смыслю въ наукахъ. Умѣю только читать и писать, да и то едва-едва. *Демосѳенъ*. Жалко и то, что едва-едва-то умѣешь. Вѣдь теперь демагогія—достояніе не образованныхъ и честныхъ людей, но невѣждъ и негодяевъ... *Колбасникъ*. Предсказаніе льститъ моему самолюбію, но я удивляюсь, какимъ образомъ стану я управлять народомъ. *Демоѳсенъ*. Самое пустое дѣло. Продолжай свои теперешнія занятія. Перемѣшивай всѣ дѣла и приготовляй изъ нихъ колбасу [1]), подлаживайся подъ народъ, услащай его поварскими словечками. У тебя есть все нужное для демагога: разбойничій голосъ, дурная порода, площадныя привычки—однимъ словомъ все, необходимое для государства. Къ тому же къ тебѣ подходятъ предсказанія Пиѳіи.

Предсказанія Аристофановой Пиѳіи быть можетъ исполнилось бы съ большою точностью, если бы послѣ смерти Клеона не выдвинулась геніальная личность Алкивіада [2]). Знатный, богатый, необыкно-

---

[1]) Ср. ibid. 798, слѣд.

[2]) Образцовая характеристика у Grote, History of Greece, VI, 301 sq. VIII, 116, sq.

венно даровитый, образованный, красивый, но въ то же время безпредѣльно распутный, безстыдный и наглый, Алкивіадъ, какъ блестящими качествами, такъ и глубиною всякаго рода пороковъ, далеко превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и соперниковъ. Но тѣмъ сокрушительнѣе было его себялюбіе, что, по вѣрному замѣчанію Платона[1]), какъ великое добро, такъ и великое зло можетъ происходить только отъ людей чрезвычайныхъ. Изъ государственныхъ дѣятелей Аѳинъ никто въ такой мѣрѣ не способствовалъ гибели аѳинскаго могущества, какъ этотъ плѣнительный потомокъ Зевса, носившій на щитѣ золотое изображеніе бога любви[2]). „Поддерживая среди гражданъ свое обаяніе, Алкивіадъ (говоритъ Ѳукидидъ[3]) давалъ своимъ страстямъ къ коневодству и всякой другой расточительности большій просторъ, чѣмъ сколько дозволяло его состояніе, и это обстоятельство не мало содѣйствовало паденію государства. Большинство, опасаясь чрезмѣрной необузданности образа его жизни и высокомѣрныхъ помысловъ во всемъ, что̀ онъ дѣлалъ и предпринималъ, стало относиться къ нему враждебно, подозрѣвая, что онъ стремится къ тиранніи, и не смотря на то, что онъ велъ военныя дѣла превосходно, возмущенное его поступками въ частной жизни, поручало начальство другимъ, и такимъ образомъ скоро повергло государство въ гибель“. Но Алкивіадъ былъ и прямымъ споспѣшникомъ этой гибели. Снаряженіе Сицилійской экспедиціи, посылка Спартанцами Гилиппа въ Сиракузы и укрѣпленіе Декелей и, возмущеніе Хіоса и Милета, первая организація кроваваго заговора Четырехсотъ—все это было дѣломъ Алкивіада[4]). Какъ смотрѣлъ Алкивіадъ на государственный строй своей родины, лучше всего можно судить изъ его собственныхъ словъ, что демократія— общепризнанная безсмыслица[5]). Только та чрезъ край необузданная и неугомонная сила его страстей, о которой говоритъ Ѳукидидъ, не дававшая покоя ни ему, ни другимъ, и бросавшая его за приключеніями изъ стороны въ сторону, помѣшала Алкивіаду сдѣлаться аѳинскимъ деспотомъ. Самъ Алкивіадъ отрицаетъ свои деспотическія стремленія. Подстрекая спартанцевъ на помощь Сиракузамъ противъ аѳинянъ, онъ заявляетъ, что подобно своимъ предкамъ всегда относился

---

[1]) Plato, De Rep. 491, E.

[2]) Plutarch. Alcib. XVI.

[3]) Thucyd. IV, 15, 2—3.

[4]) Cp. Grote, History of Greece, VII, 389; VIII, 116.

[5]) Thucyd. VI, 89, 5: ἐπεὶ δημοκρατίαν γε καὶ ἐγιγνώσκομεν οἱ φρονοῦτές τι, καὶ αὐτὸς οὐδενὸς ἂν χεῖρον, ὅσῳ καὶ λοιδορήσαιμι· ἀλλὰ περὶ ὁμολογουμένης ἀνοίας οὐδὲν ἂν καινὸν λέγοιτο.

враждебно къ тиранніи и если стоялъ во главѣ народа, то исключительно потому, что подъ народомъ подразумѣвается партія, противная единоличной власти [1]); но вся жизнь Алкивіада свидѣтельствуетъ, что это заявленіе было ничѣмъ не лучше той безпримѣрной по нахальству лжи, которою Алкивіадъ въ началѣ своей политической дѣятельности обошелъ пословъ той же Спарты, наканунѣ клятвенно увѣривъ ихъ въ одномъ, а на другой день на ихъ же глазахъ сдѣлавъ совершенно противоположное [2]). Демократія, во главѣ которой Алкивіадъ стоялъ въ началѣ и концѣ своего политическаго поприща, и олигархія, которую онъ желалъ видѣть въ 411 году, были для него сами по себѣ безразличны [3]). Алкивіадъ очень хорошо зналъ, какое значеніе имѣютъ въ глазахъ людей слова, но самъ не принадлежалъ къ числу способныхъ обольщаться призраками. Для него, какъ и для всякаго неотуманеннаго ума, было совершенно ясно, что равенство между людьми есть пустой звукъ, и что безграничный произволъ толпы неизмѣнно выдвигаетъ сильнаго для господства надъ слабымъ [4]). Рѣзко и отчетливо выражаетъ этотъ взглядъ въ связи съ общимъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ аѳинскихъ дѣятелей второй половины V вѣка у Платона Калликлъ, одинъ изъ молодыхъ и образованныхъ политиковъ того времени [5]).

„Я думаю (говоритъ онъ), что налагатели законовъ—люди слабые и ничтожные. Поэтому, издавая законы, восхваляя одно и пори-

---

[1]) Ibid., 3—4.

[2]) Ibid. V, 45. Grote, History of Greece, VI, 316, sq.

[3]) Thucyd. VIII, 48, 3.

[4]) Это ясно изъ (приведеннаго выше) взгляда Алкивіада на демократію и изъ того, что онъ опирался преимущественно на чернь. «По возвращеніи изъ изгнанія, Алкивіадъ (разсказываетъ Плутархъ, Alcib. XXXIV) и самъ пріободрился, и поднялъ духъ войска, увѣривъ солдатъ, что они будутъ непобѣдимы и неодолимы подъ его начальствомъ, а для людей черныхъ и бѣдныхъ былъ такимъ демагогомъ, что внушилъ сильное желаніе видѣть себя тиранномъ. Нѣкоторые подходили къ нему и уговаривали, чтобы онъ сталъ выше зависти, низвергъ постановленія, законы и болтуновъ, губящихъ государство и, сдѣлавшись единоличнымъ властелиномъ, велъ бы дѣла по своему усмотрѣнію, не опасаясь клеветниковъ». Плутархъ оканчиваетъ этотъ разсказъ замѣчаніемъ, что «какое самъ Алкивіадъ имѣлъ намѣреніе относительно тиранніи—неизвѣстно», но что сильные люди изъ страха постарались удалить его какъ можно скорѣе. Возможно ли однако сомнѣваться въ деспотическихъ намѣреніяхъ человѣка, который, по свидѣтельству самого Плутарха, не зналъ ни въ чемъ удержу, не терпѣлъ никого на своей дорогѣ, дрался и даже кусался, и въ угоду двумъ главнымъ своимъ страстямъ, честолюбію и стремленію быть вездѣ первымъ, готовъ былъ принести въ жертву все— деньги, жизнь, отечество? О деспотическихъ наклонностяхъ Алкивіада ср. также Xenoph. Memor. I, 2, 11—24.

[5]) Plato, Gorg. 483,B—484,B. О мнѣніи Грота на счетъ этой рѣчи Калликла см. примѣчаніе въ концѣ настоящей главы.

цая другое, они имѣютъ въ виду себя, то есть свою личную пользу. Питая страхъ передъ людьми болѣе сильными и способными къ преобладанію, какъ бы эти люди не стали преобладать надъ ними, они говорятъ, что преобладаніе дурно и несправедливо и что именно въ стремленіи имѣть больше, чѣмъ другіе, и состоитъ несправедливость. Сами будучи худшими, они довольны, когда имѣютъ поровну. Вслѣдствіе этого законъ признаетъ несправедливымъ и дурнымъ, если одинъ человѣкъ старается имѣть больше, чѣмъ другіе; это, говорятъ, значитъ поступать несправедливо. А между тѣмъ сама природа очевидно свидѣтельствуетъ, что справедливость состоитъ въ томъ, чтобы лучшій преобладалъ надъ худшимъ и болѣе сильный надъ менѣе сильнымъ. Что это такъ, явно изъ многаго: для животныхъ, для людей, для цѣлыхъ городовъ и народовъ судъ справедливости одинъ и тотъ же—чтобы лучшій властвовалъ и преобладалъ надъ худшимъ. Въ самомъ дѣлѣ, по какому праву Ксерксъ двинулся походомъ противъ Еллады, или отецъ его противъ скиѳовъ? Такихъ примѣровъ можно привести тысячи. Я думаю, что подобные люди дѣйствуютъ по природѣ и—клянусь Зевсомъ – по закону природы, но конечно не по тому, который лѣпимъ и постановляемъ мы, когда, овладѣвая людьми отличными и сильнѣйшими еще въ ихъ молодости, очаровываемъ ихъ волшебными своими напѣвами, какъ львовъ, и поработивъ ихъ себѣ, говоримъ: надобно всѣмъ имѣть по-ровну, въ этомъ состоитъ прекрасное и справедливое. Если же родился бы мужъ съ достаточною природою, то, стряхнувъ, расторгши и прогнавъ все это, поправъ наши хартіи, чары, обаянія и всѣ противные природѣ законы, онъ возсталъ бы изъ рабовъ и сдѣлался бы нашимъ господиномъ и отсюда просіяло бы право природы". „Сдерживать себя — разсуждаетъ Калликлъ далѣе [1]) — глупо. Можетъ ли быть счастливымъ человѣкъ, рабствующій кому-нибудь? По природѣ прекрасное и справедливое состоитъ въ томъ, на что̀ я указываю съ полною откровенностью,— чтобы тотъ, кто хочетъ жить правильно, увеличивалъ по возможности свои желанія, оставлялъ ихъ безнаказанными и былъ способенъ служить этимъ своимъ великимъ желаніямъ отвагою и умомъ, удовлетворяя каждый разъ то, чего пожелаетъ. Для большинства однако это невозможно. Поэтому толпа порицаетъ такихъ людей изъ стыда, прикрывая этимъ собственную немощь, и называетъ необузданность порокомъ. Порабощая (какъ сказалъ я выше) людей по природѣ лучшихъ и не имѣя возможности исполнять свои удовольствія, она по

[1]) Plato, Gorg. 491,E—492,C.

малодушію хвалить скромность и справедливость. Но для тѣхъ, кому пришлось быть дѣтьми царей или же силою собственной природы пріобрѣсти себѣ какую-нибудь власть, тираннію или царство, — для такихъ людей можетъ ли быть что-нибудь хуже скромности? При полной возможности безпрепятственно наслаждаться благами, нужно ли имъ ставить надъ собою господина — людскіе законы, толки и порицанія? Какимъ образомъ они могли бы не быть несчастными, еслибы, слѣдуя хваленой справедливости и скромности, стали удѣлять друзьямъ не больше, чѣмъ врагамъ, и это—властвуя въ своемъ городѣ! Истина, къ которой ты, Сократъ, по твоимъ словамъ стремишься, вотъ въ чемъ: роскошь, необузданность, свобода, если имѣютъ подъ собою опору — вотъ добродѣтель и счастье! А все остальное — пустая прикраса, противоестественное соглашеніе, людская чепуха и притомъ ничего не стоющая". — „Не безъ благородной откровенности (отвѣчаетъ Калликлу Сократъ) ты изложилъ свои мысли, Калликлъ; ты высказалъ ясно то, что̀ другіе хотя и думаютъ, но говорить не хотятъ".

Къ числу львовъ, о которыхъ говоритъ Калликлъ, принадлежалъ прежде всего Алкивіадъ. На вопросъ, обращенный въ Аристофановыхъ „Лягушкахъ" Діонисомъ къ Эсхилу и Еврипиду, какого мнѣнія они объ отсутствующемъ Алкивіадѣ, „по которомъ государство тоскуетъ, котораго ненавидитъ, но въ то же время желаетъ видѣть возлѣ себя", Еврипидъ говоритъ, что ненавидитъ гражданина, который на пользу отечества медленъ, но скоръ на великій вредъ, для себя видитъ всѣ пути, но ненаходчивъ для государства, а Эсхилъ заявляетъ, что не слѣдуетъ въ городѣ воспитывать молодаго льва, если же его воспитаютъ, то необходимо подчиняться его нраву [1]).

Въ своей исповѣди субъективизма Калликлъ подъ „закономъ" подразумѣваетъ (какъ не трудно замѣтить) не одни только писанные законы, но также и установленные обычаемъ правила нравственной оцѣнки. Съ замѣною объективнаго мѣрила субъективнымъ, единство этой оцѣнки должно было утратиться. На извращеніе нравственныхъ воззрѣній согласно указываютъ Ѳукидидъ, Платонъ и Исократъ. „Что прежде считалось надменностью (говорятъ они), то стало теперь представляться признакомъ хорошаго воспитанія; на безначаліе стали смотрѣть какъ на свободу, на расточительность какъ на великолѣпіе, на безстыдство какъ на мужество, на безразсудную отвагу какъ на безкорыстную храбрость, на предусмотрительную медлительность какъ

---

[1]) Aristoph. Ranae, 1418—1428.

на благовидную трусость, на скромность какъ на прикрытіе малодушія, на благоразуміе какъ на косность“ и т. д.[1])

Нравственный субъективизмъ представляетъ собою лишь одну изъ сторонъ духовной дѣятельности—проявленіе тѣхъ себялюбивыхъ волненій, о значеніи которыхъ для исторіи рѣчь будетъ ниже. Но между всѣми сторонами духовной жизни существуетъ тѣсная связь: каждое духовное состояніе есть явленіе сложное, но въ своей сложности единое и нераздѣльное. Не существуетъ ни ощущеній безъ отношенія къ умственной дѣятельности и волненіямъ, ни умственной дѣятельности безъ отношенія къ ощущеніямъ и волненіямъ, ни волненій безъ отношенія къ ощущеніямъ и умственной дѣятельности. Но въ каждомъ изъ духовныхъ состояній господствуетъ только одинъ изъ трехъ элементовъ. Если преобладаетъ волненіе (то-есть осложненное удовольствіе или неудовольствіе), то состояніе бываетъ мотивомъ воли, иначе сказать—ближайшей причиной, направляющей дѣятельность къ достиженію или избѣжанію чего-нибудь, смотря по тому, лежитъ ли въ основаніи волненія удовольствіе или неудовольствіе[2]). Внѣшняя дѣйствительность (включая сюда же и состоянія организма) совмѣстно съ духовной организаціей производятъ ощущенія; ощущенія одновременно даютъ работу умственной дѣятельности (законамъ ассоціаціи, переработывающимъ ощущенія въ представленія, понятія и т. д.) и пораждаютъ совмѣстно съ этою дѣятельностью волненія, вызывающія движенія—прямо или по ассоціаціи, и чаще всего черезъ среду идеальнаго воспроизведенія волненій, или чрезъ среду

---

[1]) Thucyd. III, 82, 3, слѣд.: καὶ τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν τῇ δικαιώσει· τόλμα μὲν γὰρ ἀλόγιστος ἀνδρία φιλέταιρος ἐνομίσθη и т. д. Plato, De Rep. 560,E: ὕβριν μὲν εὐπαιδευσίαν καλοῦντες, ἀναρχίαν δὲ ἐλευθερίαν, ἀσωτίαν δὲ μεγαλοπρέπειαν, ἀναίδειαν δὲ ἀνδρείαν. Isocr. De Permut. (XV) 283: ἐπεὶ νῦν γ' οὕτως ἀνέστραπται καὶ συγκέχυται πολλὰ τῶν κατὰ τὴν πόλιν, ὥστ' οὐδὲ τοῖς ὀνόμασι ἔνιοί τινες ἔτι χρῶνται κατὰ φύσιν, ἀλλὰ μεταφέρουσι ἀπὸ τῶν καλλίστων πραγμάτων ἐπὶ τὰ φαυλότατα τῶν ἐπιτηδευμάτων и т. д. Ср. также Areopag. (VII), 20: ὥσθ' ἡγεῖσθαι τὴν μὲν ἀκολασίαν δημοκρατίαν, τὴν δὲ παρανομίαν ἐλευθερίαν, τὴν δὲ παρρησίαν ἰσονομίαν, τὴν δ' ἐξουσίαν τοῦ ταῦτα ποιεῖν εὐδαιμονίαν.

[2]) Удовольствія и неудовольствія суть основные мотивы, но не единственныя психологическія условія нашей внѣшней дѣятельности. Послѣдняя обусловлена сверхъ того (кромѣ необходимой степени нервной энергіи и вызывающихъ волненія ощущеній) чисто умственными процессами ассоціаціи. Подъ волненіями я подразумѣваю совокупность всѣхъ психологическихъ условій нашей дѣятельности, объединяемыхъ тѣмъ или другимъ основнымъ мотивомъ. Несмотря на свою сложность, волненія представляютъ нераздѣльныя образованія, и такъ какъ они фактически (хотя и не генетически) совершенно отличны и отъ умственной дѣятельности и отъ ощущеній, то ихъ можно противопоставлять какъ первой, такъ и послѣднимъ.

такъ называемыхъ желаній и отвращеній. Волненія даютъ направленіе всей нашей практической дѣятельности, но отъ нихъ зависитъ также въ значительной степени и направленіе умственной—теченіе того или другаго порядка идей. Одни волненія входятъ въ ассоціаціи съ другими и съ идеями; осложнившіяся такимъ образомъ волненія въ свою очередь ассоціируются съ другими волненіями и идеями; вслѣдствіе этого получаются весьма сложные мотивы [1]). Еслибы волненія у человѣка всегда были одни и тѣ же, то и его дѣятельность была бы неизмѣнною. Но у людей остается неизмѣнною только господствующая склонность къ тѣмъ или другимъ волненіямъ, а сами они перепутываются и перебиваютъ одни другія; поэтому дѣятельность человѣка подвержена колебаніямъ, и только въ общемъ ея характерѣ наблюдается однообразіе, распространяющееся однако, вслѣдствіе единства духовной жизни, на всѣ стороны характера. Общественная дѣятельность слагается изъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, общественный характеръ есть общее проявленіе характеровъ единичныхъ. Вслѣдствіе этого то, что́ справедливо о дѣятельности и характерѣ отдѣльныхъ лицъ, справедливо и объ общественной дѣятельности и характерѣ. Если настроенный извѣстнымъ образомъ человѣкъ непремѣнно въ большей или меньшей степени проявляетъ свое настроеніе во всѣхъ сторонахъ доступной ему дѣятельности, то точно также и настроенный извѣстнымъ образомъ народъ долженъ проявлять свое настроеніе во всѣхъ сторонахъ своей жизни. Поэтому въ Аѳинахъ въ концѣ V вѣка нравственному субъективизму долженъ былъ соотвѣтствовать субъективизмъ всѣхъ другихъ духовныхъ проявленій. Въ нравственной области субъективизмъ есть эгоизмъ или утвержденіе личной воли и противопоставленіе ея волѣ другихъ; въ теоретической—субъективизмъ есть утвержденіе личной мысли и противопоставленіе ея мысли другихъ. Отрицательной сторонѣ эгоизма или практическому непризнанію обязательности установленнаго нравственнаго мѣрила, соотвѣтствуетъ въ дѣятельности теоретической скептицизмъ, или теоретическое непризнаніе установленныхъ мѣрилъ знанія и нравственности за обязательныя; положительной сторонѣ эгоизма или проведенію въ жизнь личной воли соотвѣтствуетъ въ теоретической области стремленіе провести свою мысль въ сознаніе другихъ. Творческій субъективизмъ сказывается въ выраженіи лич-

[1]) Доказывать это психологическое ученіе въ настоящемъ случаѣ было бы неумѣстно. Достаточно сослаться на извѣстные труды, на основаніи которыхъ оно составлено — Bain, The Senses and the Intellect, The Emotions and the Will, Mental Science, Lond. 1868, 1880, 1879; Thompson, A System of Psychology, Lond. 1884; Sully, Outlines of Psychology, Lond. 1885 и др.

наго настроенія и нестѣсняемомъ никакими общепризнанными условіями (въ музыкѣ и поэзіи—установленными риѳмами, размѣрами, содержаніемъ и т. д., въ скульптурѣ—установленными типами и т. п.) полетѣ воображенія. Вслѣдствіе ограниченности человѣческой природы, изъ единичныхъ людей никто не совмѣщаетъ въ себѣ выдающагося политика, философа, религіознаго мыслителя, музыканта, поэта и т. д. Поэтому исторія не представляетъ ни одной типичной личности, на дѣятельности которой можно было бы провѣрить справедливость только-что изложеннаго психологическаго ученія. Но если мы вообразимъ всеобъемлющаго генія съ направленіемъ Калликла, то такой человѣкъ въ политикѣ не могъ бы не быть деспотомъ, въ философіи не могъ бы не признавать справедливымъ положеніе, что человѣкъ—мѣра всего; по своимъ теоретическимъ и практическимъ убѣжденіямъ онъ не могъ бы не относиться отрицательно къ установленнымъ правиламъ нравственности и къ установленнымъ вѣрованіямъ и потому не могъ бы не быть скептикомъ; наконецъ, въ творческой дѣятельности онъ не могъ бы не отдаваться всецѣло субъективнымъ влеченіямъ и, проявляя субъективизмъ въ содержаніи, не могъ бы не проявлять его и въ формѣ. Невозможная для отдѣльнаго человѣка всесторонность возможна для цѣлаго народа. Аѳинскій народъ былъ выдающимся политикомъ, великимъ философомъ, поэтомъ, музыкантомъ и т. д. Во всѣхъ этихъ проявленіяхъ своей жизни онъ былъ во второй половинѣ V вѣка тѣмъ же, чѣмъ былъ бы на его мѣстѣ Калликлъ. Аѳинская исторія этого вѣка, интересная по разнообразію полныхъ содержанія событій и по невиданному ни раньше, ни послѣ разцвѣту художественнаго и философскаго генія, не менѣе интересна и съ точки зрѣнія психологической, такъ какъ представляетъ рѣдкій даже въ исторіи цѣлыхъ народовъ случай, гдѣ можно съ полною отчетливостью прослѣдить единство всѣхъ проявленій духовной жизни. Я остановлюсь прежде всего на субъективизмѣ въ религіи, музыкѣ и поэзіи, такъ какъ эти проявленія духовной дѣятельности стояли въ Греціи съ политическою жизнью въ тѣсной и непосредственной связи.

Религіозныя отношенія въ древней Греціи (какъ и во всѣхъ государствахъ) опредѣлялись закономъ и обычаемъ. На вопросъ, какъ почитать боговъ, Пиѳія отвѣчала: „По закону государства“ [1]). Но съ тѣхъ поръ, какъ въ государственной жизни господство законности уступило мѣсто субъективизму, установленное обычаемъ богопочитаніе въ глазахъ людей просвѣщенныхъ перестало быть обязатель-

[1]) Xenoph. Memor. IV, 3, 16: ὁρᾷς γὰρ ὅτι ὁ ἐν Δελφοῖς θεός, ὅταν τις αὐτὸν ἐπερωτᾷ πῶς ἂν τοῖς θεοῖς χαρίζοιτο, ἀποκρίνεται, Νόμῳ πόλεως. Cp. ibid. I, 3, 1.

нымъ. Въ лучшихъ умахъ замѣчается отрицательное отношеніе къ миѳологическимъ вѣрованіямъ [1]); отъ ревнителей старины мы слышимъ насмѣшки и обвиненія, что древнія божества замѣняются новыми [2]). Главную опору это отрицательное отношеніе находило въ самой греческой религіи,—въ несообразностяхъ ея антропоморфизма, переносившаго на божества свойства человѣческой природы, хорошія и дурныя безъ различія. Такъ сильно обращали на себя вниманіе эти несообразности, что первые проблески скептицизма въ Греціи были, какъ мы увидимъ, направлены именно противъ религіознаго антропоморфизма [3]). Греческую ѳеогонію (говоритъ Геродотъ [4]) создали поэты—Гезіодъ и Гомеръ. Въ твореніяхъ этихъ поэтовъ, въ особенности перваго, боги порой совершаютъ безнравственныя дѣянія; несмотря на это, эпическія сказанія питали религіозное чувство грековъ, такъ какъ окружали боговъ поэтической величавостью и относили ихъ дѣянія къ далекой старинѣ, всегда наполняющей сердце волненіемъ высокаго и вызывающей поэтому на идеализацію. Но съ измѣненіемъ свойствъ человѣческой природы необходимо должны измѣняться и антропоморфическія представленія о богахъ. Между богами Гомера и Гезіода и богами греческихъ трагедій и комедій V и IV вѣковъ такая же разница, какая между греками патріархальнаго періода и греками временъ Пелопоннезской войны. Появленіе боговъ и героевъ на театральной сценѣ столько же свидѣтельствовало объ упадкѣ рели-

---

[1]) См. кромѣ слѣдующаго примѣчанія приведенные ниже (стр. 75, сл.) отрывки изъ Платона, Критія и Еврипида, ученіе Демокрита (въ IV гл.) и замѣчанія Протагора и Продика о божествахъ. Sext. Empir. adv. Math. IX. 56: περὶ μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰπεῖν (говоритъ Протагоръ), οὔτε εἰ εἰσιν, οὐθ' ὁποῖοί τινές εἰσι. πολλὰ γὰρ τὰ κωλύοντα εἰδέναι, ἥ τε ἀδηλότης, καὶ βραχὺς ὢν ὁ βίος τοῦ ἀνθρώπου. О Продикѣ см. ниже, стр. 143, пр. 9. Ср. также вымышленный Аристофаномъ разговоръ между Демосѳеномъ и Никіемъ. Aristoph. Equites, 32—33:

ΔΗ. ἐτεὸν ἡγεῖ γὰρ θεούς;
ΝΙ. ἔγωγε. ΔΗ. ποίῳ χρώμενος τεκμηρίῳ; и пр.

[2]) Aristoph. Ranae, 887—892 (разговариваютъ Еврипидъ и Діонисъ):

ΕΥ. ἕτεροι γάρ εἰσιν οἷσιν εὔχομαι θεοῖς.
ΔΙ. ἴδιοί τινές σου, κόμμα καινόν; ΕΥ. καὶ μάλα.
ΔΙ. ἴθι δὴ προσεύχου τοῖσιν ἰδιώταις θεοῖς.
ΕΥ. αἰθήρ, ἐμὸν βόσκημα, καὶ γλώττης στρόφιγξ,
καὶ ξύνεσι, καὶ μυκτῆρες ὀσφραντήριοι,
ὀρθῶς μ' ἐλέγχειν, ὧν ἂν ἅπτωμαι λόγων.

Эта молитва Еврипида представляетъ краткую, но мѣткую характеристику трезваго міровоззрѣнія конца V вѣка.

Plato, Apol. 24, B: Σωκράτη φησὶν ἀδικεῖν τούς τε νέους διαφθείροντα καὶ θεούς, οὓς ἡ πόλις νομίζει, οὐ νομίζοντα, ἕτερα δὲ δαιμόνια καινά.

[3]) См. ученіе Ксенофонта (въ IV гл.).

[4]) Herod. II, 53.

гіознаго чувства, сколько содѣйствовало этому упадку; очарованіе сверхъестественностью миѳологическихъ дѣятелей должно было ослабнуть, когда они стали выступать всенародно на трагической и комической сценѣ, говорить языкомъ обыкновенной человѣческой страсти и выражать ходячія политическія и философскія воззрѣнія, разсчитывая на рукоплесканія зрителей; то обаяніе, которое за ними еще оставляла трагедія, въ конецъ разрушалось комедіей, безпощадно издѣвавшейся надъ ихъ человѣческими слабостями. Въ созданіяхъ пластическаго искусства божества сохраняли эпическую величавость и плѣняли возвышенной красотой; но эти созданія не были простыми символами или намеками на другое болѣе совершенное существованіе, а вполнѣ законченными художественными произведеніями личнаго генія, имѣвшими въ себѣ самихъ значеніе и цѣну. Мѣру своего величія и красоты боги такимъ образомъ находили въ личномъ творчествѣ человѣка. Наконецъ, разрушенію прежней непосредственной вѣры способствовала философія, стремившаяся замѣнить сверхъестественныя причины естественными. Для зрѣлаго ума миѳологическіе дѣятели не могли не представляться излишними; ихъ многоличное господство въ мірѣ внѣшнемъ съ большимъ удобствомъ можно было замѣнить господствомъ той безличной міровой необходимости или случайности, которой въ древнемъ міровоззрѣніи были подчинены какъ смертные, такъ и безсмертные [1]), или еще съ бо́льшимъ основаніемъ— слѣпою силою всесозидающей природы [2]), а въ мірѣ человѣческихъ отношеній просвѣщенные умы второй половины V вѣка (напримѣръ Ѳукидидъ и Еврипидъ) видѣли руководящую силу въ личныхъ свойствахъ человѣческаго духа [3]). Совмѣстнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ причинъ, крывшихся въ политикѣ, религіи, искусствѣ и философіи, выработался въ V в. (отчасти уже знакомый намъ изъ исповѣди Калликла) взглядъ, что естественное противоположно законному и что между прочимъ

---

[1]) Hom. Il. VI, 458; VIII, 69; XXII, 209; Aesch. Prometh. 105 и др.

[2]) Кромѣ приведеннаго ниже отрывка изъ Платоновыхъ «Законовъ» ср. также Xenoph. Memor. I, 4, 4. Ποτερά σοι δοκοῦσιν οἱ ἀπεργαζόμενοι εἴδωλα ἄφρονά τε καὶ ἀκίνητα ἀξιοθαυμαστότεροι εἶναι ἢ οἱ ζῷα ἔμφρονά τε καὶ ἐνεργά;—Πολὺ νὴ Δία οἱ ζῷα, εἴπερ γε μὴ τύχῃ τινί, ἀλλὰ ὑπὸ γνώμης ταῦτα γίγνεται. Plato, Soph. 265, C: Ζῷα δὴ πάντα θνητὰ καὶ φυτά, ὅσα τ' ἐπὶ γῆς ἐκ σπερμάτων καὶ ῥιζῶν φύεται καὶ ὅσα ἄψυχα ἐν γῇ ξυνίσταται σώματα τηκτὰ καὶ ἄτηκτα, μῶν ἄλλου τινὸς ἢ θεοῦ δημιουργοῦντος φήσομεν ὕστερον γίγνεσθαί πρότερον οὐκ ὄντα; ἢ τῷ τῶν πολλῶν δόγματι καὶ ῥήματι χρώμενοι;—Ποίῳ;—Τῷ τὴν φύσιν αὐτὰ γεννᾶν ἀπό τινος αἰτίας αὐτομάτης καὶ ἄνευ διανοίας φυούσης.

[3]) Ѳукидидъ при объясненіи политическихъ событій стоитъ всегда на точкѣ зрѣнія психологической. См. напримѣръ данные имъ психологическіе анализы III, 82, 84; VI, 15 (см. выше, стр. 66), 24, 30, 31, VII, 75 и др.; объ Еврипидѣ ср. ниже, стр. 86, 92 и др.

боги существуютъ не по природѣ, а по искусству и законамъ, которые къ тому же въ различныхъ городахъ различны [1]).

„Нѣкоторые утверждаютъ (говоритъ Платонъ), что все происходитъ, произошло и будетъ происходить частью по природѣ, частью по искусству, частью по случаю, и это ученіе большинство признаетъ за особенно мудрое. Самое важное и самое прекрасное (говоритъ это ученіе) производятъ природа и случай, самое маловажное—искусство, которое принимаетъ отъ природы происхожденіе вещей великихъ и важныхъ, а само образуетъ и изготовляетъ все то незначительное, что́ мы называемъ произведеніями искусствъ. Огонь, вода, земля, воздухъ, всѣ эти стихіи существуютъ по природѣ и случаю, и не одна изъ нихъ—по искусству; близкія къ нимъ по составу тѣла земли, солнца и луны произведены этими совершенно бездушными стихіями. Вслѣдствіе того, что каждая изъ нихъ движется силою другихъ, производящею подобающее и подходящее совпаденіе, соединяя теплое съ холоднымъ, сухое съ влажнымъ, мягкое съ жесткимъ и все другое противоположное, что́ перемѣшано по случайной необходимости,—вслѣдствіе этого и такимъ именно образомъ произошелъ міръ и все, что́ въ мірѣ—животныя, растенія, времена года; не разумъ создалъ все это, не богъ и не искусство, но природа и случай. Позднѣе и отъ болѣе поздняго произошло искусство, смертное отъ смертныхъ. Искусство произвело нѣкоторые пустяки, не имѣющіе большой доли въ истинѣ, но сродные самому искусству призраки—напримѣръ тѣ, которые пораждаетъ живопись, музыка и вспомогательныя имъ искусства. Если же какія изъ искусствъ и производятъ что-нибудь важное то не иныя, а тѣ, которыя дѣйствуютъ сообща съ природой,—напримѣръ, врачеваніе, земледѣліе, гимнастика. Политика имѣетъ лишь весьма немного общаго съ природой, но весьма много съ искусствомъ; тоже слѣдуетъ сказать и о всемъ вообще законодательствѣ, которое существуетъ не по природѣ, но по искусству; вслѣдствіе этого положенія законодательства не истинны. Боги точно также существуютъ не по природѣ, а по искусству, по нѣкоторымъ законамъ, которые къ тому же въ различныхъ мѣстахъ бываютъ различны, смотря потому, какъ согласятся между собою каждый разъ законодатели. Равнымъ образомъ и прекрасное—одно по природѣ, другое по закону. Справедливости же вовсе не существуетъ по природѣ, но люди постоянно спорятъ и мѣняютъ на счетъ справедливости свои мнѣнія. Что́ они положатъ въ данное время, то на это время и пріобрѣтаетъ господ-

[1]) Plato, Leges 888,E—890,A.

ствующее значеніе; но дѣлается это по искусству и законамъ и ни въ какомъ случаѣ не по природѣ. Всему этому молодые люди поучаются отъ людей мудрыхъ, не поэтовъ и поэтовъ, полагающихъ высшее право въ одолѣніи силой. Отсюда вселяется въ молодыхъ людей нечестивое мнѣніе, что не существуетъ тѣхъ боговъ, о какихъ повелѣваетъ мыслить законъ; отсюда же происходятъ возмущенія, такъ какъ эти ученія влекутъ къ правильной, согласной съ природой жизни, состоящей по истинѣ въ томъ, чтобы жить, властвуя надъ другими и не подчиняясь другимъ по закону".

Однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этого новаго взгляда на боговъ былъ тираннъ Критій—человѣкъ весьма большихъ дарованій и широкой образованности, дѣятельность котораго имѣла, какъ извѣстно, большое значеніе въ судьбахъ Аѳинскаго государства. Дошедшій до насъ отрывокъ изъ его трагедіи „Сизифъ" можетъ служить лучшимъ образцомъ того критическаго духа и того стремленія свести все къ естественному, которые составляютъ характерную черту V и IV вѣковъ греческой умственной исторіи.

„Было время (поучаетъ со сцены Критій [1]), когда жизнь человѣческая была неустроена, звѣроподобна и покорна одной только грубой силѣ, когда не было ни награды для добраго, ни наказанія для злаго. Но со временемъ люди ввели карательные законы, чтобы владычицею надъ людскимъ родомъ была правда, которая бы поработила надменность и наказывала тѣхъ, кто совершитъ преступленіе. Законы отвращали людей отъ открытаго насилія; но втайнѣ дѣлать насиліе люди не переставали. Тогда появился мудрый и изобрѣтательный человѣкъ, нашедшій средство внушать смертнымъ страхъ въ томъ случаѣ, если они будутъ тайно дѣлать, мыслить или говорить что-нибудь дурное. Онъ увѣрилъ людей, что существуетъ божество, цвѣтущее нетлѣнною жизнью, мыслящее, слышащее, видящее, чувствующее и за всѣмъ наблюдающее. Его божественная природа слышитъ все, что говорятъ смертные, и видитъ все, что они дѣлаютъ: если даже человѣкъ молчаливо задумаетъ какое-нибудь зло, то и это тайное намѣреніе не скроется отъ боговъ, которыхъ мысль на стражѣ повсюду. Говоря людямъ такія слова, этотъ человѣкъ ввелъ одно изъ самыхъ пріятныхъ ученій, прикрывши ложнымъ словомъ истину. Съ цѣлью внушить наибольшій страхъ людямъ, онъ постоянно увѣрялъ, что боги существуютъ тамъ, откуда для людей происходятъ ужасъ и несчастія въ ихъ злополучной жизни,—на воздушной высотѣ, гдѣ

---

[1]) Отрывокъ этотъ сохраненъ Секстомъ Емпирикомъ (adv. Math. IX, 54). Переводъ сдѣланъ мною по изданію Фабриція (см. стр. 1, прим. 1).

блистаютъ молніи, раздаются страшные удары грома, и гдѣ украшено звѣздами небо, прекрасное произведеніе мудраго зодчаго — времени, откуда падаютъ сіяющія раскаленныя звѣзды и на землю идетъ влажный дождь. Окруживъ людей такими ужасами и поселивъ ради внушенія этихъ ужасовъ бога на подходящемъ мѣстѣ, этотъ человѣкъ потушилъ беззаконіе законами“.

Но быть можетъ всего нагляднѣе переходъ отъ объективизма къ субъективизму въ исторіи музыки и поэзіи, лежавшихъ въ основаніи греческаго умственнаго воспитанія. Настолько велика была связь музыки съ государственною жизнью, что измѣненія въ музыкальныхъ мелодіяхъ и риѳмахъ могли быть косвенною причиною измѣненій въ государственномъ строѣ [1]). Передавая въ своихъ звукахъ оттѣнки человѣческаго голоса, выражающіе жизнь сердца, музыка способна вызывать въ насъ разнообразныя волненія. Въ этомъ и кроется причина того, почему, говоря словами Платона, музыка проникаетъ въ душу и хватаетъ за сердце [2]). Отъ частаго вызова въ годы молодости музыкальными мотивами извѣстнаго рода волненій, эти послѣднія могутъ сдѣлаться привычными и такимъ образомъ опредѣлить характеръ человѣка на всю жизнь. Вслѣдствіе большаго воспитательнаго значенія музыки, въ Лакедемонѣ и Критѣ музыкальные мотивы были опредѣлены закономъ [3]). Въ Аѳинахъ такого закона не существовало, но было въ обычаѣ при музыкальномъ воспитаніи держаться стародавнихъ, завѣщанныхъ отцами правилъ [4]). Къ половинѣ V вѣка, когда, по выраженію Аристотеля [5]), всякій воспитывалъ и обучалъ своихъ дѣтей по своему, какъ вздумается, эти правила считали обязательными лишь немногіе. Въ это время въ музыкѣ и лирической поэзіи царилъ полный произволъ. Свидѣтельство объ этомъ музыкальномъ субъективизмѣ и о связи его съ субъективизмомъ политическимъ мы находимъ въ слѣдующемъ любопытномъ мѣстѣ Платоновыхъ „Законовъ“ [6]):

---

[1]) Plato, De Rep. 424,C: εἶδος γὰρ καινὸν μουσικῆς μεταβάλλειν εὐλαβητέον ὡς ἐν ὅλῳ κινδυνεύοντα· οὐδαμοῦ γὰρ κινοῦνται μουσικῆς τρόποι ἄνευ πολιτικῶν νόμων τῶν μεγίστων, ὥς φησί τε Δάμων καὶ ἐγὼ πείθομαι.

[2]) Ibid. 401, D.

[3]) Plato, Leges, 660, B.

[4]) Aristoph, Nubes 954: ἐντειναμένους τὴν ἁρμονίαν ἣν οἱ πατέρες παρέδωκαν. (См. ниже, гл. V).

[5]) Aristot. Polit. VIII, I, 1376a, 24—26: τὴν παιδείαν μίαν καὶ τὴν αὐτὴν ἀναγκαῖον εἶναι πάντων καὶ ταύτης τὴν ἐπιμέλειαν εἶναι κοινὴν καὶ μὴ κατ' ἰδίαν, ὃν τρόπον ἕκαστος νῦν ἐπιμελεῖται τῶν αὑτοῦ τέκνων ἰδίᾳ τε καὶ μάθησιν ἰδίαν, ἣν ἂν δόξῃ, διδάσκων.

[6]) Plato, Leges 700, A—701, C.

„Первоначально музыкальное искусство (говоритъ Платонъ) было подраздѣлено на роды и виды. Одинъ видъ пѣсни составляли молитвы богамъ, называвшіяся гимнами. Этому виду противополагался другой видъ пѣсни, который обыкновенно называли плачемъ. Третій видъ были пэоны, далѣе діонисово произведеніе—такъ называемый диѳирамбъ. Былъ и еще родъ пѣсенъ, носившій названіе самого музыкальнаго закона (νόμοι) и сопровождавшійся игрою на киѳарѣ. При подобнаго рода распорядкѣ считалось непозволительнымъ одинъ родъ пѣсни замѣнять другимъ; а власть дѣлать на счетъ этого замѣчанія, произносить въ качествѣ знатока приговоръ и наказывать непослушныхъ принадлежала не шепоту, не невѣжественнымъ крикамъ толпы, какъ теперь, и не одобрительнымъ рукоплесканіямъ, но было постановлено, чтобы воспитатели сидѣли до конца молча, а для дѣтей, наставниковъ и толпы народа внушительницею была палка распорядителя [1]). Этому порядку охотно повиновались граждане, и толпа не осмѣливалась выражать свои замѣчанія шумомъ. Но со временемъ въ музыкѣ наступило беззаконіе, виновниками котораго были поэты, одаренные отъ природы поэтическимъ вдохновеніемъ, но несвѣдущіе въ законахъ и цѣляхъ музыкальнаго творчества. Одержимые вакхическимъ изступленіемъ и придавая удовольствію большее значеніе, чѣмъ слѣдуетъ, они соединили плачевные напѣвы съ гимнами, пэоны съ диѳирамбами, стали подражать флейтѣ игрою на киѳарѣ и все смѣшали въ одно. Помимо своей воли и по невѣдѣнію стали они клеветать на музыку, будто въ ней нѣтъ никакихъ правилъ, но что самымъ правильнымъ мѣриломъ служитъ удовольствіе, испытываемое тѣмъ, кто ею наслаждается, все равно хорошъ этотъ человѣкъ, или дуренъ. Создавая такія произведенія и сопровождая ихъ подобнаго рода замѣчаніями, они внесли въ отношеніе толпы къ музыкѣ беззаконіе и дали ей смѣлость смотрѣть на себя какъ на способнаго судью. Вслѣдствіе этого театръ изъ безмолвнаго сталъ шумнымъ, какъ будто зрители смыслятъ, что̀ въ музыкальномъ искусствѣ хорошо и что̀ нѣтъ, и вмѣсто аристократіи въ немъ водворилась нѣкотораго рода жалкая театрократія. Еслибы въ немъ наступила только демократія свободныхъ людей, то это не было бы такъ печально; а теперь, начиная съ музыки, во все проникло беззаконіе и мнѣніе, будто всякій мудръ во всемъ, а за этимъ слѣдомъ наступила свобода; полагаясь на свое знаніе, люди стали безстрашными, а безстрашіе породило безстыдство... Вслѣдъ за свободой должно было появиться

[1]) Ср. Aristoph. Nubes 959 (см. ниже, гл. V).

желаніе не повиноваться властямъ, а за тѣмъ — склонность отказываться отъ покорности и послушанія отцу, матери и старшимъ; тѣ, которые стояли близко къ крайнему предѣлу, стали изыскивать способы не повиноваться законамъ, а тѣ, которые стояли на самомъ концѣ, стали пренебрежительно относиться къ клятвамъ, обѣщаніямъ и къ самимъ богамъ, проявляя старую титаническую природу и подражая ей". [1])

Въ области собственно поэтическаго творчества переходъ отъ объективнаго міровоззрѣнія къ субъективному сказался въ томъ, что объективный эпосъ былъ смѣненъ субъективной лирикой, а эта послѣдняя уступила въ V вѣкѣ мѣсто еще болѣе субъективной формѣ поэзіи —драмѣ, сначала трагедіи, за тѣмъ комедіи. Эпическій поэтъ, не вдаваясь въ рефлексію, творитъ сказанія, внушаемыя преданіемъ; лирическій — выражаетъ свое личное настроеніе; въ драмѣ дѣйствующія лица не только передаютъ другъ другу свои личныя чувства и мнѣнія, но и стараются отстоять ихъ достоинство и справедливость. Трагедія и комедія въ свою очередь прошли нѣсколько видоизмѣненій въ духѣ субъективизма. Первоначально трагедія была чисто лирическою (диѳирамбомъ въ честь Діониса), затѣмъ лирическая часть пополняется діалогомъ (у Фриниха и Эсхила) и наконецъ она становится риторическою и діалектическою (наименѣе у Софокла, наиболѣе у Еврипида и Агаѳона). Комедія своимъ происхожденіемъ обязана фаллическимъ оргіямъ [2]) и уже этимъ происхожденіемъ указываетъ на свойственный ей характеръ распущенности. Поставленная на сцену, она сдѣлалась средствомъ для осмѣянія сначала отдѣльныхъ лицъ (какъ простыхъ, такъ и стоявшихъ у власти), затѣмъ, всей вообще жизни государственной и частной въ ихъ непосредственной дѣйствительности, пока, наконецъ, къ IV вѣку не превратилась въ отвлеченную отъ дѣйствительности каррикатуру жизни. Въ пору своего наивысшаго разцвѣта трагедія и комедія были вѣрнымъ зеркаломъ умственной и политической жизни Аѳинъ. По произведеніямъ трехъ великихъ трагиковъ Эсхила, Софокла и Еврипида, выражавшихъ настроеніе трехъ различныхъ эпохъ, можно въ общихъ чертахъ прослѣдить всю исторію духовнаго развитія Аѳинъ, отъ временъ господства унаслѣдованныхъ отъ предковъ вѣрованій и до временъ господства край-

---

[1]) Ср. выше, стр. 76.

[2]) Изъ всѣхъ предположеній о происхожденіи комедіи то, которое ставитъ его въ связь съ фаллическими оргіями, кажется мнѣ наиболѣе правдоподобнымъ. Ср. Grote, History of Greece, VIII, p. 126, sq. Различныя свидѣтельства древнихъ грамматиковъ, касающіяся исторіи комедіи, собраны Meineke, Historia critica comicorum graecorum, Berol., 1839, p. 531—566.

няго субъективизма; а комедіи величайшаго изъ комиковъ, Аристофана, могутъ служить лучшей картиной общей распущенности аѳинской жизни въ послѣднюю четверть V вѣка.

Эсхилъ былъ выразителемъ тѣхъ чувствъ законности и умѣренности, которыя воодушевляли воспѣтый имъ въ „Евменидахъ“ ареопагъ. „Не хвали ни безначалія (говоритъ онъ [1]), ни самовластія. Блюститель-богъ даетъ силу только серединѣ. Я скажу тебѣ дѣльное слово: гордыня — мать нечестья, а скромность—всѣми любимаго и желаннаго счастья. Вообще тебѣ мой совѣтъ: чти жертвенникъ Правды и не попирай его ради корысти безбожными ногами: въ концѣ тебя ожидаетъ заслуженная кара. Справедливый по доброй волѣ не будетъ несчастливъ и во всякомъ случаѣ не можетъ быть на краю погибели; а дерзновенный преступникъ, наглый нарушитель правды и порядка, со временемъ опуститъ паруса, когда буря сломаетъ мачту и онъ изведаетъ горе. Одолѣваемый волнами, тщетно станетъ онъ взывать изъ пучины: ему не будутъ внимать. А богъ посмѣется, увидавъ, что надменный уже не хвалится среди неодолимаго водоворота, изъ котораго ему не выбраться. О скалу правды сокрушитъ онъ свое прежнее счастье, и самъ, никѣмъ не оплаканный, безслѣдно погибнетъ“. Но не тотъ хорошъ, кто желаетъ *казаться*, а тотъ, кто желаетъ *быть* справедливымъ, у кого есть въ душѣ глубокая борозда, изъ которой выростаютъ честные помыслы [2]). Эсхилъ цѣнитъ силу убѣжденія и спора, если они имѣютъ цѣлью общее благо; но молитъ боговъ, чтобы въ государствѣ никогда не шумѣлъ мятежъ, чтобы прахъ никогда не пилъ кровь гражданъ, чтобы всѣ жили душа въ душу, одно и тоже любили и ненавидѣли. [3])

Софоклъ точно также стоитъ на почвѣ строгой законности, но его грустный взглядъ на жизнь свидѣтельствуетъ, что онъ смотрѣлъ на нее не какъ простой наблюдатель, подобно Эсхилу, а съ точки зрѣнія сознающей разладъ между дѣйствительностью и идеаломъ рефлексіи. „Легкомысленъ тотъ (говоритъ онъ [4]) кто, пропустивъ умѣренный срокъ, желаетъ долгой жизни. Чѣмъ дальше идутъ дни,

---

[1]) Aeschyl. Eumenid. 497—530. Всѣ ссылки на трагиковъ сдѣланы мною по изданіямъ Hartung'a, фрагменты указаны по Wagner'y.

[2]) Aeschyl. Septem ap. Theb. 549—551:

οὐ γὰρ δοκεῖν δίκαιος, ἀλλ' εἶναι θέλει,
βαθεῖαν ἄλοκα διὰ φρενὸς καρπούμενος,
ἐξ ἧς τὰ κεδνὰ βλαστάνει βουλεύματα.

[3]) Aeschyl. Eumen. 921, слѣд.

[4]) Soph. Oedip. ap. Col. 1193—1218.

тѣмъ ближе ведутъ они къ скорби, и если проживешь больше, чѣмъ слѣдуетъ, не увидишь радости нигдѣ. Въ концѣ является общій всѣмъ помощникъ: безъ пѣнія, безъ звуковъ лиры, безъ пляски, сводитъ всѣхъ въ преисподнюю смерть. Не родиться — первое благо; а тому, кто увидѣлъ свѣтъ, всего лучше какъ можно скорѣе вернуться туда, откуда пришелъ. Лишь только переступишь отъ дѣтскихъ безпечныхъ игръ къ полной трудовъ жизни—какихъ горестей не придется извѣдать? Убійства, мятежи, раздоры, битвы, зависть [1]). Послѣдній удѣлъ—безсильная, презираемая, избѣгаемая, нелюбимая старость, въ которой соединено все дурное". Великолѣпный хоръ въ „Эдипѣ Царѣ" служитъ вмѣстѣ нравственною исповѣдью Софокла и предостереженіемъ нарождающемуся политическому своеволію. „О если бы мнѣ, (говорится въ этомъ хорѣ [2]), выпало на долю хранить благочестіе и святость во всѣхъ рѣчахъ и дѣлахъ, какъ повелѣваютъ верховные небесные, насажденные по эѳиру, законы! Отецъ ихъ одинъ только Олимпъ, не порождены они смертною природою людей, не повергнетъ ихъ въ сонъ забвеніе, великъ въ нихъ богъ и не старится! Гордыня насаждаетъ тиранна; гордыня, переполнившись черезъ край множествомъ непристойнаго, пустаго и ничтожнаго, восходитъ на высочайшую крутизну и оттуда низвергается въ пучину злополучія, гдѣ ей уже не встать на ноги. Но молю бога, чтобы не оставались тщетными благіе для государства замыслы; я никогда не перестану слѣдовать за богомъ, своимъ руководителемъ. А того, кто высокомѣренъ въ дѣлахъ или рѣчахъ, кто не боится правды и не почитаетъ обители боговъ, пусть постигнетъ за злополучную распущенность жестокая судьба: его корысть несправедлива, онъ не сторонится безчестнаго и не воздерживаетъ рукъ отъ неприкосновеннаго".

---

[1]) Изъ этихъ словъ Софокла очевидно, что его грусть была вызвана несогласіемъ дѣйствительности съ его **нравственными** идеалами.

[2]) Soph. Oedip. Rex. 818—843. Cp. Antig. 444—454:

οὐ γάρ τί μοι Ζεὺς ἦν ὁ κηρύξας τάδε (μὴ θάπτειν τὸν ἀδελφόν)
οὐδ’ ἡ ξύνοικος τῶν κάτω θεῶν Δίκη,
οἳ τοὺς ἐν ἀνθρώποισιν ὥρισαν νόμους,
οὐδὲ σθένειν τοσοῦτον ᾠόμην τὰ σὰ
κηρύγμαθ’, ὥστ’ ἄγραπτα κἀσφαλῆ θεῶν
νόμιμα δύνασθαι θνητὸν ὄνθ’ ὑπερδραμεῖν.
οὐ γάρ τι νῦν τε κἀχθές, ἀλλ’ ἀεί ποτε
ζῇ ταῦτα, κοὐδεὶς οἶδεν ἐξ ὅτου ’φάνη·
τούτων ἐγὼ οὐκ ἔμελλον, ἀνδρὸς οὐδενὸς
φρόνημα δείσασ’, ἐν θεοῖσι τὴν δίκην
δώσειν.

Совсѣмъ инымъ духомъ вѣетъ изъ трагедій Еврипида. На ряду съ восхваленіемъ благочестія, умѣренности, скромности, уваженія къ законамъ и всякой вообще добродѣтели [1]), на ряду съ заповѣдью быть справедливымъ не на словахъ только, а на дѣлѣ [2]) и ясно выраженнымъ негодованіемъ противъ лицемѣрнаго и лукаваго краснорѣчія [3]), на ряду съ порицаніемъ гордыни, излишества, тиранніи [4]), на ряду, однимъ словомъ, съ воззваніемъ ко всѣмъ тѣмъ „отеческимъ вѣрованіямъ, которыя пріобрѣтаются отъ рожденія и не могутъ быть низвергнуты никакими разсужденіями даже самаго находчиваго остроумія“ [5]),—мы встрѣчаемся съ прямо противоположными воззрѣніями, оскорблявшими своею дерзкою откровенностью даже не очень разборчивое религіозное и нравственное чувство современниковъ Еврипида [6]). Вопреки заповѣди быть истинно справедливымъ, мы слышимъ совѣтъ „принять только личину справедливости, а дѣлать всяческія дѣла, отъ которыхъ можно получить корысть“ [7]), и оправданіе клятвопреступленія тѣмъ, что „языкъ поклялся, не душа“ [8]); вопреки словамъ, что живущіе на эѳирной высотѣ боги видятъ всѣ человѣческія

---

[1]) Напр., Med. 122, 635 слѣд.; Hippol. 419, слѣд.; Bacchae 975, 995, 1138, слѣд.; Helene 183, Hecub. 767; Suppl. 311, Iph. Aul. 976, слѣд. и во фрагментахъ весьма часто.

[2]) Hecab. 1131, слѣд.

[3]) Med. 580, слѣд.; Hipp. 479, слѣд.; Orest. 881, слѣд., Bacchae 266, слѣд., 514 слѣд. (см. ниже, стр. 84 прим. 1); Hecabe 1131 слѣд.; fr. 442.

[4]) Med. 119, слѣд.; Hipp. 995, слѣд. Ion 631, слѣд. Suppl. 426, слѣд. и др.

[5]) Bacchae 201—203:

πατρίους παραδοχάς ἅς τ' ὁμήλικας χρόνῳ
κεκτήμεθ' οὐδεὶς αὐτὰ καταβαλεῖ λόγος,
οὐδ' εἰ δι' ἄκρων τὸ σοφὸν εὕρηται φρενῶν.

[6]) Напр., приведенныя ниже (прим. 8) слова Ипполита, за которыя, по свидѣтельству Аристотеля (Rhetor. II, 15, 1416a, 28, слѣд.), Еврипидъ былъ вытребованъ передъ судъ.

[7]) Fr. 425:

τοῦ μὲν δικαίου τὴν δόκησιν ἄρνυσο,
τὰ δ' ἔργα τοῦ πᾶν δρῶντος, ἔνθα κερδανεῖς.

[8]) Hippol. 592. На слова кормилицы Фэдры (591):

ὦ τέκνον, ὅρκους μηδαμῶς ἀτιμάσῃς,

Ипполитъ отвѣчаетъ:

ἡ γλῶσσ' ὀμώμοχ', ἡ δὲ φρὴν ἀνώμοτος.

дѣла [1]), что мудрствованіе о не человѣческомъ не есть мудрость, [2]) что самое лучшее слѣдовать мнѣнію простыхъ людей [3]),—отношеніе къ народнымъ вѣрованіямъ совершенно отрицательное [4]), вопреки, наконецъ, порицанію надменной силы и тиранніи возмутительное ихъ оправданіе [5]). „Говорятъ (слышимъ мы отъ Еврипидова Беллерофонта, [6]) будто существуютъ боги. Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ. Кто говоритъ о богахъ, тотъ какъ бы не оказался глупцомъ, повторяющимъ старую сказку. Вдумайтесь въ самое дѣло, не въ мои только слова. Я говорю, что тиранны убиваютъ и лишаютъ имущества множество людей, нарушаютъ клятвы и разрушаютъ города и что, поступая такъ, они гораздо счастливѣе людей благочестивыхъ, живущихъ спокойно изо дня въ день. Я знаю также, что малые, но благочестивые города покорны власти большихъ, но менѣе благочестивыхъ, такъ какъ побѣждены силою большаго войска“. „Еслибы всѣмъ людямъ казалось одно и то же прекраснымъ и мудрымъ—(разсуждаетъ

---

[1]) Bacchae, 394—395.

[2]) Ibid. 395—401:

τὸ σοφὸν δ' οὐ σοφία,
τό τε μὴ θνητὰ φρονεῖν·
βραχὺς αἰών· ἐπὶ τούτῳ
δέ τις ἂν μεγάλα διώκων
τὰ παρόντ' οὐχὶ φέροι· μαι—
νομένων οἵδε τρόποι καὶ
κακοβούλων παρ' ἔμοιγε φωτῶν·

[3]) Ibid. 428—429:

τὸ πλῆθος ὅτι τὸ φαυλότερον
ἐνόμισε, χρηστὸν τόδε τοι λέγοιμ' ἄν.

[4]) Hel. 698, слѣд.; Iph. in Aul. 845, слѣд. (взглядъ, что искусство предсказателей—обманъ); ibid. 1277, слѣд.; Ion 450, слѣд., Iphig. in Taur. 366, слѣд.; 541, слѣд. (обвиненіе боговъ въ различныхъ порокахъ); Orest. 400, Iph. in Aul. 923, слѣд. (сомнѣніе въ существованіи боговъ); Hecab. 480, слѣд., Hel. 1086, слѣд. (сомнѣніе, не правитъ-ли всѣмъ случай); ср. fr. 1013:

Πολλάκι μοι πραπίδων διῆλθε φροντὶς
εἴτε τύχα εἴτε δαίμων
τὰ βρότεια κραίνει.
παρά τ' ἐλπίδα καὶ παρὰ δίκαν
τοὺς μὲν ἀπ' οἴκων ἀναπίπτοντας
ἄτερ βίου, τοὺς δ' εὐτυχοῦντας ἄγει.
Πῶς οὖν τάδε εἰσορῶντες ἢ θεῶν γένος
εἶναι λέγωμεν ἢ νόμοισι χρώμεθα;

[5]) Кромѣ приведенныхъ ниже отрывковъ ср. также Ion 1038, слѣд.; Hipp. 494, слѣд.; Hecab. 815, слѣд.; Orest. 469, слѣд.

[6]) Fr. 293.

въ трагедіи „Финикіянки“ Етеоклъ въ отвѣтъ на замѣчаніе несправедливо лишеннаго имъ власти брата, что слова истины просты и что правда одна и та же для людей мудрыхъ и для простыхъ [1])—то среди людей не было бы споровъ и пререканій. Но теперь люди согласны только въ словахъ, а то, что обозначается словами, всякій понимаетъ по своему. Я скажу съ полною откровенностью, что поднялся бы, еслибы могъ, до звѣздъ и опустился бы въ преисподнюю земли, лишь бы обладать величайшей богиней—Тираннiей. Я не могу предпочитать, чтобы это благо перешло къ другому, а не осталось у меня. Я ни за что не соглашусь быть рабомъ, когда у меня въ рукахъ власть. Пусть идетъ въ дѣло огонь, пусть идутъ въ дѣло ножи, запрягайте коней, наполняйте поля боевыми колесницами, но я ни за что не уступлю брату свою власть. Если ужь нужно поступать несправедливо, то всего превосходнѣе поступать несправелливо изъ-за тиранніи, а во всемъ остальномъ можно быть честнымъ“. [2]) „Среди людей нѣтъ никакого равенства (слышимъ мы отъ другихъ Еврипидовыхъ героевъ). Судьба незамѣтная и колеблемая не должна ничего значить, а видная должна идти въ гору. Кто силой присвоитъ себѣ первенство, потрясая ли лукомъ или одолѣвая въ битвѣ копьемъ, тому и слѣдуетъ владычествовать надъ болѣе слабыми [3])“. „Счастье распредѣляется между людьми не по благочестію, а все захватывается и изловляется смѣлостью и превосходствомъ силы“ [4]). „Посмотри, корысть хорошее дѣло и у боговъ: въ почетѣ тотъ, у кого въ храмѣ особенно много золота. Что же тебѣ мѣшаетъ захватить богатство, которое у тебя подъ рукой, и сравняться съ богомъ“ [5])? Подобныхъ разсужденій можно привести изъ трагедій Еврипида не мало [6]). Мы не знаемъ, съ полною отчетливостью, каковы были личныя убѣжденія этого „сценическаго философа“ [7]). Платонъ, имѣвшій, безъ сомнѣнія, гораздо большія, чѣмъ мы, основанія судить о міровоззрѣніи Еврипида, называетъ его ревностнымъ хвалителемъ тиран-

---

[1]) Phoeniss. 487—497, 507—513.

[2]) На эти сильныя слова Етеокла хоръ не находитъ сказать ничего, кромѣ общаго и неопредѣленнаго замѣчанія (514—515):

οὐκ εὖ λέγειν χρὴ μὴ' πὶ τοῖς ἔργοις καλοῖς,
οὐ γὰρ καλὸν τόδ', ἀλλὰ τῇ δίκῃ πικρόν.

[3]) Fr, 868.

[4]) Fr. 434.

[5]) Fr. 784.

[6]) См. выше стр. 83, прим. 3.

[7]) Такъ Еврипида называли въ древности. Ср. Sext. Empir. Adv. Math. I, 287. и сдѣланныя Фабриціемъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту ссылки на другихъ писателей

ніи [1]). Важно во всякомъ случаѣ то, что подобныя приведеннымъ воззрѣнія проповѣдывались трагическими героями Еврипида безнаказанно [2]).

---

[1]) Plato, 568, A—B: Οὐκ ἐτός, ἦν δ' ἐγώ, ἥ τε τραγῳδία ὅλως σοφὸν δοκεῖ εἶναι καὶ ὁ Εὐριπίδης διαφέρων ἐν αὐτῇ... Καὶ ὡς ἰσόθεόν γ' ἔφη, τὴν τυραννίδα ἐγκωμιάζει καὶ ἕτερα πολλά, καὶ οὗτος καὶ οἱ ἄλλοι ποιηταί. Ср. ниже, стр. 97.

[2]) Гартунгъ, желая примирить противорѣчивыя воззрѣнія въ трагедіяхъ Еврипида, даетъ слѣдующую характеристику этого поэта (Eurip. Werke, VII, 6): «Мы имѣемъ цѣлью дать читателю возможность стать на точку зрѣнія нашего поэта, который добродѣтель любилъ, но чуждался всякой гордости добродѣтелью; который чтилъ всякую вѣру, но нетерпимо громилъ нетерпимость; который имѣлъ и перечиталъ всѣ сочиненія древнихъ (его библіотека была въ славѣ, а за свои одинокія ученыя занятія онъ былъ часто осмѣянъ), и однакоже признавалъ священнымъ все, что одобрено предками и современниками и что срослось съ народной жизнью, и принималъ господствующее направленіе лучшихъ умовъ и голосъ народа (но не толпы) за гласъ божій; который признавалъ самообладаніе и господство разума надъ страстями за главное условіе добродѣтели и житейскаго счастья, и однако же выше всего уважалъ требованія природы,.. который наконецъ считалъ всегда и вездѣ достойною отверженія и высшаго наказанія мудрость, ставящую себя внѣ общепризнанной религіи и нравственности и мнящую о себѣ какъ о чемъ-то особенномъ, такъ какъ всякое подобное обособленіе и возвышеніе надъ сочеловѣкомъ, хотя бы и было основано на уваженіи къ идеалу, само по себѣ безнравственно, вслѣдствіе естественно и необходимо соединеннаго съ нимъ высокомѣрія, того порока, который христіанскимъ сказаніемъ признается за причину паденія злыхъ духовъ». Мнѣ кажется правдоподобнѣе объяснить двойственность въ міровоззрѣніи Еврипида тѣмъ, что ходячія нравственныя и религіозныя воззрѣнія имѣли въ его глазахъ чисто внѣшнее значеніе. Самъ онъ ихъ не раздѣлялъ, но желалъ оставаться имъ вѣрнымъ на дѣлѣ и на словахъ, такъ какъ зналъ, что бороться противъ нихъ не только безполезно, но и пагубно: первое потому, что ихъ не опровергнетъ никакое разсужденіе (см. выше, стр. 82, прим. 5), второе потому, что они составляютъ самое дорогое достояніе людей, и тотъ, кто посягаетъ на нихъ, неминуемо долженъ за это посягательство дорого поплатиться. Эту мысль—разладъ между требованіями ума и сердца—Еврипидъ развиваетъ (какъ мнѣ кажется) въ «Вакханкахъ» (одной изъ геніальнѣйшихъ трагедій древности, на мой взглядъ). Пенѳей дерзнулъ посмотрѣть на оргіи Вакха съ точки зрѣнія холоднаго и трезваго разсудка, но эта точка зрѣнія (наглядно изображенная Еврипидомъ въ видѣ высокой, хватающей до небесъ сосны, на которую посадилъ Пенѳея Діонисъ, 1046, слѣд.) оказалась слишкомъ высокомѣрною и потому гибельною. Пенѳей былъ съ нея сбитъ вакханками (олицетворяющими жизнь сердца) и тотчасъ же растерзанъ. Его мать, Агава, первая подавала во всемъ примѣръ остальнымъ вакханкамъ. Растерзавъ вмѣстѣ съ ними своего сына, она торжественно понесла на ѳирсѣ его голову въ городъ. Еврипидъ заканчиваетъ этотъ (въ высшей степени художественный и патетическій разсказъ) замѣчаніемъ (1138—1140):

τὸ σωφρονεῖν δὲ καὶ σέβειν τὰ τῶν θεῶν
κάλλιστον· οἶμαι δ'αὐτὸ καὶ σοφώτατον
θνητοῖσιν εἶναι χρῆμα τοῖσι χρωμένοις.

Но что этотъ совѣтъ (подобно другимъ того же рода, напр. стр. 81, пр. 9) не былъ вызванъ живою вѣрою самого Еврипида и имѣлъ въ его глазахъ только цѣну практическаго ука-

Разница въ поэтическомъ міровоззрѣніи трехъ великихъ трагиковъ не менѣе характерна, чѣмъ разница въ міровоззрѣніи нравственномъ. У Эсхила (я привожу мѣткую характеристику изъ „Исторіи Греціи“ Грота [1]) идеальность принадлежитъ столько же дѣйствію, сколько дѣйствующимъ лицамъ; страсти, къ которымъ поэтъ взываетъ, мужественны и сильны, Афродита и ея внушенія не находятъ мѣста [2]); фигуры широки и величественны, но представляются только въ полусвѣтѣ и неясныхъ очертаніяхъ; рѣчь исполнена смѣлыхъ метафоръ и рѣзкихъ переходовъ (велерѣчивъ даже до дурнаго, замѣчаетъ Квинтиліанъ) и часто скорѣе приближается къ восточной неопредѣленности, чѣмъ къ греческой отчетливости. У Софокла очевидно болѣе тѣсное сближеніе съ дѣйствительностью и обычной жизнью; объемъ волненій болѣе разнообразенъ, фигуры видны яснѣе и дѣйствіе разработано полнѣе и отчетливѣе. Не только мы замѣчаемъ у него болѣе выработанное драматическое построеніе, но также болѣе широкій діалогъ и сравнительную простоту рѣчи, подобную рѣчи живыхъ грековъ; мы находимъ также нѣкоторую примѣсь риторической декламаціи среди величайшей поэтической красоты, которой когда-либо достигла греческая драма. Но когда мы приступаемъ къ Еврипиду, этотъ риторическій элементъ становится болѣе выдающимся и болѣе развитымъ. Сверхъестественная возвышенность легендарныхъ характеровъ исчезаетъ: къ любви и состраданію обращенія до такой степени сильны, что Эсхилъ счелъ бы ихъ несовмѣстными съ достоинствомъ героическаго лица; сверхъ того встрѣчаются воззванія къ разуму и сопровождаемые доказательствами споры, на которые этотъ велерѣчивый поэтъ посмотрѣлъ бы съ презрѣніемъ, какъ на мелкія площадныя ухищренія. И что всего хуже, если судить съ точки зрѣнія

анія, ясно видно изъ словъ, обращенныхъ въ той же трагедіи (333—334) Кадмомъ къ «свободному мыслителю» Пенѳею:

κεἰ μὴ γὰρ ἔστιν ὁ θεὸς οὗτος, ὡς σὺ φῄς,
παρὰ σοὶ λεγέσθω· καὶ καταψεύδου καλῶς и т. д.

[1]) Grote, History of Greece, VIII, p. 123, sq.

[2]) Эти слова Грота, который въ данномъ случаѣ повторяетъ Аристофана (Ranae 1046) не слѣдуетъ понимать такъ, будто бы муза Эсхила не была вовсе знакома съ внушеніями Афродиты: Agam. 375—380, Dan. 941—948 и Choeph. 562—605 свидѣтельствуютъ о противномъ. Но Эсхилъ въ противоположность Софоклу (въ «Антигонѣ» и «Трахинянкахъ») и Еврипиду (въ «Медеѣ» и «Ипполитѣ») чуждъ лирической рефлексіи этого чувства. Разницу между изображеніями любви у Эсхила, Софокла и Еврипида легко видѣть, сравнивъ Эсхиловъ хоръ о силѣ любви (Choeph. 562—615) съ Софокловымъ подражаніемъ этому хору (769—791) и съ хоромъ въ «Ипполитѣ» Еврипида (518—551).

Эсхила, замѣтна нѣкоторая новость спекуляціи, внушеніе сомнѣнія въ существующихъ мнѣніяхъ и видъ научной утонченности часто въ ущербъ поэтическому дѣйствію".

Сколь ни сильно проглядывалъ въ трагедіяхъ Еврипида скептицизмъ, по духу отрицанія Еврипида превзошелъ его младшій современникъ, комикъ Аристофанъ. Произведенія этого поэта могутъ служить наглядныиъ примѣромъ того, какъ порою человѣкъ, несмотря на искреннее желаніе, бываетъ не въ силахъ идти противъ общаго теченія. Аристофанъ желалъ быть представителемъ стараго добраго времени, выразителемъ тѣхъ нравственныхъ правилъ, въ которыхъ воспитаны были воины при Мараѳонѣ [1]). Въ качествѣ общественнаго обличителя, Аристофанъ выступаетъ между прочимъ и противъ Еврипида, котораго выставляетъ чуть ли не главнымъ развратителемъ своего вѣка. Онъ порицаетъ Еврипида за внушеніе безбожія [2]), за изображеніе въ трагедіяхъ развратныхъ характеровъ (распутницъ Фэдры и Сѳенобэи [3]), за внесеніе въ аѳинскую жизнь умничанья, [4]) болтовни, неповиновенія властямъ [5]) и т. д. Но самъ Аристофанъ былъ выразителемъ общественной разнузданности въ несравненно большей мѣ-

---

[1]) Aristoph. Nubes, 971, слѣд. (См. ниже, гл. V).

[2]) Aristoph. Thesmoph. 457—458:

νῦν δ' οὗτος ἐν ταῖσιν τραγῳδίαις ποιῶν
τοὺς ἄνδρας ἀνεπέπεικεν οὐκ εἶναι θεούς.

[3]) Aristoph. Ranae, 1041; ср. ibid. 1706, слѣд.

[4]) Ibid. 969—976: Еврипидъ говоритъ:

τοιαῦτα μέντοι σωφρωνεῖν
τούτοισιν εἰσηγησάμην,
λογισμὸν ἐνθεὶς τῇ τέχνῃ
καὶ σκέψιν, ὥστ' ἤδη νοεῖν
ἅπαντα, καὶ διειδέναι
τά τ' ἄλλα, καὶ τὰς οἰκίας
οἰκεῖν ἄμεινον ἢ πρὸ τοῦ,
κἀνασκοπεῖν, πῶς τοῦτ' ἔχει и т. д.

[5]) Ibid. 1067—1071. Эсхилъ укоряетъ Еврипида:

εἶτ' αὖ λαλιὰν ἐπιτηδεῦσαι καὶ στωμυλίαν ἐδίδαξας,
ἣ 'ξεκένωσεν τάς τε παλαίστρας καὶ τὰς πυγὰς ἐνέτριψε
τῶν μειρακίων στωμυλλομένων, καὶ τοὺς παράλους ἀνέπεισεν
ἀνταγορεύειν τοῖς ἄρχουσιν. καίτοι τότε γ', ἡνίκ' ἐγὼ 'ζων
οὐκ ἠπίσταντ' ἀλλ' ἢ μᾶζαν καλέσαι καὶ ῥυππαπαὶ εἰπεῖν.

Ср. также ibid. 773 слѣд., 952, гдѣ самъ Еврипидъ говоритъ: ἔπειτα τουτουσὶ λαλεῖν ἐδίδαξα, 890, слѣд. (см. выше, стр. 73, пр. 1).

рѣ, чѣмъ Еврипидъ. Ни въ древности, ни въ новое время не было поэта, который бы такъ безпощадно издѣвался надъ всѣми хорошими и дурными, безъ различія, проявленіями народной жизни—надъ религіозными воззрѣніями, надъ поэтическими произведеніями, надъ политическими учрежденіями, и который бы такъ рѣзко нападалъ на стоящихъ у власти лицъ, какъ Аристофанъ въ своихъ комедіяхъ „Ахарняне", „Всадники", „Птицы", „Осы", „Лягушки" и др. Беззастѣнчивость въ выборѣ средствъ возбуждать смѣхъ со сцены превосходила порой мѣру свойственнаго комедіи своеволія и пристойности даже въ кругу такихъ зрителей, которые не говорить и не дѣлать все, что думаешь и желаешь, считали достойнымъ только раба [1]). Приводить образцы Аристофановой распущенности нѣтъ возможности; достаточно замѣтить, что только отборныя мѣста изъ современной порнографической литтературы могутъ сравняться съ остротами Аристофана, направленными къ тому же нерѣдко противъ боговъ, не исключая и Зевса [2]). Многія изъ этихъ остротъ, безспорно, очень мѣтки и справедливы, но безспорно и то, что направлять на путь истинный развратителей аѳинской нравственности такъ, какъ это дѣлалъ Аристофанъ, значило только усиливать общій развратъ.

Я намѣренно остановился съ такою подробностью на міровоззрѣніи знаменитыхъ представителей греческаго драматическаго искусства. Театръ въ Аѳинахъ имѣлъ громадное воспитательное значеніе въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Периклъ (чрезъ введеніе такъ называемаго θεωρικόν или раздачи бѣднымъ денегъ для посѣщенія театра) сдѣлалъ въ него входъ всѣмъ открытымъ. „Что для дѣтей учитель — замѣчаетъ Аристофанъ—то для взрослыхъ драматическій поэтъ" [3]). Мысли и чувства, которыя поэтъ выражалъ на сценѣ, въ одно и тоже время были отраженіемъ настроенія однихъ изъ зрителей и воспринимались какъ руководительныя житейскія правила сознаніемъ другихъ. Театръ былъ поэтому проводникомъ въ жизнь всякаго рода воззрѣній — нравственныхъ, религіозныхъ, философскихъ.

---

[1]) Ср. Eurip. Phoen. 351:

δούλου τόδ' εἶπας, μὴ λέγειν, ἅ τις φρονεῖ

и пословицу: ἐλευθέρα Κορκύρα, χέζ' ὅπου θέλεις.

Что Аристофанъ порой переступалъ мѣру пристойности, видно изъ его собственныхъ словъ Nubes, 529, слѣд.

[2]) Какъ особенно выдающіеся образцы можно отмѣтить Aves, 549; Nubes, 371, слѣд.; Pax, 813, слѣд.; Acharn. 241, слѣд.; 694, слѣд.; Equites 1280, слѣд.; Thesm. 466, слѣд. и мн. др.

[3]) Aristoph. Ranae, 1052—1053.

Какъ сильно дѣйствовали на грековъ слова поэтовъ, легко себѣ представить, зная впечатлительный характеръ этого народа, его склонность къ эстетическимъ волненіямъ и невыразимую прелесть греческихъ поэтическихъ произведеній. „Когда я читаю изъ Гомера что нибудь жалостное—разсказываетъ у Платона рапсодъ Іонъ [1]) — мои глаза наполняются слезами, когда страшное или ужасное—у меня отъ страха волосы встаютъ дыбомъ и стучитъ сердце. Точно тоже бываетъ и съ моими слушателями: они со своихъ мѣстъ громко плачутъ, смотрятъ съ ужасомъ и изумленіемъ." Слова Сократа, что Аристофанъ былъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ его обвинителей, поселившимъ въ сердцахъ аѳинянъ неизгладимо глубоко ложное о немъ мнѣніе [2]), служатъ явнымъ доказательствомъ того, что внушенія поэтовъ не пропадали даромъ. Трагедія свойственнымъ ей паѳосомъ должна была еще сильнѣе дѣйствовать на зрителей, чѣмъ комедія. Но не однимъ непосредственнымъ обращеніемъ къ чувству и сообщеніемъ готовыхъ воззрѣній воспитывала поэзія: мѣткими нравственными изреченіями лирическіе и трагическіе поэты пробуждали нравственную рефлексію, трагическіе сверхъ того постановкою разнообразныхъ характеровъ и изображеніемъ сталкивающихся побужденій вызывали на психологическій анализъ. Формой поэзія воспитывала не меньше, чѣмъ содержаніемъ. Требовательностью къ изящному и мѣткому выраженію мысли греки (кромѣ прирожденной имъ эстетической чуткости) обязаны прежде всего тѣмъ, что воспитывались на образцахъ своей поэзіи. Въ особенности трагическая поэзія способствовала развитію риторической и діалектической ловкости; эта же поэзія была послѣ политической жизни главною школою нравственной рефлексіи. Вотъ что́ говоритъ въ своей „Исторіи Греціи" Гротъ объ этой, для насъ весьма важной, связи между трагической поэзіей и риторикой, діалектикой и рефлексіей [3]).

„Въ драмѣ на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого дѣйствія, но одинъ только разговоръ о дѣйствіи, которое предполагается происходящимъ или происшедшимъ гдѣ-нибудь. Драматическій поэтъ, говоря непрерывно, но каждый разъ устами различныхъ характеровъ, ведетъ дѣло каждаго изъ своихъ характеровъ словами, разсчитанными на то, чтобы повліять на другіе характеры и приспособленными къ каждому послѣдующему обстоятельству. Здѣсь риторическія требованія отъ начала до конца; между тѣмъ, такъ какъ весь интересъ піесы вращается око-

---

1) Plato, Ion 535 C, E.

2) Plato, Apol. 18, A—19, D.

3) Grote, History of Greece, VIII, p. 137, sq.

ло какого-нибудь спора или борьбы, выражаемой словами, такъ какъ препирательства, совѣщанія, возраженія никогда не прекращаются, такъ какъ каждый характеръ, хорошій или дурной, сдержанный или бурный, долженъ быть снабженъ подходящимъ способомъ выраженія, чтобы защищать свои дѣйствія, нападать на возражающихъ и отражать возраженія и вообще отстаивать данное ему поэтомъ относительное значеніе—здѣсь опять діалектическая ловкость необходима не въ малой степени. Наконецъ, сила и разнообразіе этическаго чувства, которымъ проникнута греческая трагедія, составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей, отличающихъ ее отъ прежнихъ формъ поэзіи. Терпѣть или дѣлать страшное—считаетъ Аристотель собственнымъ предметомъ трагедіи, и внутреннія побужденія и мотивы дѣйствующаго лица раскрываются греческими трагиками съ такою внушительною обстоятельностью, подобной которой не могла дать ни эпическая, ни лирическая поэзія. Сверхъ того содержаніе трагедіи не только вызываетъ широкую нравственную симпатію, но также переполнено спорами и разсужденіями. Характеры на половину злые и на половину добрые, различныя правила долга, сталкивающіяся одно съ другимъ, зло, совершенное и оправданное передъ совѣстью дѣйствующаго лица, если не передъ совѣстью зрителя, прежде испытаннымъ зломъ — таковы любимыя темы Эсхила и его двухъ великихъ наслѣдниковъ. Клитемнэстра убиваетъ своего мужа Агамемнона по возвращеніи его изъ-подъ Трои; она оправдывается тѣмъ, что онъ заслужилъ отъ нея это наказаніе, такъ какъ принесъ въ жертву свою и вмѣстѣ ея дочь Ифигенію. Сынъ Клитемнэстры, Орестъ убиваетъ мать, въ полной увѣренности, что исполняетъ долгъ мести за отца, притомъ съ одобренія Аполлона. Мстительныя Евмениды преслѣдуютъ его за это дѣяніе, и Эсхилъ ставитъ обѣ партіи предъ судомъ ареопага, подъ предсѣдательствомъ Аѳины; здѣсь дѣло послѣ обстоятельнаго разсмотрѣнія, съ Евменидами въ качествѣ обвинителей и Аполлономъ въ качествѣ защитника подсудимаго, оканчивается равной подачей голосовъ за и противъ, послѣ чего Аѳина подаетъ свой рѣшающій голосъ за Ореста. Пусть обратитъ также кто-нибудь вниманіе на сталкивающіяся требованія долга, которыя Софоклъ такъ сильно ставитъ на видъ въ своей полной красотѣ драмѣ „Антигона". Креонъ распоряжается, чтобы тѣло Полиника, какъ измѣнника и врага страны, оставалось непогребеннымъ; Антигона, сестра Полиника, порицаетъ это распоряженіе какъ нечестивое и нарушаетъ его вслѣдствіе пересиливающаго побужденія сестринскаго чувства. Креонъ отдаетъ приказъ погрести ее живою; его молодой

сынъ Гэмонъ, женихъ Антигоны, погруженъ вслѣдствіе этого въ раздирающую душу борьбу между отвращеніемъ отъ этой жестокости съ одной стороны и подчиненіемъ своему отцу съ другой. Софоклъ выставляетъ оба эти сталкивающіяся правила долга въ выработанной сценѣ діалога между отцомъ и сыномъ. Здѣсь два правила, оба священныя и почтенныя, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть исполнено безъ нарушенія другаго. Необходимо сдѣлать выборъ; но какому изъ двухъ долженъ повиноваться хорошій человѣкъ? Этотъ вопросъ великому поэту благоугодно было оставить неразрѣшеннымъ. Но изъ зрителей ни одинъ, въ комъ жилъ хотя незначительный импульсъ умственной спекуляціи, ни въ какомъ случаѣ не могъ оставить театра безъ нѣкотораго умственнаго усилія рѣшить эту проблему и открыть какой-нибудь великій и всеобъемлющій принципъ, изъ котораго вытекають всѣ нравственныя правила, принципъ, могущій дать его сознанію указанія во всѣхъ вообще нерѣдко встрѣчающихся случаяхъ, гдѣ двѣ обязанности сталкиваются одна съ другой. Трагикъ не только болѣе сильно взываетъ къ нравственному чувству, чѣмъ всякій другой поэтъ, но также, поднимая эти важные и трогательные вопросы, обращается къ уму со стимуломъ и вызовомъ, побуждая его къ этической спекуляціи“ [1]).

---

[1]) Кромѣ приведенныхъ Гротомъ примѣровъ, слѣдуетъ также указать на трагедію Эсхила Ἱκέτιδες, гдѣ столкновеніе двухъ нравственныхъ правилъ изображено съ особою ясностью и простотою. Дочери Даная бѣгутъ (вмѣстѣ съ отцомъ) изъ Египта отъ преслѣдованія двоюродныхъ братьевъ, которые хотятъ на нихъ жениться, въ Аргосъ. Здѣсь онѣ садятся у алтарей боговъ и обращаются къ царю Пеласгу съ мольбой о защитѣ отъ преслѣдователей. Царь не рѣшается ни отказать имъ, такъ какъ опасается оскорбить священное право молящихъ о защитѣ, ни помочь, такъ какъ въ этомъ случаѣ неминуема пагубная война съ Египтомъ. Вызванное борьбою этихъ двухъ мотивовъ недоумѣніе и усиліе изъ него выдти испытывалъ вмѣстѣ съ Пеласгомъ и всякій зритель (340—344, 371—181).

ἄγος μὲν εἴη τοῖς ἐμοῖς παλιγκότοις,
ὑμῖν δ' ἀρήγειν οὐκ ἔχω βλάβης ἄτερ·
οὐδ' αὖ τόδ' εὔφρον, τάσδ' ἀτιμάσαι λιτάς.
ἀμηχανῶ δὲ καὶ φόβος μ' ἔχει φρένας
δρᾶσαί τε μὴ δρᾶσαί τε, καὶ τύχην ἑλεῖν...
δεῖ τοι βαθείας φροντίδος, πρόσωθεν ὡς
δίκην κολυμβητῆρος ἐς βυθὸν μολεῖν
δεδορκὸς ὄμμα μηδ' ὕπνῳ κοιμώμενον,
ὅπως ἄνατα ταῦτα πρῶτα μὲν πόλει
αὐτοῖσί θ' ἡμῖν ἐκτελευτήσει καλῶς,
καὶ μήτε δῆρις ῥυσίων ἐφάψεται
μήτ' ἐν θεῶν ἕδραισιν ὧδ' ἱδρυμένας
ἐκδόντες ὑμᾶς τὸν πανώλεθρον θεὸν

Но ни одинъ изъ греческихъ трагиковъ не взывалъ въ такой мѣрѣ къ чувству, ни одинъ не развивалъ въ зрителяхъ такъ сильно склонность къ риторикѣ, діалектикѣ и рефлексіи, какъ „самый трагическій"—Еврипидъ. Вслѣдствіе того, что онъ изображалъ людей не такими, какими они должны быть (какъ это дѣлали Эсхилъ и Софоклъ) но такими, какими люди были въ дѣйствительности [1]), и сталкивающимися силами представлялъ не столько требованія долга, не всѣмъ равно извѣстныя, или по крайней мѣрѣ близкія сердцу, сколько каждому одинаково родныя и знакомыя личныя страсти [2]),—его трагедіи, хотя и уступали по достоинству трагедіямъ его соперниковъ [3]), находили несравненно большій кругъ читателей и почитателей. Многіе ихъ знали наизусть [4]), а риторы охотно украшали выдержками изъ нихъ свои рѣчи [5]). „Какой изъ двухъ трагиковъ лучше, Софоклъ или Еврипидъ,

---

βαρὺν ξύνοικον θήσομεσθ' 'Αλάστορα,
ὃς οὐδ' ἐν Ἅιδου τὸν θανόντ' ἐλευθεροῖ.
μῶν οὐ δοκεῖ δεῖν φροντίδος σωτηρίου;

Объ Еврипидѣ см. ниже, прим. 2.

[1]) Aristot. Poet. 25, 6 (Sus.): οἷον καὶ Σοφοκλῆς ἔφη αὐτὸς μὲν οἵους δεῖ ποιεῖν, Εὐριπίδην δὲ οἷοι εἰσίν.

[2]) Напримѣръ, въ «Медеѣ» Еврипидъ изображаетъ столкновеніе между ненавистью къ мужу и любовью къ дѣтямъ, въ «Ипполитѣ»—столкновеніе между любовью къ Ипполиту и страхомъ позора, въ «Ифигеніи въ Авлидѣ»—столкновеніе между любовью къ дочери и честолюбіемъ, и т. д. Въ другихъ трагедіяхъ кромѣ страстей сталкиваются и правила долга (напр. въ «Орестѣ», «Ифигеніи въ Тавридѣ» и др.), но сила трагическаго дѣйствія повсюду основана у Еврипида на воззваніи къ страстямъ.

[3]) Еврипидъ написалъ около девяноста трагедій, но одержалъ побѣду только четыре раза.

[4]) О распространенности Еврипидовыхъ трагедій свидѣтельствуетъ сказаніе, что многіе изъ плѣненныхъ въ Сициліи аѳинянъ обязаны были своимъ спасеніемъ тому, что знали наизусть трогательныя мѣста изъ Еврипида, которыми они возбудили къ себѣ сожалѣніе побѣдителей. Ср. также Hartung, Euripides' Werke, I, 8 (2-te Auf., 1878): «Еврипидовы трагедіи сдѣлали то, что результаты философіи не остались достояніемъ только тѣхъ, у кого были средства и время посѣщать школы философовъ, но проникли до самыхъ низкихъ слоевъ народа, какъ равно въ свою очередь и сами эти трагедіи большою частью своей популярности обязаны мѣткости этихъ ученій, удовлетворявшихъ потребностямъ времени и находившихъ воспріимчивую почву въ томительномъ стремленіи умовъ къ новымъ основаніямъ нравственности вмѣсто одряхлѣвшихъ старыхъ: мы знаемъ, что и простые аѳиняне знали многое изъ трагедій Еврипида наизусть и наслаждались пѣніемъ и произношеніемъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ нихъ; да и какимъ образомъ могъ бы Аристофанъ при своей весьма разнообразной театральной публикѣ съ успѣхомъ дѣлать постоянные намеки на стихи Еврипида, если бы многіе изъ нихъ не были всѣмъ извѣстны, какъ пословицы?»

[5]) Напр. Калликлъ у Платона.

рѣшать не наше дѣло,—говоритъ Квинтиліанъ [1]). Но для тѣхъ, кто готовится къ практической жизни, необходимо признать Еврипида много полезнѣе. Рѣчь его наиболѣе подходитъ къ ораторской и вся переполнена изреченіями; въ томъ, что дошло до насъ отъ людей мудрыхъ, онъ почти имъ равенъ, а въ искусствѣ говорить и отвѣчать можетъ быть сопоставленъ съ любымъ изъ прежнихъ витій форума. Въ изображеніи всѣхъ страстей онъ удивительно искусенъ, но по преимуществу тѣхъ, которыя возбуждаютъ состраданіе. Поэтому имъ въ особенности восхищались, какъ объ этомъ часто свидѣтельствуютъ". А вотъ какія замѣчанія дѣлаетъ Платонъ о воспитательномъ значеніи нравоученій въ родѣ тѣхъ, которыя преподавалъ со сцены Еврипидъ [2]).

„Всѣ поэты единогласно твердятъ, что скромность и справедливость дѣло хорошее, но трудное и тяжелое, а распущенность и несправедливость пріобрѣсти легко и пріятно, только мнѣніе и законъ считаютъ ихъ дурными. Несправедливость полезнѣе справедливости (такъ разсуждаютъ обыкновенно); люди охотно называютъ счастливыми богатыхъ и сильныхъ, хотя бы они были дурными, и оказываютъ имъ почести частно и всенародно; напротивъ, бѣдныхъ и слабыхъ ставятъ ни во что и презираютъ, хотя и соглашаются, что они лучше другихъ [3]). Но всего страннѣе разсужденія о богахъ и добродѣтели,—что боги многимъ хорошимъ людямъ даютъ въ удѣлъ несчастія и дурную жизнь, а людямъ противоположнымъ—судьбу противоположную [4]). Когда говорятъ такія и всѣ подобныя этимъ рѣчи о добродѣтели и порокѣ, какъ боги и люди оцѣниваютъ то и другое, чтò по нашему мнѣнію должно дѣлаться съ душою юношей, въ особенности тѣхъ, которые даровиты и готовы прилипать къ каждому слову, съ цѣлью сдѣлать изъ него выводъ, какимъ слѣдуетъ быть и какъ поступать, чтобы пройти жизнь какъ можно лучше? Не вѣроятно-ли, что такой юноша обратится самъ къ себѣ съ извѣстнымъ вопросомъ Пиндара:—Путемъ-ли правды взойти мнѣ на высокую стѣну, или извилистыми тропами обмана, чтобы

---

[1]) Quint. Inst. Orat. X, I, 66—69. Ср. съ этимъ привед. выше (стр. 87. прим. 5, слѣд.) выдержки изъ Аристофана.

[2]) Plato, De Rep. 364 A,—365, D.

[3]) Ср. приведенные выше (стр. 83 и слѣд.) отрывки изъ Еврипида и Isocr. VIII, 31, слѣд.

[4]) Ср. Eurip. fr. 293, 1013 (выше, стр. 83, прим. 2.) и fr. 677:

Φεῦ, τῶν βροτείων ὡς ἀνώμαλοι τύχαι·
οἱ μὲν γὰρ εὖ πράσσουσι, τοῖς δὲ συμφοραὶ
σκληραὶ πάρεισιν εὐσεβοῦσιν εἰς θεοὺς
καὶ πάντ' ἀκριβῶς κἀπὶ φροντίδων βίον
οὕτω δικαίως ζῶσιν αἰσχύνης ἄτερ.

такимъ образомъ защититься и прожить [1])? Судя потому, что̀ говорятъ, если я и буду справедливымъ, но не буду такимъ казаться, то я не только не получу отъ этого никакой пользы, напротивъ испытаю явныя бѣдствія и наказанія; а несправедливый, но стяжавшій славу справедливости, живетъ, говорятъ, богоподобною жизнью. Если такимъ образомъ, какъ поясняютъ люди мудрые, видимость пересиливаетъ даже истину и держитъ въ рукахъ счастье, то конечно къ ней и слѣдуетъ обратиться всецѣло; въ видѣ ограды и украшенія слѣдуетъ окружить себя тѣнью добродѣтели [2]), а сзади тащить жадную и пеструю лисицу Архилоха. Но, скажутъ, не легко навсегда остаться незамѣченнымъ дурному. Да вѣдь не безъ труда дается и все великое, отвѣтимъ мы; во всякомъ случаѣ, если желаемъ быть счастливыми, намъ слѣдуетъ идти такъ, какъ указываетъ разсужденіе. Съ цѣлью укрыться составимъ клятвенныя сообщества и сотоварищества; сверхъ того существуютъ учители убѣжденія, преподающіе ораторскую и судейскую мудрость: такимъ образомъ частью убѣжденіями, частью силою мы достигнемъ того, чтобы за свое преобладаніе не понести кары“.

Съ разцвѣтомъ драматической поэзіи, обусловленнымъ разцвѣтомъ всей вообще умственной жизни и въ свою очередь его обусловившимъ, исторія греческаго субъективизма совершила полный кругъ. Тогда какъ въ началѣ субъективизмъ получалъ главныя указанія отъ жизни политической и экономической, въ концѣ V вѣка политическая и экономическая жизнь получаютъ главныя указанія отъ жизни умственной. Субъективизмъ въ религіи, искусствѣ, музыкѣ и поэзіи, съ которымъ мы подробно ознакомились въ настоящей главѣ, и субъективизмъ въ философіи, исторію котораго прослѣдимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, былъ въ одно и тоже время отраженіемъ и вдохновителемъ жизни политической. Музыкантъ, поэтъ, художникъ, риторъ, софистъ, чтобы имѣть успѣхъ, должны необходимо, какъ вѣрно замѣтилъ Платонъ [3]), примѣняться къ воззрѣніямъ большинства. Поэтому со-

---

[1]) Вотъ эти характерныя для Пиндара слова, о которыхъ намъ еще придется говорить. Bergk, I, fr. 197:

πότερον δίκᾳ τεῖχος ὕψιον
ἢ σκολιαῖς ἀπάταις ἀναβαίνει
ἐπιχθόνιον γένος ἀνδρῶν,
δίχα μοι νόος ἀτρέκειαν εἰπεῖν.

[2]) Ср. стр. 82. прим. 7.

[3]) О софистахъ и риторахъ см. выше, стр. 22, прим. 1. О поэтахъ, кромѣ уже приведеннаго (на стр. 78) отрывка изъ Платоновыхъ «Законовъ» ср. Gorg. 502, B—C, гдѣ Платонъ говоритъ собственно о трагикахъ: Τί δὲ δὴ ἡ σεμνὴ αὕτη καὶ θαυμαστή, ἡ τῆς τραγῳδίας ποίησις, ἐφ᾽ ᾧ ἐσπούδακε; πότερόν ἐστιν αὐτῆς τὸ ἐπιχείρημα καὶ ἡ σπουδή,

вершенно нелѣпъ взглядъ, въ настоящее время лучшими представителями науки на половину оставленный, что Еврипидъ и Критій проводили безнравственныя и противорелигіозныя мысли потому, что были заражены софистическимъ ядомъ—первый отъ Протагора и Продика, второй—отъ Протагора и Горгія [1]). Несомнѣнно противоположное: если Протагоръ, Горгій и Продикъ могли распространять въ Аѳинахъ съ успѣхомъ безнравственныя воззрѣнія, то потому, что Еврипидъ и Критій могли проводить со сцены взгляды, подобные приведеннымъ выше. Но ни отъ одного изъ старшихъ софистовъ—ни отъ Протагора, Горгія и Продика, ни даже отъ Гиппія, мы не слышимъ такихъ возмутительныхъ для нравственнаго и религіознаго чувства разсужденій, какъ отъ дѣйствующихъ лицъ въ трагедіяхъ Еврипида. Сколь ни безусловенъ былъ философскій субъективизмъ Протагора и философскій скептицизмъ Горгія, прямое и рѣзкое выраженіе этотъ субъективизмъ и скептицизмъ находилъ у нихъ только въ ихъ теоретической философіи: въ нравственной области они, по несознаваемой ими самими непослѣдовательности, выражали субъективизмъ и скептицизмъ не на словахъ, всегда призывавшихъ къ добродѣтели, а на дѣлѣ. [2]) Если бы мы знали о Протагорѣ, Горгіи и Гиппіи только потому, что они говорятъ въ одноименныхъ съ ними діалогахъ Платона, а о Продикѣ только по составленнымъ имъ разсказѣ о Геркулесѣ на распутьи [3]) и декламаціи о горестяхъ жизни [4]), то нельзя было бы вмѣстѣ съ Гротомъ [5]) не сказать, что на именахъ этихъ софистовъ лежитъ совсѣмъ не заслуженное порицаніе [6]). Напротивъ,

---

ὡς σοὶ δοκεῖ, χαρίζεσθαι τοῖς θεαταῖς μόνον, ἢ καὶ διαμάχεσθαι, ἐάν τι αὐτοῖς ἡδὺ μὲν ᾖ καὶ κεχαρισμένον, πονηρὸν δέ, ὅπως τοῦτο μὲν μὴ ἐρεῖ, εἰ δέ τι τυγχάνει ἀηδὲς καὶ ὠφέλιμον, τοῦτο δὲ καὶ λέξει καὶ ᾄσεται, ἐάν τε χαίρωσιν ἐάν τε μή; ποτέρως σοι δοκεῖ παρεσκευάσθαι ἡ τῶν τραγῳδιῶν ποίησις;—Δῆλον δὴ τοῦτό γε, ὦ Σώκρατες, ὅτι πρὸς τὴν ἡδονὴν μᾶλλον ὥρμηται καὶ τὸ χαρίζεσθαι τοῖς θεαταῖς.

[1]) На тѣсную связь Еврипида съ Протагоромъ указываетъ Diog. Laert. IX, 54, съ Продикомъ—Aul. Gell. XV, 20, 4; Vita Eurip. ed. Elmsley; о знакомствѣ Критія съ Протагоромъ свидѣтельствуетъ Платонъ (Protag. 316, A, слѣд.), съ Горгіемъ—Филостратъ (Vitae Soph. I, 9, 2; Ep. XIII, 919). Целлеръ (Philosophie der Griechen, I, 961; II, 12) по странной непослѣдовательности называетъ Еврипида только родственнымъ по духу съ лучшими софистами, а Критія причисляетъ къ софистамъ.

[2]) Ср. выше, стр. 42.

[3]) Xenoph. Memor. II, 1, 22—34.

[4]) (Pseudo) Plato, Axioch. 366, D—379, A.

[5]) См. выше, стр. 7.

[6]) Ср. особ. Protag., 349, E: Φέρε δή, τὴν ἀρετὴν καλόν τι φῂς εἶναι (спрашиваетъ Сократъ у Протаго́ра) καὶ ὡς καλοῦ ὄντος αὐτοῦ σὺ διδάσκαλον σαυτὸν παρέχεις; Κάλλιστον μὲν οὖν, ἔφη, εἰ μὴ μαίνομαί γε. Πότερον οὖν, ἦν δ' ἐγώ, τὸ μέν τι αὐτοῦ αἰσ-

младшіе софисты (Полъ и Өразимахъ) слѣдовали субъективизму и въ теоріи и на практикѣ, и при томъ совершенно въ духѣ Еврипида и Критія [1]). Но ни старшіе софисты не были виновниками міровоззрѣнія Еврипида и Критія, ни Еврипидъ и Критій не были виновниками міровоззрѣнія младшихъ софистовъ. Деспотическія теоріи были, какъ мы уже знаемъ, прямымъ слѣдствіемъ аѳинской государственной жизни, а противорелигіозныя—тѣхъ сложныхъ причинъ, о которыхъ мы также говорили. Религіозный скептицизмъ нашелъ впервые рѣзкое выраженіе у Елейца Ксенофана; но мы напрасно стали бы искать того, кто первымъ сталъ на точку зрѣнія крайняго гражданскаго субъективизма. Исповѣдь этого субъективизма мы слышимъ одновременно со всѣхъ сторонъ—отъ государственныхъ людей Аѳинъ, отъ трагическихъ героевъ, отъ софистовъ. Взглядъ Калликла и Пола (свидѣтельствуетъ Платонъ [2]) былъ взглядомъ большинства Аѳинянъ; деспотическія теоріи въ духѣ Өразимаха прожужжали Платону уши [3]). Впрочемъ, ктобы ни былъ первымъ выразителемъ гражданскаго субъективизма—Протагоръ, Горгій, Продикъ, Гиппій, Еврипидъ, Критій—до-

---

χρόν, τὸ δέ τι καλόν, ἢ ὅλον καλόν; Ὅλον που καλὸν ὡς οἷόντε μάλιστα. Ibid. 351, B—E: Λέγεις δέ τινας, ἔφην, ὦ Πρωταγόρα, τῶν ἀνθρώπων εὖ ζῆν, τοὺς δὲ κακῶς; Ἔφη. Ἆρ' οὖν δοκεῖ σοι ἄνθρωπος ἂν εὖ ζῆν, εἰ ἀνιώμενος τε καὶ ὀδυνώμενος ζῴη; Οὐκ ἔφη. Τί δ'; εἰ ἡδέως βιοὺς τὸν βίον τελευτήσειεν, οὐκ εὖ ἄν σοι δοκεῖ οὕτως βεβιωκέναι; Ἔμοιγ' ἔφη. Τὸ μὲν ἄρ' ἡδέως ζῆν ἀγαθόν, τὸ δ' ἀηδῶς κακόν; Εἴπερ τοῖς καλοῖς γ', ἔφη, ζῴη ἡδόμενος. Τί δή, ὦ Πρωταγόρα; μὴ καὶ σύ, ὥσπερ οἱ πολλοί, ἡδέα ἄττα καλεῖς κακὰ καὶ ἀνιαρὰ ἀγαθά, εἰ μή τι ἀπ' αὐτῶν ἀποβήσεται ἄλλο; καὶ αὖθις αὖ τὰ ἀνιαρὰ ὡσαύτως οὕτως, οὐ καθ' ὅσον ἀνιαρά, κακά; Οὐκ οἶδα, ὦ Σώκρατες, ἔφη, ἁπλῶς οὕτως, ὡς σὺ ἐρωτᾷς, εἰ ἐμοὶ ἀποκριτέον ἐστίν, ὡς τὰ ἡδέα τ' ἀγαθά ἐστιν ἅπαντα καὶ τὰ ἀνιαρὰ κακά. ἀλλά μοι δοκεῖ οὐ μόνον πρὸς τὴν νῦν ἀπόκρισιν ἐμοὶ ἀσφαλέστερον εἶναι ἀποκρίνασθαι, ἀλλὰ καὶ πρὸς πάντα τὸν ἄλλον βίον τὸν ἐμόν, ὅτι ἔστι μὲν ἃ τῶν ἡδέων οὐκ ἔστιν ἀγαθά, ἔστι δ' αὖ καὶ ἃ τῶν ἀνιαρῶν οὐκ ἔστι κακά, ἔστι δ' ἃ ἔστι, καὶ τρίτον ἃ οὐδέτερα οὔτε κακὰ οὔτ' ἀγαθά. Gorg. 456, C—457, C, Горгій говоритъ: δεῖ μέντοι, ὦ Σώκρατες, τῇ ῥητορικῇ χρῆσθαι ὥσπερ καὶ τῇ ἄλλῃ πάσῃ ἀγωνίᾳ· καὶ γὰρ τῇ ἄλλῃ ἀγωνίᾳ οὐ τούτου ἕνεκα δεῖ πρὸς ἅπαντας χρῆσθαι ἀνθρώπους, ὅτι ἔμαθέ τις πυκτεύειν τε καὶ παγκρατιάζειν καὶ ἐν ὅπλοις μάχεσθαι, ὥστε κρείττων εἶναι καὶ φίλων καὶ ἐχθρῶν· οὐδὲ τούτου ἕνεκα τοὺς φίλους δεῖ τύπτειν οὐδὲ κεντεῖν τε καὶ ἀποκτιννύναι... ὁ αὐτὸς δὴ λόγος καὶ περὶ τῆς ῥητορικῆς... δεῖ... δικαίως καὶ τῇ ῥητορικῇ χρῆσθαι, ὥσπερ καὶ τῇ ἀγωνίᾳ. Продиковъ «Геркулесъ на распутьи» всѣмъ своимъ содержаніемъ призываетъ къ добродѣтели; тоже самое слѣдуетъ думать и о «великолѣпной» (намъ впрочемъ неизвѣстной) рѣчи Гиппія, въ которой Несторъ совѣтуетъ Неоптолему πάμπολλα νόμιμα καὶ πάγκαλα (Plato, Hipp. Minor, 286, B.).

[1]) О Полѣ см. Plato, Gorg. 461, C—480, B; о Өразимахѣ De Rep. 336, B, слѣд.

[2]) См. выше стр. 8, прим. 1 и стр. 69.

[3]) Plato, De Rep. 358, D: ἀπορῶ μέντοι διατεθρυλημένος τὰ ὦτα ἀκούων Θρασυμάχου καὶ μυρίων ἄλλων.

стовѣрно во всякомъ случаѣ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ основателемъ міровоззрѣнія своего вѣка. Если же нужно рѣшить вопросъ о томъ, кто наиболѣе способствовалъ развитію и укрѣпленію субъективизма въ народной массѣ, софисты или драматическіе поэты, то мы несомнѣнно должны признать преимущество за послѣдними, не только потому, что драматическіе поэты излагали свои воззрѣнія передъ десятками тысячъ [1]), тогда какъ софистовъ слушали сравнительно лишь весьма немногіе, но главнымъ образомъ потому, что поэты, по справедливому замѣчанію Сократа, творятъ то, чтò творятъ, не мудростью, но природнымъ вдохновеніемъ [2]) — иначе сказать, руководствуются менѣе разсужденіемъ, чѣмъ непосредственнымъ чувствомъ, а голосъ чувства всегда убѣдительнѣе голоса ума, и вообще жизнь повинуется не столько доводамъ мысли, сколько внушеніямъ сердца. Общественный развратъ бываетъ не слѣдствіемъ, а причиной безнравственныхъ ученій: его прямая причина въ томъ, что „у дурныхъ людей дурныя и удовольствія“ [3]). „Трагики (говоритъ Платонъ [4]), переходя изъ города въ городъ, собирая толпу и нанимая прекрасные сильные и убѣдительные голоса, совлекаютъ государства въ тиранніи и демократіи. Они получаютъ сверхъ того за это награду и почетъ— прежде всего, какъ и подобаетъ, отъ тиранновъ, затѣмъ—отъ демократій; но чѣмъ выше они восходятъ по крутизнѣ правленій, тѣмъ больше отказывается отъ нихъ почетъ, какъ бы не будучи въ состояніи идти

[1]) Plato, Sympos. 175, E. Сократъ говоритъ Агаѳону: οἶμαι γάρ με παρὰ σοῦ πολλῆς καὶ καλῆς σοφίας πληρωθήσεσθαι· ἡ μὲν γὰρ ἐμὴ φαύλη τις ἂν εἴη καὶ ἀμφισβητήσιμος, ὥσπερ ὄναρ οὖσα, ἡ δὲ σὴ λαμπρά τε καὶ πολλὴν ἐπίδοσιν ἔχουσα· ἥ γε παρὰ σοῦ νέου ὄντος οὕτω σφόδρ' ἐξέλαμψε καὶ ἐκφανὴς ἐγένετο πρῴην ἐν μάρτυσι τῶν Ἑλλήνων πλέον ἢ τρισμυρίοις. Ср. Aristoph. Vespae 1011, слѣд.; Ranae, 686, слѣд.

[2]) Plato Apol. 22, C; Io 533, D, слѣд.

[3]) Eurip. Iphig in Aul. 303: πονηροῦ φωτὸς ἡδοναὶ κακαί. Ср. также глубоко продуманныя, одинаково согласныя какъ съ ученіемъ Апостола (2 Rom. 7, 14, слѣд.), такъ и съ ученіемъ современной психологіи (напр. Bain, Mental Science, London, 1879 p. 346 sq.; The Emotions and the Will, Lond. 1880, 3—d ed., p. 311 и др.) замѣчанія Еврипида въ «Ипполитѣ» (368—376):

ἤδη ποτ' ἄλλως νυκτὸς ἐν μακρῷ χρόνῳ
θνητῶν ἐφρόντισ' ᾗ διέφθαρται βίος.
καί μοι δοκοῦσιν οὐ κατὰ γνώμης φύσιν
πράσσειν κάκιον· ἔστι γὰρ τά γ' εὖ φρονεῖν
πολλοῖσιν, ἀλλὰ τῇδ' ἀθρητέον τόδε·
τὰ χρήστ' ἐπιστάμεσθα καὶ γιγνώσκομεν,
οὐκ ἐκπονοῦμεν δ', οἱ μὲν ἀργίας ὕπο,
οἱ δ' ἡδονὴν προθέντες ἀντὶ τοῦ καλοῦ
ἄλλην τιν'. εἰσὶ δ' ἡδοναὶ πολλαὶ βίου и т. д.

[4]) Plato, De Rep., 568, C. Ср. Lach. 183, A.

за ними отъ одышки". Сколь однако ни велико было значеніе поэтовъ, они все же были не первыми, а лишь посредствующими звеньями той магнетической цѣпи, о которой говоритъ Платонъ [1]): токъ шелъ не столько отъ нихъ, сколько черезъ нихъ—отъ исторически сложившихся условій общественной жизни. Геній можетъ творить великія поэтическія произведенія, создавать глубокомысленныя философскія системы, можетъ основывать религіозныя секты; но его дѣятельность для цѣлыхъ народныхъ массъ остается мертвою силою, если для ея воспріятія не подготовлена исторіей почва. Буддизмъ, магометанство, протестантизмъ, революціонныя идеи конца XVIII вѣка, романтизмъ, соціализмъ, коммунизмъ имѣютъ за собою длинную исторію; если бы этой исторіи не было, то не было бы ни Будды, Магомета и Лютера, ни Руссо и энциклопедистовъ, ни Тика и Шлегелей, ни Фуррье, Лассаля и Маркса, или если бы подобныя имъ лица и появились, то ихъ дѣятельность имѣла бы лишь весьма ограниченное значеніе. Лучшимъ доказательствомъ безсилія генія создавать міровоззрѣніе на неподготовленной почвѣ служитъ Сократъ. Онъ былъ отмѣченъ тою величайшею, граничащей съ истиннымъ безуміемъ геніальностью, которая по требованію времени способна подвигать цѣлыя народныя массы; тѣмъ не менѣе его геніальность была заразительна [2]) лишь для немногихъ изъ его со-

[1]) Plato, Io. 533, D, слѣд.

[2]) Ср. геніальныя слова Байрона о значеніи генія (Childe Harold's Piligrimage III, XLII -XLIII):

But quiet to quick bosoms is a hell—
This makes the madmen who have made men mad
By their contagion; Conquerors and Kings,
Founders of sects and systems, to whom add
Sophists, Bards, Statesmen, all unquiet things
Which stir too strongly the soul's secret springs,
And are themselves the fools to those they fool;
Envied, yet how unenviable ! what stings
Are theirs! One breast laid open were a school
Which would unteach mankind the lust to shine or rule.

Исторія свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что всѣ великіе геніи, неотразимо увлекавшіе за собой умы, были «тронутыми»—Будда, Магометъ, Сократъ, Лютеръ, Руссо и другіе. (Ср. Radestock, Genie uud Wahnsinn, Breslau, 1884). Поэтому ученіе Платона о μανία (въ Фэдрѣ, 244, A, слѣд.) и приведенныя выше слова Байрона имѣютъ глубокій смыслъ. Причина того, почему геніи способны распространять отъ себя заразу, кроется какъ въ томъ, что они выражаютъ ярко и отчетливо то, что смутно просится къ жизни въ сознаніи другихъ (большинства или меньшинства, какъ случится), такъ и въ томъ, что вся ихъ дѣятельность, вслѣдствіе того напряженнаго движенія тайныхъ пружинъ души, которое такъ живописно изобразилъ Байронъ, получаетъ своеобразный, сильно говорящій чувству отпечатокъ. Ср. разсказы о Сократѣ (у Платона, въ особенности въ «Пирѣ»

временниковъ: она создала еристиковъ обличителей, Мегариковъ, Киринейцевъ, Циниковъ, Платона, но для общаго нравственнаго міровозрѣнія его вѣка осталась безслѣдной. Только спустя нѣсколько вѣковъ, когда въ истомленной языческой древности пробудилась потребность въ отвлекающемъ отъ дѣйствительности идеально аскетическомъ міровоззрѣніи, и по пробитому удовлетворявшими этой потребности Платонизмомъ и Стоицизмомъ руслу стали разливаться волны христіанскаго вѣроученія, внося въ жизнь новые идеалы, но въ то же время принимая окраску отъ стараго русла, только тогда сократическія воззрѣнія, лежавшія въ основаніи Платонизма и Стоицизма, стали силой, но уже не мѣстной, а всемірной. Въ обработкѣ Платона ученіе Сократа положило основаніе тѣмъ нравственнымъ, эстетическимъ, философскимъ и даже религіознымъ убѣжденіямъ, которыя и въ наши дни руководятъ сознаніемъ милліоновъ людей [1]). Но для представителей ходячаго субъективизма второй половины V вѣка, въ родѣ Ѳразимаха и Калликла, Сократъ былъ не болѣе какъ человѣкъ, у котораго нѣтъ няньки, чтобы наблюдать за чистотою его носа [2]), какъ сумасбродный болтунъ, утверждавшій между прочимъ, что принимать обиды лучше, чѣмъ ихъ наносить, — которому можно пожалуй безвозмездно дать плюху [3]). Кромѣ Сократа были и другіе, несочувствовавшіе господствующему міровоззрѣнію, но только на него одного судьба возложила неблагодарную обязанность общественнаго овода—непрестаннымъ жаленьемъ побуждать людей свернуть съ привычной и признанной всѣми дороги на противоположную [4]). Лучшіе изъ несочувствовавшихъ, и прежде всего Платонъ, раздѣляли прославленный Еврипидомъ взглядъ, что счастливъ тотъ, кто „не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ“ и созерцаніемъ вѣчно юнаго міра пріобрѣтаетъ мудрость [5]). Но тотъ, „кто вкусилъ какъ сладостно и блажен-

рѣчь Алкивіада 215 A, слѣд.), Буддѣ и Магометѣ (у Barthélemy St. Hilaire, Bouddha, 3 ed., Paris 1866, Mahomet, 2 ed., Paris 1865), Лютерѣ (у Freitag, Bilder aus der deutschen Vergangenheit, 2 te Aufl., Leipz. 1860), признанія Руссо (въ его Confèssions) и пр.

[1]) См. мои брошюры «Платонизмъ какъ основаніе современнаго міровоззрѣнія», Москва, 1887; «Значеніе философіи», Кіевъ 1888, и указ. въ нихъ литературу.

[2]) Plato, De Rep. 343,A: ὁ Θρασύμαχος ἀντὶ τοῦ ἀποκρίνεσθαι, Εἰπέ μοι, ἔφη ὦ Σώκρατες, τίτθη σοι ἔστι; Τί δέ; ἦν δ’ ἐγώ, οὐκ ἀποκρίνεσθαι χρῆν μᾶλλον, ἢ τοιαῦτα ἐρωτᾶν; Ὅτι τοί σε, ἔφη, κορυζῶντα περιορᾷ καὶ οὐκ ἀπομύττει δεόμενον.

[3]) Plato, Gorg. 486,C: Калликлъ говоритъ Сократу: τὸν δὲ τοιοῦτον, εἴ τι καὶ ἀγροικότερον εἰρῆσθαι, ἔξεστιν ἐπὶ κόρρης τύπτοντα μὴ διδόναι δίκην.

[4]) Plato, Apol. 30, E.

[5]) Eurip. fr. 965:

Ὄλβιος ὅστις τῆς ἱστορίας

но это пріобрѣтеніе, кто ясно видитъ безуміе толпы и что никто не дѣлаетъ въ государствѣ ничего здраваго, что нѣтъ союзника, съ кѣмъ бы можно было идти на помощь правдѣ и остаться цѣлымъ, но что, подобно человѣку, попавшему къ звѣрямъ и не имѣющему ни охоты безчинствовать вмѣстѣ съ ними, ни силъ одному противостоять имъ, необходимо погибнуть, прежде чѣмъ принесешь пользу государству и друзьямъ, и такимъ образомъ не сдѣлать добра ни себѣ, ни другимъ,—такой человѣкъ, взвѣсивъ все это, станетъ заниматься въ тишинѣ только своими дѣлами, скрывшись гдѣ нибудь у стѣны, словно во время бури отъ крутимыхъ вѣтромъ пыли и града, и смотря, какъ другіе исполняются беззаконіемъ, останется доволенъ, если какъ нибудь самому удастся прожить здѣшнюю жизнь чистымъ отъ беззаконія и нечестивыхъ дѣлъ и удалиться въ другую съ легкимъ и спокойнымъ сердцемъ и съ отрадною надеждой" [2]). Психологически вызванный этимъ отчужденіемъ отъ дѣйствительности Платоновъ аскетическій идеализмъ, хотя вмѣстѣ съ Христіанствомъ и побѣдилъ міръ, въ вѣкъ Платона имѣлъ не больше сторонниковъ, чѣмъ критическое самоуглубленіе Сократа [3]).

ἔσχε μάθησιν μήτε πολιτῶν
ἐπὶ πημοσύνῃ μήτ' εἰς ἀδίκους
πράξεις ὁρμῶν,
ἀλλ' ἀθανάτου καθορῶν φύσεως
κόσμον ἀγήρω, πῇ τε συνέστη,
καὶ ὅπῃ καὶ ὅπως.
τοῖς δὲ τοιούτοις οὐδέποτ' αἰσχρῶν
ἔργων μελέτημα προσίζει.

[2]) Plato, De Rep. 496,C—D.

[3]) Послѣ всего сказаннаго въ настоящей главѣ, едва ли нужно было бы доказывать несостоятельность (на половину уже нами опровергнутаго—см. выше, стр. 8, пр. 1) мнѣнія Грота, что софисты не могли проповѣдовать деспотическихъ воззрѣній въ родѣ тѣхъ, съ которыми мы познакомились изъ рѣчи Калликла, если бы имя этого историка не пользовалось большимъ, хотя и не всегда заслуженнымъ авторитетомъ. Въ доказательство своего мнѣнія, Гротъ, какъ мы уже знаемъ, приводитъ два главныхъ довода: 1) что ученіе софистовъ было въ высшей степени публично, а среди многочисленнаго собранія безнравственныя воззрѣнія проводить безнаказанно нельзя и 2) что софисты, по самому условію ихъ профессіи, должны были примѣняться къ господствующимъ чувствамъ и убѣжденіямъ—глубоко демократическимъ, какъ выражается Гротъ,—а между тѣмъ деспотическая теорія Калликла оскорбительна для всякаго демократическаго слушателя. «Нѣтъ нужды», говоритъ онъ (History of Greece, VIII p. 192 sq.), «напоминать читателю, сколь глубоко демократичны были чувства и нравственность аѳинянъ, какъ сильно любили они свои законы, свое государственное устройство и свое политическое равенство, какъ ревнивъ былъ ихъ страхъ предъ всякимъ зараждающимся или угрожающимъ деспотизмомъ... Сказать такимъ слушателямъ—«Ваши законы и учрежденія суть нару-

IV.

Аналогія между гражданскимъ и философскимъ субъективизмомъ и объективизмомъ.— Непосредственность раннихъ проявленій философскаго объективизма и субъективизма.— Древнѣйшіе представители объективизма въ греческой философіи—Өалесъ, Анаксимандръ, Анаксименъ, Пиөагоръ.—Общая характеристика ихъ направленія примѣнительно къ современному имъ нравственному міровоззрѣнію.—Ученія Гераклита и Елейцевъ въ связи съ софистикой.—Попытки выдти изъ затрудненій, созданныхъ Гераклитомъ и Елейцами.—Ученія Емпедокла, Анаксагора и Демокрита.—Ростъ философскаго субъективизма.—Мѣсто софистовъ въ исторіи греческой философіи.

Ходъ греческой философіи, подобно исторіи остальной духовной греческой жизни, соотвѣтствовалъ теченію жизни политической. Какъ въ греческой политической жизни до V вѣка основной чертой былъ объективизмъ, такъ и философія до V вѣка слѣдовала на-

---

шеніе закона природы, разсчитанное на то, чтобы лишить Алкивіада или Наполеона среди васъ его естественнаго права сдѣлаться вашимъ господиномъ и обходиться съ вами, мелкими людьми, какъ со своими рабами. Всѣ ваши противоестественныя предосторожности и вся конституціонная болтовня въ пользу законности и равноправія окажется ничѣмъ не лучше жалкой немощи, какъ скоро онъ найдетъ удобный случай выступить во всей полнотѣ своей силы и энергіи, съ тѣмъ чтобы посадить васъ на ваши мѣста и показать какихъ преимуществъ желаетъ природа для своего любимца!» Вообразите, что такая доктрина изложена чтецомъ въ собраніи аөинянъ! Доктрина столь же возмутительная для Никія, какъ и для Клеона, которую даже Алкивіадъ былъ бы вынужденъ не одобрить, такъ какъ она не просто антипопулярна, не просто деспотична, но до крайности упоена деспотизмомъ». Но, вопервыхъ, публичность ученія софистовъ (какъ мы уже видѣли стр. 8, пр. 1), по словамъ самого Грота, состояла въ томъ, что они учили въ сторонѣ отъ толпы, въ маломъ кругѣ слушателей, которыхъ притомъ же допускали съ разборомъ; а вовторыхъ, съ точки зрѣнія Грота нельзя говорить о чемъ - либо непріятномъ для всякаго демократическаго слушателя, такъ какъ демократическіе слушатели еще болѣе различны, чѣмъ софисты, между которыми Гротъ не желалъ признать сходства. Безспорно, что лишь весьма немногіе аөиняне согласились бы добровольно подчиниться тиранну, но безспорно также и то, что весьма многіе желали бы сдѣлаться тираннами. Это признаетъ и самъ Гротъ, когда, ссылаясь на слова Сократа, (въ Горгіи—см. выше l. c.) говоритъ, что взглядъ Пола на жизнь тиранна какъ на самую счастливую, былъ взглядомъ всѣхъ аөинянъ. (Кромѣ этого свидѣтельства Сократа ср. также Plato, Theag. 125, E—126, A: Τί δαί; οὐ ταύτης φὴς τῆς σοφίας ἐπιθυμεῖν, ᾗ πάντων ἂν τῶν πολιτῶν

правленію объективному; но какъ съ V вѣка въ гражданской жизни объективизмъ смѣняется субъективизмомъ, точно также и въ философіи объективное направленіе смѣняется субъективнымъ. Аналогія между субъективизмомъ гражданскимъ и субъективизмомъ философскимъ очевидна: какъ для того, такъ и для другаго, мѣра и средоточіе всего—личность. Не менѣе близка аналогія и между объективизмомъ гражданскимъ и объективизмомъ философскимъ: ни тотъ, ни другой не придаетъ личности центральнаго значенія. Первый опредѣляетъ нравственное и безнравственное согласіемъ или несогласіемъ воли съ требованіями внѣшняго закона и обычая; второй опредѣляетъ истину и ложь соотвѣтствіемъ или несоотвѣтствіемъ между внѣшнею дѣйствительностью и мыслью. Для гражданскаго объективизма главное—государство: личность имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку исполняетъ его законы и ему служитъ; для философскаго объективизма главное—внѣшній міръ: личность имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку отражаетъ его законы, т.-е. поскольку можетъ его правильно уразумѣть. Но какъ всякое проявленіе гражданскаго объективизма, сколь бы объективно ни было, неизмѣнно носитъ личную

ἄρχοις; τοῦτο δὲ ποιῶν ἄλλο τι ἢ τύραννος ἂν εἴης,—Εὐξαίμην μὲν ἄν, οἶμαι, ἔγωγε τύραννος γενέσθαι μάλιστα μὲν πάντων ἀνθρώπων, εἰ δὲ μή, ὡς πλείστων· καὶ σύ γ' ἄν, οἶμαι καὶ οἱ ἄλλοι πάντες ἄνθρωποι· и Isocr. Evag. 40: νῦν δ' ἅπαντες ἂν ὁμολογήσειαν τυραννίδα καὶ τῶν θείων ἀγαθῶν καὶ τῶν ἀνθρωπίνων μέγιστον καὶ σεμνότατον καὶ περιμαχητότατον εἶναι.). Калликлъ былъ не софистъ, а риторъ. Гротъ поэтому совершенно правъ, что на Калликла нельзя смотрѣть какъ на представителя софистовъ. Но на Калликла смотрятъ такъ потому, что онъ выражаетъ въ болѣе рѣзкой формѣ то, что мы слышимъ у Платона отъ софистовъ Пола и Ѳразимаха. Хотя воззрѣнія Ѳразимаха столь же «антисоціальны» какъ и воззрѣнія Пола, Гротъ не находитъ невѣроятнымъ, что Полъ могъ ихъ приводить, и даже вмѣстѣ съ Платономъ считаетъ ихъ воззрѣніями всѣхъ аѳинянъ (см. выше, стр. 8 прим. 1), но не желаетъ вѣрить Платону въ томъ, что тотъ разсказываетъ объ ученіи Ѳразимаха. «Такая теорія»—говоритъ онъ—(History of Greece, VIII, p. 196; cp. Plato, III, p. 33, sq.) «никогда не была выставлена Ѳразимахомъ въ той формѣ, въ какой она является у Платона». Еслибы это и была правда, то все же у насъ нѣтъ доказательства того, что такая теорія не могла быть выставлена въ иной формѣ и не передъ «общественнымъ собраніемъ», а въ кругу учениковъ. Ошибка Грота въ томъ, что онъ отождествляетъ софистовъ съ риторами. Риторы произносили рѣчи всенародно (въ народномъ собраніи и судѣ), софисты обыкновенно въ небольшомъ кругу учениковъ. Платонъ, давая нравственную оцѣнку дѣятельности софистовъ и риторовъ, не различаетъ (какъ мы видѣли выше, стр. 22, слѣд.) строго однихъ отъ другихъ, но онъ приравниваетъ ихъ не потому, что ихъ дѣятельность была тождественна, а потому, что софисты подготовляли риторовъ и такимъ образомъ несли одинаковую съ ними нравственную отвѣтственность. Впрочемъ, что и передъ лицомъ толпы можно было проповѣдовать въ Аѳинахъ деспотическія воззрѣнія, свидѣтельствуютъ приведенные выше отрывки изъ Еврипида.

окраску, точно также и всякое выраженіе философскаго объективизма всегда носитъ на себѣ слѣды тѣхъ или другихъ свойствъ личности.

Въ греческихъ городахъ до V вѣка единичная жизнь подавлялась государственной; соотвѣтственно съ этимъ древнѣйшая греческая философія сосредоточивалась не на уразумѣніи отдѣльныхъ проявленій міровой жизни, но на постиженіи міра въ цѣломъ. Человѣкъ въ этой философіи не занималъ никакого виднаго мѣста; на взглядъ первыхъ ея представителей, онъ былъ лишь членомъ великаго цѣлаго—міра, точно такъ же, какъ для нравственнаго міровоззрѣнія того времени гражданинъ былъ не самостоятельной единицей, а только членомъ государства. Но по мѣрѣ развитія гражданской обособленности становится раздѣльнѣе и философское міровоззрѣніе. Не только явленія жизни физической получаютъ все болѣе обстоятельное объясненіе, но все чаще затрогиваются и вопросы изъ жизни человѣческой. Къ концу V вѣка „философію сзываютъ съ неба на землю, помѣщаютъ въ городахъ и вводятъ въ частныя жилища“ [1]). Въ это время на нее, точно также какъ на дѣятельность политическую, смотрятъ какъ на средство къ благоденствію личности [2]).

Выразителями философскаго объективизма были философы предшествовавшіе софистамъ и Сократу; выразителями философскаго субъективизма были софисты и Сократъ. Но между субъективизмомъ софистовъ и субъективизмомъ Сократа такая же разница, какъ между некритическимъ объективизмомъ древнѣйшихъ іонійскихъ философовъ и критическимъ объективизмомъ науки. Въ первыхъ своихъ проявленіяхъ ни философскій объективизмъ, ни философскій субъективизмъ не оцѣниваютъ критически предполагаемаго ими мѣрила достовѣрности и сдѣланныхъ по указанію этого мѣрила выводовъ. Ненаучный объективизмъ стоитъ на точкѣ зрѣнія грубаго реализма, что какова дѣйствительность, таково и мнѣніе о ней; некритическій субъективизмъ разсматриваетъ явленія съ точки зрѣнія грубаго сенсуализма, что каковы ощущенія, такова и дѣйствительность. Средину между той и другой точкой зрѣнія занимаетъ взглядъ, что бытіе и мысль едины и что потому, какова мысль, таково и бытіе, и наоборотъ, каково бытіе, такова и мысль о немъ. На первой точкѣ зрѣнія стояли

---

[1]) Cic. Tusc. V, 4, 10: Socrates autem primus philosophiam devocavit e coelo et in urbibus collocavit et in domus etiam introduxit et coëgit de vita et moribus rebusque bonis et malis quaerere. Необходимо однако замѣтить, что Сократъ былъ не виновникомъ этого измѣненія, а завершителемъ.

[2]) Plato, Protag. 329, A; Hipp. Maj. 304, A; Gorg. 484, C; Isocr. XII (Panath.), 30; XV (De Permut.), 285 и др.

древніе іонійскіе философы, на второй Протагоръ. Средней держались Елейцы. Представителемъ критическаго субъективизма былъ Сократъ.

Всякое философское ученіе, къ какому бы направленію оно ни принадлежало, ставитъ цѣлью приближеніе къ истинѣ и потому стремится быть научнымъ. Вслѣдствіе различныхъ причинъ, изъ которыхъ главная—невозможность для человѣка охватить знаніемъ все существующее и отказаться отъ этого желанія, и неспособность мысли выбиться изъ подъ господства направляющихъ ее различнаго рода волненій (нравственныхъ, эстетическихъ, религіозныхъ), ни одна философская система этой цѣли не достигаетъ, но снять съ дѣйствительности покровъ вымысла въ большей или меньшей степени надѣется всякая. Міровоззрѣніе древнихъ грековъ (точно также, какъ и другихъ народовъ древности) было миѳологическимъ; мѣсто естественныхъ причинъ занимали различнаго рода сверхъестественные дѣятели — боги, божества (δαίμονες) и богини. Первымъ мыслителемъ, старавшимся замѣнить миѳологическія причины естественными, былъ современникъ Солона [1]), Ѳалесъ изъ Милета. Онъ училъ, что все происходитъ изъ воды и все въ нее превращается [2]). Ученикомъ Ѳалеса преданіе называетъ Анаксимандра [3]), ученикомъ Анаксимандра—Анаксимена [4]). Первый видѣлъ основаніе всего сущаго въ безконечномъ, неопредѣленномъ, вѣчномъ, одаренномъ живою силою веществѣ [5]); второй—въ воздухѣ [6]). Около половины VI вѣка жилъ Пиѳагоръ, основавшій философское, религіозное и политическое братство [7]), главнымъ философскимъ убѣжденіемъ котораго былъ взглядъ, что все есть число [8]), а отличительной религіозной догмой—переселеніе душъ [9]). Впрочемъ, отдѣльныя черты въ ученіяхъ первыхъ представителей греческой философской мысли не имѣютъ къ исторіи софистовъ отношенія. Для насъ достаточно обратить вниманіе на сходство между общимъ духомъ этихъ ученій и характеромъ современнаго имъ политическаго міровоззрѣнія. Нагляднымъ показателемъ этого сходства служатъ знаменитыя слова Анаксимандра, что „изъ чего произошли существующія

---

[1]) При опредѣленіи хронологическихъ данныхъ я слѣдую указаніямъ Целлера.
[2]) Aristot. Metaph. I, 3, 903b, 21 и др.; (Plutarch.) Placita, I, 3, 350 W.
[3]) Sext. Emp. adv. Math. IX, 360; Pyrrh. III, 30.
[4]) Diog. Laert. II, 3.
[5]) Aristot. Phys. III, 4, 203b, 10 и слѣд.; Simpl. Phys. 6r,35.
[6]) Aristot. Metaph. I, 3, 984 a, 5.
[7]) Diog. Laert. VIII, 3; Porphyr. Vita Pyth. 81, слѣд.
[8]) Aristot. Metaph. I, 5, нач. и др.
[9]) Diog. Laert. VIII, 36; Porphyr. Vita Pyth. 19.

вещи, въ то же должны онѣ и разрушиться, такъ какъ несутъ воздаяніе и наказаніе по порядку времени" [1])—гдѣ единичное, опредѣленное существованіе разсматривается какъ несправедливость и преступленіе противъ безразличной жизни въ лонѣ вѣчной первоосновы, за которое рано или поздно должно послѣдовать наказаніе [2]). Внутренній міръ человѣка не обращалъ на себя особаго вниманія этихъ философовъ. Отъ Ѳалеса, Анаксимандра и Анаксимена мы не слышимъ никакихъ психологическихъ и нравственныхъ замѣчаній, которыя бы выходили изъ ряда общепризнанныхъ воззрѣній. Пиѳагорейцы въ широкой мѣрѣ останавливаются на вопросахъ нравственныхъ, но ихъ этическое міровоззрѣніе было лишь отраженіемъ ходячей въ то время нравственности. Религіозное благочестіе, почтеніе къ родителямъ и старшимъ, уваженіе къ обычаямъ и государственнымъ законамъ—таковы основныя правила пиѳагорейской этики [3]).

Въ тѣсной связи съ ученіемъ софистовъ стоятъ ученія Гераклита и Елейцевъ. Первое послужило исходной точкой для общей философской теоріи Протагора [4]). Доводами втораго Горгій доказывалъ свое положеніе, что ничего не существуетъ [5]), а Протагоръ, Евѳидемъ и Діонисодоръ—невозможность лжи [6]); оно же положило основаніе діалектикѣ съ ея разновидностью—сократическимъ испытующимъ обличе-

---

[1]) Simpl. Phys. 6r, 40: ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσίς ἐστι τοῖς οὖσι, καὶ τὴν φθορὰν ἐς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεών· διδόναι γὰρ αὐτὰ τίσιν καὶ δίκην τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν.

[2]) Cp. Lassale, Die Philosophie Herakleitos des Dunklen, Berlin, 1858, I, S. 45 f.

[3]) Cp. Pyth. Carmen aureum (init):

Ἀθανάτους μὲν πρῶτα θεούς, νόμῳ ὡς διάκεινται,
τίμα· καὶ σέβου ὅρκον, ἔπειθ' ἥρωας ἀγαυούς.
τούς τε καταχθονίους σέβε δαίμονας, ἔννομα ῥέζων·
τούς τε γονεῖς τίμα, τούς τ' ἄγχιστ' ἐκγεγαῶτας·
τῶν δ' ἄλλων ἀρετῇ ποιεῦ φίλον ὅς τις ἄριστος и т. д.

[4]) Plato, Theaet. 160, D; 179, C, слѣд. Ср. слѣд. стр. прим. 5 и стр. 113, прим. 1 и 2. Подробно будетъ сказано объ этомъ при изложеніи ученія Протагора.

[5]) См. (Pseudo) Arist. De Melisso, V, 20 (M). ἀνάγκη γάρ, φησὶν ὁ Γοργίας, εἴ τι ἔστι μήτε ἓν μήτε πολλὰ εἶναι, μήτε ἀγένητα μήτε γενόμενα. τοῦτο δὲ οὐδὲν ἂν εἴη· εἰ γὰρ εἴη τι, τούτων ἂν θάτερα εἴη. ὅτι οὐκ ἔστιν οὔτε ἓν οὔτε πολλά, οὔτε ἀγένητα οὔτε γενόμενα, τὰ μὲν ὡς Μέλισσος, τὰ δ' ὡς Ζήνων ἐπιχειρεῖ δεικνύειν. Cp. ibid. VI 20, 35. Ср. также ниже изложеніе ученій Мелисса и Зенона.

[6]) Plato, Theaet. 167, A; Euthyd. 283, E. слѣд.; 285, E, слѣд.; Ср. ниже, стр. 122 прим. 1.

ніемъ [1]) и совмѣстно съ Гераклитовымъ создало еристику [2]). Наконецъ, то и другое ученіе вызывали появленіе Емпедокла и Демокрита, къ которымъ Протагоръ и Горгій примыкаютъ своей психологіей [3]). Я остановлюсь поэтому на ученіяхъ Гераклита и Елейцевъ съ надлежащею обстоятельностью.

Ученіе Гераклита [4]) сводится къ двумъ положеніямъ: 1) Все течетъ, и 2) Все—огонь.

Все течетъ—это значитъ: все безпрерывно измѣняется, нѣтъ ни въ чемъ никакого постоянства [5]). Дважды въ одинъ и тотъ же потокъ нельзя вступить, потому что пока мы въ потокъ вступаемъ, вода утекаетъ, и потокъ уже становится не тѣмъ, какимъ былъ за мгновеніе раньше, точно такъже, какъ становимся другими и мы сами [6]).

---

[1]) На историческую связь сократическаго испытующаго обличенія съ пріемами Елейцевъ укаываетъ Платонъ въ Парменидѣ. 135, C—D Парменидъ говоритъ Сократу: Πρῴ γάρ, πρὶν γυμνασθῆναι, ὦ Σώκρατες, ὁρίζεσθαι ἐπιχειρεῖς καλόν τε τί ἐστι καὶ δίκαιον καὶ ἀγαθὸν καὶ ἕν ἕκαστον τῶν εἰδῶν... καλὴ μὲν οὖν καὶ θεία, εὖ ἴσθι, ἡ ὁρμή, ἣν ὁρμᾷς ἐπὶ τοὺς λόγους. ἕλκυσον δὲ σαυτὸν καὶ γύμνασαι μᾶλλον διὰ τῆς δοκούσης ἀχρήστου εἶναι καὶ καλουμένης ὑπὸ τῶν πολλῶν ἀδολεσχίας, ἕως ἔτι νέος εἶ· εἰ δὲ μή, σὲ διαφεύξεται ἡ ἀλήθεια.—Τίς οὖν ὁ τρόπος, ὦ Παρμενίδη, τῆς γυμνασίας;—Οὗτος, ὅνπερ ἤκουσας Ζήνωνος и т. д. Ср. Theaet. 183, E. Soph. 217, C. Сократъ слѣдовалъ этому совѣту не только въ молодости, но всю жизнь.

[2]) См. ниже замѣчанія объ ученіяхъ Гераклита и Зенона.

[3]) См. ниже изложеніе ученій Емпедокла и Демокрита.

[4]) Род. въ Ефесѣ около 535 г. былъ знатнаго рода (потомокъ царей). По преданію, отличался меланхолическимъ характеромъ и мизантропіей, такъ что подъ конецъ жизни будто бы удалился въ пустыню, гдѣ питался кореньями (Diog Laert IX, 1, слѣд). За непонятный языкъ своей книги περὶ φύσεως получилъ прозваніе ὁ σκοτεινός. (Pseudo Arstot. De Mundo 5, 396 b 19). Умеръ около 475. О Гераклитѣ см. Lassale, Philosophie Herakleitos des Dunklen (см. на предыд. стран. 2 пр.); Bernays, Gesammelte Abhandlungen, herausg. v. Usener, Bonn, 1885; Schuster, Heraclit von Ephesos (Acta Societatis philologae lipsiensis, Lips. 1873); Zeller, Philosophie der Griechen, I, 566, f; Teichmüller, Neue Studien zur Geschichte der Begriffe, I, Herakleitos, Gotha, 1876; Mullach, Fragmenta Philosophorum graecorum, I, Parisiis, 1875, p. 310, sq.; Bywater, Heracliti Ephesii reliquiae, Oxon., 1877.

[5]) См. слѣд. прим. Ср. также Plato, Theaet. 160, D: по Гераклиту οἷον ῥεύματα κινεῖσθαι τὰ πάντα. Cratyl. 401, D: καθ' Ἡράκλειτον ἂν ἡγοῖντο τὰ ὄντα ἰέναι τε πάντα καὶ μένειν οὐδέν. Ibid. 402, A: λέγει που Ἡράκλειτος, ὅτι πάντα χωρεῖ καὶ οὐδὲν μένει. Ibid. 412, D. Soph. 442, C. Aristot. Met. I, 6, 987a, 33: ταῖς Ἡρακλειτείοις δόξαις, ὡς ἁπάντων τῶν αἰσθητῶν ῥεόντων и мн. др. Ср. Plato, Theaet. 156, A: по Протагору, τὸ πᾶν κίνησις ἦν καὶ ἄλλο παρὰ τοῦτο οὐδέν.

[6]) Plato, Cratyl. 402, A: καὶ ποταμοῦ ῥοῇ ἀπεικάζων τὰ ὄντα λέγει, ὡς δὶς ἐς τὸν αὐτὸν ποταμὸν οὐκ ἂν ἐμβαίης· Plut. de Ei ap.D. XVII, 415 W. (fr. 21 M.): ποταμῷ γὰρ οὐκ ἔστι δὶς ἐμβῆναι τῷ αὐτῷ καθ' Ἡράκλειτον, οὐδὲ θνητῆς οὐσίας δὶς ἅψασθαι κατὰ ἕξιν, ἀλλὰ ὀξύτης καὶ τάχος τῆς μεταβολῆς σκίδνησι καὶ πάλιν συνάγει, μᾶλλον δὲ οὐδὲ πάλιν οὐδὲ ὕστερον ἀλλ' ἅμα συνίσταται καὶ ἄπεισι· Alleg. Hom. 24 (fr. 83 M.): ποταμοῖσι τοῖσι αὐτοῖσι ἐμβαίνομέν τε καὶ οὐκ ἐμβαίνομεν, εἶμέν τε καὶ οὐκ εἶμεν. Seneca,

Все непрестанно переходитъ одно въ другое: живое становится мертвымъ, бодрствующее спящимъ, молодое старымъ и наоборотъ. Ни потокъ происхожденія, ни потокъ прехожденія никогда не останавливаются и никогда не остановятся. Каждое данное состояніе есть какъ бы гребень волны въ общемъ потокѣ буванія — лишь граница между двумя противоположными состояніями, и въ извѣстной мѣрѣ заключаетъ въ себѣ ту и другую противоположность [1]). Въ мірѣ все едино [2]): мертвое и живое, бодрствующее и спящее, молодое и старое [3]), прямое и кривое, верхнее и нижнее, [4]) чистое и грязное, полезное и вредное [5]), хорошее и дурное [6]) и т. д. Богъ

Epist. 58: et ego ipse, dum loquor mutari ista, mutatus sum. hoc est quod ait Heraclitus: In idem flumen bis descendimus et non descendimus: manet enim idem fluminis nomen, aqua transmissa est. hoc in amne manifestius est, quam in homine, sed nos quoque non minus velox cursus praetervehit.

[1]) Plut. Cons. ad. Apoll. X, 296 W. (fr. 46 M.): καὶ (ᾗ φησιν Ἡράκλειτος) ταὐτό τ' ἐστὶ ζῶν καὶ τεθνηκός, καὶ ἐγρηγορὸς καὶ καθεῦδον, καὶ νέον καὶ γηραιόν· τάδε γὰρ μεταπεσόντα ἐκεῖνά ἐστι, κἀκεῖνα πάλιν μεταπεσόντα ταῦτα· ὡς γὰρ ἐκ τοῦ αὐτοῦ πηλοῦ δυναταί τις πλάττων ζῶα συγχεῖν καὶ πάλιν πλάττειν καὶ συγχεῖν, καὶ τοῦτο ἓν παρ' ἓν ποιεῖν ἀδιαλείπτως· οὕτω καὶ ἡ φύσις ἐκ τῆς αὐτῆς ὕλης πάλαι μὲν τοὺς προγόνους ἡμῶν ἀνέσχεν, εἶτα συνεχεῖς αὐτοῖς ἐγέννησε τοὺς πατέρας, εἶτα ἡμᾶς, εἶτ' ἄλλους ἐπ' ἄλλοις ἀνακυκλήσει· καὶ ὁ τῆς γενέσεως ποταμὸς οὕτως ἐνδελεχῶς ῥέων οὔποτε στήσεται, καὶ πάλιν ἐξ' ἐναντίας αὐτῷ ὁ τῆς φθορᾶς εἴτ' Ἀχέρων εἴτε Κωκυτὸς καλούμενος ὑπὸ τῶν ποιητῶν. ἡ πρώτη οὖν αἰτία ἡ δείξασα ἡμῖν τὸ τοῦ ἡλίου φῶς, ἡ αὐτὴ καὶ τὸν ζοφερὸν ἄγει ᾅδην.

[2]) Hipp. Haeres. Ref. 280 (fr. 92 M.): οὐκ ἐμεῦ ἀλλὰ τοῦ λόγου (Бернэйсъ вм. δόγματος) ἀκούσαντας ὁμολογέειν σοφόν ἐστι, ἓν πάντα εἰδέναι. Миллеръ въ своемъ изданіи Origenis (Hippolyti) Philosophumena sive omnium haeresium refutatio, Oxonii, 1851, предлагаетъ вмѣсто εἰδέναι читать εἶναι, Муллахъ—γίνεσθαι «ipsum secutus Heraclitum, cui nihil esse, sed omnia fieri et fluminis instar labi placet». На мой взглядъ смыслъ ясенъ и безъ поправокъ. «Выслушавъ не меня, но слово, благоразумно согласиться въ томъ, чтобы признать все единымъ». Подъ λόγος Гераклитъ, какъ увидимъ, подразумѣвалъ и управляющій міромъ разумъ, и слово природы.

[3]) См. прим. 1.

[4]) Hippol. Haeres. Refut. 282 (fr. 91 M.): καὶ εὐθὺ δέ, φησί, καὶ στρεβλὸν τὸ αὐτό ἐστι.. καὶ τὸ ἄνω καὶ τὸ κάτω ἕν ἐστι καὶ τὸ αὐτό. ὁδὸς ἄνω κάτω μίη καὶ ὡυτή.

[5]) Ibid. (fr. 88 M.): καὶ τὸ μιαρόν φησι καὶ τὸ καθαρὸν ἓν καὶ ταὐτὸ εἶναι. Θάλασσα, φησίν, ὕδωρ καθαρώτατον καὶ μιαρώτατον, ἰχθύσι μὲν πότιμον καὶ σωτήριον, ἀνθρώποις δὲ ἄποτον καὶ ὀλέθριον.

[6]) Ibid. (fr. 90 M.): καὶ ἀγαθὸν καὶ κακόν (ταὐτόν). Οἱ γοῦν ἰατροί, φησιν ὁ Ἡράκλειτος, τέμνοντες, καίοντες, πάντη βασανίζοντες κακῶς τοὺς ἀῤῥωστοῦντας ἐπαιτιῶνται μηδὲν ἄξιον μισθὸν λαμβάνειν παρὰ τῶν ἀῤῥωστούντων, ταῦτα ἐργαζόμενοι τὰ ἀγαθὰ καὶ τὰς νόσους. (Врачи, подвергая больныхъ операціямъ, причиняютъ имъ страданія, но эти страданія бываютъ для больныхъ такими благами, что врачи не остаются довольными тѣмъ вознагражденіемъ, которое даютъ имъ больные). Ср. ниже, стр. 116 прим., 4, гдѣ также сказано и о значеніи Гераклитова ученія объ единствѣ сущаго.

есть день и ночь, зима и лѣто, война и миръ, пресыщеніе и голодъ; измѣняясь непрестанно, онъ называется такъ, какъ каждому желательно [1]). Вѣчность — играющее въ кости дитя, которое то раскладываетъ ихъ, то смѣшиваетъ, и міръ есть царство этого дитяти [2]). Всякая вещь становится такою, какою она бываетъ, лишь вслѣдствіе преобладанія одной противоположности надъ другою [3]); поэтому во всемъ происходитъ раздоръ и борьба, и эти раздоръ и борьба суть необходимыя условія всякаго происхожденія [4]). Одно всегда живетъ на счетъ другаго; происхожденіе неизмѣнно предполагаетъ смерть и наоборотъ [5]). „Смерть огня—происхожденіе воздуха, смерть воздуха—происхожденіе воды“ [6]) или „смерть души— происхожденіе воды, смерть воды—происхожденіе земли, и наоборотъ, изъ земли происходитъ вода, изъ воды—душа [7])“. Безсмертные живутъ смертью смертныхъ, а смертные—смертью безсмертныхъ, первые умираютъ жизнью вторыхъ, а вторые—жизнью первыхъ [8]). Одно и тоже оружіе (лукъ) умерщвляетъ и поддерживаетъ жизнь [9]). Война — отецъ всего, царь всего [10]).

---

[1]) Ibid. 283 (fr. 86, 87 M.): ὁ θεὸς ἡμέρη εὐφρόνη, χειμὼν θέρος, πόλεμος εἰρήνη, κόρος λιμός· ἀλλοιοῦται δὲ ὅκως ἀὴρ (Целлеръ вм. ὅκωσπερ) ὅταν συμμιγῇ θυώμασι· ὀνομάζεται καθ' ἡδονὴν ἑκάστου. Целлеръ (Philosophie der Griechen I, 602 f.) предлагаетъ καθ' ἡδονήν переводить «сообразно съ запахомъ каждаго»; но никто не называетъ день и ночь, зиму и лѣто и т. д. «сообразно съ ихъ запахомъ».

[2]) Ibid. 281 (fr. 44 M.): αἰὼν παῖς ἐστι παίζων, πεττεύων· παιδὸς ἡ βασιληίη.

[3]) Diog. Laert. IX, 8: γίνεσθαί τε πάντα κατ' ἐναντιότητα. Что каждое данное состояніе есть слѣдствіе преобладанія одной изъ противоположностей, это очевидно само собою.

[4]) Aristot. Eth. Nic. VIII, 2, 1155,b (fr. 37 M.): καὶ Ἡράκλειτος τὸ ἀντίξουν συμφέρον, καὶ ἐκ τῶν διαφερόντων καλλίστην ἁρμονίαν, καὶ πάντα κατ' ἔριν γίνεσθαι. Ср. Plut. De Isid. et Osir. XLVIII, 356 W.

[5]) См. выше стр. 106, прим. 4. Sext. Emp. Pyrrh. III, 230 (fr. 60 M.): ὁ δὲ Ἡράκλειτός φησιν, ὅτι τὸ ζῆν καὶ τὸ ἀποθανεῖν καὶ ἐν τῷ ζῆν ἡμᾶς ἐστι καὶ ἐν τῷ τεθνάναι· Clemens, Strom. III, 434: οὐχὶ καὶ Ἡράκλειτος θάνατον γένεσιν καλεῖ; Ibid. III, 520 (fr. 52 M.): θάνατός ἐστιν ὁκόσα ἐγερθέντες ὁρέομεν, ὁκόσα δὲ εὕδοντες ὕπνος. (Все, что мы ни видимъ на яву, есть смерть, но эта смерть такъ же мимолетна, какъ сновидѣнія).

[6]) Plut. De Ei ap. D. XVII, 416 W. (fr. 31 M.): ὡς Ἡράκλειτος ἔλεγε, πυρὸς θάνατος ἀέρι γένεσις καὶ ἀέρος θάνατος ὕδατος γένεσις.

[7]) Clemens, Strom. VI, 2 (fr. 59 M.): ψυχῇσι θάνατος ὕδωρ γενέσθαι, ὕδατι δὲ θάνατος γῆν γενέσθαι· ἐκ γῆς δὲ ὕδωρ γίνεται, ἐξ ὕδατος δὲ ψυχή.

[8]) Hippol. Haer. Ref. 282 (fr. 62 M.): ἀθάνατοι θνητοί, θνητοὶ ἀθάνατοι, ζῶντες τὸν ἐκείνων θάνατον, τὸν δὲ ἐκείνων βίον τεθνεῶτες.

[9]) Etym. M. v. βίος (fr. 67 M.): τῷ οὖν τόξῳ ὄνομα βιός, ἔργον δὲ θάνατος.

[10]) Hipp. Haeres. Ref. 251 (fr. 44 M.): πόλεμος πάντων μὲν πατήρ ἐστι, πάντων δὲ βασιλεύς.

Гомера, который желалъ, чтобы вражда покинула боговъ и людей, слѣдуетъ за его недомысліе съ состязанія пѣвцовъ прогнать палками [1]).

Но хотя все въ мірѣ въ вѣчномъ потокѣ и вѣчной борьбѣ, все совершается по неизмѣннымъ законамъ, во всемъ царитъ согласіе и гармонія [2]). „Всѣ человѣческіе законы питаются отъ одного закона божественнаго, надо всѣмъ онъ властвуетъ по волѣ, для всего достаточенъ съ избыткомъ [3]).“ Гераклитъ называетъ этотъ законъ иногда судьбою [4]), иногда Зевсомъ [5]), иногда мироуправляющимъ разумѣніемъ [6]), иногда Логосомъ—словомъ природы, обращеннымъ ко всѣмъ людямъ [7]). Міровую гармонію среди общаго раздора Гераклитъ поясняетъ на примѣрѣ лука и лиры. Какъ въ лукѣ и лирѣ концы стремятся разойтись въ противоположныя стороны, но этимъ противоположнымъ стремленіемъ обусловливаютъ самый строй лука и лиры, точно также міровой раздоръ обусловливаетъ строй міра [8]). Другимъ выраженіемъ міровой гармоніи служитъ глубокомысленное изреченіе Гераклита: „Соедини цѣлое и нецѣлое, сходное и несходное, согласное и несогласное, и изо всего одно и изъ одного все“ [9]), въ которомъ впервые ясно намѣчены основныя задачи философскаго анализа и синтеза.

---

[1]) Diog. Laert. IX, I. (fr. 119 B.): τὸν θ' Ὅμηρον ἔφασκεν ἄξιον ἐκ τῶν ἀγώνων ἐκβάλλεσθαι καὶ ῥαπίζεσθαι, καὶ Ἀρχίλοχον ὁμοίως. Simpl. Cat. 104b: διὸ καὶ μέμφεται τῷ Ὁμήρῳ Ἡράκλειτος εἰπόντι, Ὡς ἔρις ἔκ τε θεῶν ἔκ τ' ἀνθρώπων ἀπόλοιτο· οἰχήσεσθαι γάρ φησι πάντα.

[2]) См. ниже, пр. 8 и на предыдущей страницѣ прим. 4.

[3]) Stob. Floril. III, 84 (fr. 19 M.): τρέφονται γὰρ πάντες οἱ ἀνθρώπινοι νόμοι ὑπὸ ἑνὸς τοῦ θείου· κρατέει γὰρ τοσοῦτον ὁκόσον ἐθέλει καὶ ἐξαρκεῖ πᾶσι καὶ περιγίγνεται

[4]) (Plut.) Plac. I, XXVII, 375 W. Ἡράκλειτος πάντα καθ' εἱμαρμένην. Ср. Diog. Laert. IX, 7.

[5]) Clemens, Strom. V, 14, 718 (fr. 12 M.): ἓν τὸ σοφὸν μοῦνον λέγεσθαι ἐθέλει καὶ οὐκ ἐθέλει Ζηνὸς οὔνομα. Ср. слѣд. прим.

[6]) Diog. Laert. XI, 1 (fr. 35 M.): ἓν τὸ σοφόν· ἐπίστασθαι γνώμην ἥτε οἱ ἐγκυβερνήσει πάντα διὰ πάντων. Я отношу οἱ къ τὸ σοφόν и перевожу: «Есть одна только мудрость — познать разумѣніе, которое для этой мудрости и будетъ управлять всѣмъ чрезъ все.» При такомъ объясненіи становятся ненужными поправки, предлагаемыя Муллахомъ, Целлеромъ и др.

[7]) Clemens Strom. V, 14, 716 (fr. 1 M.). Начало книги Гераклита: Τοῦ λόγου τοῦδε ἐόντος αἰεὶ ἀξύνετοι γίνονται ἄνθρωποι, καὶ πρόσθεν ἢ ἀκοῦσαι, καὶ ἀκούσαντες τὸ πρῶτον. γινομένων γὰρ πάντων κατὰ τὸν λόγον τόνδε, ἀπείροισι ἐοίκασι, πειρώμενοι καὶ ἔργων τοιουτέων, ὁκοῖα ἐγὼ διηγεῦμαι, διαιρέων κατὰ φύσιν καὶ φράζων ὅκως ἔχει. τοὺς δὲ ἄλλους ἀνθρώπους λανθάνει ὁκόσα ἐγερθέντες ποιέουσι, ὅκωσπερ ὁκόσα εὕδοντες ἐπιλανθάνονται.

[8]) Выше, стр. 108, прим. 4. Plut de Isid. et Osir. XLV, 352 W. (fr. 39 M.): παλίντονος γὰρ ἁρμονίη κόσμου, ὅκωσπερ λύρης καὶ τόξου.

[9]) (Pseudo) Arist. De Mundo 5, 396 b 19 (fr. 45 M.): συνάψειας οὖλα καὶ οὐχὶ οὖλα συμφερόμενον καὶ διαφερόμενον, συνᾷδον καὶ διᾷδον. καὶ ἐκ πάντων ἓν καὶ ἐξ ἑνὸς πάντα.

Вѣчный потокъ бываніи Гераклитъ представлялъ въ видѣ огня. „Этотъ міръ, говоритъ онъ, не создалъ никто изъ людей и боговъ, но онъ всегда былъ и будетъ—вѣчно живой огонь, возгорающійся по частямъ и потухающій по частямъ“ [1]). Изъ вѣчнаго огня, который безпрестанно измѣняется въ различныя вещества, происходятъ всѣ вещи. Какъ на золото мѣняются товары, такъ на огонь мѣняются всѣ вещи [2]). Огонь измѣняется по двумъ направленіямъ—по пути внизъ и по пути вверхъ. Измѣняясь по пути внизъ, огонь утрачиваетъ часть своего тепла и превращается въ болѣе грубыя формы существованія—сначала въ воду, потомъ изъ воды въ землю; измѣняясь по пути вверхъ, огонь снова возвращаетъ себѣ утраченную теплоту и становится изъ земли водою, изъ воды воздухомъ, изъ воздуха огнемъ [3]). Пути эти огонь совершаетъ періодически; въ одинъ міровой періодъ преобладаетъ путь внизъ—огонь постепенно становится водою и землею; въ другой періодъ—господствуетъ путь вверхъ—весь міръ превращается въ огонь. По превращеніи въ огонь, міръ снова принимаетъ настоящій свой видъ [4]).

Не смотря на то, что о неустанномъ міровомъ потокѣ вѣчно говоритъ сама природа, эта истина очевидна далеко не всѣмъ. Причина въ томъ, что „плохіе свидѣтели глаза и уши для людей съ варварскою душою“ [5]). „Люди обыкновенно не смыслятъ того, на что наталкиваются, хотя и учатся, не имѣютъ свѣдѣній и только себѣ кажутся знающими“ [6]). По своей слѣпотѣ, они даже въ пустякахъ вводятся въ заблужденіе [7]). „Неразумные, они слушаютъ, но не слышатъ,

---

[1]) Clemens Strom. V, 14, 711 (fr. 27 M.): κόσμον τὸν αὐτὸν ἁπάντων οὔτε τις θεῶν οὔτε ἀνθρώπων ἐποίησεν· ἀλλ' ἦν ἀεὶ καὶ ἔσται πῦρ ἀείζωον, ἁπτόμενον μέτρῳ καὶ ἀποσβεννύμενον μέτρῳ.

[2]) Plut. de Ei ap. D. VII, 406 W. (fr. 49 M.): πυρὸς ἀνταμείβεται πάντα, φησὶν ὁ Ἡράκλειτος, καὶ πῦρ ἁπάντων, ὥσπερ χρυσοῦ χρήματα καὶ χρημάτων χρυσός.

[3]) Diog. Laert. IX, 9: πυκνούμενον γὰρ τὸ πῦρ ἐξυγραίνεσθαι συνιστάμενόν τε γίνεσθαι ὕδωρ, πηγνύμενον δὲ τὸ ὕδωρ εἰς γῆν τρέπεσθαι· καὶ ταύτην ὁδὸν ἐπὶ τὸ κάτω εἶναι λέγει. πάλιν τ' αὐτὴν τὴν γῆν χεῖσθαι, ἐξ ἧς τὸ ὕδωρ γίνεσθαι, ἐκ δὲ τούτου τὰ λοιπά.... αὕτη δ' ἐστὶν ἡ ἐπὶ τὸ ἄνω ὁδός. Ср. выше, стр. 108 прим. 6 и 7.

[4]) Ibid. IX, 8.

[5]) Sext. Emp. adv. Math. VII, 126 (fr. 23 M.): κακοὶ μάρτυρες ἀνθρώποισι ὀφθαλμοὶ καὶ ὦτα βαρβάρους ψυχὰς ἐχόντων.

[6]) Clemens Strom. II, 2, 432 (fr. 5 B.): οὐ γὰρ φρονέουσι τοιαῦτα πολλοὶ ὁκόσοισι (Гатакеръ вмѣсто ὁκόσοι) ἐγκυρέουσι οὐδὲ μαθόντες γινώσκουσι, ἑωυτοῖσι δὲ δοκέουσι.

[7]) Hipp. Haeres. Ref. 281 (fr. 95 M.): ἐξηπάτηνται, φησίν, οἱ ἄνθρωποι πρὸς τὴν γνῶσιν τῶν φανερῶν παραπλησίως Ὁμήρῳ, ὃς ἐγένετο τῶν Ἑλλήνων σοφώτερος πάντων. ἐκεῖνόν τε γὰρ παῖδες φθεῖρας κατακτείνοντες ἐξηπάτησαν εἰπόντες· ὅσα εἴδο-

такъ что, подобно глухимъ, присутствуя отсутствуютъ [1])." Эти изреченія Гераклита вмѣстѣ съ другими, напримѣръ, что онъ изслѣдовалъ самъ себя [2]), что многознаніе ума не обучаетъ [3]); что тайная гармонія лучше явной, [4]), что цѣль мудрости постигнуть управляющее всѣмъ разумѣніе [5]), что наши слова только тогда могутъ быть убѣдительными, когда мы основываемъ ихъ на томъ, что обще всѣмъ людямъ, а обще всѣмъ людямъ разумѣніе [6])—даютъ основаніе предполагать, что въ глазахъ Гераклита внутренній опытъ имѣлъ большее значеніе, чѣмъ опытъ внѣшній, и что свидѣтельство чувствъ онъ ставилъ ниже, чѣмъ ясность мысли [7]). Но другіе отрывки, напримѣръ; „я предпочитаю то, чтó можно видѣть и слышать и чему можно научиться [8])", „глаза болѣе достовѣрные свидѣтели, чѣмъ уши [9])", „если бы все превратилось въ дымъ, то это распознали бы ноздри [10])", „чувства познаютъ огонь правильно [11])", не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Гераклитъ не отрицалъ значенія и за внѣшнимъ опытомъ и даже иногда приравнивалъ его внутреннему [12]). Нужно думать, что вопросъ о достовѣрности по-

---

μεν καὶ κατελάβομεν, ταῦτα ἀπελείπομεν, ὅσα δὲ οὔτε εἴδομεν οὔτε ἐλάβομεν, ταῦτα φέρομεν. Смыслъ отрывка становится яснымъ лишь въ томъ случаѣ, если вспомнимъ о слѣпотѣ Гомера.

[1]) Theodoret. Therap. I, 13, 49 (fr. 4 M.): ἀξύνετοι ἀκούσαντες κωφοῖς ἐοίκασι φάτις αὐτοῖσι μαρτυρέει παρεόντας ἀπεῖναι.

[2]) Plut. adv. Colot. XX, 378 W. (fr. 84 M.): ὁ δὲ Ἡράκλειτος ὡς μέγα τι καὶ σεμνὸν διαπεπραγμένος, Ἐδιζησάμην, ἔφη, ἐμεωυτόν.

[3]) Diog. Laert. IX, 1 (fr. 14 M.): πολυμαθίη νόον οὐ διδάσκει. Ἡσίοδον γὰρ ἂν ἐδίδαξε καὶ Πυθαγόρην, αὖτίς τε Ξενοφανέα τε καὶ Ἑκαταῖον. Ср. fr. 15 (M).

[4]) Plut. De Anim. procr. XXVII, 119 W. (fr. 40 M.): ἁρμονίη γὰρ ἀφανὴς φανερῆς κρέσσων καθ' Ἡράκλειτον. Подъ тайной гармоніей Гераклитъ, очевидно, подразумѣвалъ законы гармоніи.

[5]) См. выше, стр. 109 пр. 6.

[6]) Stob. Flor. III, 84 (fr. 111 B.): ξυνόν ἐστι πᾶσι τὸ φρονεῖν· ξὺν νόῳ λέγοντας ἰσχυρίζεσθαι χρὴ τῷ ξυνῷ πάντων, ὅκωσπερ νόμῳ πόλις καὶ πολὺ ἰσχυροτέρως, τρέφονται γὰρ и т. д. (выше, стр. 109 пр. 3).Ср. на слѣд. стр. пр. 5.

[7]) Zeller, Philosophie der Griechen, I, S. 650, f.

[8]) Hipp. Haeres. Refut. 281 (fr. 94 M.): ὅσων ὄψις, ἀκοή, μάθησις, ταῦτ' ἐγὼ προτιμέω.

[9]) Polyb. XII, 27 (fr. 24 M.): ὀφθαλμοὶ γὰρ τῶν ὤτων ἀκριβέστεροι μάρτυρες.

[10]) Arist. De Sensu 5,443 a, 28 (fr. 26 M.): διὸ καὶ Ἡράκλειτος οὕτως εἴρηκεν ὡς εἰ πάντα τὰ ὄντα καπνὸς γένοιτο, ῥῖνες ἂν διαγνοῖεν.

[11]) Lucret. De rer. nat. I, 696—697:

credit enim sensus ignem cognoscere vere,
cetera non credit, quae nilo clara minus sunt.

[12]) Schuster, S. 27, f.

знанія предносился Геракдиту смутно и неопредѣленно, и что этимъ именно и объясняется двойственность въ томъ, что онъ говоритъ о познаніи [1]).

Въ нравственномъ и религіозномъ міровоззрѣніи Гераклита также двойственность. Въ однихъ отрывкахъ онъ стоитъ на почвѣ строгаго объективизма. Въ человѣческихъ законахъ видитъ онъ выраженіе закона божественнаго [2]) и призываетъ бороться за законъ, какъ за стѣну [3]); онъ раздѣляетъ древнее вѣрованіе, что надъ міромъ блюдетъ Правда, которая (говоритъ онъ) вмѣстѣ со своими помощницами Еринніями найдетъ даже солнце, если оно перейдетъ положенный ему предѣлъ [4]); онъ говоритъ, что должно слѣдовать общему и выражаетъ сожалѣніе, что, несмотря на это, каждый живетъ по своему усмотрѣнію [5]). Но съ другой стороны, мы отъ него слышимъ что люди не знали бы имени правды, если бы не было законовъ [6]), что справедливое и несправедливое, хорошее и дурное различаютъ только люди, но что для бога (т.-е. для природы) все одина-

---

[1]) Целлеръ (Philosophie der Griechen, I, 656) по поводу отрывка 60 M. (на пред. стр. прим. 8) справедливо замѣчаетъ, что фрагментъ этотъ не рѣшаетъ вопроса о томъ, сколько по Гераклиту способствуетъ знанію опытъ и сколько мысль. Но если бы Гераклитъ не придавалъ никакого значенія свидѣтельству чувствъ въ сравненіи со свидѣтельствомъ разума (какъ склоненъ думать Целлеръ), то онъ не могъ бы сопоставлять ὄψις и ἀκοή съ μάθησις. Это сопоставленіе доказываетъ, на мой взглядъ, что Гераклитъ въ этомъ отрывкѣ либо приравнивалъ ὄψις и ἀκοή знанію (μάθησις) или, что̀ вѣрнѣе, разсматривалъ ὄψις и ἀκοή какъ средство къ μάθησις. Равнымъ образомъ, если бы Гераклитъ неизмѣнно считалъ опытное познаніе ничтожнымъ, то онъ не могъ бы, какъ въ отрывкѣ 24 M. (пред. стр. прим. 9) противопоставлять зрѣніе слуху какъ чувство болѣе достовѣрное чувству менѣе достовѣрному, такъ какъ зрѣніе даетъ нашему опыту большее содержаніе, чѣмъ всякое другое чувство. Не только свидѣтельству зрѣнія и слуха Гераклитъ придавалъ извѣстное значеніе, но и свидѣтельству обонянія, какъ видно изъ отрывка 26 M. (пред. стр. прим. 10). Приведенныя выше слова Лукреція лучше всего доказываютъ непослѣдовательность Гераклита. Попытки Шлейермахера, Бернэйса, Лассаля, Шустера, Целлера и др. объединить всѣ противорѣчивыя изреченія Гераклита въ цѣльномъ послѣдовательномъ міровоззрѣніи кажутся мнѣ скорѣе остроумными, чѣмъ правильными и заслуживающими подражанія.

[2]) См. выше, стр. 109, прим. 3.

[3]) Diog. Laert. IX, 2 (fr. 20 M.): μάχεσθαι χρὴ τὸν δῆμον ὑπὲρ νόμου ὅκως ὑπὲρ τείχεος.

[4]) Plut. De exil. XI, 298 W. (fr. 34 M.): Ἥλιος γὰρ οὐχ ὑπερβήσεται μέτρα, φησὶν ὁ Ἡράκλειτος, εἰ δὲ μή, Ἐρινύες μιν Δίκης ἐπίκουροι ἐξευρήσουσι.

[5]) Sext. Empir. adv. Math. VII, 133 (fr. 58 M.): διὸ δεῖ ἕπεσθαι τῷ ξυνῷ· τοῦ λόγου δὲ ἐόντος ξυνοῦ ζώουσιν οἱ πολλοὶ ὡς ἰδίην ἔχοντες φρόνησιν.

[6]) Clemens, Strom. IV, 3, 568: δίκης ὄνομα οὐκ ἂν ᾔδεσαν, εἰ ταῦτα (οἱ νόμοι какъ можно судить изъ контекста) μὴ ἦν.

ково хорошо и справедливо [1]), что благо—относительно [2]), что природа и законъ часто противорѣчатъ другъ другу [3]), что „законъ и

[1]) Schol. ad Il. IV, 4 Bekk. p. 126, a, 4 (fr. 61 B.): Ἡράκλειτος λέγει ὡς τῷ μὲν θεῷ καλὰ πάντα καὶ ἀγαθὰ καὶ δίκαια, ἄνθρωποι δὲ ἃ μὲν ἄδικα ὑπειλήφασιν, ἃ δὲ δίκαια. Ср. Plato, Theaet. 167, C. По Протагору справедливость опредѣляется мнѣніемъ о ней: οἷα γὰρ ἑκάστῃ πόλει δίκαια καὶ καλὰ δοκῇ, ταῦτα καὶ εἶναι αὐτῇ ἕως ἂν αὐτὰ νομίζῃ. Ср. также Plato, Ptotag. 327, C, слѣд., гдѣ Протагоръ указываетъ на относительность справедливости къ взглядамъ на нее и къ состояніямъ культуры.

[2]) Stob. Flor. III, 83—84 (fr. 47 M.): ἀνθρώποισι γίνεσθαι ὁκόσα θέλουσι οὐκ ἄμεινον· νοῦσος ὑγιείην ἐποίησε ἡδὺ καὶ ἀγαθόν, λιμὸς κόρον, κάματος ἀνάπαυσιν. Ср. выше, стр. 107, прим. 6. Ср. также Plato, Theaet. 157, D: по Протагору μή τι εἶναι ἀλλὰ γίγνεσθαι ἀεὶ ἀγαθὸν καὶ καλόν и пр.

[3]) (Pseudo) Hippocr. De Diaeta, 1, c. 11 (fr. 96 M.): οἱ δὲ ἄνθρωποι ἐκ τῶν φανερῶν τὰ ἀφανέα σκέπτεσθαι οὐκ ἐπίστανται. τέχνῃσι γὰρ χρεόμενοι ὁμοίῃσι ἀνθρωπίνῃ φύσι οὐ γινώσκουσι. θεῶν γὰρ νόος ἐδίδαξε μιμέεσθαι τὰ ἑωυτῶν γινώσκοντας ἃ ποιέουσι καὶ οὐ γινώσκοντας ἃ μιμέονται. πάντα γὰρ ὅμοια ἀνόμοια ἐόντα καὶ σύμφορα πάντα διάφορα ἐόντα· διαλεγόμενα οὐ διαλεγόμενα· γνώμην ἔχοντα ἀγνώμονα· ὑπεναντίον ὁ τρόπος ἑκάστων ὁμολογεόμενος. νόμος γὰρ καὶ φύσις οἷσι πάντα διαπρήσσεται οὐχ ὁμολογέει τὰ ὁμολογεόμενα. νόμον γὰρ ἔθεσαν ἄνθρωποι αὐτοὶ ἑωυτοῖσι, οὐ γινώσκοντες περὶ ὧν ἔθεσαν. φύσιν δὲ πάντες θεοὶ διεκόσμησαν. τὰ μὲν ὦν ἄνθρωποι ἔθεσαν οὐδέκοτε κατὰ τωὐτὸν ἔχει οὔτε τὰ ὀρθὰ οὔτε τὰ μὴ ὀρθά. ὁκόσα δὲ θεοὶ ἔθεσαν αἰεὶ ὀρθῶς ἔχει. καὶ τὰ ὀρθὰ καὶ τὰ μὴ ὀρθὰ τοσοῦτον διαφέρει. Этотъ отрывокъ, какъ видно изъ его общаго характера и сопоставленія съ отрывкомъ, приведеннымъ въ 1 примѣчаніи, безспорно передаетъ мысль Гераклита,—какъ и вся вообще 1-я книга De Diaeta написана въ духѣ этого философа. О времени, къ которому относится это сочиненіе, существуютъ различныя мнѣнія. Тейхмюллеръ (Neue Studien, I, 249 f.) называетъ періодъ между Гераклитомъ и Анаксагоромъ, Шустеръ (S. 99, 110)—александрійскую эпоху, Целлеръ—первую треть четвертаго вѣка до Р. Х. (Philosophie der Griechen, I, S. 633 f.) Какъ рѣшающія доказательства въ пользу своего мнѣнія Целлеръ приводитъ вопервыхъ то, что въ главѣ 23 упоминается о семи гласныхъ алфавита, а седьмая гласная введена оффиціально въ аттическій алфавитъ только послѣ Евклида (403 до Р. Х.); во вторыхъ (самое главное) то, что въ нашемъ мѣстѣ противополагаются φύσις и νόμος, но такое противопоставленіе начинается только съ софистовъ. Быть можетъ, хронологическое опредѣленіе, данное Целлеромъ, вѣрно. Но съ замѣчаніемъ, что νόμος и φύσις (установленное обычаемъ или закономъ и истинное) стали противопоставляться только при софистахъ, нельзя согласиться. Это противопоставленіе встрѣчается (кромѣ Гераклита) уже у Емпедокла, Демокрита и Филолая. Первый говоритъ (v. 111—112 M.):

εὖτε δ' ἀποκρινθῶσι, τὸ δ' αὖ δυσδαίμονα πότμον
ἀπρεπέως καλέουσι, νόμῳ δ' ἐπίφημι καὶ αὐτός,

второй (Diog. Laert. IX, 45) ποιητὰ δὲ νόμιμα εἶναι (или, какъ читаетъ Целлеръ, Philosophie der Griechen I, 783, 2: ποιότητας δὲ νόμῳ εἶναι), φύσει δ' ατόμους καὶ κενόν и (Sext. Emp. adv. Math. VII, 135; Pyrrh. 1, 213) νόμῳ γλυκὺ καὶ νόμῳ πικρόν, νόμῳ θερμόν, νόμῳ ψυχρόν, νόμῳ χροιή. ἐτεῇ δὲ ἄτομα καὶ κενόν. ἅπερ νομίζεται μὲν εἶναι καὶ δοξάζεται τὰ αἰσθητά, οὐκ ἔστι δὲ κατὰ ἀλήθειαν ταῦτα, ἀλλὰ τὰ ἄτομα μόνον καὶ κενόν, третій (Nicom. Arith m. I. 25, fr. 25 M.) прямо φύσει καὶ οὐ νόμῳ.

совѣтъ слѣдовать волѣ одного человѣка" [1]). Въ Гераклитѣ, какъ въ человѣкѣ высоко даровитомъ, личность слишкомъ сильно предъявляла свои права и заставляла его противъ воли становиться на точку зрѣнія рефлексіи. На такой точкѣ зрѣнія, кромѣ только что приведенныхъ отрывковъ, Гераклитъ стоитъ въ особенности въ тѣхъ изреченіяхъ, которыя оправдываютъ за нимъ данное ему (Тимономъ Силлографомъ) прозваніе плаксы и ругателя толпы [2]). Въ одномъ изъ отрывковъ онъ указываетъ на неразуміе людей, которые слушаются народныхъ пѣвцовъ и поучаются у толпы, не соображая того, что большинство людей дурны и только немногіе хороши, что только наилучшіе избираютъ своимъ удѣломъ вѣчную славу, а остальные живутъ, какъ скоты [3]). Въ другомъ онъ заявляетъ, что слѣдовало-бы всѣхъ взрослыхъ Ефесцевъ повѣсить, а несовершеннолѣтнимъ покинуть городъ за то, что они изгнали самаго лучшаго гражданина Гермодора, сказавъ: „Среди насъ не долженъ быть никто наилучшимъ, а если такой явится, то пусть идетъ

Ср. также Aristot. Soph. Elench. XII, 173 a, 7, слѣд.: πλεῖστος δὲ τό πος ἐστὶ τοῦ ποιεῖν παράδοξα λέγειν ὥσπερ καὶ Καλλικλῆς ἐν τῷ Γοργίᾳ γέγραπται λέγων, καὶ οἱ ἀρχαῖοι δὲ πάντες ᾤοντο συμβαίνειν, παρὰ τὸ κατὰ φύσιν καὶ κατὰ τὸν νόμον, ἐναντία γὰρ εἶναι φύσιν καὶ νόμον, καὶ τὴν δικαιοσύνην κατὰ νόμον μὲν εἶναι καλὸν κατὰ φύσιν δ' οὐ καλόν, гдѣ подъ οἱ ἀρχαῖοι πάντες ничто не заставляетъ подразумѣвать однихъ только софистовъ. Целлеръ говоритъ (Ibid. S. 636): Die Frage ist nicht, ob sich der sachliche Unterschied der philosophischen Ansicht von der herkömmlichen, auch nicht, ob sich die Ausdrücke νόμος und φύσις jedes für sich, sondern ob sich diese so formulirte grundsätzliche Entgegenstellung beider in dem Sprachgebrauch und der Denkweise der früheren Zeit nachweisen lässt, и однакоже самъ сопоставляетъ (Ibid. S. 635) только что приведенныя слова Емпедокла и Демокрита съ нашимъ отрывкомъ, съ цѣлью доказать, что противопоставленіе φύσις и νόμος въ послѣднемъ навѣяно воспоминаніемъ о первыхъ. Bei Heraclit—замѣчаетъ далѣе Целлеръ (Ibid, S. 636)—nähren sich die menschlichen Gesetze von dem göttlichen, nach unserem Verfasser stehen sie in einem natürlichen Widerspruch. Но вѣдь одинъ и тотъ же Гераклитъ призываетъ слѣдовать общему и объявляетъ закономъ волю одного человѣка, называетъ самопревышеніе священною болѣзнью, но считаетъ нужнымъ тушить ее пуще пожара и пр. На мой взглядъ, нѣтъ причины сомнѣваться, что Гераклитъ могъ противопоставлять νόμος и φύσις.

[1]) Clemens, Strom. V, 14, 718 (fr. 56 M.): νόμος καὶ βουλῇ πείθεσθαι ἑνός. Ср. Diog. Laert. IX, 16: ὁ εἷς μύριοι παρ' Ἡρακλείτῳ, ἐὰν ἄριστος ᾖ. Olymp. in Platon. Gorg., 87: εἷς ἐμοὶ ἀντὶ πολλῶν.

[2]) Tim. Phlias. ap. Diog. Laert, IX, 6 (v. 25 M.): τοῖς δ' ἔνι κοκκυστὴς ὀχλολοίδορος Ἡράκλειτος.

[3]) Plocl. in Alcib. p. 225 Cr. (fr. 111 B.): Τίς γὰρ αὐτῶν νόος ἢ φρήν; δήμων ἀοιδοῖσι ἕπονται καὶ διδασκάλῳ χρέωνται ὁμίλῳ, οὐκ εἰδότες ὅτι πολλοὶ κακοὶ ὀλίγοι δὲ ἀγαθοί. αἱρεῦνται γὰρ ἓν ἀντία πάντων οἱ ἄριστοι, κλέος ἀέναον θνητῶν, οἱ δὲ πολλοὶ κεκόρηνται ὅκωσπερ κτήνεα. (Текстъ исправленъ Бернэйсомъ по сличеніи съ Clem. Strom. V, 9, 682).

въ другое мѣсто и будетъ лучшимъ среди другихъ [1])“. (Любопытное свидѣтельство о демократической нетерпимости и о косвенномъ признаніи Гераклитомъ правъ личности). Въ третьемъ отрывкѣ Гераклитъ окидываетъ критическимъ взглядомъ всю нравственную жизнь. „Люди (говоритъ онъ [2]) съ молоду пріучаются творить беззаконія по закону, неправду по правдѣ, грабить, дѣлать насилія. Кто не поступаетъ такъ, тотъ не хорошъ, и хорошъ тотъ, кто такъ поступаетъ. Собравшись на рынокъ, они обманываютъ другъ друга при куплѣ и продажѣ; кто обманулъ всѣхъ больше, тотъ заслуживаетъ наибольшаго уваженія. Они бѣгаютъ, борятся, сражаются, воруютъ, лгутъ, думаютъ одно, говорятъ другое, мѣняютъ мысли каждое мгновеніе, такъ что однимъ человѣкъ въ дверь входитъ, а другимъ выходитъ“. Не менѣе суровъ приговоръ Гераклита и о религіозныхъ обычаяхъ. Онъ указываетъ на безсмысліе молиться идоламъ, взывать къ которымъ все равно, что́ болтать со стѣнами дома, тѣмъ болѣе, что люди обыкновенно не знаютъ какъ слѣдуетъ ни своихъ боговъ, ни героевъ [3]); ставитъ на видъ нелѣпость приносить кровавыя жертвы, которыми можно не лучше очиститься, чѣмъ смыть грязью грязь [4]); порицаетъ безстыдство фаллическихъ оргій, прикрывающихся именемъ Діониса [5]).

Всеобщій потокъ Гераклита и его взглядъ на борьбу и противоположеніе какъ на необходимое условіе всякаго биванія, были отображеніемъ подвижной демократической жизни Ефеса, родины Гераклита. Какъ потомокъ древнихъ царей, Гераклитъ принадлежалъ къ аристократической партіи [6]); но его геніальная обособлен-

---

[1]) Strabo, 25, 642 (fr. 57 M.): ἄξιον Ἐφεσίοις ἡβηδὸν ἀπάγξασθαι πᾶσι καὶ τοῖσι ἀνήβοισι τὴν πόλιν καταλιπέειν, οἵτινες Ἑρμόδωρον ἑωυτῶν ὀνήϊστον ἐξέβαλον φάντες· Ἡμέων μηδὲ εἷς ὀνήϊστος ἔστω· εἰ δέ τις τοιοῦτος ἄλλῃ τε καὶ μετ' ἄλλων.

[2]) (Pseudo) Hippocr. De Diaeta, I, 24 (fr. 118, 122 Sch.): παιδοτριβίη τοιόνδε· διδάσκουσι παρανομέειν κατὰ νόμον, ἀδικέειν δικαίως ἐξαπατέειν, κλέπτειν, ἁρπάζειν, βιάζεσθαι... ὁ μὴ ταῦτα ποιέων κακός, ὁ δὲ ταῦτα ποιέων ἀγαθός.... ἐς ἀγορὴν ἐλθόντες ἄνθρωποι ταῦτα διαπρήσσονται· ἐξαπατέουσι πωλέοντες καὶ ὠνεόμενοι, ὁ πλεῖστα ἐξαπατήσας οὗτος θαυμάζεται... τρέχουσι, παλαίουσι, μάχονται, κλέπτουσι, ἐξαπατέουσι и т. д.

[3]) Origen. c. Cels. VII, 73, 8 (fr. 61. M.): καὶ τοῖσι ἀγάλμασι τουτέοισι εὔχονται, ὁκοῖον εἴ τις τοῖσι δόμοισι λεσχηνεύοιτο, οὔτε γινώσκων θεοὺς οὔτε ἥρωας οἵτινές εἰσι.

[4]) El. Cret. ad Greg. Naz. or. XXIII, p. 836 (fr. 130 B.): καθαίρονται δὲ αἵματι μιαινόμενοι ὥσπερ ἂν εἴ τις ἐς πηλὸν ἐμβὰς πηλῷ ἀπονίζοιτο.

[5]) Clem. Coh. II, 30 (fr. 81 M.): εἰ μὴ γὰρ Διονύσῳ πομπὴν ἐποιοῦντο καὶ ὕμνεον ᾆσμα αἰδοίοισι, ἀναιδέστατα ἂν εἴργαστο, φησὶν Ἡράκλειτος· ὡὐτὸς δὲ Ἅϊδης καὶ Διόνυσος ὥτεῳ μαίνονται καὶ ληναΐζουσι. Адъ, богъ мертвыхъ, приравнивается Гераклитомъ Діонису, богу происхожденія и жизни, въ силу того, что, по Гераклиту, всякая жизнь предполагаетъ смерть и наоборотъ. См. выше, стр. 108 прим. 5.

[6]) См. выше, стр. 106 прим. 4. Ср. также Schuster, S. 360 f., 377 f.

ность [1]) слишкомъ близко подходила къ духу демократіи, чтобы остаться имъ незатронутымъ. Только что приведенныя нравственныя и религіозныя замѣчанія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Гераклитъ самъ страдалъ тѣмъ самопревышеніемъ, которое называлъ священною болѣзнью [2]), но которое тѣмъ не менѣе считалъ нужнымъ тушить пуще пожара [3]). Своей мимовольной рефлексіей Гераклитъ (подобно Ксенофану) положилъ философскія сѣмена религіознаго и нравственнаго скептицизма. Перенесенныя въ Аѳины, они дали обильный приплодъ, такъ какъ нашли тамъ не только близко родственную [4]), но и болѣе разработанную почву, чѣмъ въ Ефесѣ [5]).

Въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ Гераклита о безусловной измѣняемости первоосновы стоитъ ученіе Елейцевъ о безусловной неподвижности сущаго. При всей однако противоположности воззрѣній на свойство первоосновы, Гераклитъ и Елейцы были представителями одного и того же объективнаго направленія. То и другое ученіе полагаетъ мѣру и средоточіе всего во внѣшней дѣйствительности; то и другое не желаетъ признавать самостоятельности за единичными явленіями,—ученіе Гераклита, какъ за всплесками волны на всеобщемъ потокѣ быванія, ученіе Елейцевъ, какъ за созданными воображеніемъ призраками. Въ этомъ отрицаніи единичнаго и исключительномъ признаніи общаго философскій объективизмъ нашелъ въ противорѣчивыхъ внутренно и взаимно ученіяхъ Гераклита и Елейцевъ крайнее, само себя разлагающее выраженіе [6]), сдѣлавшее необхо-

---

[1]) Ср. Stob. Flor. III, 81 (fr. 18 M.): ὁκόσων λόγους ἤκουσα, οὐδεὶς ἀφικνέεται ἐς τοῦτο, ὥστε γινώσκειν, ὅτι σοφόν ἐστι πάντων κεχωρισμένων.

[2]) Diog. Laert. IX, 7 (fr. 78 M.): τήν τε οἴησιν ἱερὰν νόσον ἔλεγε.

[3]) Diog. Laert. X, 2 (fr. 17 M.): ὕβριν χρὴ σβεννύειν μᾶλλον ἢ πυρκαϊὴν.

[4]) Судьбы ефесской демократіи были особенно сходны съ судьбами аѳинской. См. Schuster, S. 377 f.

[5]) О широкой распространенности Гераклитова ученія въ Малой Азіи свидѣтельствуетъ Платонъ, Theaet. 179, D, слѣд.

[6]) Ср. Aristot. Phys. I, 2, 185b, 20, сл.: ἀλλὰ μὴν εἰ τῷ λόγῳ ἓν τὰ ὄντα πάντα ὡς λώπιον καὶ ἱμάτιον, τὸν Ἡρακλείτου λόγον συμβαίνει λέγειν αὐτοῖς· ταὐτὸν γὰρ ἔσται ἀγαθῷ καὶ κακῷ εἶναι καὶ μὴ ἀγαθῷ καὶ ἀγαθῷ, ὥστε ταὐτὸν ἔσται ἀγαθὸν καὶ οὐκ ἀγαθόν, καὶ ἄνθρωπος καὶ ἵππος, καὶ οὐ περὶ τοῦ ἓν εἶναι τὰ ὄντα ὁ λόγος ἔσται αὐτοῖς, ἀλλὰ περὶ τοῦ μηδέν. Аристотель неоднократно останавливается на высказанной здѣсь мысли—что ученіе Гераклита ведетъ къ отрицанію закона противорѣчія. Metaph. IV, 7, 1012a, 24: ἔοικε δ' ὁ μὲν Ἡρακλείτου λόγος, λέγων πάντα εἶναι καὶ μὴ εἶναι, ἅπαντα ἀληθῆ ποιεῖν. Ibid. 8, нач.; ibid. XI, 5, 1062a, 31, слѣд.: ταχέως δ' ἄν τις καὶ αὐτὸν τὸν Ἡράκλειτον .. ἠνάγκασεν ὁμολογεῖν, μηδέποτε τὰς ἀντικειμένας φάσεις δυνατὸν εἶναι κατὰ τῶν αὐτῶν ἀληθεύεσθαι· νῦν δ' οὐ συνιεὶς ἑαυτοῦ τί ποτε λέγει, ταύτην ἔλαβε τὴν δόξαν. Ibid. 6, 1063, b, 24. Целлеръ (Philosophie der Griechen, I, 600 f.) беретъ Гераклита подъ защиту отъ этихъ обвиненій. Dem Satz des Wider-

димымъ переходъ къ противоположному направленію. Конецъ VI вѣка былъ какъ въ политической, такъ и въ философской жизни, временемъ поворота отъ объективизма къ субъективизму. Во второй половинѣ V вѣка, когда въ главномъ политическомъ центрѣ Греціи демократія стала вырождаться въ охлократію, ученія Гераклита и Елейцевъ превратились въ софистику.

Елейцы получили названіе отъ фокейской колоніи Елеи въ Южной Италіи. Въ этомъ городѣ основатель ученія, Ксенофанъ жилъ пришлецомъ, а два главнѣйшіе его послѣдователи—Парменидъ и Зенонъ, были уроженцами.

Исходная точка въ ученіи Ксенофана [1])—опровержeніе многобо-

---

spruchs (говоритъ онъ) würde Heraklit nur dann entgegentreten, wenn er behauptete, entgegengesetzte Bestimmungen können demselben Subjekt nicht blos gleichzeitig, sondern auch in der gleichen Beziehung zukommen. Diess thut er aber nicht: er bemerkt wohl, das Ein und dasselbe Wesen die entgegengesetztesten Zustände und Eigenschaften, zwischen denen es als ein werdendes schwebt, verknüpft seien; aber dass sie ihm in Einer und derselben Beziehung zukommen, sagt er nicht, und er sagt es ohne Zweifel desshalb nicht, weil er sich noch gar nicht gefrag hat, wie es sich in Betreff dieser, nnseres Wlssens erst von Plato und Aristoteles ausdrücklich in's Auge gefassten, Bestimmung verhalte. Но если Гераклитъ и не подозрѣвалъ, что своимъ ученіемъ о тожествѣ противоположностей могъ идти въ разрѣзъ съ закономъ противорѣчія, то возможно ли отрицать, что онъ, хотя и неумышленно, шелъ противъ него? Теорія Протагора, что все истинно (Plato, Theaet. 158, A; 161, D; 167, A, ниже, стр. 122 прим. 1; Cratyl. 385, E) выработалась прямо и непосредственно изъ Гераклитова ученія; заимствованный Протагоромъ для доказательства той же теоріи у Парменида доводъ о несуществованіи небытія имѣлъ лишь побочное значеніе. Аристотель былъ поэтому совершенно правъ, что Гераклитово «все существуетъ и несуществуетъ» дѣлаетъ все истиннымъ. Не менѣе справедливо и другое замѣчаніе Аристотеля, что Гераклитъ, утверждая тожество противоположностей, не давалъ себѣ отчета въ томъ, что̀ говорилъ. Напротивъ, Протагоръ вполнѣ сознательно воспользовался этою мыслью Гераклита, чтобы, подкрѣпивъ ее ученіемъ Парменида о небытіи, выставить положеніе, что ни противъ чего нельзя возражать, такъ какъ обо всемъ существуютъ одинаково истинныя противорѣчивыя сужденія. (Diog. Laert. IX, 51: καὶ πρῶτος ἔφη δύο λόγους εἶναι περὶ παντὸς πράγματος ἀντικειμένους ἀλλήλοις· οἷς καὶ συνηρώτα, πρῶτος τοῦτο πράξας—πρῶτος въ противоположность Зенону, который доказывалъ равную правдивость взаимно отрицающихъ сужденій, повидимому, только относительно нѣкоторыхъ свойствъ сущаго. См. ниже изложеніе ученія Зенона. Со свид. Діог. ср. Clem. Strom. VI, 3, 777; Senec. Ep. 88, 43). О томъ, въ какія противорѣчія впутывается ученіе Елейцевъ объ единствѣ бытія см. Plato, Soph. 244, B, ср. также Parmen. 137, C, слѣд.

[1]) Род. въ Колофонѣ въ концѣ первой половины VI вѣка. Изгнанный изъ роднаго города, велъ онъ, по его собственнымъ словамъ, съ двадцатипятилѣтняго возраста скитальческую жизнь въ теченіе семидесяти пяти лѣтъ по Еллинской землѣ, былъ между прочимъ и въ Елеѣ. Во время скитаній онъ, по примѣру рапсодовъ лично читалъ свои поэмы, которыхъ било нѣсколько, (Diog. Laert, IX, 18, слѣд.). Объ Елейцахъ см. Hegel, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, herausg. v. Michelet, Berlin, 1840 (2-te Aufl.), I, S. 261 f.; Ritter, Geschichte der Philosophie, Hamb.

жія [1]). „Одинъ только величайшій богъ есть у боговъ и людей; онъ не похожъ на смертныхъ ни видомъ, ни мыслью [2]). Вѣчно пребываетъ онъ недвижимымъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и ему не подобаетъ переходить на другое [3]). Онъ весь—зрѣніе, весь—мысль, весь слухъ [4]), и безъ труда всѣмъ управляетъ мыслью своего ума [5]). Онъ—вѣченъ: не произошелъ и не можетъ погибнуть. А между тѣмъ люди думаютъ, что боги производятъ на свѣтъ, имѣютъ человѣческія чувства, голосъ и видъ [6]). Но вѣдь, если бы у быковъ или коней были руки и если бы они умѣли рисовать и дѣлать тоже, что̀ люди, то кони изображали бы боговъ въ видѣ коней, быки—въ видѣ быковъ и дѣлали бы ихъ такими, какъ они сами [7]). Эѳіопы изображаютъ боговъ черными и курносыми, ѳракійцы—рыжими и свѣтлоглазами [8]); а Гомеръ и Гезіодъ возводятъ на боговъ даже то, что̀ считается за позоръ и обиду среди людей—воровство, распутство, ложь и обманъ [9])".

1836 (2-te Aufl.), I, S. 451 f. Zeller, Philosophie der Griechen, I, S. 463f.; Grote, Plato, I, p. 17, sq., 96, sq.; Karsten, Philosophorum veterum reliquiae, Amsterd. 1835, v. I Mullach, Fragmenta, I, p. 99, sq; 259, sq.

[1]) При изложеніи ученія Ксенофана я оставляю безъ вниманія соч. De Melisso etc., такъ какъ для рѣшенія вопроса о томъ, что̀ въ этомъ сочиненіи принадлежитъ Ксенофану и что̀ другимъ, потребовалось бы особое изслѣдованіе. Ср. Zeller, Philosophie der Griechen, I, S. 463 f.

[2]) Clemens, Strom. V, 601 (fr. 1 M.):
εἷς θεὸς ἔν τε θεοῖσι καὶ ἀνθρώποισι μέγιστος,
οὔτε δέμας θνητοῖσιν ὁμοίϊος οὔτε νόημα.

[3]) Simp. Phys. 6r, 10 (fr. 4 M., по Карстену):
αἰεὶ δ' ἐν ταὐτῷ τε μένειν κινούμενον οὐδὲν
οὐδὲ μετέρχεσθαί μιν ἐπιπρέπει ἄλλοτε ἄλλῃ.

[4]) Sext. Emp. adv. Math. IX, 144 (fr. 2 M.):
οὖλος ὁρᾷ, οὖλος δὲ νοεῖ, οὖλος δέ τ' ἀκούει.

[5]) Simpl. Phys. 6r, 15 (fr. 3 M.):
ἀλλ' ἀπάνευθε πόνοιο νόου φρενὶ πάντα κραδαίνει.

[6]) Clemens, Srom. V, 601 (fr. 5 M.):
ἀλλὰ βροτοὶ δοκέουσι θεοὺς γεννᾶσθαι ὁμοίως
τὴν σφετέρην τ' αἴσθησιν ἔχειν φωνήν τε δέμας τε.

[7]) Ibid. (fr. 6 M.):
ἀλλ' εἴτοι χεῖράς γ' εἶχον βόες ἠὲ λέοντες,
ἢ γράψαι χείρεσσι καὶ ἔργα τελεῖν ἅπερ ἄνδρες,
ἵπποι μέν θ' ἵπποισι, βόες δέ τε βουσὶν ὁμοίας
καί κε θεῶν ἰδέας ἔγραφον καὶ σώματ' ἐποίουν
τοιαῦθ', οἷόν περ καὶ αὐτοὶ δέμας εἶχον ὁμοῖον.

[8]) Ibid. VII, 711: φησὶν ὁ Ξενοφάνης· Αἰθίοπές τε μέλανας σιμούς τε, Θρᾷκές τε πυῤῥοὺς καὶ γλαυκοὺς (τοὺς θεοὺς διαζωγραφοῦσιν.).

[9]) Sext. Emp. adv. Mathem. IX, 193, I, 289 (fr. 7 M.):
πάντα θεοῖς ἀνέθηκαν Ὅμηρός τ' Ἡσίοδός τε

Таковы собственныя слова Ксенофана. По другимъ свидѣтельствамъ, этотъ философъ, утверждая единство бога, утверждалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единство сущаго [1]) и училъ, что богъ не отдѣлимъ отъ міра [2]). Но хотя Ксенофанъ опровергалъ возможность происхожденія бога и его подвижность, онъ не отрицалъ происхожденія міра и его измѣненій. Образованіе вещей онъ объяснялъ изъ соединенія воды и земли [3]) Примирить противорѣчивые взгляды Ксенофана возможно лишь предположеніемъ, что онъ представлялъ бога безконечнымъ существомъ, заключающимъ въ себѣ міръ и остающимся неподвижнымъ, несмотря на происходящія въ мірѣ измѣненія.

Впрочемъ, Ксенофанъ не выдавалъ своего ученія за безусловную истину. „Боги не открыли (говоритъ онъ [4]) людямъ истину съ самаго начала, и только постепеннымъ изслѣдованіемъ люди улучшаютъ свое знаніе... Не было и не будетъ ни одного человѣка, который бы зналъ достовѣрное о томъ, что я говорю о богахъ и о мірѣ, а если кому и случится сказать что̀ нибудь истинное, то онъ и самъ этого не знаетъ, а мнѣніе свойственно всѣмъ“ [5]). Эти послѣднія слова Ксе-

---

ὅσσα παρ' ἀνθρώποισιν ὀνείδεα καὶ ψόγος ἐστί,
καὶ πλεῖστ' ἐφθέγξαντο θεῶν ἀθεμίστια ἔργα,
κλέπτειν, μοιχεύειν τε καὶ ἀλλήλους ἀπατεύειν.

[1]) Plato, Soph. 242, D: τὸ δὲ παρ' ἡμῖν Ἐλεατικὸν ἔθνος, ἀπὸ Ξενοφάνους τε καὶ ἔτι πρόσθεν ἀρξάμενον, ὡς ἑνὸς ὄντος τῶν πάντων καλουμένων οὕτω διεξέρχεται τοῖς μύθοις. Xenoph. ap. Tim. Phlias. (v. 35—37 M):

ὅππη γὰρ ἐμὸν νόον εἰρύσαιμι,
εἰς ἓν ταὐτό τε πᾶν ἀνελύετο· πᾶν δ' ἐὸν αἰεὶ
πάντη ἀνελκόμενον μίαν εἰς φύσιν ἵσταθ' ὁμοίαν.

Simpl. Phys. 5v, 55: μίαν τὴν ἀρχὴν ἤτοι ἓν τὸ ὂν καὶ πᾶν Ξενοράνην ὑποτίθεσθαί φησίν ὁ Θεόφραστος.

[2]) Aristot. Metaph. I, 5, 986 b, 21 сл.: Ξενοφάνης... εἰς τὸν ὅλον οὐρανὸν ἀποβλέψας τὸ ἓν εἶναί φησι τὸν θεόν. Cic. Acad. II, 37: Xenophanes unum esse omnia dixit, neque id esse mutabile, et id esse Deum. Sext Emp. Pyrrh. I, 225: ἓν εἶναι τὸ πᾶν καὶ τὸν θεὸν συμφυῆ τοῖς πᾶσι.

[3]) Simpl. Phys. 41r, 30 (fr. 10 M.):

γῆ καὶ ὕδωρ πάνθ' ὅσσα γίνονται ἠδὲ φύονται.

[4]) Stob. Floril. XXXIX, 41 (fr. 16 M.):

οὔτοι ἀπ' ἀρχῆς πάντα θεοὶ θνητοῖς ὑπέδειξαν,
ἀλλὰ χρόνῳ ζητοῦντες ἐφευρίσκουσιν ἄμεινον.

[5]) Sext. Emp. adv. Math. VII, 49 (fr. 14 M.):

καὶ τὸ μὲν οὖν σαφὲς οὔτις ἀνὴρ γένετ' οὐδέ τις ἔσται
εἰδὼς ἀμφὶ θεῶν τε καὶ ἅσσα λέγω περὶ πάντων·
εἰ γὰρ καὶ τὰ μάλιστα τύχοι τετελεσμένον εἰπών,
αὐτὸς ὅμως οὐκ οἶδε· δόκος δ' ἐπὶ πᾶσι τέτυκται.

Ср. также слова Ксенофана у Plut. Conv. Disp. IX, c. 4, 7, 748 W. (fr. 15 M.):

ταῦτα δεδόξασται ἐοικότα τοῖς ἐτύμοισι.

нофана были самымъ раннимъ сознательнымъ выраженіемъ и философскаго скептицизма [1]).

Нравственное міровоззрѣніе Ксенофана не стояло въ непосредственной связи съ его ученіемъ о единствѣ міра, но религіозное міровоззрѣніе отражалось и на нравственномъ. Благомыслящіе люди (говоритъ Ксенофанъ) должны прославлять бога чистыми и пристойными словами, должны дѣлать ему возліянія и возсылать молитвы, чтобы онъ даровалъ имъ возможность поступать справедливо; такое настроеніе много лучше гордыни [2])... Хвалить должно того, кто всегда проявляетъ благородные помыслы и не забываетъ рвенія къ добродѣтели. Не слѣдуетъ вести разговоровъ ни о сраженіи Титановъ, Гигантовъ и Кентавровъ—все это старыя сказки—ни о другихъ раздорахъ; въ такой болтовнѣ нѣтъ ничего хорошаго, но слѣдуетъ всегда быть готовымъ ревновать о богѣ" [3]).

Ксенофанъ стоялъ особнякомъ не въ однихъ только религіозныхъ вѣрованіяхъ, онъ не раздѣлялъ и другихъ народныхъ воззрѣній. Между прочимъ онъ находилъ нелѣпымъ, что побѣдителямъ на играхъ воздаютъ почести, а людей мудрыхъ оставляютъ безъ отличія. Этотъ обычай, говоритъ Ксенофанъ, неразуменъ: несправедливо ставить тѣ-

---

[1]) Целлеръ (Philosophie der Griechen, I, 503 f.) не согласенъ признать Ксефана скептикомъ, такъ какъ замѣчанія послѣдняго о недостовѣрности знанія, хотя и вызваны его «скептическимъ настроеніемъ», основаны не на всестороннемъ изслѣдованіи познавательныхъ способностей, а на личномъ опытѣ Ксенофана. Но какая же была причина скептическаго настроенія Ксенофана? Его слова, что «если человѣкъ и скажетъ что-нибудь истинное, то онъ самъ этого не знаетъ, а мнѣніе свойственно всѣмъ» указываютъ на то, что Ксенофанъ сомнѣвался въ существованіи того «критерія», по которому можно было бы отличить истину отъ того, что только кажется, а къ сомнѣнію въ возможности такого критерія сводится всякій скептицизмъ. Безспорно, что Ксенофанъ не былъ такимъ полнымъ скептикомъ, какими были впослѣдствіи Пирронъ, Аркезилай, Карнеадъ и др., но слѣды скептицизма носитъ его ученіе несомнѣнно.

[2]) Athen. X, 462 (fr. 21 M.):

χρὴ δὲ πρῶτον μὲν θεὸν ὑμνεῖν εὔφρονας ἄνδρας
εὐφήμοις μύθοις καὶ καθαροῖσι λόγοις
σπείσαντάς τε καὶ εὐξαμένους τὰ δίκαια δύνασθαι
πρήσσειν· ταῦτα γὰρ ὦν ἐστι πρότιμ', ἕταροι,
οὐχ ὕβρεις.

[3]) Ibid:

οὔτε μάχας διέπειν Τιτήνων οὐδὲ Γιγάντων
οὐδὲ τὰ Κενταύρων, πλάσματα τῶν προτέρων,
ἢ στάσιας, φλεδόνας ταῖς οὐδὲν χρηστὸν ἔνεστι·
θεῶν δὲ προμηθείην αἰὲν ἔχειν ἀγαθήν.

лесную силу выше мудрости. Будетъ ли среди народа хорошій кулачный боецъ, или искусный борецъ, или скороходъ, или, наконецъ, побѣдитель во всѣхъ родахъ состязанія—отъ этого въ государствѣ не прибудетъ законности и порядка [1]). Смыслъ этихъ замѣчаній Ксенофана намъ будетъ ясенъ впослѣдствіи [2]).

Ученіе Ксенофана о единствѣ и неизмѣняемости бытія развилъ его ближайшій послѣдователь—Парменидъ [3]). Свое ученіе Парменидъ раздѣлилъ на двѣ части—на „Ученіе истины“ и на „Ученіе мнѣнія“ [4]). Въ первой онъ изображаетъ бытіе такимъ, каково оно на самомъ дѣлѣ, во второй такимъ—какимъ оно кажется.

Все зданіе Ученія истины зиждется на двухъ слѣдующихъ положеніяхъ, представляющихъ самое раннее и въ то же время самое простое выраженіе логическихъ правилъ, извѣстныхъ подъ названіемъ законовъ тождества и противорѣчія: 1) Существуетъ только то, что существуетъ, или—только бытіе существуетъ, и 2) Существующее не можетъ не существовать, или что тоже—небытія нѣтъ.

Небытія не только нѣтъ, но о немъ нельзя ни мыслить, ни утверждать что-либо. Самое слово небытіе есть нелѣпость. Когда я мыслю и говорю „небытіе“—я мыслю мысль, которая существуетъ, и говорю слово, которое существуетъ; стало-быть, я мыслю и говорю бытіе, а не небытіе.

Если нѣтъ небытія, то не можетъ быть и множества въ бытіи, потому что множество предполагаетъ отдѣленіе одной существующей вещи отъ другой существующей вещи тѣмъ, что не тождественно съ существующими вещами, т.-е. чѣмъ-нибудь несуществующимъ, а между тѣмъ въ бытіи все сплошь бытіе.

Равнымъ образомъ, если нѣтъ небытія, то нѣтъ никакого происхожденія или движенія въ бытіи, потому что происхожденіе есть переходъ одного состоянія въ другое, существующаго въ несуществующее и наоборотъ, а движеніе возможно лишь тогда, когда есть пустота въ бытіи, т.-е. небытіе.

---

[1]) Athen. X, 413, sq. (fr. 19 M.):

ἀλλ' εἰκῇ μάλα τοῦτο νομίζεται, οὐδὲ δίκαιον
προκρίνειν ῥώμην τῆς ἀγαθῆς σοφίης и пр.

[2]) См. главу V.

[3]) Род. въ концѣ VI вѣка въ Елеѣ. Шестидесятипятилѣтнимъ старцемъ посѣтилъ онъ Аѳины вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Зенономъ и здѣсь бесѣдовалъ съ Сократомъ, тогда еще юношей. Plato, Parm. 127, A; Theaet. 183, E; Soph. 217, C.

[4]) Parm. in Proem. ap. Sext. Emp. adv. Math. VII, 111 (v. 28—30 M.). Procl. in Parm. V, 310 и др.

Наконецъ, если нѣтъ небытія, то въ бытіи не можетъ быть никакого недостатка: повсюду оно законченное, цѣлое, сплошное бытіе.

Свидѣтельства чувствъ стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми этими выводами. Отсюда слѣдуетъ, что чувствамъ вѣрить нельзя. Единственный правильный путь познанія—путь мысли объ единомъ, вѣчномъ, неизмѣнномъ, недѣлимомъ, сплошномъ, цѣльномъ, совершенномъ бытіи.

Парменидъ выражаетъ эти мысли слѣдующимъ образомъ: „Вотъ я скажу тебѣ, а ты выслушай и запомни мое слово о томъ, какіе единственные пути изслѣдованія мыслимы. Одинъ—что бытіе есть, а небытія нѣтъ. Это стезя убѣжденія, по которой сопровождаетъ истина. Другой—что бытія нѣтъ, а небытіе должно быть. Эту тропу я тебѣ отмѣчаю какъ самую неубѣдительную. Небытія нельзя ни познать (оно непостижимо) ни выразить, такъ какъ бытіе и мысль тождественны [1]). Должно мыслить и утверждать, что

---

[1]) Procl. in Tim. 105 (v. 33—40 M.):

εἰ δ' ἄγ', ἐγὼν ἐρέω, κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας
αἵπερ ὁδοὶ μοῦναι διζήσιός εἰσι νοῆσαι·
ἡ μέν, ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι,
πειθοῦς ἐστι κέλευθος, ἀληθείη γὰρ ὀπηδεῖ·
ἡ δ', ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεών ἐστι μὴ εἶναι,
τὴν δή τοι φράζω παναπειθέα ἔμμεν ἀταρπόν·
οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐόν, (οὐ γὰρ ἐφικτόν)
οὔτε φράσαις. τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστίν τε καὶ εἶναι.

Das heisst aber nicht, (замѣчаетъ о послѣднихъ словахъ Целлеръ, Philosophie der Griechen, I, 512) Denken und Sein ist dasseble, sondern es ist, wie der Zusammenhang zeigt, ἔστιν zu lesen und zu übersetzen: «denn dasselbe kann gedacht werden und sein», nur das, was sein kann, lässt sich denken. Но Парменидъ нигдѣ не основываетъ своихъ доказательствъ на томъ, что̀ только можетъ быть, а всегда на томъ, что̀ необходимо должно быть. Правильность предложеннаго мною перевода доказывается 1-мъ стихомъ въ привед. на стр. 126 прим. 1 отрывкѣ, гдѣ мысль отождествляется съ тѣмъ, о чемъ она мыслитъ. Съ тѣмъ, что̀ говоритъ здѣсь Парменидъ, ср. Plato, Theaet. 167, A, слова Протагора: ἐπεὶ οὔ τί γε ψευδῆ δοξάζοντά τίς τιν' ὕστερον ἀληθῆ ἐποίησε δοξάζειν· οὔτε γὰρ τὰ μὴ ὄντα δυνατὸν δοξάσαι, οὔτ' ἄλλα παρ' ἃ ἂν πάσχῃ· ταῦτο δ' ἀεὶ ἀληθῆ. Ср. также Plato, Euthyd. 283, E—284, A: Τί δέ, ἔφη, ὦ Κτήσιππε, ὁ Εὐθύδημος, ἦ δοκεῖ σοι οἷόν τ' εἶναί ψεύδεσθαι; Νὴ Δία, ἔφη, εἰ μὴ μαίνομαί γε. Πότερον λέγοντα τὸ πρᾶγμα, περὶ οὗ ἂν ὁ λόγος ᾖ ἢ μὴ λέγοντα; Λέγοντα, ἔφη. Οὐκοῦν εἴπερ λέγει αὐτὸ ἄλλο λέγει τῶν ὄντων ἢ ἐκεῖνο, ὅπερ λέγει. Πῶς γὰρ ἄν; ἔφη ὁ Κτήσιππος. Ἕν μὴν κἀκεῖνό γ' ἐστὶ τῶν ὄντων, ὃ λέγει, χωρὶς τῶν ἄλλων; Πάνυ γε. Οὐκοῦν ὁ ἐκεῖνο λέγων τὸ ὄν, ἔφη, λέγει; Ναί. 'Αλλὰ μὴν ὅ γε τὸ ὂν λέγων καὶ τὰ ὄντα τἀληθῆ λέγει· ὥσθ' ὁ Διονυσόδωρος, εἴπερ λέγει τὰ ὄντα, λέγει τἀληθῆ καὶ οὐδὲν κατὰ σοῦ ψεύδεται. Ibid. 285, E—286, C: Τί οὖν; ἦ δ' ὅς (ὁ Διονυσόδωρος) εἰσὶν ἑκάστῳ τῶν ὄντων λόγοι; Πάνυ γε. Οὐκοῦν ὡς ἔστιν ἕκαστον ἢ ὡς οὐκ ἔστιν; Ὡς ἔστιν. Εἰ γὰρ μέμνησαι ἔφη, ὦ Κτήσιππε, καὶ ἄρτι ἐπεδείξαμεν μηδένα λέγοντα ὡς οὐκ ἔστι· τὸ γὰρ

бытіе существуетъ, а что небытія нѣтъ. Прежде всего отврати свою мысль отъ пути небытія, а затѣмъ отъ того, по которому въ нерѣшимости блуждаютъ ничего не знающіе люди. Недоумѣніе направляетъ ихъ заблуждающійся умъ, они глухіе, слѣпые и оторопѣлые, словно безсмысленное стадо, носятся туда и сюда, то полагая, что бытіе тождественнно съ небытіемъ, то наоборотъ думая, что, бытіе не тождественно съ небытіемъ. Этотъ путь самый превратный [1])... Но пусть тебя также частая привычка не заставитъ устремлять незрячіе глаза и оглушенныя уши на путь чувствъ; своимъ умомъ разсуди предложенное мною полное споровъ доказательство. Остается одинъ путь изслѣдованія—что существуетъ только бытіе [2]). На этомъ пути мно-

---

μὴ ὂν οὐδεὶς ἐφάνη λέγων... Καὶ ὁ μὲν Κτήσιππος ἐσίγησεν· ἐγὼ δε (ὁ Σωκράτης) θαυμάσας τὸν λόγον, πῶς, ἔφην, ὦ Διονυσόδωρε, λέγεις; οὐ γάρ τοι ἀλλὰ τοῦτόν γε τὸν λόγον πολλῶν δὴ καὶ πολλάκις ἀκηκοὼς ἀεὶ θαυμάζω. καὶ γὰρ οἱ ἀμφὶ Πρωταγόραν σφόδρ' ἐχρῶντο αὐτῷ καὶ οἱ ἔτι παλαιότεροι (т.-е. Парменидъ и его послѣдователи). Ср. также Plato, Cratyl. 429, C, слѣд.; Soph. 251, A; Aristot, Metaph. VI, 1, 1026 b, 14—15; ibid. XI, 8, 1064 b, 29—30. (См. выше, стр. 28 прим. 2 и стр. 29 прим. 7) и въ поясненіе ученія Парменида о небытіи и связи этого ученія съ софистикой. Plato Soph. 236, E—241, B.

[1]) Simpl. Phys. 19r, 20, 25r, 50 (v. 43—51 M.):

χρὴ σε λέγειν τε νοεῖν τ' ἐὸν ἔμμεναι, ἔστι γὰρ εἶναι,
μηδὲν δ' οὐκ εἶναι· τά σ' ἐγὼ φράζεσθαι ἄνωγα·
πρῶτ' ἀφ' ὁδοῦ ταύτης διζήσιος εἶργε νόημα·
αὐτὰρ ἔπειτ' ἀπὸ τῆς ἣν δὴ βροτοὶ εἰδότες οὐδὲν
πλάζονται δίκρανοι· ἀμηχανίη γὰρ ἐν αὐτῶν
στήθεσιν ἰθύνει πλαγκτὸν νόον· οἱ δὲ φορεῦνται
κωφοὶ ὁμῶς τυφλοί τε, τεθηπότες, ἄκριτα φῦλα,
οἷς τὸ πέλειν τε καὶ οὐκ εἶναι ταὐτὸν νενόμισται
κ' οὐ ταὐτόν· πάντων δὲ παλίντροπός ἐστι κέλευθος.

Шустеръ (l. c. S. 34), основываясь на сходствѣ между нѣкоторыми выраженіями у Гераклита и Парменида и на полемическомъ тонѣ стихотворенія послѣдняго, думаетъ что полемика Парменида противъ тѣхъ οἷς τὸ πέλειν τε καὶ οὐκ εἶναι ταὐτὸν νενόμισται κ' οὐ ταὐτόν была направлена собственно противъ Гераклита. Если это справедливо (а ни отрицать, ни доказать этого нельзя), то Парменидъ впервые высказалъ ту вѣрную мысль, что ученіе Гераклита о тожествѣ противоположностей равнозначительно отрицанію закона противорѣчія. См. выше, стр. 116 прим. 6. Въ первомъ стихѣ я предпочитаю чтеніе χρή σε λέγειν и пр. вмѣсто обычнаго χρὴ τὸ λέγειν, такъ какъ по связи видно, что Парменидъ въ этомъ стихѣ настаиваетъ не на томъ, чтобы признать принадлежность рѣчи и мысли къ бытію, но на необходимости признать существованіе бытія какъ бытія и на невозможности существованія небытія.

[2]) Sext. Emp. adv. Math. VII, 111 (v. 54—58 M.):

μηδέ σ' ἔθος πολύπειρον ὁδὸν κατὰ τήνδε βιάσθω
νωμᾶν ἄσκοπον ὄμμα καὶ ἠχήεσσαν ἀκουὴν

го признаковъ, что бытіе не произошло и не погибнетъ, что оно цѣлое, однородное, неподвижное, вѣчное бытіе. Его не было и оно не будетъ, такъ какъ оно сейчасъ все на лицо единое, непрерывное. И гдѣ сталъ бы ты искать его происхожденія? Почему бы могло оно возникнуть? Я не позволю тебѣ ни сказать, ни помыслить, что оно произошло изъ небытія, так какъ немыслимо и неизрекаемо, что бытія нѣтъ. Да и какая причина могла бы воздвигнуть бытіе такъ, чтобы оно начало происходить изъ ничего раньше или позже? Оно вообще либо должно существовать, либо не должно существовать. Но и изъ бытія сила убѣжденія не даетъ происходить ничему кромѣ бытія. Поэтому ни къ происхожденію, ни къ погибели не допускаетъ его, ослабивъ оковы, справедливость, но удерживаетъ отъ того и другаго [1]). Рѣшеніе всего этого въ томъ, существуетъ ли бытіе, или не существуетъ. Это рѣшеніе уже дано, такъ какъ путь небытія—немыслимый, безъимянный, неистинный—необходимо оставить, а путь бытія признать истиннымъ. Можно-ли про бытіе сказать: оно будетъ, или: оно было? Если оно было, то его нѣтъ; точно также его нѣтъ, если оно будетъ. Такимъ образомъ исчезло происхожденія бытіе, не слышно и объ его погибели. Бытіе не дѣлимо, такъ какъ оно повсюду одинаково; въ немъ, нѣтъ никакого излишка, который бы мѣшалъ ему быть сплошнымъ и нѣтъ никакого недостатка, но все въ немъ полно бытіемъ. Бытіе непрерывно; повсюду бытіе соприкасается съ бытіемъ. Неподвижно приковано оно концами большихъ цѣпей—безначальное, вѣчное; далеко отъ него отошли оттолкнутые достовѣрнымъ убѣжденіемъ воз-

καὶ γλῶσσαν· κρῖναι δὲ λόγῳ πολύδηριν ἔλεγχον
ἐξ ἐμέθεν ῥηθέντα. μόνος δ' ἔτι μῦθος ὁδοῖο
λείπεται, ὡς ἔστιν.

[1]) Simpl. Phys. 31r, 40—50 (v. 58—71 M.):
ταύτῃ δ' ἐπὶ σήματ' ἔασι
πολλὰ μάλ' ὡς ἀγένητον ἐὸν καὶ ἀνώλεθρόν ἐστιν,
οὖλον, μουνογενές τε καὶ ἀτρεμὲς ἠδ' ἀτέλεστον·
οὔ ποτ' ἔην οὐδ' ἔσται, ἐπεὶ νῦν ἔστιν ὁμοῦ πᾶν,
ἕν ξυνεχές. τίνα γὰρ γέννην διζήσεαι αὐτοῦ;
πῇ πόθεν αὐξηθέν; οὔτ' ἐκ μὴ ὄντος ἐάσω
φάσθαι σ' οὐδὲ νοεῖν· οὐ γὰρ φατὸν οὐδὲ νοητόν,
ἔστιν ὅπως οὐκ ἔστι. τί δ' ἄν μιν καὶ χρέος ὦρσεν
ὕστερον ἢ πρόσθεν τοῦ μηδενὸς ὀρξάμενον φῦν;.
οὕτως ἢ πάμπαν πελέμεν χρεών ἐστιν ἢ οὐκί.
οὐδέ ποτ' ἐκ τοῦ ἐόντος ἐφήσει πίστεος ἰσχὺς
γίγνεσθαί τι παρ' αὐτό. τοὔνεκεν οὔτε γενέσθαι
οὔτ' ὄλλυσθαι ἀνῆκε δίκη, χαλάσασα πέδησιν,
ἀλλ' ἔχει.

никновеніе и погибель. Тождественное самому себѣ и положенное само собою пребываетъ оно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Непоколебимо оно тамъ остается, такъ какъ жестокая необходимость прикрѣпляетъ его концами цѣпей и сдерживаетъ кругомъ. Ему не подобаетъ быть неоконченнымъ: въ немъ нѣтъ никакого недостатка, иначе не доставало бы всего бытія [1]). На отсутствующее увѣренно смотри умомъ какъ на присутствующее: въ бытіи нельзя разнять связи съ бытіемъ, нельзя его ни разсѣять, не разсѣявъ всего бытія, ни составить, не составивъ всего бытія [2]). Мысль тождественна съ тѣмъ, о чемъ она мыслитъ: всякая мысль выражается въ бытіи, и безъ бытія ты не найдешь мысли, такъ какъ нѣтъ и не будетъ ничего кромѣ бытія. Судьба оковами принудила, чтобы было едино и неподвижно то, что̀ обозначается словомъ „все", и что̀ смертные, увѣренно принимая за истину, предполагаютъ происходящимъ и гибнущимъ, сущимъ и не сущимъ, измѣняющимъ мѣсто и переиначивающимъ ясный цвѣтъ. Такъ какъ бытіе вполнѣ совершенно, то оно со всѣхъ сторонъ подобно хорошо закругленному шару съ равнымъ разстояніемъ отъ середины повсю-

---

[1]) Ibid 31v, 1—5 (v. 71—89 M.):

ἡ δὲ κρίσις περὶ τούτων ἐν τῷδ' ἐστίν·
ἔστιν ἢ οὐκ ἔστιν. κέκριται δ' οὖν, ὥσπερ ἀνάγκη,
τὴν μὲν ἐᾶν ἀνόητον, ἀνώνυμον, (οὐ γὰρ ἀληθὴς
ἔστιν ὁδός) τὴν δ' ὥστε πέλειν καὶ ἐτήτυμον εἶναι.
πῶς δ' ἂν ἔπειτα πέλοι τὸ ἐόν; πῶς δ' ἄν κε γένοιτο;
εἴ γε γένοιτ' οὐκ ἔστ', οὐδ εἴ ποτε μέλλει ἔσεσθαι.
τὼς γένεσις μὲν ἀπέσβεσται καὶ ἄπυστος ὄλεθρος.
οὐδὲ διαίρετόν ἐστιν, ἐπεὶ πᾶν ἐστιν ὁμοῖον,
οὐδέ τί πη μᾶλλον, τό κεν εἴργοι μιν ξυνέχεσθαι
οὐδέ τι χειρότερον· πᾶν δὲ πλέον ἐστιν ἐόντος·
τῷ ξυνεχὲς πᾶν ἐστιν, ἐὸν γὰρ ἐόντι πελάζει·
αὐτὰρ ἀκίνητον μεγάλων ἐν πείρασι δεσμῶν
ἐστὶν ἄναρχον, ἄπαυστον, ἐπεὶ γένεσις καὶ ὄλεθρος
τῆλε μάλ' ἐπλάγχθησαν, ἀπῶσε δὲ πίστις ἀληθής·
τωὐτόν τ' ἐν τοὐτῷ τε μένον καθ' ἑωυτό τε κεῖται·
οὕτως ἔμπεδον αὖθι μένει· κρατερὴ γὰρ ἀνάγκη
πείρατος ἐν δεσμοῖσιν ἔχει τε καὶ ἀμφὶς ἐέργει.
οὕνεκεν οὐκ ἀτελεύτητον τὸ ἐὸν θέμις εἶναι·
ἐστὶ γὰρ οὐκ ἐπιδευές, ἐὸν δέ κε παντὸς ἐδεῖτο.

[2]) Clem. Strom. V, 552 (v. 90—93 M.):

λεῦσσε δ' ὅμως ἀπεόντα νόῳ παρεόντα βεβαίως·
οὐ γὰρ ἀποτμήξει τὸ ἐὸν τοῦ ἐόντος ἔχεσθαι,
οὔτε σκιδνάμενον πάντῃ πάντως κατὰ κόσμον
οὔτε συνιστάμενον.

ду: оно не должно быть ни съ какой стороны ни больше, ни меньше. Не существуетъ ни небытія, которое могло бы помѣшать бытію оставаться повсюду равнымъ, ни въ самомъ бытіи нѣтъ возможности къ тому, чтобы оно въ одномъ мѣстѣ было больше бытіе, а въ другомъ—меньше, такъ какъ оно все цѣло и не прикосновенно“ [1]).

Уподобленіе бытія шару ясно указываетъ на то, что Парменидово бытіе не есть отвлеченное бытіе или „понятіе“ бытія, но бытіе вещественное. Это подтверждаютъ и другіе признаки, приписываемые Парменидомъ бытію—ограниченность и недѣлимость, не оставляющіе сомнѣнія въ томъ, что Парменидъ представлялъ бытіе протяженнымъ.

Подобно Ксенофану, Парменидъ не отрицалъ происхожденія чувственнаго міра. Его возникновеніе онъ объяснялъ (въ Ученіи мнѣнія) изъ смѣшенія двухъ первичныхъ противоположностей—свѣта и тьмы [2]), или теплаго и холоднаго, или огня и земли, причемъ свѣтъ, теплое, огонь приравнивалъ бытію, а тьму, холодное, землю—небытію [3]). Какое значеніе придавалъ Парменидъ своей физикѣ, видно изъ слѣдующихъ словъ, которыми онъ заключаетъ Ученіе истины, чтобы перейти къ Ученію мнѣнія: „Вотъ я кончаю достовѣрныя мысли и ут-

---

[1]) Simpl. Phys. 31r, 5—15 (v. 94—108 M.):

τωὐτὸν δ’ ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὕνεκέν ἐστι νόημα·
οὐ γὰρ ἄνευ τοῦ ἐόντος, ἐν ᾧ πεφατισμένον ἐστίν
εὑρήσεις τὸ νοεῖν· οὐδὲν γὰρ ἢ ἔστιν ἢ ἔσται
ἄλλο παρὲκ τοῦ ἐόντος· ἐπεὶ τόγε μοῖρ’ ἐπέδησεν
οἶον ἀκίνητόν τ’ ἔμεναι, τῷ πάντ’ ὄνομ’ ἐστίν,
ὅσσα βροτοὶ κατέθεντο πεποιθότες εἶναι ἀληθῆ
γίγνεσθαί τε καὶ ὄλλυσθαι, εἶναι τε καὶ οὐκί,
καὶ τόπον ἀλλάσσειν, διά τε χρόα φανὸν ἀμείβειν.
αὐτὰρ ἐπεὶ πεῖρας πύματον τετελεσμένον ἐστίν,
πάντοθεν εὐκύκλου σφαίρης ἐναλίγκιον ὄγκῳ
μεσσόθεν ἰσοπαλὲς πάντη· τὸ γὰρ οὔτε τι μεῖζον
οὔτε τι βαιότερον πέλεναι χρεών ἐστι τῇ ἢ τῇ
οὔτε γὰρ οὐκ ἐὸν ἐστι, τό κεν παύοι μιν ἱκέσθαι
εἰς ὁμόν, οὔτ’ ἐόν ἐστιν ὅπως εἴη κεν ἐόντος
τῇ μᾶλλον, τῇ δ’ ἧσσον, ἐπεὶ πᾶν ἐστιν ἄσυλον.

[2]) Simpl. Phys. 39r, 5 (122—124 M.):

αὐτὰρ ἐπειδὴ πάντα φάος καὶ νὺξ ὀνόμασται
καὶ τὰ κατὰ σφετέρας δυνάμεις ἐπὶ τοῖσί τε καὶ τοῖς,
πᾶν πλέον ἐστὶν ὁμοῦ φάεος καὶ νυκτὸς ἀφάντου.

[3]) Arist. Metaph. I, 5, 986, b, 27 слѣд.: Παρμενίδης δέ... δύο τὰς αἰτίας καὶ δύο τὰς ἀρχὰς πάλιν τίθησι, θερμὸν καὶ ψυχρόν, οἷον πῦρ καὶ γῆν λέγων· τούτων δὲ κατὰ μὲν τὸ ὂν τὸ θερμὸν τάττει, θάτερον δὲ κατὰ τὸ μὴ ὄν. Cp. Phys. I, 5, нач.

ержденія объ истинѣ; теперь узнай мнѣнія смертныхъ и выслушай обманчивую прикрасу моихъ словъ“ [1]).

Для насъ важно то, что Парменидъ въ связи съ своею физикой выставилъ взглядъ объ относительности свойствъ духа къ свойствамъ тѣла. Душа состоитъ изъ смѣшенія тѣхъ же основныхъ началъ—тьмы и свѣта, холоднаго и теплаго—какъ и тѣло. „Каково смѣшеніе въ гибкихъ членахъ тѣла, таковъ бываетъ у человѣка и умъ. Какъ у всѣхъ людей вмѣстѣ, такъ и у каждаго въ отдѣльности, сознаетъ одно и тоже—природа членовъ тѣла. Мысль преобладаетъ надъ всѣмъ“. Чѣмъ больше въ душѣ тепла и свѣта, тѣмъ она совершеннѣе. Сознаніе свойственно всему бытію: его имѣютъ какъ одушевленныя существа, такъ и бездушныя тѣла, но у послѣднихъ, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ тепла, объемъ сознанія ограниченнѣе, чѣмъ у первыхъ [2]).

„Ученіе истины“ Парменида нашло много противниковъ, которые изъ единства бытія дѣлали смѣшные выводы. Ученикъ и любимецъ Парменида, Зенонъ [3]), счелъ долгомъ придти на помощь своему учителю. Онъ выставилъ рядъ доказательствъ съ цѣлью убѣдить, что предположеніе о множествѣ и измѣняемости въ бытіи ведетъ къ еще

---

[1]) Simpl. Phys. 7v, 15 (v. 110—112 M.):

ἐν τῷ σοι παύω πιστὸν λόγον ἠδὲ νόημα
ἀμφὶς ἀληθείης· δόξας δ' ἀπὸ τοῦδε βροτείας,
μάνθανε, κόσμον ἐμῶν ἐπέων ἀπατηλὸν ἀκούων.

Ср. также Sext. Emp. adv. Math. VII, 111 (v. 28—30 M.).

[2]) Theophr De Sensu, 3 слѣд.: Παρμενίδης γὰρ ὅλως οὐδὲν διώρικε (περὶ τῶν αἰσθήσεων), ἀλλὰ μόνον, ὅτι δυοῖν ὄντσιν στοιχείοιν κατὰ τὸ ὑπερβάλλον ἐστὶν ἡ γνῶσις· ἐὰν γὰρ ὑπεραίρῃ τὸ θερμὸν ἢ τὸ ψυχρόν, ἄλλην γίνεσθαι τὴν διάνοιαν· βελτίω δὲ καὶ καθαρωτέραν τὴν διὰ τὸ θερμόν· οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ταύτην δεῖσθαί τινος συμμετρίας·

ὡς γὰρ ἑκάστῳ (φησὶν) ἔχει κρᾶσις μελέων πολυκάμπτων,
τῶς νόος ἀνθρώποισι παρέστηκεν· τὸ γὰρ αὐτὸ
ἐστὶν ὅπερ φρονέει μελέων φύσις ἀνθρώποισι
καὶ πᾶσιν καὶ παντί· τὸ γὰρ πλέον ἐστὶ νόημα·

τὸ γὰρ αἰσθάνεσθαι καὶ τὸ φρονεῖν ὡς ταὐτὸ λέγει... ὅτι δὲ καὶ τῷ ἐναντίῳ καθ' αὑτὸ (т.-е. однимъ только холоднымъ) ποιεῖ τὴν αἴσθησιν, φανερὸν ἐν οἷς φησι τὸν νεκρὸν φωτὸς μὲν καὶ θερμοῦ καὶ φωνῆς οὐκ αἰσθάνεσθαι διὰ τὴν ἔκλειψιν τοῦ πυρός, ψυχροῦ δὲ καὶ σιωπῆς καὶ τῶν ἐναντίων αἰσθάνεσθαι· καὶ ὅλως δὲ πᾶν τὸ ὂν ἔχειν τινὰ γνῶσιν.

[3]) Зенонъ родился въ Елеѣ около 485 года до Р. Х. Онъ славенъ былъ въ древности не только какъ философъ, но и какъ самоотверженный борецъ съ однимъ изъ тиранновъ. (Объ этой темной исторіи см. Hegel, Vorlesungen, I, 283 f.; Zeller Philosophie der Griechen, I, 535 f.). Любимцемъ Парменида называетъ его Платонъ (Parmen. 127, B). Въ бытность Зенона въ Аѳинахъ его философскими бесѣдами пользовались Сократъ (см. выше, стр. 106 пр. 1), Периклъ (Plut. Pericl. c. 4) и другіе. Съ нѣкоторыхъ слушателей Зенонъ бралъ деньги (см. ниже, изложеніе ученія Зенона).

болѣе нелѣпымъ заключеніямъ [1]). Парменидъ доказывалъ свою мысль прямо, утверждая, на основаніи выставленнаго имъ закона противорѣчія, что бытіе исключаетъ всякое небытіе и потому всякое множество и всякую измѣнчивость. Зенонъ ту же мысль доказывалъ косвенно, ставя на видъ, что всякое предположеніе о существованіи небытія при бытіи или множества и движенія въ бытіи ведетъ къ нелѣпымъ предположеніямъ [2]). Парменидъ разсуждалъ: существуетъ только бытіе, поэтому нѣтъ небытія и стало-быть въ бытіи нѣтъ никакихъ признаковъ небытія. Зенонъ разсуждалъ: существуетъ либо одно только бытіе, либо бытіе и небытіе. Но всякое предположеніе о томъ, что носитъ на себѣ признаки небытія, нелѣпо; поэтому существуетъ только бытіе—единое, неизмѣнное.

Если мы предположимъ существованіе множества (говоритъ Зенонъ), то должны допустить, что его члены подобны и неподобны [3]), что оно не имѣетъ никакой величины и безконечно велико [4]) ограничено числомъ и безгранично [5]).

---

[1]) Plato, Parmen. 128, C—D: ἔστι δὲ τό γ' ἀληθὲς βοήθειά τις ταῦτα τὰ γράμματα τῷ Παρμενίδου λόγῳ πρὸς τοὺς ἐπιχειροῦντας αὐτὸν κωμῳδεῖν, ὡς εἰ ἕν ἐστι, πολλὰ καὶ γελοῖα συμβαίνει πάσχειν τῷ λόγῳ καὶ ἐναντία αὑτῷ. ἀντιλέγει δὴ οὖν τοῦτο τὸ γράμμα πρὸς τοὺς τὰ πολλὰ λέγοντας καὶ ἀνταποδίδωσι ταῦτα καὶ πλείω, τοῦτο βουλόμενον δηλοῦν, ὡς ἔτι γελοιότερα πάσχοι ἂν αὐτῶν ἡ ὑπόθεσις εἰ πολλά ἐστιν ἢ ἡ τοῦ ἓν εἶναι, εἴ τις ἱκανῶς ἐπεξίοι.

[2]) Ibid. 128, A—B: Μανθάνω, εἰπεῖν τὸν Σωκράτη, ὦ Παρμενίδη, ὅτι Ζήνων ὅδε οὐ μόνον τῇ ἄλλῃ σου φιλίᾳ βούλεται ᾠκειῶσθαι, ἀλλὰ καὶ τῷ συγγράμματι. ταὐτὸν γὰρ γέγραφε τρόπον τινά, ὅπερ σύ· μεταβάλλων δ' ἡμᾶς πειρᾶται ἐξαπατᾶν ὡς ἕτερόν τι λέγων. σὺ μὲν γὰρ ἐν τοῖς ποιήμασιν ἓν φῂς εἶναι τὸ πᾶν, καὶ τούτου τεκμήρια παρέχει καλῶς τε καὶ εὖ. ὅδε δ' αὖ οὐ πολλά φησιν εἶναι, τεκμήρια δὲ καὶ αὐτὸς πάμπολλα καὶ παμμεγέθη παρέχεται. Σύγγραμμα Зенона имѣло нѣсколько подраздѣленій, распадавшихся въ свою очередь по предположеніямъ (ibid. 127, E, слѣд.; ср. слѣд. прим.), и было написано въ діалогической формѣ: Arist. Soph. Elench. 10, 170, b, 22: καὶ ὁ ἀποκρινόμενος καὶ ὁ ἐρωτῶν Ζήνων. Ср. также Diog. Laert. III, 48: διαλόγους τοίνυν φασὶ πρῶτον γράψαι Ζήνωνα τὸν Ἐλεάτην.

[3]) Ibid. 127, D—E: Τὸν οὖν Σωκράτη ἀκούσαντα πάλιν τε κελεῦσαι τὴν πρώτην ὑπόθεσιν τοῦ πρώτου λόγου ἀναγνῶναι, καὶ ἀναγνωσθείσης, Πῶς, φάναι, ὦ Ζήνων, τοῦτο λέγεις; εἰ πολλά ἐστι τὰ ὄντα, ὡς ἄρα δεῖ αὐτὰ ὅμοιά τ' εἶναι καὶ ἀνόμοια· τοῦτο δὲ δὴ ἀδύνατον· οὔτε γὰρ τὰ ἀνόμοια ὅμοια οὔτε τὰ ὅμοια ἀνόμοια οἷόν τ' εἶναι. οὐχ οὕτω λέγεις; Οὕτω, φάναι τὸν Ζήνωνα. Οὐκοῦν, εἰ ἀδύνατον τά τ' ἀνόμοια ὅμοια εἶναι καὶ τὰ ὅμοια ἀνόμοια, ἀδύνατον δὴ καὶ πολλὰ εἶναι; εἰ γὰρ πολλὰ εἴη, πάσχοι ἂν τὰ ἀδύνατα и пр.

[4]) Simpl. Phys. 30r, 30: ἐν μέντοι τῷ συγγράμματι αὐτοῦ πολλὰ ἔχοντι ἐπιχειρήματα καθ' ἕκαστον δείκνυσιν, ὅτι τῷ πολλὰ εἶναι λέγοντι συμβαίνει τὰ ἐναντία λέγειν. ὧν ἕν ἐστιν ἐπιχείρημα, ἐν ᾧ δείκνυσιν ὅτι, εἰ πολλά ἐστι, καὶ μεγάλα ἐστὶ καὶ μικρά· μεγάλα μὲν ὥστε ἄπειρα τὸ μέγεθος εἶναι, μικρὰ δὲ οὕτως ὥστε μηθὲν ἔχειν μέγεθος.

[5]) См. на 130 стр. прим. 1.

Какъ Зенонъ доказывалъ первое положеніе, неизвѣстно. Доказательства двухъ другихъ слѣдующія.

Всякое множество состоитъ изъ единицъ, единица, какъ единица, не дѣлима (такъ какъ если единица дѣлима, то чѣмъ она отличается отъ множества?); то, что̀ недѣлимо, не имѣетъ никакой величины, такъ какъ всякая величина дѣлима до безконечности; стало-быть части, изъ которыхъ состоитъ множество, не имѣютъ никакой величины. Но то, что̀ не имѣетъ никакой величины, не можетъ ни увеличить чего-либо, ни уменьшить, и есть поэтому чистое ничто, т.-е. не существуетъ. Слѣдовательно и множество, какъ совокупность единицъ, не имѣетъ никакой величины и есть ничто [1]).

Съ другой стороны, такъ какъ всякая существующая вещь должна имѣть нѣкоторую величину, то и части, изъ которыхъ состоитъ

---

[1]) Simpl. Phys. 30r, 30—35: ἐν δὴ τούτῳ δείκνυσιν ὅτι οὗ μήτε μέγεθος μήτε πάχος μήτε ὄγκος μηθείς ἐστιν, οὐδ' ἂν εἴη τοῦτο. εἰ γὰρ ἄλλῳ ὄντι, φησί, προσγένοιτο, οὐδὲν ἂν μεῖζον ποιήσειεν· μεγέθους γὰρ μηδενὸς ὄντος, προσγενομένου δέ, οὐδὲν οἷόν τε εἰς μέγεθος ἐπιδοῦναι· καὶ οὕτως ἂν ἤδη τὸ προσγινόμενον οὐδὲν εἴη. εἰ δὲ ἀπογινομένου τὸ ἕτερον μηδὲν ἔλαττόν ἐστι, μηδὲ αὖ προσγινομένου αὐξήσεται, δῆλον ὅτι τὸ προσγενόμενον οὐδὲν ἦν οὐδὲ τὸ ἀπογενόμενον. καὶ ταῦτα οὐχὶ τὸ ἓν ἀναιρῶν (не отрицая существованія единаго бытія) ὁ Ζήνων λέγει, ἀλλ' ὅτι μέγεθος ἔχει ἕκαστον τῶν πολλῶν καὶ ἀπείρων, τῷ πρὸ τοῦ λαμβανομένου αεί τι εἶναι, διὰ τὴν ἐπ' ἄπειρον τομήν (=такъ какъ, вслѣдствіе безконечной дѣлимости, предъ каждой данной частью существуетъ нѣчто). ὃ δείκνυσι (въ слѣдующемъ за настоящимъ доказательствѣ), προδείξας ὅτι οὐδὲν ἔχει μέγεθος ἐκ τοῦ ἕκαστον τῶν πολλῶν ἑαυτῷ ταὐτὸν εἶναι καὶ ἕν (=доказавъ предварительно, что ничто не имѣетъ величины, такъ какъ каждая часть множества есть тождественная себѣ единица,—а взятая сама въ себѣ единица не дѣлима, не имѣетъ слѣдовательно ни длины, ни ширины, и не есть поэтому величина). Текстъ приведенъ мною по новому, свѣренному Дильсомъ съ лучшими рукописями берлинскому академическому изданію комментарія Симплиція къ Физикѣ (Simplicii in Aristotelis Physicorum libros quatuor priores commentaria consilio et auctoritate Academii litterarum Regiae Borussicae edidit H. Diels, Berol. 1882). Обстоятельнѣе и понятнѣе чтеніе вульгаты (editio Aldina), неоправдываемое, однако, дошедшими до насъ рукописями, которая послѣ словъ οὐχὶ τὸ ἓν ἀναιρῶν ὁ Ζήνων λέγει даетъ ἀλλ' ὅτι, εἰ μέγεθος ἔχει ἕκαστον τῶν πολλῶν καὶ ἀπείρων, οὐδὲν ἔσται ἀκριβῶς ἓν διὰ τὴν ἐπ' ἄπειρον τομήν. δεῖ δὲ ἓν εἶναι. ὃ δείκνυσι и пр. Объ editio Aldina Дильсъ (l. c. VII) замѣчаетъ: Aldini exempli editor haud pauca novavit, infeliciter plurima, sed non nulla nobis quoque probata. ut pleraque ipse excogitaverit, tamem multa antiquioribus codicibus licuit depromere. Быть можетъ, въ нашемъ мѣстѣ чтеніе вульгаты принадлежитъ къ такимъ, которыя «antiquioribus codicibus licuit depromere». Къ поясненію разсматриваемаго доказательства Зенона могутъ способствовать слѣдующія слова Аристотеля (Metaph. III, 4, 1001 b, 7, слѣд.): ἔτι εἰ ἀδιαίρετον αὐτὸ τὸ ἕν, κατὰ μὲν τὸ Ζήνωνος ἀξίωμα οὐθὲν ἂν εἴη. ὃ γὰρ μήτε προστιθέμενον μήτε ἀφαιρούμενον ποιεῖ μεῖζον μηδὲ ἔλαττον, οὔ φησιν εἶναι τοῦτο τῶν ὄντων, ὡς δῆλον ὅτι ὄντος μεγέθους τοῦ ὄντος.

множество, должны имѣть извѣстную величину и ширину, т.-е. должны имѣть между собою нѣкоторое разстояніе. Каждая часть должна быть отдѣлена отъ слѣдующей части промежуточною частью извѣстной величины; эта промежуточная часть точно также должна быть отдѣлена отъ предыдущей и послѣдующей частей частями извѣстной величины ны и такъ далѣе до безконечности. Поэтому, всякое множество должно состоять изъ безконечнаго числа частей, имѣющихъ извѣстную величину, и потому должно быть безконечно великимъ [1]).

Безконечное число частей, изъ которыхъ состоитъ множество, въ одно и тоже время должно быть ограниченнымъ и безграничнымъ: ограниченнымъ потому, что ихъ не болѣе и не менѣе того, чѣмъ сколько есть, и безграничнымъ потому, что между каждыми двумя частями должна быть третья часть; между этою третьею и первыми двумя точно также должны быть части и такъ далѣе до безконечности [2]).

Нелѣпость существованія множества можетъ быть доказана и изъ отношенія частей множества ко всему множеству. Какъ относится каждая часть множества ко всему множеству, точно также должно относиться дѣйствіе каждой части множества къ дѣйствію всего множества; иными словами, каждая часть множества должна въ извѣстной мѣрѣ имѣть тоже свойство, что̀ и все множество. Поэтому, если четверикъ зеренъ при паденіи производитъ шумъ, то должны при паденіи производить шумъ и каждое отдѣльное зерно и каждая отдѣльная часть зерна. На дѣлѣ однако ни отдѣльное зерно, ни часть зерна шума при паденіи не производятъ. Но если ни одна часть множества не производитъ дѣйствія, свойственнаго всему множеству, то значитъ, что ни одна часть множества не имѣетъ свойства множества, а потому и самое множество не имѣетъ свойства множества [3]).

---

[1]) Simpl. Phys. 30v, 15—20: τὸ δὲ κατὰ μέγεθος, πρότερον κατὰ τὴν αὐτὴν ἐπιχείρησιν· προδείξας γὰρ ὅτι, εἰ μὴ ἔχοι μέγεθος τὸ ὄν, οὐδ' ἂν εἴη, ἐπάγει· εἰ δὲ ἔστιν, ἀνάγκη ἕκαστον μέγεθός τι ἔχειν καὶ πάχος, καὶ ἀπέχειν αὐτοῦ τὸ ἕτερον ἀπὸ τοῦ ἑτέρου. καὶ περὶ τοῦ προύχοντος ὁ αὐτὸς λόγος· καὶ γὰρ ἐκεῖνο ἕξει μέγεθος καὶ προέξει αὐτοῦ τι. ὅμοιον δὴ τοῦτο ἅπαξ τε εἰπεῖν καὶ ἀεὶ λέγειν· οὐδὲν γὰρ αὐτοῦ τοιοῦτον ἔσχατον ἔσται, οὔτε ἕτερον πρὸς ἕτερον οὐκ ἔσται. οὕτως εἰ πολλά ἐστιν, ἀνάγκη αὐτὰ μικρά τε εἶναι καὶ μεγάλα, μικρὰ μέν, ὥστε μὴ ἔχειν μέγεθος, μεγάλα δέ, ὥστε ἄπειρα εἶναι.

[2]) Ibid. 10—15: πάλιν γὰρ δεικνὺς ὅτι, εἰ πολλά ἐστι, τὰ αὐτὰ πεπερασμένα ἐστὶ καὶ ἄπειρα, γράφει ταῦτα κατὰ λέξιν ὁ Ζήνων· Εἰ πολλά ἐστιν, ἀνάγκη τοσαῦτα εἶναι ὅσα ἐστὶ καὶ οὔτε πλείονα αὐτῶν οὔτε ἐλάττονα. εἰ δὲ τοσαῦτά ἐστιν ὅσα ἐστί, πεπερασμένα ἂν εἴη· εἰ πολλά ἐστιν, ἄπειρα τὰ ὄντα ἐστίν· ἀεὶ γὰρ ἕτερα μεταξὺ τῶν ὄντων ἐστί, καὶ πάλιν ἐκείνων ἕτερα μεταξύ. καὶ οὕτως ἄπειρα τὰ ὄντα ἐστί.

[3]) Ibid. 225, r: διὰ τοῦτο λύει (Ἀριστοτέλης) καὶ τὸν Ζήνωνος τοῦ Ἐλεάτου λόγον, ὃν ἤρετο Πρωταγόραν τὸν σοφιστήν. εἰπὲ γάρ μοι, ἔφη, ὦ Πρωταγόρα, ἆρα ὁ

Если въ бытіи нѣтъ множества, то въ немъ не можетъ быть и движенія. Движеніе есть не что̀ иное, какъ переходъ чего-нибудь съ одного мѣста на другое. Но въ бытіи не только нѣтъ многихъ мѣстъ, въ немъ нѣтъ вообще никакого мѣста. Если бы все было гдѣ нибудь, то и это гдѣ нибудь должно было бы быть гдѣ нибудь, и такъ далѣе до безконечности; то-есть, при существованіи мѣста, должно было бы все одновременно находиться въ безконечномъ числѣ мѣстъ, что очевидно нелѣпо [1]).

Впрочемъ, предполагая даже существованіе множества и мѣста, движеніе все-таки невозможно, такъ какъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Особою славою пользовались въ древности четыре доказательства, выставленные Зенономъ противъ возможности движенія.

Первое опирается на предположеніе о безконечной дѣлимости пространства. Прежде чѣмъ дойти до цѣли, движущееся тѣло должно пройти половину пути, прежде чѣмъ пройти половину пути, должно пройти четверть пути и т. д. до безконечности. Иными словами, дви-

---

εἷς κέγχρος καταπεσὼν ψόφον ποιεῖ ἢ τὸ μυριοστὸν τοῦ κέγχρου; τοῦ δὲ εἰπόντος μὴ ποιεῖν, Ὁ δὲ μέδιμνος, ἔφη, τῶν κέγχρων καταπεσὼν ποιεῖ ψόφον ἢ οὔ; τοῦ δὲ ψοφεῖν εἰπόντος τὸν μέδιμνον, Τί οὖν, ἔφη ὁ Ζήνων, οὐκ ἔστι λόγος τοῦ μεδίμνου τῶν κέγχρων πρὸς τὸν ἕνα καὶ τὸ μυριοστὸν τοῦ ἑνός; τοῦ δὲ φήσαντος εἶναι, Τί οὖν, ἔφη ὁ Ζήνων, οὐ καὶ τῶν ψόφων ἔσονται λόγοι πρὸς ἀλλήλους οἱ αὐτοί; ὡς γὰρ τὰ ψοφοῦντα, καὶ οἱ ψόφοι. τούτου δὲ οὕτως ἔχοντος, εἰ ὁ μέδιμνος τοῦ κέγχρου ψοφεῖ, ψοφήσει καὶ ὁ εἷς κέγχρος καὶ τὸ μυριοστὸν τοῦ κέγχρου. Предложенное мною объясненіе этого доказательства отличается отъ общепринятаго. Но мнѣ кажется, что только при такомъ толкованіи оно можетъ быть доказательствомъ противъ множества. Сила доказательства лежитъ въ словахъ ἔστι λόγος μεδίμνου τῶν κέγχρων πρὸς τὸν ἕνα и καὶ τῶν ψόφων ἔσονται λόγοι πρὸς ἀλλήλους οἱ αὐτοί, но на эти именно слова и не обращаютъ обыкновенно должнаго вниманія. Возможно однако, что это доказательство Зенонъ не приводилъ въ связь съ вопросомъ о множествѣ, но что оно принадлежитъ къ тѣмъ, которыми онъ пытался ταὐτὰ δυνατὰ καὶ πάλιν ἀδύνατα ἀποφαίνειν. См. ниже, стр. прим. Ср. Ritter, Geschichte der Philosophie, I, 515 f.

[1]) Aristot. Phys. IV, I, 209a, 23 слѣд.: ἡ γὰρ Ζήνωνος ἀπορία ζητεῖ τινα λόγον, εἰ γὰρ πᾶν τὸ ὂν ἐν τόπῳ, δῆλον ὅτι καὶ τοῦ τόπου τόπος ἔσται καὶ τοῦτο εἰς ἄπειρον πρόεισιν. Simpl. Phys. 130v, 40: ὁ Ζήνωνος λόγος ἀναιρεῖν ἐδόκει τὸ εἶναι τὸν τόπον ἐρωτῶν οὕτως· εἰ ἔστιν ὁ τόπος, ἔν τινι ἔσται· πᾶν γὰρ ὂν ἔν τινι· τὸ δὲ ἔν τινι καὶ ἐν τόπῳ. ἔσται ἄρα καὶ ὁ τόπος ἐν τόπῳ, καὶ τοῦτο ἐπ' ἄπειρον· οὐκ ἄρα ἔστιν ὁ τόπος. Обыкновенно это доказательство причисляютъ къ тѣмъ, которыми Зенонъ опровергалъ существованіе множества. Но изъ того, «что если бы существовало мѣсто, то все находилось бы въ безконечномъ числѣ мѣстъ», никакъ не слѣдуетъ, что нѣтъ множества. На мой взглядъ, Зенонъ хотѣлъ этимъ доказательствомъ подкрѣпить слова Парменида, что нелѣпо думать будто τὸ ὂν τόπον ἀλλάσσει. (См. выше, стр. 126 прим. 1). Соединивъ съ этимъ Зеноновымъ доказательствомъ Мелиссовы доказательства безграничности и вѣчности бытія, Горгій училъ (Sext. Emp. adv. Math. VII, 70), что εἰ ἀΐδιόν ἐστι τὸ ὄν, ἄπειρόν ἐστιν· εἰ δὲ μηδαμοῦ ἐστιν, οὐκ ἔστι.

жущееся тѣло въ конечное время не можетъ пройти никакого промежутка, сколь бы незначителенъ онъ ни былъ, а это равнозначительно тому, что движущееся тѣло не движется. [1]).

Другое доказательство (извѣстное подъ именемъ Ахиллеса) есть лишь видоизмѣненіе перваго. Вслѣдствіе той же безконечной дѣлимости пространства, самое скорое движеніе не можетъ догнать самое медленное, напримѣръ, Ахиллесъ черепаху. Прежде чѣмъ догнать черепаху, Ахиллесъ долженъ сначала дойти до мѣста А, съ котораго она начала движеніе, потомъ до В, куда она успѣла приползти въ то время, какъ онъ дошелъ до А, потомъ до точки С, куда она успѣла приползти въ то время, какъ онъ дошелъ до В и такъ далѣе до безконечности. Но если самое скорое движеніе не можетъ опередить самое медленное движеніе, то движеніе заключаетъ въ себѣ противорѣчіе и потому невозможно [2]).

Третье доказательство основано на томъ, что всякое тѣло всегда находится въ какомъ нибудь мѣстѣ. То, что въ данное мгновеніе находится въ извѣстномъ мѣстѣ, не движется. Летящая стрѣла въ каждое данное мгновеніе занимаетъ опредѣленное мѣсто—стало быть летящая стрѣла въ каждое данное мгновеніе не движется, а потому и совсѣмъ не движется [3]).

Четвертое доказательство отрицаетъ возможность движенія въ силу того, что движеніе нарушаетъ свои собственные законы. По законамъ движенія, движущіяся тѣла въ равное время при равной скорости проходятъ равныя пространства. Но, если мы предположимъ, что два тѣла движутся съ равною скоростью мимо третьяго, одинаковаго съ ними по объему, отъ его средины въ противоположныя стороны, то крайняя точка (по направленію движенія) втораго пройдетъ все пространство, занимаемое третьимъ, въ то время, въ которое крайняя точка перваго (точно также считая по направленію

---

[1]) Arist. Phys. VI, 9. 239b, 9, слѣд.: τέτταρες δ' εἰσὶ λόγοι περὶ κινήσεως Ζήνωνος οἱ παρέχοντες τὰς δυσκολίας τοῖς λύουσιν. πρῶτος μὲν ὁ περὶ τοῦ μὴ κινεῖσθαι διὰ τὸ πρότερον εἰς τὸ ἥμισυ δεῖν ἀφικέσθαι τὸ φερόμενον ἢ πρὸς τὸ τέλος. Ibid. 2, 233, a, 21 слѣд.: διὸ καὶ ὁ Ζήνωνος λόγος ψεῦδος λαμβάνει τὸ μὴ ἐνδέχεσθαι τὰ ἄπειρα διελθεῖν ἢ ἅψασθαι τῶν ἀπείρων καθ' ἕκαστον ἐν πεπερασμένῳ χρόνῳ.

[2]) Ibid. 239 b, 14, слѣд.: δεύτερος δ' ὁ καλούμενος 'Αχιλλεύς· ἔστι δ' οὗτος, ὅτι τὸ βραδύτερον οὐδέποτε καταληφθήσεται θέον ὑπὸ τοῦ ταχίστου· ἔμπροσθεν γὰρ ἀναγκαῖον ἐλθεῖν τὸ διῶκον ὅθεν ὥρμησε τὸ φεῦγον, ὥστ' ἀεί τι προέχειν ἀναγκαῖον τὸ βραδύτερον.

[3]) Ibid. 239 b, 30, слѣд.: τρίτος δ' ὁ νῦν ῥηθείς, ὅτι ἡ ὀϊστὸς φερομένη ἕστηκεν. συμβαίνει δὲ παρὰ τὸ λαμβάνειν τὸν χρόνον συγκεῖσθαι ἐκ τῶν νῦν· μὴ διδομένου γὰρ τούτου οὐκ ἔσται ὁ συλλογισμός.

движенія) пройдетъ лишь половину того же пространства. Такъ какъ при равной скорости времена движенія находятся въ прямомъ отношеніи къ пройденнымъ пространствамъ, то выходитъ, что цѣлое время равно половинному [1]).

Кромѣ этихъ доказательтвъ противъ множества и движенія, Зенонъ выставилъ нѣсколько сходныхъ съ Парменидовыми положеній, съ цѣлью объяснить, изъ смѣшенія теплаго съ холоднымъ и сухаго съ влажнымъ, явленія призрачнаго міра множества и измѣняемости [2]). Но для насъ всего важнѣе то, что онъ выработалъ особое искусство говорить такъ, чтобы одно и тоже казалось вмѣстѣ подобнымъ и неподобнымъ, единымъ и многимъ, движущимся и покоющимся, возможнымъ и невозможнымъ. Связь этого искусства съ софистическимъ очевидна сама по себѣ, но на нее весьма ясно указываетъ и Платонъ, отождествляя его съ риторическою изворотливостью [3]) и причисляя послѣдователей Парменида и Зенона къ умѣреннымъ еристикамъ [4]). Аристотель называетъ Зенона „изобрѣтателемъ діалектики [5])";

---

[1]) Ibid. 239 b, 33, слѣд.: τέταρτος δ' ὁ περὶ τῶν ἐν τῷ σταδίῳ κινουμένων ἴσων ὄγκων παρ' ἴσους, τῶν μὲν ἀπὸ τέλους τοῦ σταδίου, τῶν δ' ἀπὸ μέσου, ἴσῳ τάχει, ἐν ᾧ συμβαίνειν οἴεται ἴσον εἶναι χρόνον τῷ διπλασίῳ τὸν ἥμισυν. ἔστι δ' ὁ παραλογισμὸς ἐν τῷ τὸ μὲν παρὰ κινούμεμον, τὸ δὲ παρ' ἠρεμοῦν τὸ ἴσον μέγεθος ἀξιοῦν τῷ ἴσῳ τάχει τὸν ἴσον φέρεαθαι χρόνον. При истолкованіи этого доказательства я слѣдую указаніямъ Симплиція (Phys. 237r) и Целлера (Philosophie der Griechen, I, 549 f.).

[2]) Diog. Laert. X, 29: ἀρέσκει δ' αὐτῷ τάδε· κόσμους εἶναι, κενόν τε μὴ εἶναι· γεγενῆσθαι δὲ τὴν τῶν πάντων φύσιν ἐκ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ καὶ ξηροῦ καὶ ὑγροῦ, λαμβανόντων εἰς ἄλληλα τὴν μεταβολὴν и пр.

[3]) Plato, Phaedr. 261, C—E: Σὺ δ' εἰπέ, ἐν δικαστηρίοις οἱ ἀντίδικοι τί δρῶσιν; οὐκ ἀντιλέγουσι μέντοι, ἢ τί φήσομεν;—Τοῦτ' αὐτό.—Περὶ τοῦ δικαίου τε καὶ ἀδίκου;—Ναί.—Οὐκοῦν ὁ τέχνῃ τοῦτο δρῶν ποιήσει φανῆναι ταὐτὸ τοῖς αὐτοῖς τοτὲ μὲν δίκαιον, ὅταν δὲ βούληται, ἄδικον;—Τί μήν;—Καὶ ἐν δημηγορίᾳ δὴ τῇ πόλει δοκεῖν ταὐτὰ τοτὲ μὲν ἀγαθά, τοτὲ δ' αὖ τἀναντία;—Οὕτω.—Τὸν οὖν Ἐλεατικὸν Παλαμήδην λέγοντα οὐκ ἴσμεν τέχνῃ, ὥστε φαίνεσθαι τοῖς ἀκούουσι ταὐτὰ ὅμοια καὶ ἀνόμοια, καὶ ἓν καὶ πολλά, μένοντά τ' αὖ καὶ φερόμενα;—Μάλα γε.—Οὐκ ἄρα μόνον περὶ δικαστήριά τ' ἐστὶν ἡ ἀντιλογικὴ καὶ περὶ δημηγορίαν, ἀλλ', ὡς ἔοικε, περὶ πάντα τὰ λεγόμενα μία τις τέχνη, εἴπερ ἔστιν, αὕτη ἂν εἴη, ᾗ τις οἷός τ' ἔσται πᾶν παντὶ ὁμοιοῦν τῶν δυνατῶν καὶ οἷς δυνατόν, καὶ ἄλλου ὁμοιοῦντος καὶ ἀποκρυπτομένου εἰς φῶς ἄγειν. Isocr. Helene 3: Ζήνωνα, τὸν ταὐτὰ δυνατὰ καὶ πάλιν ἀδύνατα πειρώμενον ἀποφαίνειν. Ср. также Tim. Phlias. ap. Plut. Pericl. c. 4 (22—23 M.):

ἀμφοτερογλώσσου τε μέγα σθένος οὐκ ἀλαπαδνὸν
Ζήνωνος, πάντων ἐπιλήπτορος.

[4]) Plato, Soph. 216, A—B: ξένον ἄγομεν, τὸ μὲν γένος ἐξ Ἐλέας, ἑταῖρον δὲ τῶν ἀμφὶ Παρμενίδην καὶ Ζήνωνα.—Οὐχ οὗτος ὁ τρόπος, ὦ Σώκρατες, τοῦ ξένου, ἀλλὰ μετριώτερος τῶν περὶ τὰς ἔριδας ἐσπουδακότων.

[5]) См. ниже, стр. 144, прим. 2.

съ неменьшимъ правомъ мы можемъ признать его основателемъ еристики [1]).

[1]) Ср. Epiph. Exp. fid. 1087, C: Ζήνων ὁ Ἐλεάτης ὁ ἐριστικός. Риттеръ и Целлеръ, хотя и указываютъ на еристическій характеръ доказательствъ Зенона, не желаютъ признать его ерестикомъ, такъ какъ онъ имѣлъ благородную цѣль — изслѣдованіе истины. Hat aber Zeno's Dialektik auch in der Folge der sophistischen Eristik einen grossen Theil ihrer Waffen geliefert (говоритъ Целлеръ, Philosophie der Griechen, I, 539 f.) so ist sie selbst doch von dieser Eristik durch ihren positiven Zweck unterschieden... Die dialektische Beweisführung ist hier, selbst wenn sie sophistische Wendungen nicht durchaus verschmäht, doch immer nur die Mittel, um eine metaphysiche Ueberzeugung, die Lehre von der Einheit und Unveränderlichkeit des Seienden, zu begründen. Эти замѣчанія Целлера справедливы о доказательствахъ Зенона противъ множества и движенія. Но какое значеніе имѣло выработанное Зенономъ искусство доказывать объ одномъ и томъ же противоположное? Целлеръ умалчиваетъ объ этомъ; а вотъ какъ старается отстоять честь Зенона Риттеръ (Geschichte der Philosophie, I, 514): An die Form des Gesprächs, welche er seinem Werke gab, hat sich später ein Zweig der Sophistik angeschlossen (man erkennt dies besonders in dem Euthydemos des Platon), auch läuft manches in seinen Beweisen ziemlich klar auf sophistische Täuschung aus, und so ist auch wohl Zenon für einen Sophisten gehalten worden; allein bei dem ernsten Ziele, welches er verfolgte, darf man wohl annehmen, dass er solche täuschende Kunstgriffe nur als scherzhaftes Beiwerk seiner Dialoge oder als kecke Verspottung der Unbeholfenheit seiner Gegner behandelte. Неудовлетворительность этого объясненія, не имѣющаго за собой никакого другаго основанія кромѣ нежеланія Риттера приравнять Зенона еристикамъ, очевидна сама собою. Но Риттеръ совершенно правъ, что «къ діалогической формѣ, которую Зенонъ придалъ своему сочиненію, въ послѣдствіи примкнула вѣтвь софистики, какъ это видно въ особенности изъ діалога Платона Евѳидемъ», т.-е. иными словами, что Зенонъ былъ родоначальникомъ еристики. Эта послѣдняя, какъ мы знаемъ, (см. выше, стр. 25 слѣд.) опредѣляется двумя признаками: 1) она есть искусство сбивать людей съ толку, 2) ради тщеславія или наживы. Что Зенонъ сбивалъ своимъ искусствомъ людей съ толку, противъ этого нельзя спорить. Но у насъ есть также свидѣтельство и о томъ, что онъ наживалъ имъ и деньги. Платонъ въ «Алкивіадѣ I» говоритъ (119, A): ἀλλὰ τῶν ἄλλων Ἀθηναίων ἢ τῶν ξένων δοῦλον ἢ ἐλεύθερον εἰπέ, ὅστις αἰτίαν ἔχει διὰ τὴν Περικλέους συνουσίαν σοφώτερος γεγονέναι, ὥσπερ ἐγὼ ἔχω σοι εἰπεῖν διὰ τὴν Ζήνωνος Πυθόδωρον τὸν Ἰσολόχου καὶ Καλλίαν τὸν Καλλιάδου, ὧν ἑκάτερος Ζήνωνι ἑκατὸν μνᾶς τελέσας σοφός τε καὶ ἐλλόγιμος γέγονεν. Целлеръ (l. c. I, 535), намекая очевидно на то, что діалогъ этотъ вычеркнутъ Шлейермахеромъ и его послѣдователями изъ списка подлинныхъ Платоновыхъ діалоговъ, называетъ его слишкомъ мутнымъ источниковъ для того, чтобы можно было изъ него черпать свѣдѣнія о Зенонѣ. Но авторитетъ Шлейермахера не на столько великъ, чтобы изъ-за него не довѣрять единогласному свидѣтельству всей древности, признававшей «Алкивіада I» подлиннымъ, подтвержденному къ тому же не менѣе именитыми, чѣмъ Шлейермахеръ, авторитетами новаго времени (обо всемъ этомъ см. Grote, Plato, I, p. 348 sq.). Риттеръ (l. c.) даетъ замѣтить, что сообщенное въ этомъ діалогѣ свѣдѣніе о Зенонѣ не вяжется съ великодушіемъ, оказаннымъ послѣднимъ въ борьбѣ съ тиранномъ (см. выше, стр. 127, пр. 3). Возможно однако жертвовать жизнью изъ-за политическихъ убѣжденій, но не быть безкорыстнымъ въ оказаніи такихъ услугъ, которыя не стоятъ въ связи съ политическою борьбою, при томъ лицамъ постороннимъ (какими были для

Четвертымъ именитымъ представителемъ Елейскаго ученія былъ Мелиссъ изъ Самоса, командовавшій самосскимъ флотомъ при его побѣдѣ надъ аѳинянами въ 442 г. [1]).

Подобно Ксенофану, Пармениду и Зенону, Мелиссъ училъ, что бытіе едино, вѣчно и неизмѣнно; но отъ своихъ предшественниковъ отличался тѣмъ, что отрицалъ ограниченность и вещественность бытія. Пріемы Мелисса въ доказательствахъ сходны съ пріемами Парменида, но самыя доказательства несравненно слабѣе [2]). Тѣмъ не менѣе намъ необходимо подробно ознакомиться съ его доказательствами, такъ какъ они были усвоены Горгіемъ [3]).

Если ничего нѣтъ (такъ начинаетъ Мелиссъ свое разсужденіе [4]), то къ чему было бы о несуществующемъ говорить какъ о существующемъ? Если же есть нѣчто, то это нѣчто либо произошло, либо вѣчно существуетъ. Если оно произошло, то либо изъ бытія, либо изъ не-

Зенона Пиѳодоръ и Каллій). Важнѣе было бы, еслибы свидѣтельству въ «Алкивіадѣ I» противорѣчили обращенныя Сократомъ въ «Протагорѣ» къ этому софисту слова 348, E: σὺ δὲ καὶ αὐτὸς ἀγαθὸς εἶ καὶ ἄλλους οἷός τ᾽ εἶ ποιεῖν ἀγαθούς, καὶ οὕτω πεπίστευκας σαυτῷ, ὥστε καὶ ἄλλων ταύτην τὴν τέχνην ἀποκρυπτομένων σύ γ᾽ ἀναφανδὸν σεαυτὸν ὑποκηρυξάμενος εἰς πάντας τοὺς Ἕλληνας σοφιστὴν ἐπονομάσας σεαυτὸν ἀπέφηνας παιδεύσεως καὶ ἀρετῆς διδάσκαλον πρῶτος τούτου μισθὸν ἀξιώσας ἄρνυσθαι. Но изъ этихъ словъ видно только то, что Протагоръ впервые выступилъ какъ платный профессіональный учитель воспитанія и добродѣтели; могъ ли Зенонъ своею «мудростью» наживать деньги подобно другимъ «мудрымъ» людямъ древности,—напримѣръ, поэтамъ Симониду и Пиндару, которые писали за деньги (объ этомъ см. Müller, Geschichte der griechischen Literatur, 3-te Ausg., Stutt. 1875, S. 352, 367.), Софоклу (о послѣднемъ см. Aristoph. Pax. 679), и ритору Кораксу (см. ниже), слова Сократа не рѣшаютъ. Я съ своей стороны не сомнѣваюсь ни въ подлинности Алкивіада I, ни въ достовѣрности свидѣтельства о Зенонѣ. Впрочемъ, станемъ ли мы считать Зенона еристикомъ или нѣтъ,—основателемъ еристики былъ онъ несомнѣнно.

[1]) Plut. Pericl. c. 26, Themistocl. c. 2 и др.

[2]) Ср. отзывъ Аристотеля Phys. I, 3, нач.

[3]) См. выше, стр. 105, прим. 5. Ср. слѣд. прим. и стр. 131, пр. 1; 136, прим. 1 и 2.

[4]) Simpl. Phys. 22v, 15—20 (fr. 1 M): εἰ μὲν μηδὲν ἔστι, περὶ τούτου τί ἂν λέγοιτο ὡς ἐόντος τινός; εἰ δέ τι ἔστι, ἤτοι γινόμενόν ἐστι, ἢ αἰεὶ ἐόν. ἀλλ᾽ εἰ γινόμενον, ἤτοι ἐξ ἐόντος ἢ ἐκ μὴ ἐόντος· ἀλλ᾽ οὔτε ἐκ μὴ ἐόντος οἷόν τε γίνεσθαί τι, οὔτε ἄλλο μὲν οὐδὲν ἐόν, πολλῷ δὲ μᾶλλον τὸ ἁπλῶς ἐόν· οὔτε ἐκ τοῦ ἐόντος· εἴη γὰρ ἂν οὕτω καὶ οὐ γίνοιτο. οὐκ ἄρα γινόμενόν ἐστι τὸ ἐόν· αἰεὶ ἐὸν ἄρα ἐστί· οὔτε φθαρήσεται τὸ ἐόν· οὔτε γὰρ ἐς τὸ μὴ ἐὸν οἷόν τε τὸ ἐὸν μεταβάλλειν· συγχωρέεται γὰρ καὶ τοῦτο ὑπὸ τῶν φυσικῶν· οὔτε ἐς ἐόν· μένοι γὰρ ἂν πάλιν οὕτω γε καὶ οὐ φθείροιτο. οὔτε ἄρα γέγονε τὸ ἐόν, οὔτε φθαρήσεται. ἀιεὶ ἄρα ἦν τε καὶ ἔσται. Ср. fr. 6 и 7 (M). Ср. также Sext. Emp. adv. Math. VII, 71: Горгій училъ, что 'καὶ μὴν οὐδὲ γενητὸν εἶναι δύναται τὸ ὄν, εἰ γὰρ γέγονεν, ἤτοι ἐξ ὄντος ἢ ἐκ μὴ ὄντος γέγονεν. ἀλλ᾽ οὔτε ἐκ τοῦ ὄντος γέγονεν· εἰ γὰρ ὄν ἐστιν, οὐ γέγονεν, ἀλλ᾽ ἔστιν ἤδη· οὔτε ἐκ τοῦ μὴ ὄντος· τὸ γὰρ μὴ ὂν οὐδὲ γεννῆσαί τι δύναται διὰ τὸ ἐξ ἀνάγκης ὀφείλειν ὑπάρξεως μετέχειν τὸ γεννητικόν τινος.

бытія. Но ни изъ небытія не можетъ происходить что̀ нибудь и тѣмъ менѣе безусловное бытіе, ни изъ бытія не можетъ происходить бытіе, такъ какъ происхожденіе изъ бытія уже предполагаетъ бытіе существующимъ. Точно также не можетъ бытіе и разрушиться: оно не можетъ перейти ни въ небытіе (въ этомъ всѣ согласны), ни въ бытіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ бытіе осталось бы бытіемъ. Поэтому бытіе всегда было и будетъ.

То, что̀ произошло, имѣетъ начало; то, что̀ не произошло, не имѣетъ начала; бытіе не произошло, поэтому оно не имѣетъ начала. Все преходящее имѣетъ конецъ; не преходящее не имѣетъ конца; бытіе не преходитъ; поэтому оно не имѣетъ конца. Но то, что̀ не имѣетъ ни начала, ни конца, безгранично. Поэтому бытіе безгранично [1]).

Если же бытіе безгранично, то оно едино; такъ какъ, если бы было два бытія, то они не могли бы быть безграничными, но были бы сопредѣльными. Съ безграничностью бытія такимъ образомъ несовмѣстимо множество бытія, а потому бытіе едино [2]).

Единство бытія далѣе предполагаетъ его неизмѣнность. Единое бытіе постоянно тождественно самому себѣ; а тождественное не можетъ ни погибнуть, ни сдѣлаться бо̀льшимъ, ни перемѣнять свой строй, ни страдать, ни принимать какой бы то ни было вредъ. Если бы бытіе претерпѣвало что̀ нибудь подобное, то оно уже не было бы единымъ, такъ какъ все то, что̀ измѣняется какимъ либо измѣненіемъ, переходитъ изъ чего нибудь одного во что̀ нибудь другое; на самомъ же дѣлѣ не существуетъ ничего помимо бытія; поэтому бытіе не можетъ измѣняться [3]).

---

[1]) Ibid. (fr. 2 M.): ἀλλ' ἐπειδὴ τὸ γενόμενον ἀρχὴν ἔχει, τὸ μὴ γενόμενον ἀρχὴν οὐκ ἔχει, τὸ δ' ἐὸν οὐ γέγονε, οὐκ ἂν ἔχοι ἀρχήν. ἔτι δὲ τὸ φθειρόμενον τελευτὴν ἔχει· εἰ δέ τί ἐστι ἄφθαρτον, τελευτὴν οὐκ ἔχει· τὸ ἐὸν ἄρα ἄφθαρτον ἐόν, τελευτὴν οὐκ ἔχει· τὸ δὲ μήτε ἀρχὴν ἔχον μήτε τελευτήν, ἄπειρον τυγχάνει ἐόν· ἄπειρον ἄρα τὸ ἐόν. Ср. fr. 8 и 9 (M). Ср. также Sext. Emp. adv. Math. VII, 69—70: εἰ γὰρ (училъ Горгій) ἀΐδιόν ἐστι τὸ ὄν, οὐκ ἔχει τινε ἀρχήν. τὸ γὰρ γινόμενον πᾶν ἔχει τίν' ἀρχήν. τὸ δὺ ἀΐδιον ἀγένητον καθεστὼς οὐκ εἶχεν ἀρχήν, μὴ ἔχον δὲ ἀρχὴν ἄπειρόν ἐστιν.

[2]) Ibid. (fr. 3 M.): εἰ δὲ ἄπειρον, ἕν· εἰ γὰρ δύο εἴη, οὐκ ἂν δύναιτο ἄπειρα εἶναι, ἀλλ' ἔχοι ἂν πέρατα πρὸς ἄλληλα· ἄπειρον δὲ τὸ ἐόν, οὐκ ἄρα πλέω τὰ ἐόντα· ἓν ἄρα το ἐόν. Ср. fr. 10 (M). Ср. также ученіе Горгія у Sext. Emp. adv. Math. VII, 69: εἰ δὲ ἄπειρόν ἐστίν, οὐδαμοῦ ἐστίν. εἰ γάρ πού ἐστιν, ἕτερον αὐτοῦ ἐστὶν ἐκεῖνο τὸ ὂν ἐν ᾧ ἐστι, καὶ οὕτως οὐκέτ' ἄπειρον ἔσται τὸ ὂν (и пр. см. выше, стр. 131, пр. 1).

[3]) Ibid. (fr. 4 M.): ἀλλὰ μὴν εἰ ἕν, καὶ ἀκίνητον· τὸ γὰρ ἓν ἐὸν ὁμοῖον αἰεὶ ἑωυτῷ· τὸ δὲ ὁμοῖον οὔτ' ἂν ἀπόλοιτο, οὔτ' ἂν μέζον γίνοιτο, οὔτε μετακοσμέοιτο, οὔτε ἀλγέοι, οὔτε ἀνιῷτο. εἰ γάρ τι τούτων πάσχοι, οὐκ ἂν ἓν εἴη. τὸ γὰρ ἡντιναοῦν κίνησιν κινεόμενον ἔκ τινος καὶ ἐς ἕτερόν τι μεταβάλλει· οὐδὲν δὲ ἦν ἕτερον παρὰ τὸ ἐόν, οὐκ ἄρα τοῦτο κινήσεται. Ср. fr. 11, 12, 13 (M).

Равнымъ образомъ въ бытіи не можетъ быть и движенія. Для движенія необходима пустота, иначе одно не можетъ уступить мѣсто другому; а въ бытіи нѣтъ пустоты. Необходимая для движенія пустота не можетъ образоваться и изъ стяженія бытія, такъ какъ, если бы бытіе могло стягиваться, то оно должно было бы быть то плотнѣе, то разряженнѣе самого себя, что̀ нелѣпо [1]).

Но если бытіе недвижимо, то оно недѣлимо. Движеніе предполаетъ дѣлимость бытія; наоборотъ, невозможность движенія въ бытіи свидѣтельствуетъ объ его недѣлимости [2]).

Наконецъ, изъ единства бытія слѣдуетъ его безтѣлесность. Все тѣлесное имѣетъ объемъ; то что̀ имѣетъ объемъ, имѣетъ и части, но бытіе едино, не имѣетъ поэтому частей, а слѣдовательно и объема; иными словами, бытіе не есть тѣло [3]).

Кромѣ онтологическихъ доказательствъ единства бытія и его неизмѣнности, Мелиссъ даетъ еще доказательство психологическое, на его взглядъ менѣе важное, но для насъ особенно интересное. Смыслъ доказательства тотъ, что свидѣтельству нашихъ чувствъ о множествѣ и измѣнчивости бытія нельзя вѣрить, такъ какъ противорѣчивыми показаніями чувства опровергаютъ сами себя.

„Если бы (разсуждаетъ Мелиссъ [4]) въ бытіи существовало мно-

---

[1]) Ibid. 30 (fr. 5 M.): καὶ κατ᾽ ἄλλον δὲ τρόπον οὐδὲν κενεόν ἐστι τοῦ ἐόντος· τὸ γὰρ κενεὸν οὐδέν ἐστι· οὐκ ἂν ὦν εἴη τό γε μηδέν. οὐ κινέεται ὦν τὸ ἐόν· ὑποχωρῆσαι γὰρ οὐκ ἔχει οὐδαμῇ, κενεοῦ μὴ ἐόντος. ἀλλ᾽ οὐδὲ ἐς ἑωυτὸ συσταλῆναι δυνατόν· εἴη γὰρ ἂν οὕτως ἀραιότερον ἑωυτοῦ καὶ πυκνότερον· τοῦτο δὲ ἀδύνατον· τὸ γὰρ ἀραιὸν ἀδύνατον ὁμοίως εἶναι πλῆρες τῷ πυκνῷ, ἀλλ᾽ ἤδη τὸ ἀραιόν γε κενεώτερον γίνεται τοῦ πυκνοῦ· τὸ δὲ κενεὸν οὐκ ἔστι. Cp. fr. 14 (M;.

[2]) Ibid. 24r, 1 (fr. 15 M.): εἰ διήρηται τὸ ἐόν, κινέεται· κινεόμενον δὲ οὐκ ἂν εἴη ἅμα.

[3]) Ibid. 5 (fr. 16 M,): εἰ μὲν ἐὸν ἔστι, δεῖ αὐτὸ ἓν εἶναι· ἓν δὲ ἐόν, δεῖ αὐτὸ σῶμα μὴ ἔχειν· εἰ δὲ ἔχοι πάχος, ἔχοι ἂν μόρια, καὶ οὐκέτι ἂν εἴη ἕν.

[4]) Simpl. De Coelo, 137 (fr. 17 M.): μέγιστον μὲν ὦν σημεῖον οὗτος ὁ λόγος (т.-е. приведенныя выше доказательства), ὅτι ἓν μόνον ἔστι. ἀτὰρ καὶ τάδε σημεῖα· εἰ γὰρ ἦν πολλά, τοιαῦτα χρῆν αὐτὰ εἶναι, οἷόν περ ἐγώ φημι τὸ ἓν εἶναι. εἰ γὰρ ἔστι γῆ καὶ ὕδωρ καὶ ἀὴρ καὶ σίδηρος καὶ χρυσὸς καὶ πῦρ, καὶ τὸ μὲν ζωὸν τὸ δὲ τεθνηκός, καὶ μέλαν καὶ λευκὸν καὶ τὰ ἄλλα πάντα ἅσσα οἱ ἄνθρωποί φασι εἶναι ἀληθέα, εἰ δὴ ταῦτα ἔστι καὶ ἡμέες ὀρθῶς ὁρέομεν καὶ ἀκούομεν, εἶναι χρὴ ἕκαστον τοιοῦτον, οἷόν περ τὸ πρῶτον ἔδοξεν ἡμῖν, καὶ μὴ μεταπίπτειν μηδὲ γίνεσθαι ἑτεροῖον, ἀλλ᾽ αἰεὶ εἶναι ἕκαστον οἷόν περ ἔστιν. νῦν δέ φαμεν ὀρθῶς ὁρῆν καὶ ἀκούειν καὶ συνιέναι· δοκέει δὲ ἡμῖν τό τε θερμὸν ψυχρὸν γίνεσθαι καὶ τὸ ψυχρὸν θερμόν, καὶ τὸ σκληρὸν μαλθακὸν καὶ τὸ μαλθακὸν σκληρόν, καὶ τὸ ζωὸν ἀποθνήσκειν καὶ ἐκ μὴ ζῶντος γίνεσθαι, καὶ ταῦτα πάντα ἑτεροιοῦσθαι, καὶ ὅ, τι ἦν τε καὶ ὃ νῦν ἔστι οὐδὲν ὁμοῖον εἶναι, ἀλλ᾽ ὅ τε σίδηρος σκληρὸς ἐὼν τῷ δακτύλῳ κατατρίβεσθαι ὁμουρέων, καὶ χρυσὸς καὶ λίθος, καὶ ἄλλο ὅ,τι ἰσχυρὸν δοκέει εἶναι πᾶν, ἐξ

жество, то все въ этомъ множествѣ должно было бы имѣть тѣже свойства, которыя я утверждаю за единымъ бытіемъ (т.-е. должно было бы быть вѣчнымъ и неизмѣннымъ). Если бы по истинѣ, какъ утверждають люди, существовали земля, вода, воздухъ, желѣзо, золото, огонь, живое и мертвое, черное и бѣлое и все другое тому подобное,—если бы по истинѣ все это существовало и мы бы видѣли и слышали правильно, то все должно было бы оставаться такимъ, какимъ впервые намъ показалось, а не должно было бы измѣняться и становиться другимъ; каждая вещь должна была бы постоянно быть такою, какова она есть. А между тѣмъ теперь, хотя мы и говоримъ, что правильно видимъ, слышимъ и понимаемъ, намъ кажется, что теплое становится холоднымъ и холодное теплымъ, жесткое мягкимъ и мягкое жесткимъ, что живое умираетъ и происходитъ изъ неживаго, что все это измѣняется и что то, чтò было раньше, не тождественно съ тѣмъ, чтò стало послѣ, что твердое желѣзо стирается на мягкомъ пальцѣ, точно такъ же какъ золото, камни и все другое, чтò представляется твердымъ, что изъ воды происходятъ земля и камни. Выходитъ такимъ образомъ, что мы не видимъ и не познаемъ дѣйствительности. Одно другому противорѣчитъ: мы утверждаемъ, что существуютъ многія вѣчныя, разновидныя, одаренныя силой вещи, и въ тоже время намъ кажется, что все непрестанно перемѣняется и переиначивается изъ одного вида въ другой. Ясно поэтому, что мы видимъ неправильно и что множество представляется намъ также неправильно. Видъ вещей не измѣнялся бы, если бы былъ истиннымъ; онъ оставался бы такимъ, какимъ каждый разъ показался: сильнѣе истиннаго бытія нѣтъ ничего... Такимъ образомъ, если бы существовали многія вещи, то онѣ должны были бы быть такими, какъ единое бытіе“.

Въ этомъ доказательствѣ Мелисса ясно проглядываетъ сознаніе необходимости психологическаго метода для рѣшенія философскихъ вопросовъ. На эту необходимость указала сама исторія греческой философіи: выдти изъ затрудненій, въ которыя поставлена была мысль противоположными ученіями Гераклита и Елейцевъ, можно было не иначе, какъ подвергнувъ анализу самую познавательную способность,

---

ὕδατός τε γῆ καὶ λίθοι γίνεσθαι, ὥστε συμβαίνει μήτε ὁρῆν μήτε τὰ ἐόντα γινώσκειν. οὐ τοίνυν ταῦτα ἀλλήλοις ὁμολογέει. φαμένοις γὰρ εἶναι πολλὰ ἀΐδια καὶ εἴδεα καὶ ἰσχὺν ἔχοντα πάντα ἑτεροιοῦσθαι ἡμῖν δοκέει καὶ μεταπίπτειν ἐκ τοῦ ἑκάστοτε ὁρεομένου. δῆλον τοίνυν, ὅτι οὐκ ὀρθῶς ὁρέομεν, οὐδὲ ἐκεῖνα πολλὰ ὀρθῶς δοκέει εἶναι. οὐ γὰρ ἂν μετέπιπτε, εἰ ἀληθέα ἦν, ἀλλ᾽ ἦν, οἷόν περ ἐδόκεε ἕκαστον, τοιοῦτον· τοῦ γὰρ ἐόντος ἀληθινοῦ κρέσσον οὐδέν... οὕτως ὦν εἰ πολλὰ ἦν, τοιαῦτα χρῆν εἶναι, οἷόν περ τὸ ἕν·

дѣлающую возможными подобныя противорѣчивыя утвержденія. Такимъ путемъ пошли Протагоръ, Горгій и Сократъ. Но ихъ старшіе современники Емпедоклъ, Анаксагоръ и Демокритъ (разработавшій свою систему вмѣстѣ съ Левкиппомъ) хотя подобно Мелиссу (и въ противоположность первымъ представителямъ философскаго объективизма [1]) и ставили вопросъ о состоятельности познавательныхъ средствъ, пытались рѣшить споръ между послѣдователями Гераклита и послѣдователями Ксенофана иначе, — соединивъ ученіе объ измѣняемости сущаго съ ученіемъ объ его постоянствѣ. Емпедоклъ [2]) училъ, что существуютъ четыре основныя вещества (огонь, воздухъ, вода, земля [3]), что эти основныя вещества въ началѣ каждаго міроваго круговорота [4]) бываютъ гармонически связаны любовью въ безразличной жизни Сфэроса [5]), но затѣмъ то соединяются, то разъединяются любовью и ненавистью [6]), и

---

[1]) См. выше, стр. 103.

[2]) Емпедоклъ — философъ, поэтъ, пророкъ, врачъ, чародѣй и риторъ — родился въ Агригентѣ около 495 г. По низверженіи Агригентянами тиранна Өразидэя, способствовалъ борьбою съ аристократами утвержденію демократіи, но въ концѣ вынужденъ былъ бѣжать. Умеръ въ Пелопоннесѣ около 435 г. (Diog. Laert. VIII, 51, слѣд.; Diodor. XI, 53).

[3]) Clemens, Strom. IV, 624 (v. 59—61 M.):

τέσσαρα τῶν πάντων ῥιζώματα πρῶτον ἄκουε,
πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γαῖαν ἰδ' αἰθέρος ἄπλετον ὕψος
ἐκ γὰρ τῶν ὅσα τ' ἦν ὅσα τ' ἔσσεται ὅσσα τ' ἔασιν.

[4]) См. ниже, прим. 6.

[5]) Simpl. Phys 258,r; (v. 170, 172—173, 175—176 M.):

σφαῖρος ἔην,
ἔνθ' οὔτ' ἠελίοιο δεδίσκεται ἀγλαὸν εἶδος
οὐδὲ μὲν οὐδ' αἴης λάσιον δέμας οὐδὲ θάλασσα.
οὕτως ἁρμονίης πυκινῷ κύτει ἐστήρικται
σφαῖρος κυκλοτερὴς μονίῃ περιηγέϊ γαίων.

[6]) Simpl. Phys. 34r, 9—10 (v. 62—74 M.):

δίπλ' ἐρέω· τοτὲ μὲν γὰρ ἓν ηὐξήθη μόνον εἶναι
ἐκ πλεόνων, τοτὲ δ' αὖ διέφυ πλέον' ἐξ ἑνὸς εἶναι.
δοιὴ δὲ θνητῶν γένεσις, δοιὴ δ' ἀπόλειψις.
τὴν μὲν γὰρ πάντων σύνοδος τίκτει τ' ὀλέκει τε,
ἡ δὲ πάλιν διαφυομένων θρεφθεῖσα διέπτη·
καὶ ταῦτ' ἀλλάσσοντα διαμπερὲς οὐδαμὰ λήγει,
ἄλλοτε μὲν Φιλότητι συνερχόμεν' εἰς ἓν ἅπαντα,
ἄλλοτε δ' αὖ δίχ' ἕκαστα φορεύμενα Νείκεος ἔχθει.
οὕτως ᾗ μὲν ἓν ἐκ πλεόνων μεμάθηκε φύεσθαι,
ἠδὲ πάλιν διαφύντος ἑνὸς πλέον' ἐκτελέθουσι,

что въ этомъ соединеніи и разъединеніи и состоитъ такъ-называемое происхожденіе и прехожденіе вещей [1]). По Анаксагору [2]), міръ произошелъ изъ безконечно многихъ и безконечно малыхъ основаній или сѣмянъ вещества, находившихся первоначально въ состояніи смѣшенія [3]), но выведенныхъ изъ этого состоянія міровымъ Умомъ, давшимъ смѣшанной массѣ круговое движеніе и заставившимъ силою этого движенія разнородныя частицы разъединиться, а однородныя соединиться [4]); соединеніе частицъ соотвѣтствуетъ тому, что называется происхожденіемъ вещей, а разъединеніе тому, что называется ихъ прехожденіемъ [5]). Демокритово ученіе [6]) есть какъ бы ви-

---

τῇ μὲν γίγνονταί τε καὶ οὔ σφισιν ἔμπεδος αἰών·
ᾗ δὲ τάδ' ἀλλάσσοντα διαμπερὲς οὐδαμὰ λήγει,
ταύτῃ δ' αἰὲν ἔασιν ἀκίνητον κατὰ κύκλον.

¹) Plut. adv. Colot. X, 360W. (v. 98—101 M.):

ἄλλο δέ τοι ἐρέω· φύσις οὐδενός ἐστιν ἁπάντων
θνητῶν, οὐδέ τις οὐλομένου θανάτοιο τελευτή,
ἀλλὰ μόνον μῖξίς τε διάλλαξίς τε μιγέντων
ἐστί, φύσις δ' ἐπὶ τοῖς ὀνομάζεται ἀνθρώποισιν.

²) Анаксагоръ родился въ Клазоменахъ (въ Малой Азіи, на южномъ берегу Смирнскаго залива) около 500 г. Въ 462 или 463 г. прибылъ онъ въ Аѳины, гдѣ прожилъ тридцать лѣтъ, соединивъ вокругъ себя лучшія умственныя силы. Периклъ и Еврипидъ были его друзьями. Вслѣдствіе возбужденнаго противъ него врагами Перикла обвиненія въ нечестіи вынужденъ былъ, просидѣвъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, бѣжать изъ Аѳинъ. Умеръ въ Лампсакѣ около 428 г. Diog. Laert. II, 6, слѣд.; Plut. Pericl. c. 4 и др.

³) Simpl. Phys. 33v, 15 (fr. 1 M.). Начало книги Анаксагора: ὁμοῦ πάντα χρήματα ἦν, ἄπειρα καὶ πλῆθος καὶ σμικρότητα. Ibid. 20 (fr. 3 M.): τουτέων δὲ οὕτως ἐχόντων χρὴ δοκέειν ἐνεῖναι πολλά τε καὶ παντοῖα ἐν πᾶσι τοῖσι συγκρινομένοισι καὶ σπέρματα πάντων χρημάτων καὶ ἰδέας παντοίας ἔχοντα καὶ χροιὰς καὶ ἡδονάς.

⁴) Ibid. 40 (fr. 6 M.): πάντα διεκόσμησε νόος, καὶ τὴν περιχώρησιν ταύτην, ἣν νῦν περιχωρέει τά τε ἄστρα καὶ ὁ ἥλιος καὶ ἡ σελήνη καὶ ὁ ἀὴρ καὶ ὁ αἰθήρ, οἱ ἀποκρινόμενοι. ἡ δὲ περιχώρησις αὕτη ἐποίησε ἀποκρίνεσθαι, καὶ ἀποκρίνεται ἀπό τε τοῦ ἀραιοῦ τὸ πυκνὸν καὶ ἀπὸ τοῦ ψυχροῦ τὸ θερμὸν καὶ ἀπὸ τοῦ ζοφεροῦ τὸ λαμπρὸν καὶ ἀπὸ τοῦ διεροῦ τὸ ξηρόν. Ibid. 38 (fr. 8 M.): τὸ μὲν πυκνὸν καὶ διερὸν καὶ ψυχρὸν καὶ τὸ ζοφερὸν ἐνθάδε συνεχώρησε, ἔνθα νῦν ἡ γῆ· τὸ δὲ ἀραιὸν καὶ τὸ θερμὸν καὶ τὸ ξηρὸν καὶ τὸ λαμπρὸν ἐξεχώρησε ἐς τὸ πρόσω τοῦ αἰθέρος.

⁵) Simpl. Phys. 34 v. 50 (fr. 17 M.): τὸ δὲ γίνεσθαι καὶ ἀπόλλυσθαι οὐκ ὀρθῶς νομίζουσι οἱ Ἕλληνες. οὐδὲν γὰρ χρῆμα οὐδὲ γίνεται οὐδὲ ἀπόλλυται, ἀλλ' ἀπὸ ἐόντων χρημάτων συμμίσγεταί τε καὶ διακρίνεται. καὶ οὕτως ἂν ὀρθῶς καλοῖεν τό τε γίνεσθαι συμμίσγεσθαι, καὶ τὸ ἀπόλλυσθαι διακρίνεσθαι.

⁶) Демокрита древніе называютъ обыкновенно вмѣстѣ съ Левкиппомъ, съ которымъ Демокритъ выработалъ свою теорію. О жизни Левкиппа ничего неизвѣстно. Демокритъ родился около 460 г. во ѳракійскомъ городѣ Абдерѣ. Изъ любознательности совершилъ, по его собственнымъ словамъ (Clemens, Strom. I, 304), такія обширныя

доизмѣненное ученіе Анаксагора. Подобно Анаксагору, Демокритъ училъ, что отъ вѣчности существуютъ безконечно многія и малыя частицы вещества (которыя Демокритъ называлъ атомами [1]), что эти частицы вихреобразно носятся въ пустомъ пространствѣ [2]) и что возникновеніе и прехожденіе есть лишь соединеніе и разъединеніе этихъ основныхъ частицъ [3]), но тогда какъ Анаксагоръ считалъ сѣмена вещей качественно различными и движущую силу видѣлъ въ Умѣ, Демокритъ полагалъ, что атомы различаются лишь фигурою, положеніемъ и сочетаніемъ [4]), и движущее начало видѣлъ въ ихъ собственной тяжести, заставляющей ихъ носиться въ пустотѣ [5]). Впро-

путешествія, какъ ни одинъ изъ его современниковъ: былъ въ Египтѣ, Малой Азіи, Персіи и пр. Умеръ около 370 г., оставивъ послѣ себя многочисленные философскіе труды, обнимавшіе собою всѣ отрасли тогдашняго вѣдѣнія (Diog. Laert. IX, 34, sq.)

¹) Simpl. De Caelo 109, b, 43, слѣд.: ἔλεγον γὰρ οὗτοι ἀπείρους εἶναι τῷ πλήθει τὰς ἀρχάς, ἃς καὶ ἀτόμους καὶ ἀδιαιρέτους ἐνόμιζον.

²) Diog. Laert. IX, 44: φέρεσθαι ἐν τῷ ὅλῳ δινουμένας τὰς ἀτόμους. Ср. Sext. Emp. IX, 113.

³) Aristot. De Gen. et Corr. 1, 8, 325a, 52, сл.: ταῦτα δ' ἐν τῷ κενῷ φέρεσθαι (κενὸν γὰρ εἶναι) καὶ συνιστάμενα μὲν γένεσιν ποιεῖ, διαλυόμενα δὲ φθοράν. ποιεῖν δὲ καὶ πάσχειν ᾗ τυγχάνουσιν ἁπτόμενα.... καὶ συντιθέμενα δὲ καὶ περιπλεκόμενα γεννᾶν. Съ близкимъ къ этому ученіемъ мы встрѣтимся у Протагора. Plato, Theaet. 156, A: τῆς κινήσεως δύο εἴδη, πλήθει μὲν ἄπειρον ἑκάτερον, δύναμιν δὲ τὸ μὲν ποιεῖν ἔχον, τὸ δὲ πάσχειν. ἐκ δὲ τῆς τούτων ὁμιλίας τε καὶ τρίψεως πρὸς ἄλληλα γίγνεται ἔκγονα πλήθει μὲν ἄπειρα, δίδυμα δέ, τὸ μὲν αἰσθητόν, τὸ δ' αἴσθησις, ἀεὶ συνεκπίπτουσα καὶ γεννωμένη μετὰ τοῦ αἰσθητοῦ... ὅσον μὲν οὖν βραδύ, ἐν ταὐτῷ καὶ πρὸς τὰ πλησιάζοντα τὴν κίνησιν ἴσχει καὶ οὕτω δὴ γεννᾷ, τὰ δὲ γεννώμενα οὕτω δὴ θάττω ἐστί. φέρεται γὰρ καὶ ἐν φορᾷ αὐτῶν ἡ κίνησις πέφυκεν. При томъ мракѣ, который покрываетъ вопросъ объ отношеніи Протагора къ Демокриту (см. ниже, стр. 148, прим. 1), подобныя сопоставленія между ученіемъ того и другаго имѣютъ весьма большое значеніе.

⁴) Arist. Metaph. I, 4, 985b, 15, слѣд.: τὰς διαφορὰς λέγουσιν εἶναι τρεῖς, σχῆμά τε καὶ τάξιν καὶ θέσιν· διαφέρειν γάρ φασι τὸ ὂν ῥυσμῷ καὶ τροπῇ μόνον· τούτων δὲ ὁ μὲν ῥυσμὸς σχῆμά ἐστιν, ἡ δὲ διαθιγὴ τάξις, ἡ δὲ τροπὴ θέσις· διαφέρει γὰρ τὸ μὲν Α τοῦ Ν σχήματι, τὸ δὲ ΑΝ τοῦ ΝΑ τάξει, τὸ δὲ Ζ τοῦ Ν θέσει.

⁵) См. выше, прим. Simpl. Phys. 7r, 10: τὴν γὰρ τῶν ἀτόμων οὐσίαν ναστὴν καὶ πλήρη ὑποτιθέμενος ὂν ἔλεγεν εἶναι καὶ ἐν τῷ κενῷ φέρεσθαι. Сжато и ясно изложены основныя черты ученія Демокрита у Plut. adv. Col. VIII, 358W: τί γὰρ λέγει Δημόκριτος; οὐσίας ἀπείρους τὸ πλῆθος ἀτόμους τε καὶ ἀδιαφόρους ἔτι δ' ἀποίους καὶ ἀπαθεῖς ἐν τῷ κενῷ φέρεσθαι διεσπαρμένας· ὅταν δὲ πελάσωσιν ἀλλήλαις, ἢ συμπέσωσιν, ἢ περιπλακῶσι, φαίνεσθαι τῶν ἀθροιζομένων τὸ μὲν ὕδωρ, τὸ δὲ πῦρ, τὸ δ' ἄνθρωπον· εἶναι δὲ πάντας τὰς ἀτόμους ἰδέας ὑπ' αὐτοῦ καλουμένας, ἕτερον δὲ μηδέν· ἐκ μὲν γὰρ τοῦ μὴ ὄντος οὐκ εἶναι γένεσιν, ἐκ δὲ τῶν ὄντων μηδὲν ἂν γενέσθαι τῷ μήτε πάσχειν μήτε μεταβάλλειν τὰς ἀτόμους ὑπὸ στεῤῥότητος, ὅθεν οὔτε χρόαν ἐξ ἀχρώστων, οὔτε φύσιν ἢ ψυχὴν ἐξ ἀποίων καὶ ὑπάρχειν. Существованіе всего этого подсказывается нашими чисто субъективными состояніями, такъ что, по вѣрному замѣчанію Колота, ap. Plut. l. c., τὸν ἐμμένοντα τῷ λόγῳ τούτῳ καὶ χρώμενον οὐδὲ ἂν αὐτὸν ὡς ἔστιν ἢ ζῇ διανοηθῆναι. Ср. ниже, стр. 148, пр. 1 и стр. 150, пр. 2.

чемъ, для насъ важны не самыя космогоніи Емпедокла, Анаксагора и Демокрита, но тѣ черты въ ихъ ученіяхъ, которыя отражаютъ на себѣ духъ времени. Подобно тому, какъ нравственное сознаніе древнѣйшей греческой жизни не противопоставляло государства организующему его началу, древніе физики отождествляли вещество и силу. Емпедоклъ первый различаетъ между тѣмъ и другимъ началомъ; при этомъ живыя стихіи прежнихъ физиковъ становятся у него мертвымъ веществомъ, а значеніе жизненныхъ началъ получаютъ психологическія силы—любовь и ненависть, взятыя изъ непосредственнаго самонаблюденія и опыта общественной жизни [1]). Еще дальше идетъ Анаксагоръ (родившійся раньше Емпедокла, но начавшій философское поприще позже [2]), поставивъ на мѣсто этихъ двухъ, лежащихъ въ основаніи общественной жизни, силъ единоличное господство самостоятельнаго, обособленнаго ума [3]). Демокритъ отождествленіемъ силы съ тяжестью матеріи устраняетъ намѣченный Емпедокломъ дуализмъ, но замѣняетъ его началомъ еще большей розни—

---

[1]) Simpl. Phys. 34r, 15—20 (v. 80—87 M.):

Νεῖκός τ' οὐλόμενον δίχα τῶν (четырехъ началъ), ἀτάλαντον ἑκάστῳ
καὶ Φιλότης μετὰ τοῖσιν, ἴση μῆκός τε πλάτος τε
τὴν σὺ νόῳ δέρκευ μηδ' ὄμμασιν ἧσο τεθηπώς·
ἥτις καὶ θνητοῖσι νομίζεται ἔμφυτος ἄρθροις,
τῇ τε φίλα φρονέουσ' ἰδ' ὁμοῖια ἔργα τελοῦσι
γηθοσύνην καλέοντες ἐπώνυμον ἠδ' Ἀφροδίτην.
τὴν οὔτις διὰ παντὸς ἑλισσομένην δεδάηκε
θνητὸς ἀνήρ.

То, что̀ говоритъ Емпедоклъ о любви, относится, очевидно, и къ ненависти. Хотя Емпедоклъ и признаетъ имманентность любви и ненависти всему сущему, тѣмъ не менѣе онъ их отличаетъ отъ вещества, какъ начала дѣятельныя отъ начала недѣятельнаго; но пространственныя опредѣленія, данныя имъ любви, показываютъ, что различіе между веществомъ и силой имъ сознавалось не вполнѣ отчетливо.

[2]) Aristot. Metaph. I, 3, 984a, 11: Ἀναξαγόρας δὲ... τῇ μὲν ἡλικίᾳ πρότερος ὢν τούτου (Ἐμπεδοκλέους), τοῖς δ' ἔργοις ὕστερος. Слово ὕστερος имѣетъ у Аристотеля троякій смыслъ: 1) позднѣйшій по времени, 2) болѣе совершенный и 3) наоборотъ, менѣе совершенный. (См. Schwegler, Die Metaphysik des Aristoteles, 3-r B., Tüb. 1847, S. 34 f.; Zeller, Philosophie der Griechen I, S. 917 f.) Послѣднее значеніе и въ нашемъ мѣстѣ очевидно не подходитъ, такъ какъ между ἡλικίᾳ πρότερος и ἔργοις ὕστερος нѣтъ логической противоположности (Schwegler, l. c.). Первое и второе одинаково возможны. Я предпочитаю первое, какъ болѣе простое и не требующее, въ противоположность второму, для своего оправданія никакихъ дальновидныхъ догадокъ.

[3]) Simpl. Phys. 33v, 30 (fr. 6 M.): νόος δέ ἐστι ἄπειρον καὶ αὐτοκρατὲς καὶ μέμικται οὐδενὶ χρήματι, ἀλλὰ μόνος ἐφ' ἑωυτοῦ ἐστι и пр. Ср. Plato, Crat. 413, C; Arist. De Anima, I, 2, 405a, 13, слѣд. и др.

индивидуализмомъ дѣйствующихъ собственною силою атомовъ. У Емпедокла ученіе о міровыхъ началахъ носитъ яркую миѳологическую окраску: любовь онъ отождествляетъ съ Афродитой [1]), ненависть съ Аресомъ [2]), четыре основныя вещества съ Зевсомъ, Герой, Адомъ и Нестидой [3]). У Анаксагора не только нѣтъ никакихъ миѳологическихъ сближеній, но онъ вынужденъ томиться въ тюрьмѣ [4]) за то, что отождествлялъ солнце съ камнемъ, луну съ землею [5]), что казавшіяся сверхъестественными явленія объяснялъ изъ естественныхъ причинъ [6]), что въ гомерическихъ миѳахъ искалъ выраженія нравственныхъ правилъ [7]) и имена боговъ толковалъ иносказательно [8]). А Демокритъ прямо заявляетъ, что боги — олицетворенныя силы природы и что источникъ богопочитанія кроется въ страхѣ передъ грозными стихійными силами [9]). Ученіе Емпедокла о безразличной жизни въ Сфэросѣ подъ любовнымъ кровомъ Афродиты было отображеніемъ идеаловъ древней греческой государственной жизни съ ея непосредственными миѳологическими вѣрованіями; система Анаксагора представляетъ собою подобіе общественной жизни въ вѣкъ Перикла съ единоличнымъ руководящимъ умомъ и пробуждающеюся

---

[1]) См. выше, стр. 142, прим. 1.

[2]) Porphyr. De Abstin. II, 21. (417 M.)

[3]) Stob. Flor. I, 11 (v. 159—161 M.):

τέσσαρα γὰρ πάντων ῥιζώματα πρῶτον ἔασι·
Ζεὺς ἀργὴς Ἥρη τε φερέσβιος ἠδ' Αϊδωνεὺς
Νῆστίς θ' ἣ δακρύων τέγγει κρούνωμα βρότειον.

[4]) Diog. Laert. II, 12—15; Plut. Per. 32; Nic. 23.

[5]) Plato, Apol. 26, D: τὸν μὲν ἥλιον λίθον φησὶν εἶναι, τὴν δὲ σελήνην γῆν.

[6]) Plut. Per. 6; Diog. Laert. II, 11.

[7]) Diog. Laert. II, 11: δοκεῖ δὲ πρῶτος, καθά φησι Φαβωρῖνος ἐν παντοδαπῇ ἱστορίᾳ τὴν Ὁμήρου ποίησιν ἀποφήνασθαι εἶναι περὶ ἀρετῆς καὶ δικαιοσύνης.

[8]) Syncell. Chron. 149, c: ἑρμηνεύουσι δὲ οἱ Ἀναξαγόριοι (а потому, надо думать, и самъ Анаксагоръ) τοὺς μυθώδεις θεούς, νοῦν μὲν τὸν Δία, τὴν δὲ Ἀθηνᾶν τέχνην.

[9]) Clemens Cohort. 59, 15 (Pott.): ὅθεν οὐκ ἀπεικότως ὁ Δημόκριτος τῶν λογίων ἀνθρώπων ὀλίγους φησὶν ἀνατείναντας τὰς χεῖρας ἐνταῦθα ὃν νῦν ἠέρα καλέομεν οἱ Ἕλληνες πάντα Δία μυθέεσθαι, καὶ πάντα οὗτος οἶδεν καὶ διδοῖ καὶ ἀφαιρέεται καὶ βασιλεὺς οὗτος τῶν πάντων. Sext. Emp. adv. Math. IX, 24: ὁρῶντες γάρ, φησὶν ὁ Δημόκριτος, τὰ ἐν τοῖς μετεώροις παθήματα οἱ παλαιοὶ τῶν ἀνθρώπων, καθάπερ βροντὰς καὶ ἀστραπάς, κεραυνούς τε καὶ ἄστρων συνόδους, ἡλίου τε καὶ σελήνης ἐκλείψεις ἐδειματοῦντο, θεοὺς οἰόμενοι τούτων αἰτίους εἶναι. Ср. ученіе Продика у Sext. Emp. adv. Math. IX, 18 (ibid. 50): Πρόδικος δὲ ὁ Κεῖος, ἥλιον, φησί, καὶ σελήνην καὶ ποταμοὺς καὶ κρήνας καὶ καθόλου πάντα τὰ ὠφελοῦντα τὸν βίον ἡμῶν οἱ παλαιοὶ θεοὺς ἐνόμισαν διὰ τὴν ἀπ' αὐτῶν ὠφέλειαν. Ср. также приведенный на стр. 76 отрывокъ изъ Критія.

трезвостью взглядовъ; атомистическая теорія Демокрита была какъ бы отвлеченной схемой политической жизни конца V в. съ ея опирающимся на право сильнаго индивидуализмомъ [1]).

Къ отрицательнымъ взглядамъ на религіозныя вѣрованія Анаксагоръ и Демокритъ пришли путемъ своихъ физическихъ изысканій. Но и на внутренній міръ человѣка философы, начиная со второй четверти V вѣка, обращаютъ все бо́льшее вниманіе. Отъ Емпедокла ведетъ начало риторика [2]) или основанное на знаніи свойствъ человѣческаго духа искусство говорить убѣдительно — мощное орудіе въ рукахъ демократіи, которымъ пользовался съ большимъ успѣхомъ самъ Емпедоклъ въ борьбѣ со своими противниками—аристократической партіей въ Агригентѣ [3]). Представитель скорѣе стараго, чѣмъ новаго времени, Емпедоклъ изъ-за субъективной дѣятельности духа не забывалъ обязанностей гражданина. Въ противоположность ему Анаксагоръ не принимаетъ никакого участія въ политической жизни. Когда его укоряютъ за равнодушіе къ отечеству, онъ оправдывается тѣмъ, что для него отечество—небо, и что онъ не знаетъ въ жизни никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобы созерцать небо и устройство всего міра [4]). Демокритъ точно также всецѣло посвящаетъ себя

[1]) Противъ сдѣланныхъ какъ здѣсь, такъ и при изложеніи ученія Гераклита сопоставленій, можно, ссылаясь на то, что современныя философскія системы не отражаютъ на себѣ политическаго міровоззрѣнія, возразить, что указанныя мною аналогіи случайны. Но не слѣдуетъ забывать разницы между условіями современной и древнегреческой жизни. Въ настоящее время каждая духовная дѣятельность — философская, литературная, научная, нравственная и др. — хотя и носитъ на себѣ тѣ или другія характерныя черты своего времени, идетъ своимъ особымъ русломъ; въ древнегреческой жизни они сливались въ одно теченіе. Въ доказательство сильнаго воздѣйствія нравственной среды на философское міровоззрѣніе я уже приводилъ знаменитыя слова Анаксимандра (см. стр. 104, сл.); ср. также любопытное свидѣтельство Платона (Soph. 242, D) о неизвѣстныхъ намъ философахъ, изъ которыхъ ὁ μὲν ὡς τρία τὰ ὄντα (λέγει), πολεμεῖ δ' ἀλλήλοις ἐνίοτε αὐτῶν ἄττα πη, τοτὲ δὲ καὶ φίλα γιγνόμενα γάμους τε καὶ τόκους καὶ τροφὰς τῶν ἐκγόνων παρέχεται· δύο δὲ ἕτερος εἰπών, ὑγρὸν καὶ ξηρὸν ἢ θερμὸν καὶ ψυχρόν, συνοικίζει τε αὐτὰ καὶ ἐκδίδωσι.

[2]) Diog. Laert. VIII, 57: Ἀριστοτέλης δὲ ἐν τῷ Σοφιστῇ φησι πρῶτον Ἐμπεδοκλέα ῥητορικὴν εὑρεῖν, Ζήνωνα δὲ διαλεκτικήν. Sext. Empir. adv. Math. VII, 6: Ἐμπεδοκλέα μὲν γάρ φησιν ὁ Ἀριστοτέλης πρῶτον ῥητορικὴν κεκινηκέναι. Quintil. III, 1: nam primus post eos quos poetae tradiderunt movisse aliqua circa rhetoricen Empedocles dicitur. Cp. Tim. Phl. (26—27M.): Ἐμπεδοκλῆς ἀγοραίων κηλητὴς ἐπέων.

[3]) Diog. Laert. 72; Plut. adv. Colot. 32, 4. Ср. выше, стр. 139, пр. 2.

[4]) Diog. Laert. II, 7: πρὸς τὸν εἰπόντα· οὐδέν σοι μέλει τῆς πατρίδος· εὐφήμει, ἔφη. ἐμοὶ γὰρ καὶ σφόδρα μέλει τῆς πατρίδος, δείξας τὸν οὐρανόν. Eudem. Eth. I, 5, 1216,a 10: Ἀναξαγόραν φασὶν ἀποκρίνασθαι, πρός τινα διερωτῶντα, τίνος ἕνεκ' ἂν τις ἕλοιτο γενέσθαι, τοῦ θεωρῆσαι τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν περὶ τὸν ὅλον κόσμον τάξιν. οὗτος μὲν οὖν ἐπιστήμης τινὸς ἕνεκεν τὴν αἵρεσιν ᾤετο τιμίαν εἶναι τοῦ ζῆν. Ср. также при-

научной дѣятельности; какъ для Анаксагора отечествомъ было небо, такъ для Демокрита, по его собственнымъ словамъ, родиной былъ весь міръ [1]). Внутренней жизнью человѣка Демокритъ занимался такъ

веденный на стр. 99, пр. 5 отрывокъ изъ Еврипида, несомнѣнно выражающій міровоззрѣніе Анаксагора.

[1]) Stob. Flor. XL, 7 (fr. 225 M.): ἀνδρὶ σοφῷ πᾶσα γῆ βατή· ψυχῆς γὰρ ἀγαθῆς πατρὶς ὁ ξύμπας κόσμος. Чтобы понять, почему я привожу эти слова Демокрита и Анаксагора, необходимо помнить о той тѣсной связи, въ которую древнегреческое нравственное сознаніе ставило единичную жизнь съ жизнью государства. По Аристотелю, (который въ своей «Политикѣ» не строитъ новой политической системы, но лишь философски истолковываетъ лежавшія въ основаніи греческой государственной жизни воззрѣнія), государство по своей природѣ первѣе гражданина (I, 2, 1253a, 19). Это значитъ, что государство обусловливаетъ собою существованіе человѣка какъ гражданина, и такъ какъ быть гражданиномъ значило имѣть всѣ общепризнанныя въ то время права и неразрывно связанныя съ ними преимущества, то служить государству всякій гражданинъ считалъ и необходимостью и долгомъ (ср. ibid. VIII, 1, 1337a, 28: ἅμα δὲ οὐδὲ χρὴ νομίζειν αὐτὸν αὑτοῦ τινα εἶναι τῶν πολιτῶν, ἀλλὰ πάντας τῆς πόλεως и пр.). Охлократія обязывала гражданъ только военною повинностью и богатыхъ такъ называемыми литургіями (т. е. тратами на государственныя потребности), а въ остальномъ, въ теоріи по крайней мѣрѣ, признавала за каждымъ право жить по своему усмотрѣнію. Но демократія (какъ ее понималъ между прочимъ и Солонъ, положившій основаніе аѳинскому государственному праву) подъ свободой подразумѣвала лишь невозбранный выборъ между исполненіемъ программы той или другой политической партіи (см. выше, стр. 48, срав. также Isocr. Paneg. (IV), 79). Периклъ ставитъ въ заслугу аѳинской демократіи своего времени то, что она людей, не принимающихъ участія въ государственной жизни, считаетъ не бездѣльниками, а только безполезными (Thuc. II, 40, 1—2: ἔνι τε τοῖς αὐτοῖς οἰκείων ἅμα καὶ πολιτικῶν ἐπιμέλειαι καὶ ἑτέροις πρὸς ἔργα τετραμμένοις τὰ πολιτικὰ μὴ ἐνδεῶς γνῶναι· μόνοι γὰρ τόν τε μηδὲν τῶνδε μετέχοντα οὐκ ἀπράγμονα, ἀλλ' ἀχρεῖον νομίζομεν); отсюда слѣдуетъ, что въ другихъ демократическихъ государствахъ на такихъ людей смотрѣли съ враждою. Эта вражда вполнѣ понятна: кто намѣренно сторонится отъ участія въ общей жизни, тотъ либо ее презираетъ, либо ставитъ свои личные интересы выше общественныхъ (государственныхъ или партійныхъ, какъ случится), т. е. въ томъ и другомъ случаѣ становится на почву въ практической жизни всегда ненавистнаго субъективизма. Для древнѣйшаго греческаго нравственнаго сознанія характерны выраженія въ родѣ οἱ νόμοι καὶ τὸ κοινὸν τῆς πόλεως (Plato, Crito, 50, A); для нравственнаго міровоззрѣнія конца V и IV вѣковъ данный Антисѳеномъ совѣтъ (Stob. Floril. XLV, 28): Ἀντισθένης ἐρωτηθεὶς πῶς ἂν τις προσέλθοι πολιτείᾳ, εἶπε· καθάπερ πυρί, μήτε λίαν ἐγγὺς ἵνα μὴ καῇς, μήτε πόῤῥω ἵνα μὴ ῥιγώσῃς. Съ конца V вѣка получили широкое распространеніе и космополитическія воззрѣнія. Ср. любопытный разговоръ Сократа съ Аристиппомъ у Ксенофонта (Memor. II, 1, 8, слѣд.), отвѣтъ Діогена (Diog. Laert VII, 63): ἐρωτηθεὶς πόθεν εἴη, κοσμοπολίτης ἔφη (ср. ibid. 72) и слова Кратеса (ibid. 98):

οὐχ εἷς πάτρας μοι πύργος, οὐ μία στέγη,
πάσης δὲ χέρσου καὶ πόλισμα καὶ δόμος
ἕτοιμος ἡμῖν ἐνδιαιτᾶσθαι πάρα.

Очевидно, что тотъ, кто считаетъ себя гражданиномъ всего міра, не можетъ смотрѣть на нравственныя отношенія съ точки зрѣнія какого-либо положительнаго закона и обычая и потому необходимо субъективенъ.

много, что вопросамъ нравственнымъ посвятилъ семь отдѣльныхъ трактатовъ [1]). Въ основаніи его этики лежитъ взглядъ субъективизма, совершенно сходный со взглядомъ Сократа, — что счастье заключается не во внѣшнихъ благахъ, а въ душѣ [2]), что мѣрою полезнаго и вреднаго служатъ наслажденія и страданія [3]), и что лучшее средство къ счастью — въ разсчетливой оцѣнкѣ удовольствій и въ умѣренности, которыми пріобрѣтается душевное равновѣсіе [4]).

Съ Емпедокла получаетъ болѣе широкую разработку и анализъ познавательныхъ средствъ. Емпедоклъ усвоиваетъ намѣченный Парменидомъ [5]) взглядъ, что подобное познается подобнымъ [6]) и что духовныя состоянія обусловлены свойствами тѣла [7]), но съ небывалою дотолѣ обстоятельностью разсматриваетъ процессы воспріятія, которые объясняетъ своеобразной теоріей смѣшенія, чрезъ приспособленныя поры тѣла, истеченій отъ вещей съ сродными частицами въ органахъ чувствъ [8]). Анаксагоръ, напротивъ, учитъ, что мы познаемъ

---

[1]) Diog. Laert. IX, 46.

[2]) См. ниже, прим. 4.

[3]) Stob. Flor. III, 35 (fr. 8 M.): οὖρος ξυμφορέων καὶ ἀξυμφορέων τέρψις καὶ ἀτερπίη.

[4]) Stob. Ecl. Eth. II, 7 (fr. 1 M.): Δημόκριτος καὶ Πλάτων κοινῶς ἐν τῇ ψυχῇ τὴν εὐδαιμονίαν τίθενται. γέγραφε δὲ ὁ μὲν οὕτως· Εὐδαιμονίη ψυχῆς καὶ κακοδαιμονίη οὐκ ἐν βοσκήμασι οἰκέει, οὐδ' ἐν χρυσῷ, ψυχὴ δ' οἰκητήριον δαίμονος. τὴν δὲ εὐθυμίην καὶ εὐεστὼ καὶ ἁρμονίην, ξυμμετρίην τε καὶ ἀταραξίην καλεῖ· συνίσταται δ' αὐτὴν ἐκ τοῦ διορισμοῦ καὶ τῆς διακρίσεως τῶν ἡδονῶν· καὶ τοῦτ' εἶναι τὸ κάλλιστον καὶ συμφορώτατον ἀνθρώποις. Ib. I, 40. Ср. Plato, Protag. 351, B, слѣд.

[5]) См. выше, стр. 127, прим. 2.

[6]) Arist. De Anima I, 2, 404b, 13—15:

γαίῃ μὲν γὰρ γαῖαν ὀπώπαμεν, ὕδατι δ'ὕδωρ,
αἰθέρι δ'αἰθέρα δῖον, ἀτὰρ πυρὶ πῦρ ἀΐδηλον,
στοργῇ δὲ στοργήν, νεῖκος δέ τε νείκεϊ λυγρῷ·
ἐκ τούτων γὰρ πάντα πεπήγασιν ἁρμοθέντα
καὶ τούτοις φρονέουσι καὶ ἥδοντ' ἠδ' ἀνιῶνται.

[7]) Aristot. De Anima III, 3, 427a, 21, слѣд.; Metaph. III, 5, 1009b, 17, сл. (v. 375—377 M.):

πρὸς παρεὸν γὰρ μῆτις ἀέξεται ἀνθρώποισιν.
ὅσσον τ' ἀλλοῖοι μετέφυν, τόσον ἄρ σφισιν αἰεὶ
καὶ τὸ φρονεῖν αλλοῖα παρίστατο.

[8]) Plut. Quaest. Plat. XIX, 473W (v. 337 M.):

γνοὺς ὅτι πάντων εἰσὶν ἀποῤῥοαί, ὅσσ' ἐγένοντο.

Theophr. De Sensu, 7: Ἐμπεδοκλῆς φησι τῷ ἐναρμόττειν (τὰς ἀποῤῥοάς) εἰς τοὺς πόρους τοὺς ἑκάστης (αἰσθήσεως) αἰσθάνεσθαι. Ср. Arist. De Generat. et Corr. 8, нач. Это ученіе объ истеченіяхъ было усвоено Горгіемъ. Plato, Meno, 76, C: Βούλει οὖν σοι κατὰ Γοργίαν ἀποκρίνωμαι, ᾗ ἂν σὺ μάλιστ' ἀκολουθήσαις;—Βούλομαι· πῶς γὰρ

противоположное противоположнымъ ¹) и что нѣтъ никакого соотвѣт-

οὗ;—Οὐκοῦν λέγετε ἀποῤῥοάς τινας τῶν ὄντων κατ' Ἐμπεδοκλέα;—Σφόδρα γε.—Καὶ πόρους, εἰς οὓς καὶ δι' ὧν αἱ ἀποῤῥοαὶ πορεύονται;—Πάνυ γε.—Καὶ τῶν ἀποῤῥοῶν τὰς μὲν ἁρμόττειν ἐνίοις τῶν πόρων, τὰς δ' ἐλάττους ἢ μείζους εἶναι;—Ἔστι ταῦτα. Зрительный процессъ Емпедоклъ, подобно тому какъ впослѣдствіи Протагоръ всѣ вообще процессы воспріятія, объяснялъ изъ встрѣчи двоякаго рода движеній (у Емпедокла истеченій)– отъ воспринимающаго органа и отъ воспринимаемой вещи. Aristot. De Sensu, 2, 437b, 23, слѣд.: Ἐμπεδοκλῆς δ' ἔοικε νομίζοντι ὁτὲ μὲν ἐξιόντος τοῦ φωτός... βλέπειν· λέγει γοῦν οὕτως·

ὡς δ' ὅτε τις πρόοδον νοέων ὡπλίσσατο λύχνον
χειμερίην διὰ νύκτα, πυρὸς σέλας αἰθομένοιο
ἅψας, παντοίων ἀνέμων λαμπτῆρας ἀμοργούς,
οἵτ' ἀνέμων μὲν πνεῦμα διασκιδνᾶσιν ἀέντων,
φῶς δ' ἔξω διαθρῷσκον, ὅσον ταναώτερον ἦεν,
λάμπεσκεν κατὰ βηλὸν ἀτειρέσιν ἀκτίνεσσιν·
ὣς δὲ τότ' ἐν μήνιγξιν ἐεργμένον ὠγύγιον πῦρ
λεπτῇσίν τ' ὀθόνῃσι λοχάζετο κύκλοπα κούρην·
αἳ χοάνῃσι δίαντα τετρήατο θεσπεσίῃσιν
αἳ δ' ὕδατος μὲν βένθος ἀπέστεγον ἀμφινάοντος,
πῦρ δ' ἔξω διαθρῷσκον, ὅσον ταναώτερον ἦεν...

ὁτὲ μὲν οὖν οὕτως ὁρᾶν φησιν, ὁτὲ δὲ ταῖς ἀποῤῥοίαις ταῖς ἀπὸ τῶν ὁρωμένων. Нерѣшительный тонъ Аристотеля даетъ основаніе предпочесть свидѣтельство Θеофраста, которое объединяетъ то, что̀ считаетъ раздѣльнымъ Аристотель; тѣмъ болѣе, что оно косвенно подтверждается безспорно заимствованнымъ отъ Емпедокла объясненіемъ зрительнаго процесса у Платона въ «Тимэѣ» (45, B, слѣд.). Theophr. De Sensu, 8: πειρᾶται δὲ καὶ τὴν ὄψιν λέγειν, ποία τίς ἐστι· καί φησι τὸ μὲν ἐντὸς αὐτῆς εἶναι πῦρ, τὸ δὲ περὶ αὐτὸ γῆν καὶ ἀέρα, δι' ὧν διιέναι λεπτὸν ὂν καθάπερ τὸ ἐν τοῖς λαμπτῆρσι φῶς. τοὺς δὲ πόρους ἐναλλὰξ κεῖσθαι τοῦ τε πυρὸς καὶ τοῦ ὕδατος, ὧν τοῖς μὲν τοῦ πυρὸς τὰ λευκά, τοῖς δὲ τοῦ ὕδατος τὰ μέλανα γνωρίζειν· ἐναρμόττειν γὰρ ἑκατέροις ἑκάτερα. φέρεσθαι δὲ τὰ χρώματα πρὸς τὴν ὄψιν διὰ τὴν ἀποῤῥοήν. Съ этимъ ср. Plato, Theaet. 156, D: ἐπειδὰν οὖν (училъ Протагоръ) ὄμμα καὶ ἄλλο τι τῶν τούτῳ ξυμμέτρων πλησιάσαν γεννήσῃ τὴν λευκότητά τε καὶ αἴσθησιν αὐτῇ ξύμφυτον, ἃ οὐκ ἄν ποτ' ἐγένετο ἑκατέρου ἐκείνων πρὸς ἄλλο ἐλθόντος, τότε δὴ μεταξὺ φερομένων τῆς μὲν ὄψεως πρὸς τῶν ὀφθαλμῶν, τῆς δὲ λευκότητος πρὸς τοῦ συναποτίκτοντος τὸ χρῶμα, ὁ μὲν ὀφθαλμὸς ἄρ' ὄψεως ἔμπλεως ἐγένετο καὶ ὁρᾷ δὴ τότε и пр. Сходство ученія Протагора съ Емпедокловымъ очевидно: какъ по тому, такъ и по другому, зрительное воспріятіе обусловлено соотвѣтствіемъ зрящаго зримому; какъ по тому, такъ и по другому, это воспріятіе происходитъ посредствомъ двухъ движеній—отъ глаза къ вещи и отъ вещи къ глазу. Но у Емпедокла нѣтъ тѣхъ двойней, отъ которыхъ, по Протагору, зрѣніе распространяется по глазу, а цвѣтъ—по вещи: у него наоборотъ—зрѣніе распространяется по вещи (λάμπεσκεν κατὰ βηλόν и пр.), а цвѣтъ несется (φέρεσθαι) по глазу. Подобіе Протагоровыхъ двойней мы увидимъ въ ученіи Демокрита о зрительномъ ощущеніи (см. ниже, стр. 148, прим. 3); ученіе о разложеніи двойней, вѣроятно, принадлежитъ самому Протагору. Точно также какъ зрительное ощущеніе Протагоръ объяснялъ и всѣ остальныя (Plato, Theaet. 159, C, слѣд.; ср. ниже, стр. 148, прим. 1).

¹) Theophr. De Sensu, 27: Ἀναξαγόρας δὲ γίνεσθαι μὲν (τὰς αἰσθήσεις) τοῖς ἐναντίοις· τὸ γὰρ ὅμοιον ἀπαθὲς ὑπὸ τοῦ ὁμοίου.

ствія между образомъ въ нашемъ духѣ и тѣмъ, что̀ воспринимается [1]) Основываясь на этомъ, онъ утверждаетъ, что вещи бываютъ для насъ такими, какими мы ихъ себѣ представляемъ [2]). Обстоятельнѣе развиваетъ взглядъ объ относительности знанія Демокритъ, который своей психологіей примыкаетъ къ Емпедоклу [3]). Доводы, приводимые Демокритомъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ почти до тождества близки съ тѣми, которыми доказывалъ свою знаменитую формулу „Человѣкъ—мѣра" Протагоръ. „Одно и тоже (такъ передаетъ Аристотель взглядъ Демокрита [4]) кажется однимъ сладкимъ, другимъ—горькимъ. Если бы

[1]) Sext. Pyrrh., I, 33: νοούμενα δὲ (ἀντιτίθεμεν) φαινομένοις, ὡς ὁ Ἀναξαγόρας τῷ λευκὴν εἶναι τὴν χιόνα ἀντετίθει, ὅτι ἡ χιὼν ὕδωρ ἐστὶ πεπηγός, τὸ δὲ ὕδωρ ἐστὶ μέλαν, καὶ ἡ χιὼν ἄρα μέλαινά ἐστιν.

[2]) Aristot. Metaph. III, 5, 1009b, 25: Ἀναξαγόρου δὲ καὶ ἀπόφθεγμα μνημονεύεται πρὸς τῶν ἑταίρων τινάς, ὅτι τοιαῦτ' αὐτοῖς ἔσται τὰ ὄντα οἷα ἂν ὑπολάβωσι— was aber, поясняетъ Целлеръ (Philosophie der Griechen, I, 910), wenn die Ueberlieferung richtig ist, doch wohl nur besagen würde: die Dinge erhalten für uns eine andere Bedeutung, wenn wir sie aus einem andern Standpunkt betrachten, der Weltlauf werde unsern Wünschen entsprechen oder widersprechen, je nachdem wir eine richtige oder verkehrte Weltansicht haben. Толкованіе это совершенно произвольно. Аристотель (l. c.) прямо сопоставляетъ эти слова Анаксагора съ ученіемъ Демокрита, Протагора и другихъ объ относительности знанія.

[3]) По Демокриту, воспріятіе происходитъ чрезъ проникновеніе въ тѣло частицъ вещей. Для того, чтобы воспріятіе состоялось, необходимо (кромѣ силы впечатлѣнія обусловленной достаточнымъ числомъ атомовъ) соотвѣтствіе воспринимающаго воспринимаемому. Sext. Emp. adv. Math. VII, 116: παλαιὰ γάρ τις... παρὰ τοῖς φυσικοῖς κυλίεται δόξα περὶ τοῦ τὰ ὅμοια τῶν ὁμοίων εἶναι γνωριστικά. καὶ ταύτης ἔδοξε μὲν καὶ Δημόκριτος κεκομικέναι τὰς παραμυθίας (что, напримѣръ, галка садится возлѣ галки, голубь возлѣ голубя и пр. Sext. l. c.; Plut. Plac. IV, 19, 428W). Aristot. De Gen. et Corr. I, 7, 323b, 10 слѣд.: Δημόκριτος... φησὶ τὸ αὐτὸ καὶ ὅμοιον εἶναι τό τε ποιοῦν καὶ πάσχον· οὐ γὰρ ἐγχωρεῖν τὰ ἕτερα καὶ διαφέροντα πάσχειν ὑπ' ἀλλήλων, ἀλλὰ κἂν ἕτερα ὄντα ποιῇ τι εἰς ἄλληλα, οὐχ ᾗ ἕτερα, ἀλλ' ᾗ ταὐτόν τι ὑπάρχει, ταύτῃ ταῦτο συμβαίνειν αὐτοῖς. Зрительный процессъ Демокритъ объяснялъ отраженіемъ въ глазу образовъ вещей. Это отраженіе происходитъ не непосредственно въ зрачкѣ, но первоначально напечатлѣвается въ воздухѣ между глазомъ и вещью и образуется изъ смѣшенія выходящихъ изъ глаза лучей (φῶς ἔξω διαθρῴσκον Емпедокла) съ отдѣляющимися отъ вещей маленькими ихъ подобіями, и уже затѣмъ направляется къ глазу. Theophr. De Sensu, 50: ὁρᾶν μὲν οὖν ποιεῖ τῇ ἐμφάσει, ταύτην δ' ἰδίως λέγει· τὴν γὰρ ἔμφασιν οὐκ εὐθὺς ἐν τῇ κόρῃ γίνεσθαι, ἀλλὰ τὸν ἀέρα τὸν μεταξὺ τῆς ὄψεως καὶ τοῦ ὁρωμένου τυποῦσθαι, συστελλόμενον ὑπὸ τοῦ ὁρωμένου καὶ τοῦ ὁρῶντος· ἅπαντος γὰρ ἀεὶ γίνεσθαί τινα ἀποῤῥοήν· ἔπειτα τοῦτον στερεὸν ὄντα καὶ ἀλλόχρων ἐμφαίνεσθαι τοῖς ὄμμασιν. Stob. Flor. app. X, 1, ср. (Plutarch.) Placita, IV, 13, 2, 427W: по Демокриту, зрѣніе происходитъ κατ' εἰδώλων εἰσκρίσεις καὶ κατά τινων ἀκτίνων εἴςκρισιν μετὰ τὴν πρὸς τὸ ὑποκείμενον ἔνστασιν πάλιν ὑποστρεφουσῶν πρὸς τὴν ὄψιν. Въ этомъ посредствующемъ звенѣ не слѣдуетъ ли видѣть зачатки Протагоровыхъ двойней? (Ср. выше, стр. 146, прим. 8).

[4]) Aristot. Metaph. III, 5, 1009a, 39, слѣд.: ὁμοίως δὲ καὶ ἡ περὶ τὰ φαινόμενα

всѣ люди, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были больными или помѣшанными, то больными и помѣшанными казались бы эти двое или трое, а не всѣ остальные. Многимъ животнымъ вещи представляются совершенно иными, чѣмъ намъ; даже одному и тому же существу не всегда одинаковымъ кажется то, что оно ощущаетъ. Какое изъ противоположныхъ состояній истинно и какое ложно, неизвѣстно;

ἀλήθεια ἐνίοις ἐκ τῶν αἰσθητῶν ἐλήλυθε. τὸ μὲν γὰρ ἀληθὲς οὐ πλήθει κρίνεσθαι οἴονται προσήκειν οὐδὲ ὀλιγότητι, τὸ δ' αὐτὸ τοῖς μὲν γλυκὺ γευομένοις δοκεῖν εἶναι, τοῖς δὲ πικρόν. ὥστ' εἰ πάντες ἔκαμον ἢ πάντες παρεφρόνουν, δύο δ' ἢ τρεῖς ὑγίαινον ἢ νοῦν εἶχον, δοκεῖν ἂν τούτους κάμνειν καὶ παραφρονεῖν, τοὺς δ' ἄλλους οὔ. ἔτι δὲ πολλοῖς τῶν ἄλλων ζῴων τἀναντία περὶ τῶν αὐτῶν φαίνεσθαι καὶ ἡμῖν, καὶ αὐτῷ δὲ ἑκάστῳ πρὸς αὑτὸν οὐ ταὐτὰ κατὰ τὴν αἴσθησιν αἰεὶ δοκεῖν. ποῖα οὖν τούτων ἀληθῆ ἢ ψευδῆ, ἄδηλον. οὐδὲν γὰρ μᾶλλον τάδε ἢ τάδε ἀληθῆ, ἀλλ' ὁμοίως. διὸ Δημόκριτος γέ φησιν ἤτοι οὐδὲν εἶναι ἀληθὲς ἢ ἡμῖν γ' ἄδηλον Что таковы были доводы самого Демокрита, видно изъ свидѣтельствъ Θеофраста и Секста. Theophr. De Sensu, 23: за исключеніемъ тяжести, легкости, жесткости и мягкости, находящихъ объясненіе въ природѣ самихъ атомовъ, τῶν ἄλλων αἰσθητῶν οὐδενὸς εἶναι φύσιν, ἀλλὰ πάντα πάθη τῆς αἰσθήσεως ἀλλοιουμένης, ἐξ ἧς γίνεσθαι τὴν φαντασίαν. Οὐδὲ γὰρ τοῦ ψυχροῦ καὶ τοῦ θερμοῦ φύσιν ὑπάρχειν, ἀλλὰ τὸ σχῆμα μεταπῖπτον ἐργάζεσθαι καὶ τὴν ἡμετέραν ἀλλοίωσιν· ὅ, τι γὰρ ἂν ἀθρουν ᾖ, τοῦτ' ἐνισχύειν ἑκάστῳ, τὸ δ' εἰς μικρὰ διανενεμημένον ἀναίσθητον εἶναι. σημεῖον δέ, ὡς οὐκ εἰσὶ φύσει, τὸ μὴ ταὐτὰ πᾶσι φαίνεσθαι τοῖς ζῴοις, ἀλλ' ὃ ἡμῖν γλυκύ, τοῦτ' ἄλλοις πικρόν, καὶ ἑτέροις ὀξύ, καὶ ἄλλοις δριμύ, τοῖς δὲ στρυφνόν· καὶ τὰ ἄλλα δὲ ὡσαύτως· ἔτι δ' αὐτοὺς μεταβάλλειν τὴν κρίσιν κατὰ τὰς ἡλικίας· ᾗ καὶ φανερόν, ὡς ἡ διάθεσις αἰτία τῆς φαντασίας. ἁπλῶς μὲν οὖν περὶ τῶν αἰσθητῶν οὕτως δεῖν ὑπολαμβάνειν. Sext. Emp. Pyrrh. I, 213: ἀλλὰ καὶ ἡ Δημοκρίτειος φιλοσοφία λέγεται κοινωνίαν ἔχειν πρὸς τὴν σκέψιν, ἐπεὶ δοκεῖ τῇ αὐτῇ ὕλῃ ἡμῖν κεχρῆσθαι. ἀπὸ γὰρ τοῦ τοῖς μὲν γλυκὺ φαίνεσθαι τὸ μέλι, τοῖς δὲ πικρόν, τὸν Δημόκριτον ἐπιλογίζεσθαί φασι τὸ μήτε γλυκὺ αὐτὸ εἶναι μήτε πικρόν, καὶ διὰ τοῦτο ἐπιφθέγγεσθαι τὴν «οὐ μᾶλλον» φωνὴν σκεπτικὴν οὖσαν. Ibid. II, 63: ἀμέλει γοῦν ἐκ τοῦ τὸ μέλι τοῖσδε μὲν πικρὸν τοῖσδε δὲ γλυκὺ φαίνεσθαι ὁ μὲν Δημόκριτος ἔφη μήτε γλυκὺ αὐτὸ εἶναι μήτε πικρόν. Съ приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Аристотеля ср. другое его свидѣтельство, De Anima I, 2, 404a, 27, слѣд.: ἐκεῖνος (Δημόκριτος) μὲν γὰρ ἁπλῶς ταὐτὸν ψυχὴν καὶ νοῦν· τὸ γὰρ ἀληθὲς εἶναι τὸ φαινόμενον и пр. Ср. также ученіе Протагора, Plato, Theaet. 152, A (тоже Cratyl. 385, E): Οὐκοῦν οὕτω πως λέγει (Πρωταγόρας) ὡς οἷα μὲν ἕκαστα ἐμοὶ φαίνεται, τοιαῦτα μὲν ἔστιν ἐμοί, οἷα δὲ σοί, τοιαῦτα δ' αὖ σοί. Ibid. 158, D—E: Ὁρᾷς οὖν, ὅτι τό γ' ἀμφισβητῆσαι οὐ χαλεπόν, ὅτε καὶ πότερόν ἐστιν ὕπαρ ἢ ὄναρ ἀμφισβητεῖται, καὶ δὴ ἴσου ὄντος τοῦ χρόνου ὃν καθεύδομεν ᾧ ἐγρηγόραμεν, ἐν ἑκατέρῳ διαμάχεται ἡμῶν ἡ ψυχὴ τὰ ἀεὶ παρόντα δόγματα παντὸς μᾶλλον εἶναι ἀληθῆ· ὥστ' ἴσον μὲν χρόνον τάδε φαμὲν ὄντα εἶναι, ἴσον δ' ἐκεῖνα, καὶ ὁμοίως ἐφ' ἑκατέροις διϊσχυριζόμενα.—Παντάπασι μὲν οὖν.—Οὐκοῦν καὶ περὶ νόσων τε καὶ μανιῶν ὁ αὐτὸς λόγος, πλὴν τοῦ χρόνου, ὅτι οὐχὶ ἴσος;—Ὀρθῶς.—Τί οὖν; πλήθει χρόνου καὶ ὀλιγότητι τἀληθὲς ὁρισθήσεται;—Γελοῖον μέντἂν εἴη πολλαχῇ.—Ἀλλά τι ἄλλο ἔχεις σαφὲς ἐνδείξασθαι, ὁποῖα τούτων τῶν δοξασμάτων ἀληθῆ; — Οὔ μοι δοκῶ. Ibid. 159, C — E: Ὅταν δὴ οἶνον πίνω ὑγιαίνων, ἡδύς μοι φαίνεται καὶ γλυκύς; —Ναί.—Ἐγέννησε γὰρ δὴ ἐκ τῶν προωμολογημένων τότε ποιοῦν καὶ τὸ πάσχον γλυκύτητά τε καὶ αἴσθησιν, ἅμα φερόμενα ἀμφότερα, καὶ ἡ μὲν αἴσθησις πρὸς τοῦ πάσχοντος οὖσα αἰσθανομένην τὴν

въ самихъ состояніяхъ нѣтъ никакого признака, по которому одни были бы болѣе истинными, чѣмъ другія, но всѣ они истинны (или не истинны) одинаково. Поэтому, либо ни въ чемъ нѣтъ истины, либо она намъ неизвѣстна".

Еще рѣзче исповѣдуетъ скептицизмъ самъ Демокритъ въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ. „Мы на самомъ дѣлѣ (такъ гласятъ эти отрывки [1]) не познаемъ никакой истины, а только то, что измѣ-

γλῶσσαν ἀπειργάσατο, ἡ δὲ γλυκύτης πρὸς τοῦ οἴνου περὶ αὐτὸν φερομένη γλυκὺν τὸν οἶνον τῇ ὑγιαινούσῃ γλώττῃ ἐποίησε καὶ εἶναι καὶ φαίνεσθαι.—Πάνυ μὲν οὖν. τὰ πρότερα ἡμῖν οὕτως ὡμολόγητο. — Ὅταν δ' ἀσθενοῦντα (Σωκράτη λάβῃ τῶν πεφυκότων τι ποιεῖν ἄλλο τι), ἄλλο τι πρῶτον μὲν τῇ ἀληθείᾳ οὐ τὸν αὐτὸν ἔλαβεν; ἀνομοίῳ γὰρ δὴ προσῆλθεν.—Ναί.—Ἔτερε δὴ αὖ ἐγεννησάτην ὅ τε τοιοῦτος Σωκράτης καὶ ἡ τοῦ οἴνου πόσις, περὶ μὲν τὴν γλῶτταν αἴσθησιν πικρότητος, περὶ δὲ τὸν οἶνον γιγνομένην καὶ φερομένην πικρότητα, καὶ τὸν μὲν οὐ πικρότητα ἀλλὰ πικρόν, ἐμὲ δ' οὐκ αἴσθησιν ἀλλ' αἰσθανόμενον. Сходство между ученіемъ Демокрита и ученіемъ Протагора бросается въ глаза. Невозможно поэтому согласиться съ словами Целлера (Philosophie der Griechen I, 947), dass in der Lehre des Sophisten (Protagoras) durchaus keine Spuren demokritischen Einflusses vorliegen. Протагоръ, по преданію, былъ ученикомъ Демокрита. Целлеръ (который въ вопросѣ объ отношеніи Протагора къ Демокриту повторяетъ Фрея, Quaestiones Protagoreae, Bonn, 1845, p. 9 sq.), ссылаясь какъ на это мнимое отсутствіе «вліянія», такъ и на то, что Протагоръ былъ на двадцать лѣтъ старше Демокрита (это поставлено Целлеромъ внѣ сомнѣнія, l. c. 761, f., 865 f., 944 f.) и, по свидѣтельству Платона (Plato, Meno 91, E, см. выше, стр. 36), умеръ семидесяти лѣтъ отъ роду послѣ того, какъ занимался софистическимъ искусствомъ въ теченіе сорока лѣтъ, и что поэтому Протагоръ долженъ былъ сдѣлаться ученикомъ Демокрита, когда послѣднему было не болѣе десяти лѣтъ, отвергаетъ это преданіе какъ недостовѣрное (l. c. I, 947). Но слово «ученикъ» можно понимать и не въ буквальномъ смыслѣ. Въ первую половину жизни Протагоръ вынужденъ былъ добывать себѣ пропитаніе переноской тяжестей, учительствомъ въ деревняхъ, преподаваніемъ риторики. (Epic. et Arist. ap. Diog. L. IX, 53, X, 8; Aul. Gell. V, 3; Ath., VIII, 13; Ael. Var. Hist. IV, 20 и др.). Эти труды не могли ему оставлять много времени для занятія философіей, и ничто не мѣшаетъ предположить, что свою философскую теорію онъ окончательно выработалъ лишь въ послѣдніе двадцать лѣтъ жизни. Въ такомъ случаѣ онъ могъ познакомиться съ ученіемъ Демокрита, когда послѣднему было 30 лѣтъ, а ему—50; учителемъ же риторики онъ могъ выступить и съ тридцатилѣтняго возраста. Подробнѣе обо всемъ этомъ будетъ сказано въ главѣ о Протагорѣ.

[1]) Sext. Empir. adv. Math. (fr. 1 M.): ἐν δὲ τοῖς Κρατυντηρίοις καίπερ ὑπεσχημένος ταῖς αἰσθήσεσι τὸ κράτος τῆς πίστεως ἀναθεῖναι, οὐδὲν ἧττον εὑρίσκεται τούτων καταδικάζων. Φησὶ γάρ· Ἡμέες δὲ τῷ μὲν ἐόντι οὐδὲν ἀτρεκὲς ξυνίεμεν, μεταπῖπτον δὲ κατά τε σώματος διαθιγήν, καὶ τῶν ἐπεισιόντων, καὶ τῶν ἀντιστηριζόντων. καὶ πάλιν φησίν· Ἐτεῇ μέν νυν, ὅτι οἷον ἕκαστόν ἐστιν, ἢ οὐκ ἐστι, οὐ ξυνίεμεν, πολλαχῇ δεδήλωται. ἐν δὲ τῷ Περὶ ἰδεῶν, Γινώσκειν χρή, φησί, ἄνθρωπον τῷδε τῷ κανόνι, ὅτι ἐτεῆς ἀπήλλακται. καὶ πάλιν. Δηλοῖ μὲν δὴ καὶ οὗτος ὁ λόγος, ὅτι ἐτεῇ οὐδὲν ἴδμεν περὶ οὐδενός· ἀλλ' ἐπιῤῥυσμίη ἑκάστοισι ἡ δόξις. καὶ ἔτι· καίτοι δῆλον ἔσται, ὅτι ἐτεῇ οἷον ἕκαστον, γινώσκειν, ἐν ἀπόρῳ ἐστί. (Cp. Diog· Laert. IX, 72: ἐτεῇ δὲ οὐδὲν ἴδμεν· ἐν βυθῷ γὰρ ἡ ἀληθεία.) καὶ δὴ ἐν μὲν τούτοις πᾶσαν σχεδὸν κινεῖ κατάληψιν, καὶ μόνον ἐξαιρέτως καθάπτεται τῶν αἰσθήσεων.

няется сообразно съ прикосновеніемъ къ нашему тѣлу и съ тѣмъ, что въ него входитъ и оказываетъ ему противодѣйствіе". „Мною уже много разъ объяснено, что мы не знаемъ ни того, какова каждая

Не смотря на свидѣтельства Аристотеля и на признаніе самого Демокрита въ скептицизмѣ, Целлеръ (Philosophie der Griechen I, 820f.) и въ слѣдъ за нимъ Наторпъ (Forschungen zur Geschichte des Erkenntnissproblems im Alterthum, Berlin 1884) отрицаютъ, что бы Демокритъ могъ быть скептикомъ. Въ доказательство своего мнѣнія Целлеръ приводитъ вопервыхъ соображеніе, что если бы Демокритъ отождествлялъ явленія съ истиной, то онъ рѣзко противорѣчилъ бы своему основному утвержденію, что по истинѣ существуютъ только атомы и пустота (см. выше, стр. 113, пр. 3); во вторыхъ свидѣтельство Секста Емпирика о томъ, что Демокритъ различалъ двоякаго рода мнѣнія: темное и правильное, изъ которыхъ первое, приравненное Секстомъ чувственному воспріятію, не даетъ твердаго основанія для распознанія истины, второе, приравненное Секстомъ къ разумному познанію, даетъ такое основаніе (Sext. Emp. adv. Math. VII, 135—139: ἐν δὲ τοῖς Κανόσι δύο φησὶν εἶναι γνώσεις, τὴν μὲν διὰ τῶν αἰσθήσεων, τὴν δὲ διὰ τῆς διανοίας· ὧν τὴν μὲν διὰ τῆς διανοίας γνησίην κατάγει, προσμαρτυρῶν αὐτῇ τὸ πιστὸν εἰς ἀληθείας κρίσιν· τὴν δὲ διὰ τῶν αἰσθήσεων σκοτίην ὀνομάζει, ἀφαιρούμενος αὐτῆς τὸ πρὸς διάγνωσιν τοῦ ἀληθοῦς ἀπλανές. λέγει δὲ κατὰ λέξιν· γνώμης δὲ δύο εἰσὶν ἰδέαι· ἡ μὲν γνησίη, ἡ δὲ σκοτίη· καὶ σκοτίης μὲν τάδε ξύμπαντα, ὄψις, ἀκοή, ὀδμή, γεῦσις, ψαῦσις· ἡ δὲ γνησίη ἀποκεκρυμμένη δὲ ταύτης. εἶτα προκρίνων τῆς σκοτίης τὴν γνησίην ἐπιφέρει λέγων. ὅταν ἡ σκοτίη μηκέτι δύνηται μήτε ὁρῆν ἐπ' ἔλαττον, μήτε ἀκούειν, μήτε ὀδμᾶσθαι, μήτε γεύεσθαι, μήτε ἐν τῇ ψαύσει αἰσθάνεσθαι, ἀλλ' ἐπὶ λεπτότερον... здѣсь слова Демокрита обрываются, и догадаться, что онъ хотѣлъ дальше сказать, нѣтъ возможности. οὐκοῦν καὶ κατὰ τοῦτον ὁ λόγος ἐστὶ κριτήριον, ὃν γνησίην γνώμην καλεῖ); въ третьихъ свидѣтельства Плутарха и Секста о возникшей между Демокритомъ и Протагоромъ полемикѣ, вслѣдствіе несогласія перваго съ ученіемъ втораго объ одинаковой правдивости всѣхъ воспріятій (Plut. adv. Col. IV, 353W: ἀλλὰ τοσοῦτόν γε Δημόκριτος ἀποδεῖ τοῦ νομίζειν, μὴ μᾶλλον εἶναι τοῖον ἢ τοῖον τῶν πραγμάτων ἕκαστον, ὥστε Πρωταγόρᾳ τῷ σοφιστῇ τοῦτο εἰπόντι μεμαχῆσθαι καὶ γεγραφέναι πολλὰ καὶ πιθανὰ πρὸς αὐτόν. Sext. Math. VII, 389: πᾶσαν μὲν οὖν φαντασίαν οὐκ εἴποι τις ἀληθῆ διὰ τὴν περιτροπήν (т.-е., какъ видно изъ послѣдующаго, вслѣдствіе того, что утвержденіе «все истинно» можетъ быть превращено въ противоположное: «ничто не истинно», а стало быть не истинно и то, что все истинно и что ничто не истинно, ср. Plato, Theaet. 170, A, слѣд.), καθὼς ὅ τε Δημόκριτος καὶ ὁ Πλάτων ἀντιλέγοντες τῷ Πρωταγόρᾳ ἐδίδασκον) и свидѣтельства Плутарха и Климента о неодобрительныхъ отзывахъ Демокрита объ еристикахъ (Clem. Strom. I, 3, 279, ср. Plut. Qu. conv. I, 1, 5, 2, 332W, fr. 145 M.: λεξειδίων θηράτορες, ζηλωταὶ τεχνυδρίων, ἐριδάντεες καὶ ἱμαντελίκτεες); въ четвертыхъ свидѣтельство Секста о различіи между скептицизмомъ Демокрита и его, Секста, скептицизмомъ (Sext. Pyrrh. I, 213: διαφόρως μέντοι χρῶνται τῇ «οὐ μᾶλλον» φωνῇ οἵ τε Σκεπτικοὶ καὶ οἱ ἀπὸ τοῦ Δημοκρίτου· ἐκεῖνοι μὲν γὰρ ἐπὶ τοῦ μηδέτερόν εἶναι τάττουσι τὴν φωνήν, ἡμεῖς δὲ ἐπὶ τοῦ ἀγνοεῖν πότερον ἀμφότερα ἢ οὐδέτερόν τί ἐστι τῶν φαινομένων. προδηλοτάτη δὲ γίνεται ἡ διάκρισις, ὅταν ὁ Δημόκριτος λέγῃ «ἐτεῇ δὲ ἄτομα καὶ κενόν.» ἐτεῇ μὲν γὰρ λέγει ἀντὶ τοῦ ἀληθείᾳ. κατ' ἀλήθειαν δὲ ὑφεστάναι λέγων τάς τε ἀτόμους καὶ τὸ κενόν, ὅτι διενήνοχεν ἡμῶν... περιττὸν οἶμαι λέγειν); въ пятыхъ свидѣтельство Аристотеля о томъ, что Демокритъ изъ предшествовавшихъ Сократу философовъ особенно много (am meisten) занимался опредѣленіемъ понятій (Arist. Metaph. XIII, 4, 1078 b, 17: Σωκράτους

вещь есть, ни того, какова она не есть". „На основанiи этого правила слѣдуетъ знать, что люди далеки отъ истины". „По истинѣ мы не знаемъ ничего ни о чемъ, но у каждаго поверхностное мнѣнiе".

δὲ περὶ τὰς ἠθικὰς ἀρετὰς πραγματευομένου καὶ περὶ τούτων ὁρίζεσθαι καθόλου ζητοῦντος πρώτου· τῶν μὲν γὰρ φυσικῶν ἐπὶ μικρὸν Δημόκριτος ἥψατο μόνον καὶ ὡρίσατό πως τὸ θερμὸν καὶ τὸ ψυχρόν); и наконецъ въ шестыхъ то, что если бы Демокритъ отрицалъ возможность знанiя, то онъ не могъ бы выставить научной системы. Но во первыхъ, у насъ нѣтъ никакого ручательства, что Демокритъ не противорѣчилъ себѣ. Противорѣчiя, притомъ самыя коренныя, лежатъ въ основанiи почти всѣхъ философскихъ системъ, и при существованiи положительныхъ свидѣтельствъ о принадлежности того или другаго воззрѣнiя извѣстному философу, отрицать эту принадлежность, ссылаясь только на противорѣчiя, значитъ поступать произвольно. Во вторыхъ, изъ словъ самого Демокрита, приведенныхъ Секстомъ, не видно ни того, что Демокритъ приравнивалъ вѣрное мнѣнiе разумному познанiю, ни того, что это послѣднее признавалъ путемъ къ постиженiю истины. Это объясненiе принадлежитъ Сексту, котораго склонность перемѣшивать чужое со своимъ и перетолковывать по своему извѣстна; оно внушаетъ противъ себя тѣмъ большее подозрѣнiе, что Демокритъ, по словамъ самого Секста, въ тѣхъ самыхъ «Правилахъ», изъ которыхъ взятъ объясняемый Секстомъ отрывокъ, настаивалъ на невозможности доказательствъ. Adv. Mathem. VIII, 327: τάχα καὶ Δημόκριτος—τάχα потому, что Демокритъ отрицалъ возможность доказательствъ не прямо, а косвенно, отрицая возможность истиннаго знанiя—(ἀναιρεῖ τὴν ἀπόδειξιν)· ἰσχυρῶς γὰρ αὐτῇ διὰ τῶν Κανόνων ἀντείρηκεν. Если Демокритъ темнымъ мнѣнiемъ называлъ такое, которое посредствомъ зрѣнiя, слуха, обонянiя и пр. неспособно воспринимать даже немного (ἐπ' ἔλαττον — относить эти слова къ атомамъ, какъ это дѣлаетъ Целлеръ, l. c. 778, нѣтъ никакого основанiя), то подъ вѣрнымъ мнѣнiемъ онъ могъ подразумѣвать такое, которое способно воспринимать сравнительно съ темнымъ много, т.-е. воспрiимчивость болѣе тонкую, чѣмъ та, которую онъ называлъ темной. Такое объясненiе словъ Демокрита болѣе правдоподобно, чѣмъ Секстово, такъ какъ, по свидѣтельству Аристотеля, Демокритъ не указывалъ на умъ, какъ на познающую истину способность (De Anima I, 2, 404a, 29: οὐ δὴ χρῆται τῷ νῷ ὡς δυνάμει τινὶ περὶ τὴν ἀλήθειαν). Сенсуализмъ Демокрита косвенно подтверждается и сенсуализмомъ Епикура, усвоившаго систему Демокрита почти безъ измѣненiя. Если бы Демокритъ, не отличавшiй, какъ, повидимому, соглашается и Целлеръ (ibid. 820 f.), умственной дѣятельности отъ чувственной, сталъ бы настаивать на большей достовѣрности разумнаго познанiя передъ чувственнымъ, то онъ допустилъ бы еще болѣе разительное противорѣчiе, чѣмъ то, котораго не желаетъ признать Целлеръ. Впрочемъ, если бы и было доказано, что Демокритъ отличалъ разумное познанiе (дающее намъ свѣдѣнiя исключительно о существованiи пустоты и атомовъ) отъ чувственнаго (знакомящаго насъ со всѣми явленiями), какъ истинное отъ ложнаго, то и въ этомъ случаѣ не было бы основанiя отрицать скептицизмъ Демокрита. Главное содержанiе нашъ опытъ получаетъ отъ чувствъ. Сказать людямъ, что они не знаютъ ничего, кромѣ того, что существуетъ пустота и атомы, значитъ сказать почти тоже, что они ничего не знаютъ. Въ третьихъ, свидѣтельства Плутарха и Секста не имѣютъ никакой цѣны сравнительно съ отрицающими ихъ собственными словами Демокрита и свидѣтельствомъ Аристотеля. Самое большое, что мы можемъ вывести изъ свидѣтельствъ Плутарха и Секста, это то, что Демокритъ не былъ послѣдователенъ. Ср. приведенныя выше (стр. 150, прим. 1 нач.) слова Секста и Theophr. De Sensu 69: ἄτοπον δὲ καὶ τὸ πᾶσιν ἀξιοῦν ταὐτὸ φαίνεσθαι τῶν αὐτῶν αἰσθανομένοις καὶ τούτων τὴν ἀλήθειαν ἐλέγχειν καὶ ταῦτα εἰρηκότα πρότερον τὸ τοῖς ἀνομοίως διακειμένοις ἀνόμοια φαίνεσθαι καὶ πά-

„Ясно, что у насъ нѣтъ средствъ знать достовѣрно, какова на самомъ дѣлѣ каждая вещь". Начало философскаго скептицизма мы видѣли у Ксенофана [1]). У Емпедокла точно также встрѣчаются жалобы на ограниченность человѣческаго разумѣнія, на невозможность познать что̀ нибудь помимо случайныхъ явленій [2]). Но самое полное выра-

λιν τὸ μηθὲν μᾶλλον ἕτερον ἑτέρου τυγχάνειν τῆς ἀληθείας. Возможно предположить, что онъ въ различные періоды своей дѣятельности имѣлъ различныя воззрѣнія на природу знанія. Изъ свидѣтельства Секста слѣдуетъ не то, что Демокритъ не отождествлялъ истину съ явленіями, а скорѣе то, что онъ не одобрялъ догматической формулы Протагора, утверждавшей одинаковую истинность всѣхъ явленій, тѣмъ болѣе, что эта формула διὰ τὴν περιτροπήν (см. выше) опровергаетъ сама себя; съ точки зрѣнія Демокрита Протагоръ долженъ былъ бы сказать, что хотя истина и лежитъ въ явленіяхъ, но мы не знаемъ, какія изъ явленій истинны, и какія нѣтъ. Презрительный отзывъ объ ернстикахъ ничего не доказываетъ, такъ какъ можно быть сенсуалистомъ и скептикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ презирать еристиковъ. Въ четвертыхъ, Секстъ не отрицаетъ ни того, что Демокритъ былъ скептикомъ, ни того, что его скептицизмъ основанъ на общемъ всѣмъ скептикамъ ученіи объ относительности знанія, а только ставитъ на видъ, что скептицизмъ Демокрита былъ не столь безусловенъ, какъ скептицизмъ самого Секста. Это ясно изъ тѣхъ словъ Секста, которыя предшествуютъ выписаннымъ Целлеромъ словамъ (и приведены мною на стр. 148, пр. 4). Въ пятыхъ, изъ того, что по словамъ Аристотеля, Демокритъ немножко касался опредѣленій (а не особенно много ими занимался, какъ переводитъ Целлеръ) и кое-какъ опредѣлялъ теплое, холодное и т. д., вовсе не слѣдуетъ, что онъ не отрицалъ возможности знанія. Опредѣленія, въ особенности кое-какія, можно найти у всякаго скептика. Но пусть даже опредѣленія несовмѣстны съ скептицизмомъ, откуда, повторяю, намъ извѣстно, что Демокритъ былъ всегда послѣдователенъ? Наконецъ, если признать правильнымъ послѣдній доводъ Целлера, то становится невозможнымъ какой бы то ни былъ скептицизмъ, такъ какъ всякій скептицизмъ неизмѣнно опирается на тѣ или другія догматическія предположенія. Какимъ образомъ Протагоръ, котораго Целлеръ признаетъ скептикомъ, могъ выработать психологическую теорію, утверждающую, что въ основаніи всего лежитъ движеніе и что всѣ наши состоянія одинаково истинны? Какимъ образомъ Антисѳенъ, допускавшій соединеніе только тождественныхъ словъ въ предложеніи и настаивавшій на томъ, что все истинно и ни противъ чего нельзя возражать (объ этомъ см. Zeller, Philosophie der Griechen, II, 3-te Aufl., 1875, S. 251, f.), могъ написать цѣлый трактатъ о различіи между мнѣніемъ и знаніемъ? Такихъ примѣровъ можно привести десятки.

[1]) См. выше, стр. 120, прим. 1.

[2]) Sext. Emp. adv. Math. VII, 122 (v. 36—44 M.):

στεινωποὶ μὲν γὰρ παλάμαι κατὰ γυῖα κέχυνται,
πολλὰ δὲ δείν' ἔμπαια, τάτ' ἀμβλύνουσι μερίμνας,
παῦρον δὲ ζωῆς ἀβίου μέρος ἀθρήσαντες
ὠκύμοροι, καπνοῖο δίκην ἀρθέντες ἀπέπταν,
αὐτὸ μόνον πεισθέντες, ὅτῳ προσέκυρσεν ἕκαστος,
πάντοσ' ἐλαυνόμενοι· τὸ δ' ὅλον πᾶς εὔχεται εὑρεῖν
αὔτως· οὔτ' ἐπιδερκτὰ τάδ' ἀνδράσιν οὔτ' ἐπακουστά,
οὔτε νόῳ περιληπτά. σὺ δ' οὖν, ἐπεὶ ὧδ' ἐλιάσθης,
πεύσεαι οὐ πλέον ἠὲ βροτείη μῆτις ὄρωρεν.

женіе философскій скептицизмъ въ предшествующій софистамъ періодъ нашелъ у Коринѳскаго философа Ксеніада, который училъ, что все, что̀ намъ кажется, есть ложь, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего: все то, что̀ кажется происходящимъ, происходитъ изъ небытія, и въ него же переходитъ все, что̀ кажется преходящимъ [1]).

Если мы теперь на основаніи только что сдѣланнаго историческаго очерка и того, что̀ намъ извѣстно о философскихъ воззрѣніяхъ софистовъ, захотимъ опредѣлить ихъ мѣсто въ исторіи греческой философіи, то должны будемъ признать, что и здѣсь, подобно тому какъ въ жизни нравственной, они были не преобразователями, а лишь завершителями и истолкователями уже существовавшаго движенія. Философская теорія Протагора выработалась изъ ученій Гераклита, Парменида, Емпедокла и Демокрита [2]); ея своеобразность исключительно въ томъ, что Протагоръ воспользовался доводами этихъ философовъ для доказательства руководительнаго въ его время правила, что человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей [3]). Ученіе Горгія возникло на почвѣ Елейскаго ученія [4]); безусловный нигилизмъ и скептицизмъ былъ (какъ только что замѣчено) провозглашенъ раньше Горгія Ксеніадомъ. Натурализмъ Продика нашелъ предшественниковъ въ натурализмѣ Анаксагора и Демокрита [5]); ученіе Антифонта о познаніи

---

[1]) Sext. Emp. adv. Math. VII, 53: Ξενιάδης δὲ ὁ Κορύνθιος, οὗ καὶ Δημόκριτος μέμνηται, πάντ' εἰπὼν ψευδῆ καὶ πᾶσαν φαντασίαν καὶ δόξαν ψεύδεσθαι καὶ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος πᾶν τὸ γινόμενον γίνεσθαι καὶ εἰς τὸ μὴ ὂν πᾶν τὸ φθειρόμενον φθείρεσθαι, δυνάμει τῆς αὐτῆς ἔχεται τῷ Ξενοφάνει στάσεως. Ср. ibid. 388, 399, VIII, 5; Pyrrh. II, 18. Что Ксеніадъ жилъ въ періодъ, предшествовавшій софистамъ, это я заключаю во первыхъ изъ того, что Секстъ, перечисляя скептиковъ въ хронологическомъ порядкѣ (хотя, правда, и не строгомъ), ставитъ Ксеніада раньше Протагора и Горгія, непосредственно послѣ Ксенофана (adv. Math. VII, 48: καὶ ἀνεῖλον δὲ αὐτὸ (τὸ κριτήριον) Ξενοφάνης τε ὁ Κολοφώνιος καὶ Ξενιάδης ὁ Κορίνθιος καὶ Ἀνάχαρσις ὁ Σκύθης καὶ Πρωταγόρας и пр.) и во вторыхъ изъ того, что на Ксеніада ссылается Демокритъ (см. выше). Горгій написалъ свою книгу Περὶ τοῦ μὴ ὄντος ἢ περὶ φύσεως въ 444 году (Olymp. in Gorg. p. 7), т. е. когда Демокриту было только 16 лѣтъ; но предполагать, что Ксеніадъ шелъ по слѣдамъ Горгія, нѣтъ никакого основанія. Слѣдуетъ думать наоборотъ: Ксеніадъ собралъ вокругъ себя цѣлую философскую школу (Sext. adv. Math. VII, 399: οἱ περὶ Ξενιάδην), Горгій полагалъ свою славу въ риторикѣ, а въ философіи былъ эклектикомъ, пользовавшимся разнообразными ученіями для доказательства не одной какой-нибудь постоянной основной мысли, но того, что̀ ему въ каждомъ данномъ случаѣ нужно было доказать.

[2]) Выше, стр. 106, пр. 5; стр. 113, пр. 1, 2; стр. 116, пр. 6; стр. 123, пр. 1; стр. 141, пр. 3; стр. 146, пр. 8; стр. 148, пр. 3 и 4.

[3]) Выше, стр. 54, слѣд.

[4]) Выше, стр. 105, пр. 5; стр. 131, пр. 1; стр. 135, пр. 4; стр. 136, пр. 1 и 2.

[5]) Выше, стр. 143, пр. 9.

по мысли то же, что̀ ученіе Ксеніада [1]). Общее всѣмъ софистамъ убѣжище—туманныя страны небытія впервые указалъ Парменидъ [2]). Основаніе еристикѣ было положено Зенономъ [3]), а теоретической риторикѣ—Емпедокломъ [4]). Еристика въ одно и то же время была показателемъ разложенія философскаго объективизма [5]) и совмѣстно съ риторикой—средствомъ къ крушенію объективизма политическаго [6]).

---

[1]) Объ Антифонтѣ см. выше, стр. 40.
[2]) Выше, стр. 122, слѣд.
[3]) Выше, стр. 133, пр. 3; стр. 134, пр. 1.
[4]) Выше, стр. 144, пр. 1.
[5]) Выше, стр. 116, слѣд.
[6]) См. главу V.

V.

Психологическія причины, вызвавшія появленіе софистовъ.—Значеніе себялюбивыхъ волненій въ исторіи.—Рознь и борьба на всѣхъ ступеняхъ роста общественнаго организма.—Эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ, семьи, рода, племени, государства.—Соотвѣтствіе идеаловъ воспитанія средствамъ борьбы.—Аѳинская исторія — совершеннѣйшее воплощеніе общеисторическаго типа.—Воспитательные идеалы въ Аѳинахъ до и послѣ половины V вѣка.—Судебная и законодательная борьба, ея мотивы и цѣли.—Подпольная борьба партій.—Риторика и еристика какъ средства борьбы.—Связь еристики съ судебной и законодательной практикой.—Кораксъ и Тизій—первые представители практической еристики.—Положеніе безоружныхъ въ демократической борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ.—Аѳины идеальныя и дѣйствительныя.—Послѣднее слово о практическомъ значеніи софистовъ.

Мы прослѣдили исторію возникновенія и развитія субъективизма въ Аѳинахъ и указали мѣсто, которое занимаютъ въ ней софисты; но при изложеніи политическихъ событій касались только ихъ внѣшней связи и оставляли почти безъ вниманія тѣ чисто психологическія причины, которыя вмѣстѣ съ внѣшними вырабатывали строй Аѳинской жизни,—сначала подчиняясь ихъ указанію, затѣмъ сами мало по малу давая имъ указанія, пока наконецъ со второй половины V вѣка въ такъ называемомъ софистическомъ направленіи не получили первенствующаго значенія. Софистическое направленіе было завершеніемъ греческой культуры, софисты—наиболѣе типичными его представителями. Въ крайнихъ выразителяхъ этого направленія—Ѳразимахѣ и Полѣ—психологическій двигатель аѳинской жизни нашелъ полное воплощеніе. Не зная, каковъ этотъ двигатель, невозможно понять значенія практической дѣятельности софистовъ. Но для того, чтобы его выяснить, необходимо заглянуть въ тайники человѣческаго духа.

Современная психологія всю человѣческую дѣятельность объясняетъ изъ взаимодѣйствія между внѣшней средою и духомъ и непосредственно—изъ разнаго рода волненій и связанныхъ съ ними идей, но старается сложныя духовныя побужденія вывести генетически изъ двухъ простѣйшихъ психофизіологическихъ началъ—изъ ищущей выхода нервной энергіи и стремленія къ самосохраненію—осложняющихся и измѣняющихся въ процессѣ развитія до неузнаваемости вслѣдствіе

приспособленія, наслѣдственности, ассоціацій [1]). Справедливо ли это генетическое объясненіе для всѣхъ духовныхъ явленій, или нѣтъ—достовѣрно во всякомъ случаѣ то, что большая часть практической дѣятельности человѣка, даже на высотѣ культуры, можетъ быть выведена изъ себялюбивыхъ волненій. Еслибы себялюбіе не было основнымъ двигателемъ человѣческой жизни, то невозможно было бы объяснить ни существованія религіозныхъ заповѣдей, полагающихъ добродѣтель въ любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ [2]), ни того, что до сихъ поръ не было ни одной, построенной не на пустословіи только, этики, которая бы вольно или невольно не признавала себялюбія, въ тѣхъ или другихъ его проявленіяхъ, прямой или отдаленной причиной, направляющей волю къ хорошему и отвращающей отъ дурнаго [3]), ни существо-

---

[1]) См. прим. 3.

[2]) См. слѣд. прим.

[3]) Нѣтъ болѣе очевидной истины, чѣмъ та, что «существо должно жить, прежде чѣмъ дѣйствовать. Отсюда непосредственно слѣдуетъ, что дѣйствія, которыми каждый поддерживаетъ свою собственную жизнь, должны, вообще говоря, стоять, по своей повелительности, впереди всѣхъ другихъ дѣйствій, къ которымъ онъ способенъ... Если каждый не будетъ надлежащимъ образомъ заботиться о себѣ, его заботливость о всѣхъ другихъ окончится смертью; а когда каждый доведетъ себя такимъ образомъ до смерти, то не останется и другихъ, о которыхъ слѣдовало бы заботиться» (Spencer, The Data of Ethics, Lond. 1884, p. 187). Несомнѣнно также и то, что «удовольствія связаны съ возвышеніемъ, а страданія съ пониженіемъ энергіи жизненныхъ функцій». (Bain, The Senses and the Intellect, 3-d ed., Lond. 1868, p. 300, sq.; The Emotions and the Will, 3-d ed. Lond. 1880, p. 313, sq.; cp. Mental Science, Lond. 1879, p. 80 sq.; Spencer, Principles of Psychology, 3-d. ed. Lond. 1881, I, 278, sq.; The Data of Ethics, p. 79). Этика даетъ правила поведенія по отношенію къ самому себѣ и другимъ; поэтому она неизбѣжно должна указывать, какъ на основной мотивъ, либо на стремленіе къ самосохраненію, либо на влеченіе къ удовольствіямъ (реальнымъ или идеальнымъ, непосредственнымъ или посредственнымъ) на отвращеніе отъ страданій (точно также реальныхъ или идеальныхъ, настоящихъ или будущихъ, посредственныхъ или непосредственныхъ) служащія выраженіемъ этого стремленія. (На высокихъ ступеняхъ духовной культуры вслѣдствіе сложныхъ причинъ, объяснять которыя здѣсь неумѣстно, не всѣ удовольствія служатъ цѣлямъ самосохраненія, но по первоначальной связи между ними и самосохраненіемъ человѣкъ стремится къ удовольствіямъ неизмѣнно.) При этомъ, если этика ставитъ на первомъ мѣстѣ благо единицъ, то она должна полагать главную силу въ мотивахъ, побуждающихъ къ дѣйствіямъ, если благо общественное, то въ мотивахъ, отвращающихъ отъ дѣйствій; и чѣмъ она больше заботится о благѣ другихъ, тѣмъ должна быть аскетичнѣе. Краткій историческій очеркъ нравственныхъ ученій лучше всего докажетъ справедливость этихъ замѣчаній объ этикѣ. Древнѣйшие истолкователи греческой нравственности, Пиѳагорейцы видѣли нравственный мотивъ въ получаемомъ душою при ея переселеніяхъ возмездіи (Pyth. Carm. aur. 54, слѣд. М.). Демокритъ указывалъ на удовольствіе и неудовольствіе какъ на мѣру полезнаго и вреднаго (см. выше, стр. 146, пр. 3), а потому и хорошаго и дурнаго (Stob. Flor. V, 24. Fr. 2 M.). Софисты, если не всегда въ теоріи, то неизмѣнно въ ея примѣненіи, стояли на почвѣ чистаго эгоизма (см. выше, стр. 95, сл. и ниже,

ванія карательныхъ законовъ и учрежденій, ни необходимости коватъ

въ наст. гл.). Сократъ точно также полагалъ основной мотивъ въ стремленіи къ пользѣ и личному счастью (Xen. Mem. I, 4. 6. 7; II, 1. 3. 4. 6. 10; III, 9, 4. 11. 12; IV, 1. 5. 6 и др. Conv. 5, 3; Plato, Protag. 333, D, сл.; 353, C, сл.); но великая разница его этики отъ софистической въ томъ, что тогда какъ софисты ставили исключительною цѣлью благоденствіе единицъ и средствъ къ этому благоденствію искали въ выгодахъ чисто внѣшнихъ, Сократъ доказывалъ, что благо личное стоитъ въ зависимости отъ блага другихъ (Xen. Mem. I, 2. 3; II, 4. 6. 10 и пр.—ученіе Сократа о дружбѣ) и не отдѣлимо отъ государственнаго (ib. II, 1, 14; III, 7), и что условія счастливой жизни лежатъ не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ—въ критическомъ самоуглубленіи (ibid. III, 7; IV, 2, 24 слѣд. и др.; Plato Apol. 28, E, 36, B, слѣд. 38, A и др.), открывающимъ истинный смыслъ жизни (Xen. Memor. I, 1, 16; IV, 1, 5; 6, 1, сл. и др.), въ разсчетливой оцѣнкѣ удовольствій (ibid. IV, 5; Plato, Protag. 351, B, сл. и особ. 356, B, слѣд.) и необходимомъ для этого воздержаніи (Xen. Mem. I, 5, 4; II, 1, 1, сл. IV, 5, 1 сл. и др.). Всѣ дальнѣйшія нравственныя ученія древности были переработкой завѣщанныхъ Сократомъ началъ. Циники развили одностороннее ученіе Сократа о воздержаніи (о нихъ Diog. Laert. VI, вся книга; Zeller, Philosophie der Griechen, II, 3-te Aufl. Leipz. 1875, 240, f.); Киренейцы—его ученіе объ удовольствіи. (О главномъ представителѣ этого направленія Аристиппѣ, см. Diog. Laert. II, 65 сл., Zeller, l. c. II, 288 f.). Платонъ воспроизвелъ этику своего учителя вполнѣ, придавъ въ тоже время ей метафизическій характеръ. Сколь ни высоко Платонъ паритъ надъ землею, однако и онъ признаетъ высшей цѣлью счастье (Sympos. 205, A; De Rep. 354, A и др.), а основнымъ мотивомъ—пользу (De Rep. 457, B и др.); добродѣтель—здоровое состояніе души—есть лишь средство къ достиженію счастья (ibid. 354, A). По Аристотелю точно также высшее благо—счастье (Eth. Nic. I, 2, 1095a, 17, слѣд.), добродѣтель—постоянное свойство души, которое даетъ человѣку возможность исполнять свое дѣло правильно (ib. II, 5, 1106a, 13, слѣд.), т.-е. избѣгая крайностей въ выборѣ опредѣляющихъ нашу волю удовольствій (De Anima, II, 2, 413b, 23; III, 7, 431a, 18, сл. Eth. Nic. II, 2, 1104b, 8, сл., 5, 1006b, 8; VII, 14, 1153b, 1, сл.; X, 2, 1172b, 9, сл.) и доставляетъ поэтому высшее наслажденіе (ib. X, 4, 1174b, 14, сл.). Нравственное ученіе Стоиковъ есть передѣлка Цинизма (основатель школы, Зенонъ, былъ ученикомъ Циника Кратеса, Diog. Laert. VII, 2, слѣд. и др.; Zeller, l. c. IV, 3-te Aufl. Leipz. 1880, S. 350 f.); при всемъ своемъ отчужденіи отъ внѣшнихъ благъ, они считаютъ высшимъ благомъ счастье и указываютъ, какъ на коренной двигатель нравственности, на стремленіе къ самосохраненію и себялюбіе (Diog. Laert. VII, 85, 88 и др.; Zeller, l. c. IV, 208 f.). Эпикуръ въ нравственномъ ученіи шелъ по стопамъ Киренейцевъ и Демокрита (Zeller, l. c. IV, 471 f.). Плотинъ объединилъ въ своей этикѣ ученія Стоиковъ и Платона (Zeller, l. c., V, 3-te Aufl. Leipz. 1881, 594 f.; 601 f.). Евангельское нравоученіе полагаетъ высшую заповѣдь въ самоотверженной любви къ Богу (Math. XXII, 37; X, 37 сл.; XII, 47, сл. и др.); вторую—въ любви къ ближнему какъ къ самому себѣ (ibid. XXII, 39). Оно поэтому есть проповѣдь аскетизма (ср. особ. Math. V, 2, сл., 28, сл., 39, сл.; VI, 19, сл., 25, сл., 34; X, 37, сл.; XI, 28, сл.; XII, 19, сл.; XIX, 12, 21, сл. и др.; ср. также безпредѣльно любвеобильныя, но и безпредѣльно аскетическія предписанія Будды, Barthélemy St. Hilaire Bouddha, Paris, 3-me éd. 1886; Oldenberg, Buddha, Berlin, 1882; Гусевъ, Нравственный идеалъ Буддизма въ его отношеніи къ Христіанству, Спб. 1874); однако и оно въ полной мѣрѣ признаетъ слабости человѣческой природы. «Свою плоть никто не ненавидитъ, но лелѣетъ и грѣетъ», замѣчаетъ Апостолъ (Ephes. V, 29). «По-

мечи и отливать пушки и содержать арміи, штыками которыхъ наро-

ступайте съ другими такъ, учитъ Христосъ, какъ бы вы желали, чтобы съ вами поступали» (Luc. VI, 31; Math. VII, 12). Согласно съ правиломъ: «Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше», (Math. VI, 21) повсюду обѣщаетъ Онъ награды за хорошія дѣла и наказанія за дурныя (Math. V, 3, сл., 19, 22, 29, сл., 46: VI, 1, сл.; VII, 1, сл., 21, VIII, 12; XII, 31, слѣд.; XIII, 40, сл.; XVI, 25, сл.; XVIII, 3, сл.; XIX, 17, сл.; XXV 31, сл.; Marc. III, 38, сл.; VIII, 36, сл.; Luc. XII, 8; XVII, 2, 33; Ioann. V, 29; XI, 25; I Cor. XIV, 20; Rom. X, 9 сл. XIV, 13; I Pt. V, 6 и др.). Первый представитель раціонализма въ новой философіи, Декартъ, въ нравственномъ міровоззрѣніи стоитъ на почвѣ «утилитарнаго оппортунизма» (Discours de la Méthode, p. 15, sq., éd. Simon). Мальбраншъ учитъ, что наша воля по необходимости направляется къ высшему наслажденію, но его мы можемъ получить лишь въ Богѣ; поэтому мы должны Бога любить всѣмъ сердцемъ. (Recherches de la Vérité, Paris, 1772, I, p. 17, sq.). По Лейбницу, назначеніе человѣка—блаженство въ Богѣ, т.-е. въ непрерывномъ прогрессѣ къ новымъ удовольствіямъ и совершенствамъ (Principes de la Nature et de la Grâce, 18, p. 118, b Erdm.); только мысль о Богѣ и безсмертіи дѣлаетъ обязательства добродѣтели и справедливости безусловно необходимыми (Nouv. Ess. l. 2, ch. 21, p. 264, b). Спиноза выразилъ основную мысль своей этики въ сжатой формулѣ (Eth. Pars IV, Prop. XXIV): Ex virtute absolute agere nihil aliud in nobis est, quam ex ductu rationis agere, vivere, suum esse conservare (haec tria idem significant) ex fundamento proprium utile quaerendi. (Ср. Tract. Theolog. Pol. c. XVI, p. 359, сл., ed. Ien. 1802). Кантъ, хотя объявляетъ въ «Критикѣ Практическаго Разума» войну всякому эмпиризму, сенсуализму, эгоизму и пр. (Kritik der Praktischen Vernunft, herausg. v. Hartenstein, Leipzig, 1867, S. 11 f., 21 f. и др.), на дѣлѣ признаетъ главнымъ побужденіемъ себялюбіе — какъ въ мотиваціи своего высшаго нравственнаго закона «Поступай такъ, чтобы правило твоей воли вмѣстѣ могло бы всегда служить принципомъ общаго законодательства» (объ этомъ законѣ см. Kritik der Praktischen Vernunft, S. 32 f.; Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, her. v. Kirchmann, Heid. 1882, S. 20; 44 f., объ его мотиваціи Kritik der Prakt. Vern. S. 73 f., Grundlegung, 21 f.), такъ и въ ученіи о высшемъ благѣ, объединяющемъ въ себѣ добродѣтель и несовмѣстимое съ нею, а потому очевидно себялюбивое, счастье (объ этомъ Kritik der Prakt. Vernunft, S. 116 f.). Ср. блестящую критику Кантовой этики у Шопенгауэра въ его Die beiden Grundprobleme der Ethik, 2-te Aufl., Leipz. 1860, S. 117 f. Англійская этика эмпиризма (объ ея представителяхъ см. Mackintosh, On the Progress of Ethical Philosophy, 4-t ed. Edinb. 1872; Bain Mental Science, p. 543 sq.; Guyau, La Morale anglaise contemporaine, 2-me éd. Paris, 1885) зиждется на четырехъ, положенныхъ Бэкономъ, Гоббзомъ, Локкомъ и Гэртли основаніяхъ. Первый указалъ на индукцію какъ на единственный путь къ достиженію истины въ области всѣхъ наукъ какъ физическихъ, такъ одинаково и нравственныхъ (Novum Organum, I, Aph. CXXVII). Второй поставилъ на видъ исключающую такъ называемое «самоопредѣленіе» необходимость стремленія къ самосохраненію (Quaestiones de libertate et necessitate, Moral and Political Works, London, 1750, p. 469, sq; De Cive, I, c. XIII, p. 7), сознаваемую какъ желаніе удовольствій и отвращеніе отъ страданій, и относительность нравственной оцѣнки къ состояніямъ чувствующаго лица и условіямъ общежитія (Leviath., c. VI, p. 26). Третій перенесъ этику на почву эмпирической психологіи, отвергнувъ всякія врожденныя идеи и объявивъ корнемъ нравственныхъ поступковъ удовольствія и неудовольствія (Essay on the Human Understanding, Book, I, passim; относительно нравственныхъ правилъ см. Ch. III; объ удовольствіяхъ и страданіяхъ, какъ основаніяхъ этики,—

ды щетинятся тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше идетъ исторія, ни вообще розни и борьбы, опредѣляющихъ людскія отношенія на всѣхъ ступеняхъ роста государственнаго организма [1]).

Book II, ch. XXVIII). Гэртли разработалъ ученіе объ ассоціаціи идей и объяснилъ при помощи этого ученія возникновеніе нравственнаго чувства изъ удовольствій и неудовольствій (Observation on Man, London, 1749). Знаменитѣйшій представитель этого направленія въ настоящее время, Бэнъ, весь ростъ нашей вольной дѣятельности выводитъ изъ совмѣстнаго дѣйствія трехъ причинъ—разряженія нервной энергіи въ непроизвольныхъ движеніяхъ, закона самосохраненія (по которому удовольствія возвышаютъ, а страданія понижаютъ энергію жизненныхъ функцій) и закона смежности (The Senses and the Intellect, p. 64 sq., 296 sq., 328 sq., 407 sq. и др.; The Emotions and the Will, p. 303 sq.; ср. Mental Science, 79 sq., 318 sq.). Тѣ же самыя начала признаетъ основными и представитель выдвинутаго Дарвиномъ ученія о развитіи, Спенсеръ (The Principles of Biology; The Principles of Psychology, The Data of Ethics см. выше), который расходится съ эмпириками не въ основаніяхъ, а въ методѣ (объ этомъ см. Bain, The Emotions and the Will, p. 47 sq. и особенно 318 sq.) Къ этикѣ психологическаго эмпиризма примыкаютъ также и ученія, полагающія начало нравственности въ симпатіи (отраженномъ себялюбіи, смягченномъ къ тому же привычками общежитія, объ этомъ Bain, The Emotions and the Will, p. 111, sq.; Mental Science, p. 277 sq.; Spencer, Principles of Psychology II, p. 558, sq.) Адама Смита (Theory of the Moral Sentiments, Lond. 1759), Руссо (Discours sur l' origine de l' inégalité, Paris, 1754) и Шопенгауэра (Die beiden Grundprobleme der Ethik. S. 210 f., Die Welt als Wille und Vorstellung, 4-te Aufl. 1873, I, 443 f.). О теоріяхъ (Броуна, Стюарта, Рида и др.), прибѣгающихъ для объясненія нравственныхъ явленій «ad asylum ignorantiae» (ср. Spinoza, Eth. Pars. I, App.)—къ неразложимому нравственному сознанію, говорить не стоитъ, такъ какъ они принимаютъ за извѣстное именно то, что слѣдуетъ объяснить; у виднѣйшаго представителя такихъ теорій—Гетчесона (A System of Moral Philosophy, Glasg. 1755) «нравственное чувство» сводится въ концѣ концовъ къ симпатіи. (См. Book I, ch. 3, 7). Не бо́льшаго вниманія заслуживаетъ и этика Вундта (Ethik, Stuttg., 1886), старающагося вывести нравственные поступки изъ двухъ отличныхъ отъ себялюбія и симпатіи, а потому безсодержательныхъ, Selbsgefühl и Mitgefühl (S. 438 f.), выражающихся въ мотивахъ воспріятія, разсудка и разума (S. 436 f.)—нѣчто въ родѣ средневѣковой психологіи съ физіологической окраской. «Die Phrasenmachereien» Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гербарта и пр. не стоятъ того, чтобы на нихъ останавливаться. Критику главнѣйшихъ направленій въ этикѣ даютъ—съ точки зрѣнія утилитаризма Sidgwick, The Methods of Ethics, 3-d ed., Lond. 1884, съ точки зрѣнія на идеи, какъ двигающія силы,—Fouillée, Critique des Systèmes de Morale Contemporains, Paris, 1883. (Ср. также Guyau, l. c.). Въ заключеніе считаю необходимымъ замѣтить, что хотя себялюбіе и служитъ главнымъ двигателемъ жизни, оно двигатель не единственный; многое въ нашей практической дѣятельности объясняется изъ стремленія идей переходить въ дѣйствительность (объ этомъ Bain, The Senses and the Intellect, p. 341 sq., The Emotions and the Will, p. 390 sq.; Mental Science, p. 90 sq., 351 sq.; Carpenter, Principles of Mental Physiology 6-th ed., Lond. 1881, p. 279 sq.; Fouillée l. c., La Liberte et le Determinisme, 2-me éd. Paris, 1884) и изъ сгруппировавшихся вокругъ нихъ и изъ нихъ весьма разнообразныхъ волненій, отрѣшенныхъ, въ ихъ непосредственной дѣйствительности, отъ всякихъ себялюбивыхъ побужденій. Весь вопросъ однако въ томъ, какъ произошли эти идеи и волненія.

[1]) Мы увидимъ ниже, что между прочимъ и появленіе софистовъ было вызвано об-

Основной элементъ государственнаго общежитія—семья. Семья

щей борьбой. При томъ значеніи, которое я въ настоящей главѣ придаю взгляду на жизнь, какъ на общую борьбу, считаю не лишнимъ пояснить этотъ взглядъ мнѣніями философовъ, поэтовъ и вѣроучителей, которыя получатъ фактическое подтвержденіе въ дальнѣйшемъ изложеніи, а предварительно покажутъ, что въ данномъ случаѣ я далеко не стою особнякомъ. Въ воображеніи Гераклита общая борьба напечатлѣлась такъ сильно, что онъ (какъ мы уже знаемъ, см. выше, стр. 108, сл.) возвелъ раздоръ въ міровую силу; точно также и Емпедоклъ, который однако ненависти противопоставилъ любовь (см. выше, стр. 139, 142). На рознь въ собственно человѣческихъ отношеніяхъ изъ древнихъ мыслителей съ особой выразительностью указываютъ Сократъ и Платонъ. Xenoph. Memor. II, 6, 17 — 22: θράττει σε, ὦ Κριτόβουλε, ὅτι πολλάκις ἄνδρας καὶ τὰ καλὰ πράττοντας καὶ τῶν αἰσχρῶν ἀπεχομένους ὁρᾷς ἀντὶ τοῦ φίλους εἶναι στασιάζοντας ἀλλήλοις καὶ χαλεπώτερον χρωμένους τῶν μηδενὸς ἀξίων ἀνθρώπων. Καὶ οὐ μόνον γ' ἔφη ὁ Κριτόβουλος, οἱ ἰδιῶται τοῦτο ποιοῦσιν, ἀλλὰ καὶ πόλεις αἱ τῶν τε καλῶν μάλιστα ἐπιμελόμεναι καὶ τὰ αἰσχρὰ ἥκιστα προσιέμεναι πολλάκις πολεμικῶς ἔχουσι πρὸς ἀλλήλας... εἰ δὲ δὴ καὶ οἱ ἀρετὴν ἀσκοῦντες στασιάζουσί τε περὶ τοῦ πρωτεύειν ἐν ταῖς πόλεσι καὶ φθονοῦντες ἑαυτοῖς μισοῦσιν ἀλλήλους, τίνες ἔτι φίλοι ἔσονται καὶ ἐν τίσιν ἀνθρώποις εὔνοια καὶ πίστις ἔσται; Ἀλλ' ἔχει μέν, ἔφη ὁ Σωκράτης, ποικίλως πως ταῦτα, ὦ Κριτόβουλε. φύσει γὰρ ἔχουσιν οἱ ἄνθρωποι τὰ μὲν φιλικά· δέονταί τε γὰρ ἀλλήλων καὶ ἐλεοῦσι καὶ συνεργοῦντες ὠφελοῦσι καὶ τοῦτο συνιέντες χάριν ἔχουσιν ἀλλήλοις· τὰ δὲ πολεμικά· τά τε γὰρ αὐτὰ καλὰ καὶ ἡδέα νομίζοντες ὑπὲρ τούτων μάχονται καὶ διχογνωμονοῦντες ἐναντιοῦνται. πολεμικὸν δὲ καὶ ἔρις καὶ ὀργή· καὶ δυσμενὲς μὲν ὁ τοῦ πλεονεκτεῖν ἔρως, μισητὸν δὲ φθόνος. ἀλλ' ὅμως διὰ τούτων πάντων ἡ φιλία διαδυομένη (прокрадываясь, ср. Thuc. IV, 110 и др.) συνάπτει τοὺς καλούς τε κἀγαθούς. Изъ этихъ словъ Сократа очевидно, что онъ τὸ πολεμικόν считалъ въ народной массѣ настроеніемъ болѣе сильнымъ, чѣмъ τὸ φιλικόν. Plato, Phaedo, 66, C; De Rep. 586 A—B: Οἱ ἄρα φρονήσεως καὶ ἀρετῆς ἄπειροι, εὐωχίαις δὲ καὶ τοῖς τοιούτοις ἀεὶ ξυνόντες κάτω, ὡς ἔοικε, καὶ μέχρι πάλιν πρὸς τὸ μεταξὺ φέρονταί τε καὶ ταύτῃ πλανῶνται διὰ βίου, ὑπερβάντες δὲ τοῦτο πρὸς τὸ ἀληθῶς ἄνω οὔτε ἀνέβλεψαν πώποτε οὔτε ἠνέχθησαν οὐδὲ τοῦ ὄντος τῷ ὄντι ἐπληρώθησαν οὐδὲ βεβαίου τε καὶ καθαρᾶς ἡδονῆς ἐγεύσαντο, ἀλλὰ βοσκημάτων δίκην κάτω ἀεὶ βλέποντες καὶ κεκυφότες εἰς γῆν καὶ εἰς τραπέζας βόσκονται χορταζόμενοι καὶ ὀχεύοντες καὶ ἕνεκα τῆς τούτων πλεονεξίας λακτίζοντες καὶ κυρίττοντες ἀλλήλους σιδηροῖς κέρασί τε καὶ ὁπλαῖς ἀποκτιννύασι δι' ἀπληστίαν, ἅτε οὐχὶ τοῖς οὖσιν οὐδὲ τὸ ὂν οὐδὲ τὸ στέγον ἑαυτῶν πιμπλάντες. Παντελῶς, ἔφη ὁ Γλαύκων, τὸν τῶν πολλῶν, ὦ Σώκρατες, χρησμῳδεῖς βίον. Leges. 625, E—626, E: ἄνοιαν δή μοι δοκεῖ καταγνῶναι τῶν πολλῶν (ὁ νομοθέτης) ὡς οὐ μανθανόντων, ὅτι πόλεμος ἀεὶ πᾶσι διὰ βίου ξυνεχής ἐστι πρὸς ἁπάσας τὰς πόλεις... ἣν γὰρ καλοῦσιν οἱ πλεῖστοι τῶν ἀνθρώπων εἰρήνην, τοῦτ' εἶναι μόνον ὄνομα, τῷ δ' ἔργῳ πάσαις πρὸς πάσας τὰς πόλεις ἀεὶ πόλεμον ἀκήρυκτον κατὰ φύσιν εἶναι... τὸν γὰρ λόγον ἐπ' ἀρχὴν ὀρθῶς ἀναγαγὼν σαφέστερον ἐποίησας, ὥστε ῥᾷον ἀνευρήσεις, ὅτι νῦν δὴ ὑφ' ἡμῶν ὀρθῶς ἐρρήθη τὸ πολεμίους εἶναι πάντας πᾶσι δημοσίᾳ τε καὶ ἰδίᾳ ἑκάστους αὐτοὺς σφίσιν αὐτοῖς. (Ср. разсказъ Θукидида о первобытной жизни въ Греціи, I, 2, слѣд.). Aristot. Polit. I, 2, 1253a, 6; ibid. 30, слѣд.; II, 5, 1263a, 16, слѣд. (См. ниже, стр. 164, пр. 1). Почти тоже, что Платонъ въ «Законахъ», только болѣе рѣзко, говоритъ Гоббзъ, De Cive, Epistola dedicatoria: Homo homini lupus (ср. Xenoph. Memor. II, 9, 2, сл.; Hom. Il. XVI, 156, сл. и др., Math. X, 16 и др.). Естественное состояніе людей, по Гоббзу, bellum omnium in omnes (ibid. c. I, 12, сл., p. 7, слѣд , ed. Amst. 1688; Leviath., c. XIII, p. 63, слѣд.). Quoties ergo

разростается въ родъ, родъ—въ племя, племя подчиняетъ себѣ другіе ро-

(поясняетъ онъ, Leviath. l. c., ср. De Cive, Praefatio ad lectotem, также c. II, 2 n.) duo idem cupiunt, quo frui ambo non possunt, alter alterius hostis sit, et ad finem sibi propositum (quae est conservatio propria) alter alterum conatur subjugare vel interficere... Mirum fortasse videbitur, naturam homines dissociavisse, et ad mutuam caedem aptos produxisse; et tamen hoc perspicue illatum est ex natura passionum, et praeterea experientiae consentaneum. Cogita enim, quando iter ingrederis, cur comites quaeris, arma gestas; quando dormitum is, fores claudis, arcas obferas, idque legibus et ministris armatis ad omnem violentiam ulciscendam paratis, qualem habeas opinionem de concivibus, de vicinis et de domesticis. Nonne cautela ista tua genus humanum aeque acusas atque ego? Spinosa, Tractatus Politicus, c. I. 5: Est enim hoc certum et in nostra Ethica verum esse demonstravimus (Pars III et IV) homines necessario affectibus esse obnoxios et ita constitutos esse, ut eorum, quibus male est, misereantur et quibus bene est, invideant et ut ad vindictam magis, quam ad misericordiam sint proni et praeterea unumquemque appetere, ut reliqui ex ipsius ingenio vivant, et probent, quod ipse probat et quod ipse repudiat, repudient; unde sit, ut cum omnes pariter appetant primi esse, in contentiones veniant et, quantum possunt, nitantur se invicem opprimere et, qui victor evadit, magis glorietur, quod alteri obfuit, quam quod sibi profuit. Ту же самую истину выражаетъ и знаменитое ученіе Дарвина о борьбѣ за существованіе (The Origin of the Species, Lond. 1859). Schopenhauer Die Welt als Wille und Vorstellung, 4-te Aufl., Leipz., 1873, S. 174 f: So sehen wir in der Natur überall Streit, Kampf und Wechsel des Sieges... Die deutlichste Sichtbarkeit erreicht dieser allgemeine Kampf in der Thierwelt, welche die Pflanzenwelt zu ihrer Nahrung hat, und in welcher selbst wieder jedes Thier die Beute und Nahrung eines andern wird;.. so dass der Wille zum Leben durchgängig an sich selber zehrt und in verschiedenen Gestalten seine eigene Nahrung ist, bis zuletzt das Menschengeschlecht, weil es alle anderen überwältigt, die Natur für ein Fabrikat zu seinem Gebrauch ansieht, dasselbe Geschlecht jedoch auch in sich selbst jenen Kampf, jene Selbstentzweiung des Willens zur furchtbarsten Deutlichkeit offenbart, und homo homini lupus wird. Bain, The Emotios and the Will, 3-d ed. 1881, p. 195, 451: I apprehend that the pleasure of Power in its coarsest and brutal form, which is also its most piquant form, and level to the meanest capacity, is the pleasure of putting others to pain; doing without justification what Anger does with justification. The two feelings are therefore, at bottom, almost identical. Malevolence in its purest form would thus correspond less closely with Anger than with the worst excesses of Power... The Malevolent sentiment, in the form of lust of Power, is one of the gigantic egotisms of the human mind. Moral culture is applied to curtail its development; but the efforts of the instructor are baffled by the hydra—headed character of this feeling. Strong self-repression will, after a time, obtain the aid of habituation, and make some way in toning down the violence of the emotion. For the mass of mankind, open resistance is the principal check applied to the domineering spirit. Всѣ приведенныя выше ученія проливаютъ свѣтъ и на глубокомысленное изреченіе Гегеля (Encyclopädie, herausg. v. Michelet, 2-te Aufl. Berlin, 1843, B. III, S. 421, 426), что каждое историческое событіе—Голгоѳа, а вся исторія—страшный судъ.

Изъ поэтовъ самое (насколько мнѣ извѣстно) раннее указаніе на рознь, какъ на руководительное жизнью начало, встрѣчается у Гезіода, въ «Трудахъ и Дняхъ». Упомянувъ о томъ, что существуетъ дурная и хорошая рознь, Гезіодъ говоритъ о послѣдней, 20—26:

ды и племена и такимъ образомъ создается населеніе государства[1]**). Члены семьи связываются между собою кровнымъ родствомъ, единствомъ интересовъ, привычкой другъ къ другу, взаимной симпатіей; члены рода—тѣми же самыми, хотя и болѣе слабыми узами, къ которымъ за то присоединяется сила преданія; члены племени—единствомъ происхожденія, языка, религіи, обычаевъ, общностью интересовъ**[2]**); члены государства—**

ἥ τε καὶ ἀπάλαμόν περ ὅμως ἐπὶ ἔργον ἐγείρει·
εἰς ἕτερον γάρ τίς τε ἰδὼν ἔργοιο χατίζων
πλούσιον, ὃς σπεύδει μὲν ἀρόμμεναι ἠδὲ φυτεύειν
οἶκόν τ εὖ θέσθαι, ζηλοῖ δέ τε γείτονα γείτων
εἰς ἄφενον σπεύδοντ'· ἀγαθὴ δ' Ἔρις ἥδε βροτοῖσι.
καὶ κεραμεὺς κεραμεῖ κοτέει καὶ τέκτονι τέκτων,
καὶ πτωχὸς πτωχῷ φθονέει καὶ ἀοιδὸς ἀοιδῷ.

Ср. Hom. Il. XVIII, 107—110:

ὡς ἔρις ἔκ τε θεῶν ἔκ τ' ἀνθρώπων ἀπόλοιτο,
καὶ χόλος, ὅς τ' ἐφέηκε πολύφρονά περ χαλεπῆναι,
ὅς τε πολὺ γλυκίων μέλιτος καταλειβομένοιο
ἀνδρῶν ἐν στήθεσσιν ἀέξεται ἠΰτε καπνός·

Eurip. Bacchae, 877—880:

τί τὸ σοφὸν ἢ τί τὸ κάλλιον
παρὰ θεῶν γέρας ἐν βροτοῖς,
ἢ χεῖρ' ὑπὲρ κορυφᾶς
τῶν ἐχθρῶν κρείσσω κατέχειν;

Ср. также Byron, Don Jouan XIII, 6:

Now hatred is by far the longest pleasure:
Men love in haste, but they detest at leisure.

Религіозному сознанію человѣческая жизнь, взятая въ ея непосредственной дѣйствительности, представляется въ томъ же свѣтѣ, какъ философскому, научному и поэтическому. «Я вижу, читаемъ мы въ Давидовыхъ псалмахъ (LIV, 10—12; LV, 2, 7; CXXIX, 3—4), насилія и распри въ городѣ; днемъ и ночью ходятъ онѣ по стѣнамъ его; злодѣянія и бѣдствія посреди его; посреди его пагуба; обманъ и коварство не сходятъ съ улицъ его... Человѣкъ хочетъ поглотить меня, нападая всякій день, тѣснитъ меня..., они собираются, притаиваются, наблюдаютъ за моими пятами, что бы уловить мою душу... Душа моя среди львовъ, я лежу среди дышущихъ пламенемъ, среди сыновъ человѣческихъ, у которыхъ зубы — копья и стрѣлы и у которыхъ языкъ — острый мечъ... Они злое мыслятъ въ сердцѣ, всякій день ополчаются на брань, изощряютъ языкъ свой, какъ змѣя, ядъ аспида подъ устами ихъ...» «Вотъ я посылаю васъ (говоритъ Христосъ Апостоламъ, Math. X, 16), какъ овецъ среди волковъ: итакъ, будьте мудры, какъ зміи, и просты, какъ голуби». Ср. Ibid., III, 7; VII, 15; XXIII, 34 и др.

[1]) Съ дальнѣйшимъ ср. Aristot. Polit. I, 2, 1252a, 28 слѣд.; Lotze Mikrokosmos, 2-te Aufl., Leipzig, 1872, 3-r B, S. 380 f.; Spencer, The Principles of Sociology, Lond. 1876, p. 481, sq.; Political Institutions, Lond. 1882, p. 265, sq.

[2]) По Геродоту (VIII, 144; IX, 7; также Thuc. III, 59; Grote, History of Greece, II, 239, sq.), связью между всѣми Еллинами служили: 1) племенное родство, 2) одинаковость языка, 3) общіе храмы боговъ и общія празднества, 4) сходные нравы и обы-

единствомъ законовъ, силою блюдущей законы власти, общностью интересовъ въ поддержанiи цѣлости государства [1]). Единство интересовъ создается главнымъ образомъ единствомъ среды. Среда народа раз-

---

чаи. Ср. Spencer, Political Institutions, p. 265, sq. Эта связь однако сказывалась только тогда, когда всѣмъ Еллинамъ грозила общая опасность (во время Персидскихъ войнъ), но по миновании опасности тотчасъ же порывалась, и греческiе города, не смотря на свое племенное родство, одинаковость языка и пр., боролись другъ съ другомъ не съ меньшею ожесточенностью, чѣмъ всѣ вмѣстѣ противъ общаго врага.

[1]) По Платону, государство создается нуждою, вслѣдствiе того, что каждый отдѣльный человѣкъ неспособенъ собственными силами удовлетворить всѣхъ своихъ потребностей. De Rep. 369, B—C: Γίγνεται τοίνυν, ἦν δ' ἐγώ, πόλις, ὡς ἐγῷμαι, ἐπειδὴ τυγχάνει ἡμῶν ἕκαστος οὐκ αὐτάρκης, ἀλλὰ πολλῶν ἐνδεής. ἢ τίν' οἴει ἀρχὴν ἄλλην πόλιν οἰκίζειν; Οὐδεμίαν ἦ δ' ὅς· Οὕτω δὴ ἄρα παραλαμβάνων ἄλλος ἄλλον ἐπ' ἄλλου, τὸν δ' ἐπ' ἄλλου χρείᾳ πολλῶν δεόμενοι πολλοὺς εἰς μίαν οἴκησιν ἀγείραντες κοινωνούς τε καὶ βοηθοὺς ταύτῃ τῇ ξυνοικίᾳ ἐθέμεθα πόλιν ὄνομα. (Ср. съ этимъ Spinoza, Tractatus Theologico Politicus, c. 5, p. 224; J. J. Rousseau Contrat Social, l. 1, ch. 6). Аристотель, обсуждая политическую теорiю Платона, укоряетъ послѣдняго (Polit. IV, 4, 1291a, 18) за то, что по его ученiю τῶν ἀναγκαίων τε χάριν πᾶσαν πόλιν συνεστηκυῖαν, ἀλλ' οὐ τοῦ καλοῦ μᾶλλον. Укоръ этотъ несправедливъ. Платонъ различаетъ двоякаго рода причины и цѣли—ближайшiя и конечныя (ср. особ. Phaedo, 99, B; Gorg. 467, C, сл.); непосредственная причина возникновенiя государства—нужда, но главная цѣль его существованiя—осуществленiе въ человѣческомъ обществѣ справедливости и блага (De Rep. 368, E, слѣд., 540, A). Подобное же о происхожденiи и цѣли государства слышимъ мы и отъ Аристотеля (Polit. I, 2, 1252a, 29): πόλις... γιγνομένη μὲν οὖν τοῦ ζῆν ἕνεκα, οὖσα δὲ τοῦ εὖ ζῆν. Взглядъ, что государство возникаетъ τοῦ ζῆν ἕνεκα Аристотель смягчаетъ указанiемъ на то, ὅτι ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῷον (Polit. I, 2, 1253a, 2). Но что слѣдуетъ подразумѣвать подъ πολιτικόν? Если понимать это слово какъ синонимъ ἀγελαῖον, то оно выражаетъ несомнѣнную истину; если же, какъ желалъ Аристотель (ср. ib. 30: φύσει ἡ ὁρμὴ ἐν πᾶσιν ἐπὶ τὴν τοιαύτην κοινωνίαν), видѣть въ немъ обозначенiе естественнаго влеченiя къ государственному общежитiю, отличающемуся отъ стадной жизни тѣмъ, что въ немъ (Histor. Anim. I, 1, 12, 488a, 7, сл.) ἕν τι καὶ κοινὸν γίνεται πάντων τὸ ἔργον (Ср. Spencer, The Principles of Sociology, p. 465, sq.; The Political Institutions, p. 244, sq.), то какъ съ этимъ естественнымъ влеченiемъ примирить утвержденiе того же Аристотеля, что ὥσπερ γὰρ καὶ τελεωθὲν βέλτιστον τῶν ζῴων ὁ ἄνθρωπός ἐστιν, οὕτω καὶ χορισθὲν νόμου καὶ δίκης χείριστον πάντων. χαλεπωτάτη γὰρ ἀδικία ἔχουσα ὅπλα· ὁ δὲ ἄνθρωπος ὅπλα ἔχων φύεται φρονήσει καὶ ἀρετῇ, οἷς ἐπὶ τἀναντία ἔστι χρῆσθαι μάλιστα. διὸ ἀνοσιώτατον καὶ ἀγριώτατον ἄνευ ἀρετῆς (ib. 32, сл.) и что (ib. II, 5, 1263a, 16, сл.) ὅλως τὸ συζῆν καὶ κοινωνεῖν τῶν ἀνθρωπικῶν πάντων χαλεπόν... δηλοῦσι δ' αἱ τῶν συναποδήμων κοινωνίαι· σχεδὸν γὰρ οἱ πλεῖστοι διαφερόμενοι ἐκ τῶν ἐν ποσὶ καὶ ἐκ μικρῶν προσκρούοντες ἀλλήλοις и пр. (я не говорю уже о безсмысленныхъ словахъ I, 2, 1253a, 2, сл.)? Вѣрнѣе предположить, что «влеченiе» къ государственной жизни не первоначальное свойство, а прiобрѣтенное. Семья, родъ, племя безспорно существуютъ φύσει, государственное общежитiе—νόμῳ. На законъ, какъ на организующую и связующую государство силу указываютъ Гоббзъ (De Cive, c. II, 9, сл., p. 11, сл.; Leviath. c. XIII, p. 63, сл.), Спиноза (Tract. Theolog. Polit. c. V, p. 224, sq.) и Руссо (Contrat Social, l. 1, ch. 6).

нообразнѣе среды племени и рода, а среда племени и рода разнообразнѣе среды семьи. Поэтому наибольшее единомысліе возможно между членами семьи, наименьшее—между членами государства. Раздорамъ между членами семьи, семьями рода и родами племени соотвѣтствуютъ раздоры между сословіями и партіями государства; но какъ разногласія въ семьѣ, родѣ, племени, примиряются общесемейными, общеродовыми, общеплеменными интересами, такъ и раздоры въ государствѣ—единствомъ общегосударственныхъ интересовъ. Семья, родъ, племя, государство проявляютъ совершенно такой же эгоизмъ, какъ и отдѣльные люди, если затрогиваются ихъ интересы, какъ особей. Самостоятельность и обособленность членовъ семьи разрушаетъ единство семьи, самостоятельность и обособленность семей рода—единство рода, самостоятельность и обособленность родовъ—единство племени, самостоятельность и обособленность гражданъ—единство государства. Какъ скоро члены семьи отрѣшаются отъ кровныхъ узъ и симпатій, они способны встрѣтиться другъ съ другомъ какъ враги, если имъ нужно одному предъ другимъ отстоять личныя выгоды. Точно также изъ-за личныхъ интересовъ выступаютъ другъ противъ друга врагами нестѣсняемые узами законовъ и карающею властью члены государства [1]). Поэтому, чѣмъ свободнѣе и самостоятельнѣе члены государства, тѣмъ больше въ немъ борьбы. Безусловная свобода порождаетъ въ государствѣ войну всѣхъ противъ всѣхъ и неизмѣнно пролагаетъ пути къ деспотизму [2]).

---

[1]) Aristot. I, 2, 1253a, 32 сл. (См. предыд. прим.). Hobbes, De Cive, c. 5, 4 сл.; Spinoza, Tract. Theol. Pol. c. 5, p. 224 сл.

[2]) Истина эта въ той или другой мѣрѣ подтверждается исторіей всѣхъ тѣхъ государствъ и городовъ, въ которыхъ развертывала свое знамя «свобода» — исторіей Аѳинъ (см. ниже), Рима (въ эпоху междоусобныхъ войнъ), Мюнстера (при Іоаннѣ Лейденскомъ), Англіи (во время Первой Революціи), Франціи (въ дни Великой Революціи) —

But France got drunk with blood to vomit crime
And fatal have her Saturnalia been
To Freedom's cause, in every age and clime;
Because the deadly days which we have seen,
And vile Ambition, that built up between
Man and his hopes an adamantine wall,
And the base pageant last upon the scene,
Are grown the pretext for the eternal thrall
Which nips life's tree, and dooms man's worst—his second fall.

(Byron, Childe Harold's Pilgrimage, IV, 97). Не Франція однако виновна въ томъ, что люди осуждены на вѣчное рабство. Къ событіямъ Великой Революціи вполнѣ примѣнимы слова Ѳукидида (III, 82, 2): ἐπέπεσε πολλὰ καὶ χαλεπὰ κατὰ στάσιν ταῖς πόλεσι, γιγνόμενα μὲν καὶ ἀεὶ ἐσόμενα, ἕως ἂν ἡ αὐτὴ φύσις ἀνθρώπων ᾖ, μᾶλλον δὲ

Причины борьбы въ нѣдрахъ семьи, рода, племени, государства, между отдѣльными лицами и цѣлыми народами, всегда такъ или иначе, прямо или косвенно, коренятся въ себялюбіи: борьба ведется изъ-за выгоды, изъ за мести, для наказанія необузданности, ради самозащиты [1]). Средства борьбы указываются состояніями культуры. На низшей ступени человѣкъ борется тѣмъ, что̀ непосредственно даетъ ему его собственная и окружающая природа; на высшихъ — различными орудіями, болѣе или менѣе приспособленными и усовершенствованными. Но чѣмъ дальше человѣкъ идетъ по лѣстницѣ умственнаго преуспѣянія, тѣмъ большее отвращеніе чувствуетъ онъ къ грубой физической силѣ, одинаково свойственной какъ ему, такъ и безсловеснымъ. Образованный народъ къ открытой силѣ прибѣгаетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и ведетъ обыкновенно борьбу тѣмъ, что̀ отличаетъ его отъ безсловесныхъ—убѣжденіемъ и словомъ [2]). Какъ средства борьбы сообразуются съ состояніемъ культуры, такъ воспитательные идеалы—со средствами борьбы. Народы грубые видятъ воспитательный идеалъ въ обладаніи великою физическою силой и всѣмъ тѣмъ, что̀ ее обусловливаетъ: большимъ ростомъ, крѣпостью тѣла и т. д. [3]),

---

καὶ ἡσυχαίτερα καὶ τοῖς εἴδεσι διηλλαγμένα, ὡς ἂν ἕκασται αἱ μεταβολαὶ τῶν ξυντυχιῶν ἐφιστῶνται. Позорища въ Мюнстерѣ въ 1534 и 1535 годахъ близко сходны съ «Сатурналіями» Великой Революціи. Впрочемъ, то или другое рабство неизбѣжно: если не политическое, то экономическое. (Объ этомъ послѣднемъ ср. Spencer, The Coming Slavery, London, 1881).

[1]) Ср. выше, стр. 160, прим. 1.

[2]) Ср. Plato, De Rep. 411, C — E: Τί δέ; ἂν γυμναστικῇ πολλὰ πονῇ καὶ εὐωχῆται εὖ μάλα, μουσικῆς δὲ καὶ φιλοσοφίας μὴ ἅπτεται, οὐ πρῶτον μὲν εὖ ἴσχων τὸ σῶμα φρονήματός τε καὶ θυμοῦ ἐμπίπλαται καὶ ἀνδρειότερος γίγνεται αὐτὸς αὑτοῦ;... μισόλογος δή, οἶμαι, ὁ τοιοῦτος γίγνεται καὶ ἄμουσος καὶ πειθοῖ μὲν διὰ λόγων οὐδὲν ἔτι χρῆται, βίᾳ δὲ καὶ ἀγριότητι ὥσπερ θηρίον πρὸς πάντα διαπράττεται и пр. На слово, какъ орудіе борьбы, указываетъ языкъ въ выраженіяхъ: «уязвить», «уколоть», «поразить» и пр. «Укрой меня отъ замысла коварныхъ, отъ мятежа злодѣевъ, которые изострили языкъ свой, какъ мечъ, напрягли лукъ свой—язвительное слово, чтобы втайнѣ стрѣлять въ непорочнаго; они внезапно стрѣляютъ въ него и не боятся» и пр. (Пс. LXIII, 3—5). Ср. Hom. Il. I, 8; II, 377; IX, 32 и мн. др. Aristoph. Acharn. 656, сл.; Nubes 321, 418, 431, 942, сл., 1160 и др. Платонъ разсматриваетъ софистику какъ видъ μαχητική (Soph. 225, A; 226, A; 231, E), а софистовъ называетъ ἀγωνισταί, ἀθληταί (ibid., ср. Theaet. 165, D: ἐλλοχῶν ἂν πελταστικὸς ἀνὴρ μισθοφόρος ἐν λόγοις ἐρόμενος). Мы увидимъ, что всѣ эти обозначенія у Платона—не простыя метафоры, но вызваны глубокимъ проникновеніемъ въ жизнь. Ср. также Aristot. Rhetor. I, 1, 1355a, 39, сл.: ἄτοπον εἰ τῷ σώματι μὲν αἰσχρὸν μὴ δύνασθαι βοηθεῖν ἑαυτῷ, λόγῳ δ' οὐκ αἰσχρόν.

[3]) Достаточно указать на эпическіе идеалы: чудовищнаго Аякса, здороваго на крикъ Менелая, быстроногаго Ахиллеса, Пилемэна — косматую грудь, русскихъ бога-

народы культурные—въ болѣе или менѣе утонченномъ образованіи, дающемъ возможность пролагать себѣ пути въ житейской сутолкѣ. Сколь ни возвышенны наслажденія, доставляемыя умственною дѣятельностью, и сколь ни благодѣтельны плоды, приносимые просвѣщеніемъ, въ повседневномъ теченіи жизни и умственная дѣятельность и просвѣщеніе служатъ цѣлямъ себялюбія; и у культурнаго человѣка умъ исполняетъ обыкновенно свое первоначальное практическое назначеніе—бываетъ фонаремъ, освѣщающимъ путь къ этимъ цѣлямъ [1]). Не признавъ этого, не возможно понять ни того, почему люди слабаго ума боятся людей сильнаго ума, имъ завидуютъ и ихъ ненавидятъ [2]),

тырей и пр. Ср. также разсказъ Тацита о германцахъ (Germania c. XIII, XIV, XV, XX). Все воспитаніе спартанцевъ было направлено къ тому, чтобы выростить вооруженныхъ силою убійцъ: такъ называемыя криптіи служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. О спартанскихъ идеалахъ ср. Plut. Lycurgus c. 14, сл.; Instituta Laconica, passim; Plato, Leges, 632, E, слѣд.; Xenoph. De Rep. Lac. c. 1—10.

[1]) Schopenhauer, Die Welt als Wille und Vorstellung, I, 179, 181: Der Wille hat sich (in den lebenden Wesen) ein Licht angezündet, als ein Mittel, welches nothwendig wurde, zur Aufhebung des Nachtheils, der aus dem Gedränge und der komplicirten Beschaffenheit seiner Erscheinungen eben den vollendetesten erwachsen würde... Die Erkenntniss überhaupt, vernünftige sowohl als bloss anschauliche, geht also ursprünglich aus dem Willen selbst hervor, gehört zum Wesen der höhern Stufen seiner Objektivation, als eine blosse μηχανή, ein Mittel zur Erhaltung des Individuums und der Art, so gut wie jedes Organ des Leibes. Можно не соглашаться съ общей метафизической теоріей Шопенгауэра, но нельзя не признать правильными этихъ его замѣчаній о *первоначальномъ* значеніи познанія. Ср. Spencer, The Data of Ethics, p. 187, sq.; ср. также Plato, De Rep. 519, A: ἢ οὔπω ἐννενόηκας τῶν λεγομένων πονηρῶν μὲν σοφῶν δέ, ὡς δριμὺ μὲν βλέπει τὸ ψυχάριον καὶ ὀξέως διορᾷ ταῦτα, ἐφ' ἃ τέτραπται, ὡς οὐ φαύλην ἔχον τὴν ὄψιν, κακίᾳ δ' ἠναγκασμένον ὑπηρετεῖν, ὥστε ὅσῳ ἂν ὀξύτερον βλέπῃ, τοσούτῳ πλείω κακὰ ἐργαζόμενον. Въ какомъ положеніи оказываются σοφοὶ μέν, οὐ πονηροὶ δέ, мы увидимъ ниже.

[2]) См. выше, стр. 12. Ср. также слова Θукидида объ Антифонтѣ (VIII, 68, 2): Ἀντιφῶν ἦν, ἀνὴρ Ἀθηναίων τῶν καθ' ἑαυτὸν ἀρετῇ τε οὐδενὸς ὕστερος καὶ κράτιστος ἐνθυμηθῆναι γενόμενος καὶ ἃ γνοίη εἰπεῖν, καὶ ἐς μεν δῆμον οὐ παριὼν οὐδ' ἐς ἄλλον ἀγῶνα ἑκούσιος οὐδένα, ἀλλ' ὑπόπτως τῷ πλήθει διὰ δόξαν δεινότητος διακείμενος и пр.; Eurip. Medea, 295—307:

χρὴ δ' οὔποθ' ὅστις ἀρτίφρων πέφυκ' ἀνὴρ
παῖδας περισσῶς ἐκδιδάσκεσθαι σοφούς·
χωρὶς γὰρ ἄλλης ἧς ἔχουσιν ἀργίας
φθόνον πρὸς ἀστῶν ἀλφάνουσι δυσμενῆ.
σκαιοῖσι μὲν γὰρ καινὰ προσφέρων σοφὰ
δόξεις ἀχρεῖος κοὐ σοφὸς πεφυκέναι·
τῶν δ' αὖ δοκούντων εἰδέναι τι ποικίλον
κρείσσων νομισθεὶς λυπρὸς ἐν πόλει φανεῖ.
ἐγὼ δὲ καὐτὴ τῆσδε κοινωνῶ τύχης.
σοφὴ γὰρ οὖσα τοῖς μὲν εἰμ' ἐπίφθονος,

ни враждебныхъ ассоціацій, связанныхъ со словами, обозначающими умственную изворотливость [1]).

Исторія Аѳинъ представляетъ совершеннѣйшее воплощеніе намѣченнаго мною историческаго типа. Ихъ государственное устройство возникаетъ изъ родовыхъ отношеній; ихъ политическая жизнь открывается, движется и завершается борьбой. Аѳины ведутъ борьбу послѣдовательно съ Мегарой, Эгиной, Персами, Лакедемонянами и т. д. Внутри ихъ также идетъ непрестанная распря—сначала между царскою властью и знатными, затѣмъ между богатыми и бѣдными, далѣе между вождями политическихъ партій [2]); наконецъ, во время Пелопоннезской войны все въ Аѳинскомъ государствѣ превращается въ одну сплошную борьбу всѣхъ противъ всѣхъ [3])—между аѳинскими и спартанскими войсками, между политическими партіями, между сословіями, между отдѣльными лицами. Испытавъ во время этой общей борьбы двѣ кровавыя тираніи (Четырехсотъ и Тридцати), обезсиленное смутами и общимъ развратомъ государство подпадаетъ власти македонскихъ повелителей.

Реформами Солона, Клисѳена, Аристида, Ефіальта и Перикла, сосредоточившими верховную власть въ законодательныхъ собраніяхъ и судѣ, внутренняя борьба изъ военныхъ становъ мало по малу была перенесена въ эти государственныя учрежденія, а мечъ, копье, лукъ, щитъ и панцырь—замѣнены нападающимъ и отражающимъ словомъ [4]). Сообразно съ этимъ, тогда какъ до водворенія свободы и равенства высшею доблестью считалась военная храбрость [5]), со временъ ус-

---

τοῖς δ' αὖ προσάντης. εἰμὶ δ' οὐκ ἄγαν σοφή.
σὺ δ' οὖν φοβεῖ με μή τι πλημμελὲς πάθῃς·
οὐχ ὧδ' ἔχει μοι, μὴ τρέσῃς ἡμᾶς, Κρέον и пр.

[1]) Кромѣ слова софистъ можно указать на гипокритъ, художникъ, механикъ и пр.

[2]) См. выше, стр. 43, сл.

[3]) См. приведенное ниже свидѣтельство Ѳукидида.

[4]) Ср. выше, стр. 166, прим. 2.

[5]) При нравственной оцѣнкѣ аѳиняне руководствовались какъ законами и обычаями, такъ не въ меньшей мѣрѣ и указаніями поэтовъ и въ особенности мнѣніями «воспитателя Еллады» (Plato, De Rep. 606, E) Гомера, а Гомеръ весь «переполненъ Ареемъ». (Слова Аристофана объ Эсхиловыхъ «Семи противъ Ѳивъ», Ranae, 1019). Наивысшая слава, по Гомеру, та, которую человѣкъ можетъ стяжать руками и ногами (Odyss. VIII, 147—148). Храбрость—первая доблесть (ἀρετή). Хорошіе и дурные (ἀγαθοὶ καὶ κακοί) распознаются всего лучше въ засадѣ: у дурнаго измѣняется цвѣтъ лица, онъ не можетъ сидѣть спокойно и толчется на колѣнахъ, сердце у него такъ и стучитъ при мысли о смерти, зубъ не попадаетъ на зубъ; хорошій, напротивъ, не измѣняется въ лицѣ и «не очень труситъ» когда садится въ засаду, а сидя въ ней молится о томъ, чтобы какъ можно скорѣе схватиться съ врагами. (Il. XIII, 285, сл.). Повсюду въ Иліадѣ разсѣяны сравненія

тановленія такъ называемой исегоріи (общаго равноправія въ обсужденіи и рѣшеніи политическихъ и судебныхъ дѣлъ) такою доблестью стала изворотливость въ пользованіи словомъ [1]). Изъ двухъ вѣтвей гре-

доблестныхъ съ ястребами, коршунами, псами, волками, львами и пр. Особенно внушительно кровожадное изображеніе рвущихся къ бою Мирмидонянъ, рисующее высшій гомерическій идеалъ во всей его неприглядной наготѣ (Il. XVI, 155—166):

Μυρμιδόνας δ' ἄρ' ἐποιχόμενος θώρηξεν Ἀχιλλεὺς
πάντας ἀνὰ κλισίας σὺν τεύχεσιν· οἳ δὲ λύκοι ὥς
ὠμοφάγοι, τοῖσίν τε περὶ φρεσὶν ἄσπετος ἀλκή,
οἵ τ' ἔλαφον κεραὸν μέγαν οὔρεσι δῃώσαντες
δάπτουσιν· πᾶσιν δὲ παρήιον αἵματι φοινόν·
καί τ' ἀγεληδὸν ἴασιν ἀπὸ κρήνης μελανύδρου
λάψοντες γλώσσῃσιν ἀραιῇσιν μέλαν ὕδωρ
ἄκρον, ἐρευγόμενοι φόνον αἵματος· ἐν δέ τε θυμὸς
στήθεσιν ἄτρομός ἐστι, περιστένεται δέ τε γαστήρ·
τοῖοι Μυρμιδόνων ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες
ἀμφ' ἀγαθὸν θεράποντα ποδώκεος Αἰακίδαο
ῥῶοντ' и пр.

Ахиллесъ, когда отомщалъ Троянамъ за Патрокла, былъ совершеннѣйшимъ воплощеніемъ этого идеала. Il. XXI—XXII.

[1]) См. ниже, стр. 171, пр. 5. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Аѳинахъ и до охлократіи цѣнилось высоко краснорѣчіе—не только послѣ реформы Солона, но и въ патріархальный періодъ. Патріархальный бытъ Аѳинъ, какъ и всѣхъ другихъ греческихъ городовъ, былъ подобенъ изображенному Гомеромъ. Какъ плѣнялись греки временъ гомерическихъ поэмъ краснорѣчіемъ, лучше всего можно судить по слѣдующимъ словамъ Одиссея (Odyss. VIII, 166—173):

οὕτως οὐ πάντεσσι θεοὶ χαρίεντα διδοῦσιν
ἀνδράσιν, οὔτε φυήν, οὔτ' ἄρ φρένας οὔτ' ἀγορητύν.
ἄλλος μὲν γάρ τ' εἶδος ἀκιδνότερος πέλει ἀνήρ,
ἀλλὰ θεὸς μορφὴν ἔπεσι στέφει, οἱ δέ τ' ἐς αὐτὸν
τερπόμενοι λεύσσουσιν· ὃ δ' ἀσφαλέως ἀγορεύει
αἰδοῖ μειλιχίῃ, μετὰ δὲ πρέπει ἀγρομένοισιν,
ἐρχόμενον δ' ἀνὰ ἄστυ θεὸν ὣς εἰσορόωσιν.

Ср. (Il. I, 247—248) отзывъ и Несторѣ, какъ о сладкорѣчивомъ витіи, у котораго голосъ льется слаще меда, и необыкновенно художественную характеристику краснорѣчія Менелая и Одиссея (Il. III, 212—223), которая вмѣстѣ съ приведенными выше словами Одиссея даетъ полное представленіе о томъ, что требовалось отъ хорошаго оратора въ патріархальный періодъ. Изъ IX пѣсни Иліады (442, сл.) мы даже узнаемъ, что родители поручали воспитателямъ наставлять дѣтей кромѣ военнаго искусства также и въ искусствѣ говорить—

διδασκέμεναι τάδε πάντα,
μύθων τε ῥητῆρ' ἔμεναι πρηκτῆρά τε ἔργων

(подъ послѣдними, какъ видно изъ предыдущаго, подразумѣваются ἔργα ὁμοιίου πολέμοιο). Но слову въ патріархальный періодъ придавали значеніе не какъ орудію борьбы, а какъ средству подавать полезные совѣты (ср. Il. II, 202: οὔτ' ἐν πολέμῳ ἐναρίθμιος,

ческаго воспитанія, гимнастики и музыки, до половины V вѣка первенство принадлежало гимнастикѣ [1]). Отвага въ сраженіи, ловкость въ бѣгѣ и борьбѣ, знаніе наизусть вдохновляющихъ храбрость поэтическихъ произведеній, безыскусственное краснорѣчіе, умѣнье играть на лирѣ или цитрѣ воинственные мотивы и пѣть воинственные гимны, знакомство съ отечественными законами и обычаями, чтеніе, счетъ и письмо, вотъ все, что́ съ внѣшней стороны требовалось отъ доблестнаго человѣка [2]). Доблести внутреннія—скромность и справедливость—предполагались сами собою какъ слѣдствіе отсутствія умственной самостоятельности, одинаково пагубной какъ для этихъ доблестей, такъ и для подчиненной дисциплинѣ военной храбрости [3]). Со второй половины V вѣка,

---

οὔτ' ἐνὶ βουλῇ и др.). Къ тому же краснорѣчіе признавалось законнымъ достояніемъ только знатныхъ: простой человѣкъ

ἀτρέμας ἧσο καὶ ἄλλων μῦθον ἄκουε,
οἳ σέο φέρτεροί εἰσι,—ἐπεὶ οὐδὲ μὲν οὐδὲ ἔοικε
δῆμον ἐόντα παρὲξ ἀγορευέμεν, οὔτ' ἐνὶ βουλῇ
οὔτε ποτ' ἐν πολέμῳ.

(Il. II, 200—201; XII, 212—214). Съ какимъ презрѣніемъ смотрѣли въ то время на «бойкорѣчивыхъ витій рынка», свидѣтельствомъ служитъ знаменитый разсказъ о Θерситѣ (Il. II, 212—277, въ особ. 212—214, 272—277). Ср. Hesiod. Dies et Opera, 27, слѣд. Сколь однако ни высоко цѣнилось краснорѣчіе знатныхъ, оно же было главною доблестью. При перечисленіи похвальныхъ качествъ, способность подавать совѣты обыкновенно ставится ниже храбрости. Ср. напр. Il. II, 202; IX, 53, сл. и др.

[1]) О гимнастикѣ и музыкѣ, какъ основныхъ частяхъ греческаго воспитанія, см. Plato, De Rep. 376, E, слѣд.; о преобладаніи гимнастики надъ музыкой въ періодъ, предшествовавшій охлократіи, см. приведенный ниже (стр. 173, сл.) отрывокъ изъ Аристофана.

[2]) Plato, Protag. 325, C, слѣд.; Gorg. 452, A; Alcib. I, 106, E; Theag. 122, E; Leges. 809, A, слѣд. и др.

[3]) Внѣшнее основаніе скромной умѣренности (σωφροσύνη) и справедливости — безпрекословная покорность обычаямъ и законамъ (ср. Plato, Gorg. 504, D: Ταῖς δὲ τῆς ψυχῆς τάξεσί τε καὶ κοσμήσεσι νόμιμόν τε καὶ νόμος (ὄνομα), ὅθεν καὶ νόμιμοι γίγνονται καὶ κόσμιοι· ταῦτα δ' ἔστι δικαιοσύνη τε καὶ σωφροσύνη), внутреннее—отсутствіе ὕβρις или сознанія своей возвышающейся надъ всякими законами и обычаями самостоятельности. Несовмѣстимость σωφροσύνη съ ὕβρις очевидна сама собою; на противоположность между ὕβρις и δικαιοσύνη указываетъ Гезіодъ, Dies et Opera, 213—218:

ὦ Πέρση, σὺ δ' ἄκουε δίκης, μηδ' ὕβριν ὄφελλε.
ὕβρις γάρ τε κακὴ δειλῷ βροτῷ, οὐδὲ μὲν ἐσθλὸς
ῥηϊδίως φερέμεν δύναται, βαρύθει δέ θ' ὑπ' αὐτῆς
ἐγκύρσας ἄτῃσιν· ὁδὸς δ' ἑτέρηφι παρελθεῖν
κρείσσων ἐς τὰ δίκαια· δίκη δ' ὑπὲρ ὕβριος ἴσχει
ἐς τέλος ἐξελθοῦσα· παθὼν δέ τε νήπιος ἔγνω.

По Гезіоду (ib. 293—297),

наоборотъ, надъ физическимъ воспитаніемъ преобладаетъ умственное. Физической силѣ въ это время придаютъ значеніе лишь постольку, поскольку съ крѣпостью тѣла связана бодрость духа [1]); о самостоятельной пользѣ гимнастики толкуютъ только люди стараго закала [2]); представители новаго направленія разсуждаютъ о томъ, лучше ли воспитывать молодыхъ людей въ теоретической философіи или въ практической—риторикѣ и еристикѣ [3]). Старинный идеалъ въ образѣ четырехлоктеваго великана, пышущаго копьемъ, пикой, шлемомъ съ развѣвающимся бѣлымъ султаномъ, топоромъ, поножами и отвагой изъ семи бычачьихъ шкуръ [4]), нашедшій живое выраженіе въ Геркулесѣ, смѣняется идеаломъ пронырливаго дѣльца, въ родѣ Фэакса и Каллистрата, ловко пользующагося всѣми орудіями мысли и слова, чтобы преслѣдовать на судѣ и самому увертываться отъ преслѣдованія. Молодые люди, прежде переполнявшіе гимназіи и палэстры, толпятся теперь у риторовъ и софистовъ, въ судахъ и законодательныхъ собраніяхъ; ихъ любимый разговоръ—о произнесенныхъ „неуязвимыми“ ораторами рѣчахъ [5]).

οὗτος μὲν πανάριστος, ὃς αὐτὸς πάντα νοήσῃ
φρασσάμενος, τά κ' ἔπειτα καὶ ἐς τέλος ᾖσιν ἀμείνω·
ἐσθλὸς δ' αὖ κἀκεῖνος, ὃς εὖ εἰπόντι πίθηται.
ὃς δέ κε μήτ' αὐτὸς νοέῃ μήτ' ἄλλου ἀκούων
ἐν θυμῷ βάλληται, ὁ δ' αὖτ ἀχρήιος ἀνήρ.

Но «доточники», доходившіе до всего сами, могли быть наилучшими только въ собственномъ хозяйствѣ; въ государственной жизни и на войнѣ самостоятельность вмѣнялась въ доблесть лишь государю и вождю:

οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη· εἷς κοίρανος ἔστω.

(Il. II, 203). Простые люди за свою самостоятельность получали въ награду удары палкой. См. Il. 198, сл.; Plato, Leges 700, C (см. выше, стр. 78, сл.); Aristoph. Nubes 959, см. ниже, стр. 173.

[1]) Plato, Protag. 326 C; De Rep. 410, B.

[2]) Напр. Лахесъ и Никій у Платона въ «Лахесѣ».

[3]) Plato, De Rep. 521, C, сл.; Euthyd. 306, сл. и др.; Isocr. XII (Panath.), 26, слѣд., 271; XV (De Permut.) 136, 147, слѣд., 197, слѣд.; въ особ. 258, слѣд., 312 и др.

[4]) Aristoph. Ranae, 1011—1015 (Эсхилъ говоритъ Еврипиду):

σκέψαι τοίνυν οἵους αὐτοὺς παρ' ἐμοῦ παρεδέξατο πρῶτον
εἰ γενναίους καὶ τετραπήχεις, καὶ μὴ διαδρασιπολίτας
μηδ' ἀγοραίους μηδὲ κοβάλους, ὥσπερ νῦν, μηδὲ πανούργους·
ἀλλὰ πνέοντας δόρυ καὶ λόγχας καὶ λευκολόφους τρυφαλείας
καὶ πήληκας καὶ κνημῖδας καὶ θυμοὺς ἑπταβοείους.

Необыкновенно характерное слово διαδρασιπολίτης найдетъ объясненіе въ слѣдующемъ примѣчаніи.

[5]) Plato, De Rep. 405, B — C: Ἠ δοκεῖ σοι, ἦν δ' ἐγώ, τούτου αἴσχιον εἶναι

Живыми красками эту, для насъ весьма важную, разницу между ду-

---

τοῦτο, ὅταν τις μὴ μόνον τὸ πολὺ τοῦ βίου ἐν δικαστηρίοις φεύγων τε καὶ διώκων κατατρίβηται, ἀλλὰ καὶ ὑπὸ ἀπειροκαλίας ἐπ' αὐτῷ δὴ τούτῳ πεισθῇ καλλωπίζεσθαι, ὡς δεινὸς ὢν περὶ τὸ ἀδικεῖν καὶ ἱκανὸς πάσας μὲν στροφὰς στρέφεσθαι, πάσας δὲ διεξόδους διεξελθὼν ἀποστραφῆναι λυγιζόμενος, ὥστε μὴ παρασχεῖν δίκην, καὶ ταῦτα σμικρῶν τε καὶ οὐδενὸς ἀξίων ἕνεκα, ἀγνοῶν, ὅσῳ κάλλιον καὶ ἄμεινον τὸ παρασκευάζειν τὸν βίον αὑτῷ μηδὲν δεῖσθαι νυστάζοντος δικαστοῦ; и пр. Ср. Theaet. 172, C: οἱ ἐν δικαστηρίοις καὶ τοῖς τοιούτοις ἐκ νέων κυλινδούμενοι и пр. Ср. также Isocr. De Perm. (XV), 38. Aristoph. Equites, 1372—1377:

τὰ μειράκια ταυτὶ λέγω, τἀν τῷ μύρῳ,
ἃ στωμυλεῖται τοιαδὶ καθήμενα·
«σοφός γ' ὁ Φαίαξ, δεξιῶς τ' οὐκ ἀπέθανε.
συνερκτικὸς γάρ ἐστι καὶ περαντικός,
καὶ γνωμοτυπικὸς καὶ σαφὴς καὶ κρουστικός,
καταληπτικός τ' ἄριστα τοῦ θορυβητικοῦ».

Ср. Nubes, 260, 317, слѣд., 441—451:

παρέχω τύπτειν, πεινῆν, διψῆν,
αὐχμεῖν, ῥιγῶν, ἀσκὸν δείρειν,
εἴπερ τὰ χρέα διαφευξοῦμαι
τοῖς τ' ἀνθρώποις εἶναι δόξω
θρασύς, εὔγλωττος, τολμηρός, ἴτης,
βδελυρός, ψευδῶν συγκολλητής,
εὑρησιεπής, περίτριμμα δικῶν,
κύρβις, κρόταλον, κίναδος, τρύμη,
μάσθλης, εἴρων, γλοιός, ἀλαζών,
κέντρων, μιαρός, στρόφις, ἀργαλέος
ματιολοιχός.

Ср. также Aves, 430, слѣд.; Acharn., 900, сл.; др. О Каллистратѣ см. Eubul. ap. Athen. XX, 71 (Meineke, Fragmenta Comicorum graecorum, III, p. 254, слѣд.):

ἔστι λαλῶν ἄγλωσσος, ὁμώνυμος ἄρρενι θῆλυς,
οἰκείων ἀνέμων ταμίας, δασύς, ἄλλοτε λεῖος,
ἀξύνετα ξυνετοῖσι λέγων, νόμον ἐκ νόμου ἕλκων.
ἓν δ' ἐστὶν καὶ πολλά, καὶ ἂν τρώσῃ τις ἄτρωτος.
— τί ἐστι τοῦτο;—τί ἀπορεῖς;—Καλλίστρατος.

Какъ въ патріархальный періодъ презирали бойкорѣчивыхъ витій рынка, такъ во времена охлократіи презирали тѣхъ, кто не пользовался этою извѣстностью. Ср. Aristoph. Equites, 346—350 (Клеонъ говоритъ колбаснику):

ἀλλ' οἶσθ' ὅ μοι πεπονθέναι δοκεῖς; ὅπερ τὸ πλῆθος·
εἴ που δικίδιον εἶπας εὖ κατὰ ξένου μετοίκου,
τὴν νύκτα θρυλῶν, καὶ λαλῶν ἐν ταῖς ὁδοῖς σεαυτῷ,
ὕδωρ τε πίνων, κἀπιδεικνὺς τοὺς φίλους τ' ἀνιῶν,
ᾤου δυνατὸς εἶναι λέγειν. ὦ μῶρε τῆς ἀνοίας.

хомъ стараго и новаго воспитанія изображаетъ Аристофанъ въ знаменитомъ разговорѣ между Справедливымъ и Несправедливымъ Словомъ [1]).

Справедл. Я разскажу тебѣ, какое было въ старину воспитаніе, когда я процвѣталъ, говоря правду, и когда въ почетѣ была скромность. Тогда никто отъ дѣтей не слыхалъ слова. Дѣти одного околотка [2]) всѣ вмѣстѣ стройной толпой ходили къ киѳаристу нагими [3]), хотя бы шелъ снѣгъ или градъ, и усѣвшись пристойно, подъ его руководствомъ разучивали какую нибудь пѣсню, въ родѣ „Паллада, страшная городовъ разрушительница" или „Крикъ идетъ изъ далека" [4]),затягивая ее на старинный, завѣщанный отцами ладъ. А если кто нибудь выдѣлывалъ штуки или загибалъ какое нибудь колѣно, въ родѣ тѣхъ замысловатыхъ поворотовъ, которые ввелъ теперь Фринисъ [5]), то ему накладывали въ спину вдоволь, за то, что позоритъ Музъ. Садясь для занятія гимнастикой, дѣти должны были держать ноги такъ, чтобы снаружи не было видно ничего непристойнаго, а когда вставали, то должны были смѣшать песокъ и вообще позаботиться, чтобы не оставалось соблазнительныхъ слѣдовъ. Тогда ни одинъ мальчикъ не сталъ бы мазаться масломъ τοὐμφαλοῦ ὑπένερθεν ὥστε τοῖς αἰδοίοσι δρόσος καὶ χνοῦς ὥσπερ μήλοισιν, ἐπήνθει [6]). Юноши тогда не под-

---

[1]) Aristoph. Nubes, 948—1065. Ср. съ этимъ необыкновенно типичный разговоръ въ Ecclesiazusae, 728, слѣд., между Ἀνὴρ Α, представителемъ стараго времени, и Ἀνὴρ Β, представителемъ новаго времени, гдѣ разница между духомъ стараго и новаго міровоззрѣнія выступаетъ столь же ярко. Въ послѣднее время вошло въ обычай смотрѣть на свидѣтельства Аристофана какъ на документы весьма сомнительной достовѣрности. (Ср. особенно Müller Strübing, Aristophanes und die historische Kritik, polemische Studien zur Geschichte von Athen, Leipzig, 1873). Какъ бы то ни было, все то, чтò я ниже привожу изъ Аристофана, подтверждается и другими писателями.

[2]) Этими словами я перевожу κωμήτας. Ср. Isocr. Areop. (VII), 46: διελόμενοι τὴν μὲν πόλιν κατὰ κώμας, τὴν δὲ χώραν κατὰ δήμους и пр.

[3]) Поэтическое преувеличеніе—вмѣсто «въ одномъ хитонѣ».

[4]) Первая изъ этихъ пѣсней принадлежитъ Лампроклу (Bergk, Antol. p. 474, ed. 1868), вторая—неизвѣстному поэту (по нѣкоторымъ—Кидиду).

[5]) Ср. Plut. De Mus. VI, 420W: τὸ δὲ ὅλον ἡ μὲν κατὰ Τέρπανδρον κιθαρῳδία καὶ μέχρι τῆς Φρύνιδος ἡλικίας παντελῶς ἁπλῆ τις οὖσα διετέλει· οὐ γὰρ ἐξῆν τὸ παλαιὸν οὕτω ποιεῖσθαι τὰς κιθαρῳδίας ὡς νῦν, οὐδὲ μεταφέρειν τὰς ἁρμονίας καὶ τοὺς ῥυθμούς и пр. Ср. Plato, Leges, 700, A—701, C (выше, стр. 78, сл.). Ср. также Pherecr. ap. Plut. l. c. c. XXX, p. 441 (Meineke, Fragmenta Comicorum graecorum II, 1, 326, sq.) въ особ. v. 14, сл. (Музыка говоритъ):

Φρύνις δὲ ἴδιον στρόβιλον ἐμβαλών τινα
κάμπτων με καὶ στρέφων, ὅλην διέφθορεν и пр.

Въ «Осахъ», 220, однако Аристофанъ и музыку Фриниса причисляетъ уже къ старой.

[6]) Непристойныя мѣста я оставляю безъ перевода, но ихъ не выпускаю, такъ какъ они мнѣ кажутся слишкомъ характерными.

дѣлывались къ любовнику нѣжнымъ голосомъ, не ходили по улицамъ, напрашиваясь на любовь страстными взорами. Нельзя было тогда за обѣдомъ украсть у старшихъ рѣдьки, укропу или петрушки, нельзя было ѣсть въ сласть, хихикать, держать ногу на ногѣ. *Несправедл.* Подобная Диполіямъ старина, полная кузнечиковъ, Кикида и Буфоніевъ [1]). *Справедл.* Однако же въ этомъ самомъ воспитаніи выросли воины при Мараѳонѣ. А ты теперь учишь дѣтей укутываться въ одежды, такъ что я готовъ повѣситься, когда вижу, какъ они, выступая на Панаѳинеяхъ на пляску, держатъ передъ брюхомъ щитъ на посрамленіе Тритогены. Поэтому, молодой человѣкъ, смѣло выбирай меня, Справедливое Слово. Ты пріучишься ненавидѣть рынокъ, воздерживаться отъ теплыхъ купаній, совѣститься позорнаго, сгорать отъ стыда при непристойной шуткѣ, вставать, когда проходятъ старшіе. Ты не будешь досаждать родителямъ, не будешь дѣлать ничего дурнаго, что можетъ помрачить въ твоей душѣ образъ совѣсти, не будешь ходить въ домъ къ танцовщицѣ, чтобы не зазѣваться на красотку, а она не бросила бы въ тебя яблоко и тѣмъ не лишила бы тебя добраго имени, не будешь ни въ чемъ возражать родителю, не будешь называть его хрычемъ и издѣваться надъ старостью, которая тебя выходила [2]). *Несправедл.* Если, молодой человѣкъ, ты послушаешься его, то, клянусь Діонисомъ, тебя будутъ называть, какъ Гиппокра-

---

[1]) Диполіи—одинъ изъ старѣйшихъ аттическихъ праздниковъ—въ честь Зевса, покровителя города. Празднество состояло между прочимъ въ томъ, что къ жертвеннику пригоняли быка, и какъ только онъ дотрогивался до жертвеннаго хлѣба, жрецъ убивалъ его топоромъ (это и называлось Буфоніями), но тотчасъ же убѣгалъ, чтобы скрыться, какъ убійца. Тогда наряжался судъ надъ орудіемъ убійства—топоромъ, который въ наказаніе низвергали въ пропасть. Hermann, Lehrbuch, II, Heid. 1846, S. 319 f. Объ этомъ обычаѣ намъ придется еще упоминать, когда будемъ говорить о Протагорѣ. Кикидъ—одинъ изъ старѣйшихъ диѳирамбическихъ поэтовъ. О кузнечикахъ Аристофанъ говоритъ потому, что золотыми кузнечиками аѳиняне въ старину украшали волосы (Thuc. I, 6; Aristoph. Equit. 1331).

[2]) Ср. Isocr. Areopag. (VII), 48, сл.: τοιγαροῦν οὐκ ἐν τοῖς σκιραφείοις οἱ νεώτεροι διέτριβον, οὐδ' ἐν ταῖς αὐλητρίσιν, οὐδ' ἐν τοῖς τοιούτοις συλλόγοις, ἐν οἷς νῦν διημερεύουσιν, ἀλλ' ἐν τοῖς ἐπιτηδεύμασιν ἔμενον, ἐν οἷς ἐτάχθησαν, θαυμάζοντες καὶ ζηλοῦντες τοὺς ἐν τούτοις πρωτεύοντας. οὕτω δ' ἔφευγον τὴν ἀγοράν, ὥστ' εἰ καί ποτε διελθεῖν ἀναγκασθεῖεν, μετὰ πολλῆς αἰδοῦς καὶ σωφροσύνης ἐφαίνοντο τοῦτο ποιοῦντες. ἀντειπεῖν δὲ τοῖς πρεσβυτέροις ἢ λοιδορήσασθαι δεινότερον ἐνόμιζον ἢ νῦν περὶ τοὺς γονέας ἐξαμαρτεῖν. ἐν καπηλείῳ δὲ φαγεῖν ἢ πιεῖν οὐδεὶς οὐδ' ἂν οἰκέτης ἐπιεικὴς ἐτόλμησεν. σεμνύνεσθαι γὰρ ἐμελέτων ἀλλ' οὐ βωμολοχεύεσθαι· καὶ τοὺς εὐτραπέλους δὲ καὶ τοὺς σκώπτειν δυναμένους, οὓς νῦν εὐφυεῖς προσαγορεύουσιν, ἐκεῖνοι δυστυχεῖς ἐνόμιζον.

товыхъ дѣтей [1]), маменькинымъ сынкомъ. *Справедл.* Свѣтлымъ и цвѣтущимъ будешь ты проводить время въ гимназіяхъ, не будешь ухищряться на рынкѣ въ изворотливой болтовнѣ, какъ это дѣлаютъ теперь, и не станешь таскаться по судамъ изъ за перетертаго спорами ничтожнаго дѣла. Нѣтъ, ты пойдешь въ Академію [2]) и будешь тамъ въ вѣнкѣ изъ бѣлаго камыша бѣгать вмѣстѣ съ скромнымъ товарищемъ подъ тѣнью оливъ, благоухая павиликой, листьями бѣлаго тополя и беззаботностью [3]), радостно внимая, какъ по веснѣ чинаръ шепчется съ липой [4]). Если ты послушаешься и постараешься дѣлать то, что̀ я тебѣ говорю, то у тебя будетъ грудь выпуклая, цвѣтъ тѣла здоровый, плечи широкія, языкъ маленькій, задъ большой, πόσθη μικρά. Если же ты станешь заниматься тѣмъ, чѣмъ теперь занимаются, то у тебя будетъ цвѣтъ тѣла блѣдный, плечи узкія, грудь впалая, языкъ большой, задъ маленькій, κωλη μεγάλη и длинная псефизма. Тебя убѣдятъ все позорное считать хорошимъ, а все хорошее—позорнымъ. *Несправедл.* У меня ужъ давно занимаетъ духъ отъ желанія все это перебударажить противоположными мнѣніями. Оттого то меня и называютъ мудрецы сильнымъ словомъ [5]), что я первый измыслилъ говорить наперекоръ законамъ и правдѣ, а вѣдь это стоить дороже многихъ тысячъ статировъ—приводить несправедливые доводы и все таки побѣждать. Посмотри, ка̀къ легко я опровергну то, что̀ онъ такъ увѣренно говоритъ о своемъ воспитаніи. Прежде всего, онъ утверждаетъ, что тебѣ недозволительны теплыя купанья. На какомъ основаніи порицаешь ты теплыя купанья? *Справедл.* Потому что они очень вредны и дѣлаютъ человѣка трусливымъ. *Несправедл.* Постой! Вотъ ты ужъ и въ моихъ рукахъ, такъ что тебѣ теперь и не вывернуться [6]). Скажи, кого изъ сыновей Зевса считаешь ты самымъ

---

[1]) Сыновья Гиппократа (о которомъ мы впрочемъ ничего не знаемъ) извѣстны были, какъ поясняетъ схоліастъ къ этому стиху, своимъ сластолюбіемъ.

[2]) Когда Аристофанъ поставилъ на сцену свои «Облака» (423 г.), Академія была извѣстна только какъ гимназія. См. объ этомъ Grote, Plato, I, p. 122.

[3]) Въ подлинникѣ ὄζων ἀπραγμοσύνης. По объясненію схоліастовъ — ἀπραγμοσύνη названіе цвѣтка. См. Wolff, Aristoph. Wolken, Berl. 1811, S. 168 f.

[4]) Мною сдѣлано небольшое отступленіе отъ подлинника съ цѣлью сохранить поэтическій образъ (πτελέα—вязъ у насъ муж. р.).

[5]) У Аристофана—ἥττων λόγος, что̀ можетъ значить либо 1) слабый въ нравственномъ, либо 2) слабый въ риторическомъ отношеніи доводъ. Такъ какъ всякій слабый въ нравственномъ отношеніи доводъ возможно посредствомъ риторики превратить въ сильный въ риторическомъ отношеніи и такъ какъ на это именно искусство софистовъ и указываетъ Аристофанъ, то слѣдуетъ ἥττων λόγος переводить какъ «сильное слово».

[6]) Въ подл. λαβὼν ἄφυκτον. Cp. Equites, 757. Plato, Euthyd. 276, E: Πάντ' ὦ Σώκρατες, (говоритъ Діонисодоръ) τοιαῦθ' ἡμεῖς ἐρωτῶμεν ἄφυκτα. Theaet. 165, B.

лучшимъ, самымъ мужественнымъ? Кто изъ нихъ совершилъ всего больше подвиговъ? *Справедл.* Я не знаю никого лучше Геракла. *Несправедл.* Гдѣ же ты видалъ холодныя Геракловы купанья [1])? И однако же, былъ ли кто нибудь храбрѣе Геракла. *Справедл.* Вотъ она, вотъ та болтовня, въ которой проводятъ цѣлые дни юноши, которая переполняетъ ими купальни и дѣлаетъ пустыми палэстры [2])! *Несправедл.* Ты порицаешь витійство на рынкѣ, а я хвалю. Если бы это было дѣло плохое, то Гомеръ не сталъ бы изображать Нестора народнымъ витіей, не сталъ бы изображать такими и всѣхъ другихъ мудрыхъ людей [3]). Перехожу теперь къ тому, что этотъ вотъ говоритъ на счетъ языка,—что его не слѣдуетъ упражнять молодымъ людямъ; а по моему, такъ слѣдуетъ. Онъ говоритъ кромѣ того, что должно быть скромнымъ. Два величайшія зла! Случалось-ли тебѣ знать кого нибудь, кто бы скромностью пріобрѣлъ что нибудь хорошее. Отвѣчай, опровергни меня. *Справедл.* Знаю многихъ. Пелей пріобрѣлъ этою добродѣтелью мечъ [4]). *Несправедл.* Мечъ! Чудесное сокровище получилъ злополучный! А Гиперболъ подлостью нажилъ отъ продажи лампъ—не мечъ, а цѣлые милліоны [5])! *Справедл.* Кромѣ того, благодаря скромности, Пелей взялъ въ жены Өетиду [6]). *Несправедл.* Такъ за то же и убѣжала она отъ него, что былъ онъ очень смиренъ, не охотникъ проводить цѣлыя ночи безъ сна на постели, а женщина любитъ, когда съ нею балуются. Ты—чистый колпакъ. Взвѣсь, молодой человѣкъ, все, чтó даетъ тебѣ скромность, отъ скольких удовольствій долженъ будешь ты отказаться—отъ мальчиковъ, женщинъ, игры въ коттабъ [7]), сластей, питей, смѣха. А сто-

---

[1]) Въ Греціи всѣ теплые источники назывались Геркулесовыми. Ср. напр. Herod VII, 176. Объясненіе, впрочемъ нелѣпое, даетъ Мегаклидъ, ap. Athen. XII, c. 6, p. 512.

[2]) Ср. Aristoph. Ranae, 1095, сл. (см. выше, стр. 87, пр. 5), Equites, 1372, сл. (выше, стр. 171, пр. 5.)

[3]) См. выше, стр. 169, пр. 1.

[4]) Пелей противостоялъ соблазнамъ жены Акаста, Астидамеи или Ипполиты, но былъ за это ею оклеветанъ передъ Акастомъ, будто добивается ея ложа. Чтобы погубить Пелея, Акастъ отправился съ нимъ на Пеліонъ охотиться и, когда Пелей заснулъ, спряталъ его мечъ. Беззащитный Пелей попался Кентаврамъ, но Хиронъ его выручилъ, отыскавъ и возвративъ мечъ. Horat. Od. III, 7, 18. Apoll. Bibl. III, 13.

[5]) Гиперболъ—прославленный подлостью демагогъ, подвергшійся за свою низость остракизму (Thuc. VIII, 73; Plut. Alc. c. 13, Arist. c. 7, Nic. c. 11), послѣ чего этотъ послѣдній, какъ опозоренный недостойнымъ именемъ Гипербола, вышелъ изъ употребленія. О Гиперболѣ (кромѣ только что указанныхъ мѣстъ) см. Meineke, Fragmenta Comicorum graecorum, I, p. 188 sq.

[6]) Il. XVIII, 84, сл. 432, сл., XXIV, 60, сл. Apoll. l. c. Объясненіе причины, почему Өетида бѣжала отъ Пелея, принадлежитъ самому «Несправедливому Слову».

[7]) Игра въ κότταβος состояла въ томъ, что старались плеснуть виномъ въ намѣченное мѣсто, обыкновенно въ изображеніе любимаго человѣка, и смотря по тому,

нтъ ли тебѣ жить безъ всего этого? Ну хорошо. Перехожу теперь къ потребностямъ природы. Ты согрѣшилъ, влюбился, пошелъ къ чужой женѣ и—попался. Ты погибъ, потому что не умѣешь говорить. А въ сообществѣ со мной давай волю природѣ—прыгай, хохочи, не считай ничего позорнымъ [1]). Если тебя и поймаютъ у чужой жены, ты докажешь, что ни въ чемъ не повиненъ. Ты сошлешься на Зевса: и тотъ не могъ противостоять любви и женщинамъ. Какъ же ты, смерный, можешь быть сильнѣе бога" [2])?

Цѣль новаго воспитанія намѣчена Аристофаномъ ясно и опредѣленно: дать человѣку средства поставить свой произволъ выше „законовъ писанныхъ и неписанныхъ". Этотъ идеалъ (какъ я старался выше доказать) былъ подготовленъ всею исторіей Аѳинъ. Его сознательно примѣняютъ аѳинскіе государственные люди [3]), на него, какъ на нравственное правило, указываетъ со сцены Еврипидъ [4]), въ немъ же видятъ руководящее начало и софисты. Протагоръ обѣщаетъ научить искусству слабые доводы дѣлать сильными [5]), Горгій хвалится своей всепорабощающей и всеодолѣвающей риторикой [6]). Полъ превозноситъ могущество риторовъ, властныхъ силою слова изгонять, за-

---

попадало вино въ цѣль или нѣтъ, судили о томъ, любимы или нелюбимы. Объ этомъ см. Hermann, Lehrbuch, III, Heid. 1852, S. 259 f.

[1]) Ср. Plato, Gorg. 483, B—484, B; 491, E—492, C, рѣчь Калликла. См. выше, стр. 67.

[2]) Ср. Plato, Eutyphr. 5, E, сл.; De Rep. 378, B; Leges, 941, B; Aeschyl. Eum. 641; Eurip. fr. 784, см. выше, стр. 84, прим. 5; Ion. 827; Hippol. 451, 474, 1320; Bach. 29; Orest. 76 и др.

[3]) См. выше, стр. 63, слѣд.; 67, слѣд.

[4]) См. выше, стр. 82, слѣд.

[5]) Aristot. Rhet. II, 24, 1402a, 23, слѣд.: καὶ τὸ τὸν ἥττω δὲ λόγον κρείττω ποιεῖν τοῦτ' ἐστιν. καὶ ἐντεῦθεν δικαίως ἐδυσχέραινον οἱ ἄνθρωποι τὸ Πρωταγόρου ἐπάγγελμα· ψεῦδός τε γάρ ἐστι καὶ οὐκ ἀληθές и пр.

[6]) Plato, Gorg. 452, D — E: Ἴθι οὖν... ὦ Γοργία... ἀπόκριναι, τί ἐστι τοῦτο, ὃ φῂς σὺ μέγιστον ἀγαθὸν εἶναι τοῖς ἀνθρώποις καὶ σὲ δημιουργὸν εἶναι αὐτοῦ;—Ὅπερ ἐστιν, ὦ Σώκρατες, τῇ ἀληθείᾳ μέγιστον ἀγαθὸν καὶ αἴτιον ἅμα μὲν ἐλευθερίας αὐτοῖς τοῖς ἀνθρώποις, ἅμα δὲ τοῦ ἄλλων ἄρχειν ἐν τῇ αὐτοῦ πόλει ἑκάστῳ.—Τί οὖν δὴ τοῦτο λέγεις;—Τὸ πείθειν ἔγωγ' οἷόν τ' εἶναι τοῖς λόγοις καὶ ἐν δικαστηρίῳ δικαστὰς καὶ ἐν βουλευτηρίῳ βουλευτὰς καὶ ἐν ἐκκλησίᾳ ἐκκλησιαστὰς καὶ ἐν ἄλλῳ ξυλλόγῳ παντί, ὅστις ἂν πολιτικὸς ξύλλογος γίγνηται. καίτοι ἐν ταύτῃ τῇ δυνάμει δοῦλον μὲν ἕξεις τὸν ἰατρόν, δοῦλον δὲ τὸν παιδοτρίβην· ὁ δὲ χρηματιστὴς οὗτος ἄλλῳ ἀναφανήσεται χρηματιζόμενος καὶ οὐχ αὑτῷ, ἀλλὰ σοὶ τῷ δυναμένῳ λέγειν καὶ πείθειν τὰ πλήθη. Ibid. 456, B — 457, C: Εἰ πάντα γ' εἰδείης, ὦ Σώκρατες (говоритъ Горгій), ὅτι ὡς ἔπος εἰπεῖν ἁπάσας τὰς δυνάμεις συλλαβοῦσα ὑφ' αὑτῇ ἔχει (ἡ ῥητορική) и пр. См. выше, стр. 95, прим. 6.

точать въ темницы, убивать [1]). Өразимахъ всѣми средствами краснорѣчія доказываетъ, что справедливо то, чтó полезно сильному [2]). Евөидемъ и Діонисодоръ объявляютъ себя опытными во всякой битвѣ борцами, одинаково непобѣдимыми какъ въ рукопашномъ бою, такъ и на судѣ и на всякаго рода словесныхъ состязаніяхъ [3]).

Государственность аөинскаго народа сосредоточивалась въ трехъ учрежденіяхъ: народномъ собраніи, дававшемъ законы, совѣтѣ, подготовлявшемъ и разсматривавшемъ вносимыя въ народное собраніе предложенія, и судѣ. Формально законодательныя собранія были выше суда, такъ какъ послѣдній долженъ былъ руководствоваться постановленіями первыхъ, но на дѣлѣ главное значеніе въ государствѣ принадлежало суду. Ни одинъ законъ не могъ быть принятъ народнымъ собраніемъ безъ предварительнаго обсужденія, въ формѣ судебнаго процесса, избранными для этой цѣли по жребію геліастами, такъ называемыми номоөетами (предлагавшій законъ выступалъ обвинителемъ того закона, на мѣсто котораго долженъ былъ стать новый, а назначенный отъ народа защитникъ велъ дѣло стараго закона), отъ воли которыхъ зависѣло одобрить или отвергнуть законопроектъ [4]). Кромѣ того, всякое внесенное въ законодательныя собранія предложеніе могло быть обжаловано передъ народнымъ судомъ и въ случаѣ незаконности (дѣйствительной или мнимой) виновникъ его могъ понести тяжелую кару и даже поплатиться жизнью [5]). Верховныя

---

[1]) Ibid. 46, B—C: Ἆρ' οὖν δοκοῦσί σοι ὡς κόλακες ἐν ταῖς πόλεσι φαῦλοι νομίζεσθαι οἱ ἀγαθοὶ ῥήτορες (спрашиваетъ Полъ);... οὐχ, ὥσπερ οἱ τύραννοι ἀποκτιννύασί θ' ὃν ἂν βούλωνται καὶ ἀφαιροῦνται χρήματα καὶ ἐκβάλλουσιν ἐκ τῶν πόλεων ὃν ἂν δοκῇ αὐτοῖς;

[2]) Plato, De Rep. 338, C: φημὶ γὰρ ἐγὼ εἶναι τὸ δίκαιον οὐκ ἄλλο τι, ἢ τὸ τοῦ κρείττονος ξυμφέρον и пр.

[3]) Plato, Euthyd. 271, C—272, A: ὃ δὲ σὺ ἐρωτᾷς τὴν σοφίαν αὐτοῖν, θαυμασία, ὦ Κρίτων· πάσσοφοι ἀτεχνῶς. ὡς ἔγωγ' οὐδ' ᾔδη προτοῦ, ὅτι εἶεν οἱ παγκρατιασταί. τοῦτο γάρ ἐστον κομιδῇ παμμάχω, οὐ κατὰ τὸ 'Ακαρνᾶνε τὼ παγκρατιαστὰ ἀδελφώ· ἐκείνω μὲν γὰρ τῷ σώματι μόνον οἵω τε μάχεσθαι· τούτω δὲ πρῶτον μὲν τῷ σώματι δεινοτάτω ἐστόν, καὶ μάχῃ, ᾗ πάντων ἔστι κρατεῖν· ἐν ὅπλοις γὰρ αὐτώ τε σοφὼ πάνυ μάχεσθαι καὶ ἄλλον, ὃς ἂν διδῷ μισθόν, οἵω τε ποιῆσαι· ἔπειτα τὴν ἐν τοῖς δικαστηρίοις μάχην κρατίστω καὶ ἀγωνίσασθαι καὶ ἄλλον διδάξαι λέγειν τε καὶ συγγράφεσθαι λόγους οἵους εἰς τὰ δικαστήρια. προτοῦ μὲν οὖν ταῦτα δεινὼ ἤστην μόνον, νῦν δὲ τέλος ἐπιτεθείκατον παγκρατιαστικῇ τέχνῃ. ἣν γὰρ ἔτι λοιπὴ αὐτοῖν ἦν μάχη ἀργός, ταύτην νῦν ἐξειργάσθον, ὥστε μηδ' ἂν ἕνα αὐτοῖς οἷόν τ' εἶναι μηδ' ἀντᾶραι· οὕτω δεινὼ γεγόνατον ἐν τοῖς λόγοις μάχεσθαί τε καὶ ἐξελέγχειν τὸ ἀεὶ λεγόμενον, ὁμοίως ἐάν τε ψεῦδος ἐάν τ' ἀληθὲς ᾖ.

[4]) Hermann, Lehrbuch, I, 504, f. Gilbert, 286, f.

[5]) Hermann, Lehrbuch, I, 508, f.

права судьи, ни передъ кѣмъ не отвѣтственнаго, льстили самолюбію судей и открывали просторъ ихъ низкимъ страстямъ; а то, что судьями были почти исключительно неимущіе, обращало судебную борьбу въ соціальную — въ преслѣдованіе бѣдными богатыхъ. Со времени судебной реформы Перикла и подъ охраной проведеннаго Ефіальтомъ закона, дававшаго каждому гражданину право слѣдить за тѣмъ, что̀ законно и незаконно, въ Аѳинахъ открылось широкое поприще для дѣятельности особаго рода ябедниковъ, такъ называемыхъ сикофантовъ [1]), выдававшихъ себя за блюстителей правды, но на дѣлѣ ставившихъ цѣлью наживать деньги судебнымъ преслѣдованіемъ зажиточныхъ [2]). „Подобно змѣямъ или скорпіонамъ (говоритъ Демосѳенъ) сновали они по рынку, держа жало на готовѣ, бросаясь туда и сюда, высматривая, кому можно принести несчастье, позоръ или другой вредъ и съ кого можно угрозой вытребовать деньги. Ни съ кѣмъ они не разговаривали, но ходили около людей, окруженные тѣми ужасами, среди которыхъ живописцы изображаютъ нечестивцевъ въ адѣ—проклятіемъ, клеветою, завистью, возмущеніемъ, раздоромъ“ [3]). Судьи тѣмъ охотнѣе вѣрили ихъ доносамъ, что конфискованныя у богатыхъ суммы распредѣлялись между народомъ [4]). Если народное собраніе проявляло тираннію главнымъ образомъ на подвластныхъ Аѳинамъ городахъ [5]), то судъ былъ одинаково своенравнымъ тиранномъ и для богатыхъ союзниковъ и для богатыхъ гражданъ [6]). Вслѣдствіе того, что судъ давалъ больше средствъ для

---

[1]) Происхожденіе слова сикофантъ, по общепринятому, идущему отъ Плутарха (Solon, c. 24; De Curiositate XVI, 72W) объясненію, стоитъ въ связи съ существовавшимъ въ древнѣйшія времена въ Аѳинахъ запрещеніемъ вывозить смоквы изъ Аттики. Первоначально сикофантами называли тѣхъ, которые доносили на вывозившихъ, а затѣмъ стали называть всѣхъ вообще доносчиковъ. Критику этого объясненія и другія объясненія даетъ Böckh, Staatshaushaltung der Athener, 3-te Aufl., Berl. 1886, I, 54 f. Кратеръ (ap. Plut. Arist. c. 26) φησί, μετὰ τὴν Θεμιστοκλέους φυγήν, ὥσπερ ἐξυβρίσαντα τὸν δῆμον ἀναφῦσαι πλῆθος συκοφαντῶν. Свидѣтельство это очевидно не точно, такъ какъ при старыхъ судебныхъ порядкахъ и при существованіи ареопага кругъ дѣятельности сикофантовъ не могъ быть широкимъ. Ср. замѣчанія Плутарха l. c.

[2]) Ср. приведенные ниже разговоръ Сократа съ Критономъ и слова Хармида въ Ксенофонтовомъ «Пирѣ».

[3]) Demosth. contra Aristog., I, 52. Ср. Adv. Theocrin. 65.

[4]) Объ этомъ см. Böckh, Staatshaushaltung, I, 465 f. Ср. также ниже, стр. 184, пр. 5.

[5]) Thucyd. II, 63, 1: ἧς (τῆς ἀρχῆς) οὐδ' ἐκστῆναι ὑμῖν ἔστι (говоритъ Периклъ аѳинянамъ) εἴ τις καὶ τόδε ἐν τῷ παρόντι δεδιὼς ἀπραγμοσύνῃ ἀνδραγαθίζεται. ὡς τυραννίδα γὰρ ἤδη ἔχετε αὐτήν, ἣν λαβεῖν μὲν ἄδικον δοκεῖ εἶναι, ἀφεῖναι δὲ ἐπικίνδυνον. Ср. также ibid. III, 37, 2 (слова Клеона): οὐ σκοποῦντες ὅτι τυραννίδα ἔχετε τὴν ἀρχὴν καὶ πρὸς ἐπιβουλεύοντας αὐτοὺς καὶ ἄκοντας ἀρχομένους и пр.

[6]) См. ниже (стр. 184) свидѣтельства Аристофана, Исократа, Лизія и Ксенофонта.

удовлетворенія личнаго себялюбія, чѣмъ народное собраніе и совѣтъ, судебная борьба, при обыкновенномъ теченіи политической жизни, была ожесточеннѣе законодательной [1]). Она составляла главное и излюбленное занятіе государя—народа [2]). Громадное стеченіе всякаго рода процессовъ, частныхъ и государственныхъ и вообще подлежавшихъ разсмотрѣнію суда дѣлъ требовало ежедневныхъ собраній суда, который былъ подраздѣленъ на десять секцій, засѣдавшихъ одновременно въ разныхъ частяхъ города [3]). Народное собраніе созывалось, за исключеніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, не больше сорока разъ въ годъ [4]). Совѣтъ, подобно суду, собирался ежедневно и засѣдалъ непрерывно съ утра до ночи [5]), но по самому характеру дѣятельности не могъ быть центромъ общественной жизни [6]). Этимъ центромъ во времена охлократіи былъ судъ. Уже комикъ Телеклидъ взывалъ къ аѳинянамъ прекратить губительныя тяжбы [7]). Аристофанъ точно также жалуется на то, что его соотечественники только и дѣлаютъ, что судятъ [8]). „Кузнечики (говоритъ онъ [9]) трещатъ на вѣткахъ всего мѣсяцъ или два, а аѳиняне трещатъ въ судахъ неустанно всю жизнь“. Слова неизвѣстнаго автора трактата „Объ Аѳинскомъ государствѣ“, что аѳиняне разсматриваютъ въ судахъ дѣлъ

---

[1]) Ср. художественное изображеніе суда, Plato, Theaet., 172, E: καὶ οὐκ ἐγχωρεῖ περὶ οὗ ἂν ἐπιθυμήσωσι τοὺς λόγους ποιεῖσθαι, ἀλλ’ ἀνάγκην ἔχων ὁ ἀντίδικος ἐφέστηκε καὶ ὑπογραφὴν παραναγιγνωσκομένην, ὧν ἐκτὸς οὐ ῥητέον· (ἣν ἀντωμοσίαν καλοῦσιν·) οἱ δὲ λόγοι ἀεὶ περὶ ὁμοδούλου πρὸς δεσπότην καθήμενον, ἐν χειρὶ τὴν δίκην ἔχοντα, καὶ οἱ ἀγῶνες οὐδέποτε τὴν ἄλλως ἀλλ’ ἀεὶ τὴν περὶ αὐτοῦ· πολλάκις δὲ καὶ περὶ ψυχῆς ὁ δρόμος. ὥστ’ ἐξ ἁπάντων τούτων ἔντονοι καὶ δριμεῖς γίγνονται.

[2]) См. ниже, прим. 7, 8, 9 и на слѣд. стр. гр. 1.

[3]) Hermann, Lehrbuch, I, 515 f. Gilbert, I, 376 f.

[4]) Hermann, Lehrbuch, I, 491 f.

[5]) Ibid., 484 f.

[6]) О правахъ совѣта ibid. 478 f.

[7]) Telecl. ap. Phot. 504, 25 (Meineke, Fragmenta II, 1, p. 364):

ἀλλ’ ὦ πάντων ἀστῶν λῷστοι σεῖσαι καὶ προσκαλέσασθαι,
παύσασθε δικῶν ἀλληλοφάγων.

Комедія Ἀμφικτύονες, откуда взятъ этотъ фрагментъ, имѣла цѣлью противопоставить старое время новому. (Ср. Meineke, Historia critica comicorum graecorum, p. 67). Приведенныя слова относятся поэтому ко всѣмъ аѳинянамъ, а не къ какимъ либо отдѣльнымъ лицамъ.

[8]) Aristoph. Pax, 505:

οὐδὲν γὰρ ἄλλο δρᾶτε πλὴν δικάζετε.

[9]) Aristoph. Aves, 39, сл. Въ «Облакахъ» (209) Стрепсіадъ не можетъ признать Аѳинъ на картѣ, такъ какъ не видитъ въ нихъ ни одного судьи.

больше, чѣмъ всѣ остальные люди вмѣстѣ взятые [1]), показываютъ, что сѣтованія комиковъ были небезосновательны.

Истинный смыслъ судебной борьбы въ Аѳинахъ съ неподражаемою психологическою правдивостью раскрываетъ Аристофанъ въ „Осахъ“ [2]).

„Сейчасъ я тебѣ покажу (говоритъ въ этой комедіи Филоклеонъ своему сыну Бделиклеону), начавъ съ самаго основанія, что наша власть ничѣмъ не хуже царской. Какое существо счастливѣе, блаженнѣе, избалованнѣе, страшнѣе судьи, хотя бы и старика? Едва только встану я съ постели, а ужъ меня у перегородки суда [3]) поджидаютъ люди великіе—въ цѣлые четыре локтя. Ко мнѣ подходятъ, жмутъ мою руку своею нѣжною рукой, наворовавшею общественныхъ денегъ, мнѣ кланяются, меня молятъ, разливаютъ передо мною жалобныя рѣчи. „Сжалься, отецъ (говоритъ одинъ), молю тебя; вѣдь, быть можетъ, и самъ ты хапнулъ, когда занималъ какую нибудь должность и поставлялъ для войска припасы“. Этотъ проситель и не зналъ бы о моемъ существованіи, еслибы я уже одинъ разъ не помогъ ему отвертѣться. Когда послѣ всѣхъ этихъ моленій я съ умиленнымъ сердцемъ вхожу въ судъ, то не исполняю ничего изъ обѣщаннаго, но слушаю, какъ на всѣ возможные лады добиваются оправданія. Чего только пріятнаго не приходится услышать судьѣ! Одинъ оплакиваетъ свою бѣдность, присочиняя къ дѣйствительнымъ бѣдамъ вымышленныя, пока не приравняетъ своихъ бѣдъ моимъ; другой разсказываетъ сказку; иной—какую нибудь смѣшную басню Эзопа, а иной остритъ, чтобы меня разсмѣшить и задобрить. Если всѣмъ этимъ насъ не убѣдятъ, то тащутъ своихъ дѣтей—дѣвочекъ и мальчиковъ. Я слушаю. Дѣти ревутъ всѣмъ хоромъ, а отецъ, дрожа, молитъ меня, какъ бога, ради нихъ не привлекать его къ отвѣту. Если я люблю мальчиковъ, то меня стараются растрогать голосомъ сынка; если я охотникъ до дѣвочекъ, то меня стараются убѣдить голосомъ дочки [4]); и мы немножко спу-

---

[1]) De Rep. Ath. III, 2: ἔπειτα δὲ δίκας καὶ γραφὰς καὶ εὐθύνας ἐκδικάζειν ὅσας οὐδ' οἱ σύμπαντες ἄνθρωποι ἐκδικάζουσι (πῶς γὰρ ἂν καὶ οἷοί τε εἶεν οἱ 'Αθηναῖοι).

[2]) Aristoph. Vespae, 546 — 630. Наименѣе характерныя мѣста изъ рѣчи Филоклеона (т.-е. Клеонолюбителя) и отвѣты Бделиклеона (т.-е. Клеононенавистника—этотъ переводъ однако не передаетъ непристойнаго смысла имени) мною выпущены.

[3]) Ср. ниже, стр. 188, пр. 4.

[4]) Въ подлинникѣ непередаваемая игра словъ: ἀρνός—намекъ на ἄῤῥην (см. схол. къ этому мѣсту), а χοιρίδιον значитъ тоже, что̀ τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον. Ср. крайне непристойный, но весьма комичный разговоръ между Дикэополисомъ и Мегаряниномъ въ «Ахарнянахъ», 715, сл. На обыкновеніе взывать при случаѣ къ τὰ ἐρωτικά судей указываетъ также извѣстный разсказъ о процессѣ Фрины. Объ этомъ см. Athen. XIII, c. 59, p.

скаемъ колокъ гнѣва. Такъ не велика-ли эта власть, и не ставитъ-ли она въ ничто богатыхъ?... Παίδων τοίνυν δοκιμαζομένων αἰδοῖα πάρεστι θεᾶσθαι [1]). Предстанетъ-ли подсудимымъ Эагръ [2]), мы его не выпустимъ правымъ, пока онъ не скажетъ самое лучшее мѣсто изъ „Ніобы" [3]); окончитъ-ли благополучно дѣло игрокъ на флейтѣ, онъ долженъ въ концѣ съ ремнемъ на губахъ [4]) въ благодарность судьямъ сыграть маршъ отступленія. Помолвитъ-ли умирающій отецъ свою единственную дочь за кого нибудь, мы, не взирая на завѣщаніе, не взирая на приложенныя къ нему печати, гордо покоящіяся въ раковинахъ, отдаемъ ее за того, кто убѣдитъ насъ мольбами [5]). И это только мы дѣлаемъ безъ всякой отвѣтственности, а изъ другихъ властей—ни одна [6]). Когда совѣтъ и народъ затрудняются рѣшить какое нибудь важное дѣло, они постановляютъ виновниковъ этого затрудненія передать судьямъ [7]). Здѣсь Евавлъ [8]) и другой льстивый витія Брось—

590, сл. (ср. Plut. De Vitis decem oratorum, IX, 272, W.), гдѣ Аѳинэй приводитъ свидѣтельство Гермиппа, который передаетъ, повидимому, собственныя слова Гиперида, защищавшаго Фрину. Считать этотъ разсказъ вымысломъ (какъ желаетъ Blass, Attische Beredsamkeit, 3-te Abth., Leipz., 1880, S. 5), нѣтъ основанія. Доводъ, «что если бы разсказанное о Фринѣ было справедливо, то объ этомъ говорили бы комики и Аѳинэй приводилъ бы мѣста изъ нихъ», едва ли покажется кому-нибудь сильнымъ. Слова комика Посидиппа въ «Ефесянкѣ» (ap. Ath. l. c., с. 60, p. 340, ср. Meineke, Fragmenta, IV, 517): τὴν Ἡλιαίαν εἶλε περὶ τοῦ σώματος допускаютъ различныя толкованія. Какъ бы то ни было, убѣдилъ ли Гиперидъ судей, показавъ грудь Фрины, или сама Фрина, плача и пожимая каждому изъ судей руки (какъ разсказываетъ Посидиппъ), и въ томъ и другомъ случаѣ характеръ аѳинскаго суда выступаетъ одинаково рельефно.

[1]) Объ этого рода докимазіи мы ничего не знаемъ. См. Hermann, Lehrbuch, I, 459 f. Какъ падки были до подобныхъ зрѣлищъ аѳиняне, легко можно видѣть изъ Платонова «Хармида» 155, D; ср. Anacr. Od. XVII (Rose), 32, сл.

[2]) По объясненію схоліаста, извѣстный въ то время трагическій актеръ.

[3]) До насъ дошли отрывки изъ двухъ трагедій, носившихъ имя «Ніобы»—Эсхила и Софокла. О какой изъ двухъ говоритъ Аристофанъ, неизвѣстно.

[4]) Ремень надѣвали на губы игроки на флейтѣ для того (поясняетъ схоліастъ къ этому мѣсту), ὅπως ἂν σύμμετρον τὸ πνεῦμα πεμπόμενον ἡδεῖαν τὴν φωνὴν τοῦ αὐλοῦ ποίησῃ.

[5]) Блѣдными словами «не взирая» я передаю весьма сильныя κλάειν μακρὰ τὴν κεφαλὴν εἰπόντες, что приблизительно соотвѣтствуетъ русскому «пославъ къ чорту». Раковины употреблялись вмѣсто футляра къ печатямъ для большей ихъ сохранности.

[6]) Объ этомъ см. Hermann, Lehrbuch, I, 457 f.

[7]) Это бывало при внесеніи новыхъ законовъ (см. выше, стр. 178) и при εἰσαγγελίαι, т.-е. при доносахъ законодательнымъ собраніямъ объ особо важныхъ, преимущественно считавшихся опасными для государства, преступленіяхъ. Если преступленіе оказывалось незначительнымъ, то законодательныя собранія карали его собственною властью, налагая на преступника денежную пеню; въ противномъ случаѣ отдавали дѣло на разсмотрѣніе геліастовъ. Hermann, Lehrbuch, I, 510 f.

[8]) Риторъ—сикофантъ. Ср. Acharn. 710; Holc. fr. 7, B. О немъ кромѣ Аристо-

щитъ [1]) увѣряютъ, что „никогда не выдадутъ васъ, но будутъ сражаться за толпу“ [2]). Въ народномъ собраніи никто еще не провелъ рѣшенія, не пообѣщавъ предварительно судьямъ, что они будутъ распущены тотчасъ же, какъ окончатъ разсмотрѣніемъ одно только дѣло [3]). Самъ всепобѣждающій крикомъ Клеонъ на однихъ только насъ не точитъ зубы, но старательно охраняетъ и отмахиваетъ отъ насъ мухъ... Но я чуть-чуть не позабылъ о томъ, что́ всего слаще. Когда я прихожу домой съ получкой, всѣ меня привѣтствуютъ, радуясь деньгамъ. Дочь умываетъ меня, умащаетъ мнѣ ноги, ласкается, цѣлуетъ называетъ „папенькой“ и вмѣстѣ съ тѣмъ выуживаетъ изъ моего рта языкомъ три обола [4]). Женка тоже ластится ко мнѣ, приноситъ кашу и, сѣвъ возлѣ меня, потчуетъ: „Скушай этого, отвѣдай того“. Отъ всего этого я въ восхищеніи, и мнѣ нѣтъ нужды засматривать въ глаза ни тебѣ, ни ключарю, въ ожиданіи пока онъ подастъ обѣдъ, проклиная меня и ворча, что ему, пожалуй, скоро придется заварить для меня другую кашу. Вотъ какимъ обладаю я сокровищемъ, оплотомъ противъ бѣдъ, защитой отъ стрѣлъ... Такъ не велика-ли моя власть? Меньше-ли чѣмъ нибудь она власти Зевсовой, если про меня говорятъ тоже, что́ про Зевса? Если мы шумимъ, то всякій прохожій говоритъ: „Охъ, какъ гремитъ судъ, царь Зевесъ!“, а если я пущу молнію, то богатые и знатные въ ужасѣ щелкаютъ языкомъ καγκεχόδασί με [5]). Да и ты самъ меня боишься больше всѣхъ, клянусь Деметрой, боишься. А я пусть погибну, если тебя боюсь!“

Все, что̀ Аристофанъ говоритъ здѣсь о своеобразностяхъ аѳинскаго суда, отражавшихъ настроеніе судей, и о самомъ этомъ настро-

---

фана упоминаютъ также комики Кратинъ (Thressae, fr. 14 M.) и Платонъ (Peisandros, fr. 9 M.). Ср. Meineke, Historia Critica Comicorum Graecorum, p. 180.

[1]) Въ подлинникѣ κολακώνυμος ἀσπιδοποβλής — намекъ на Клеонима, котораго Аристофанъ затрогиваетъ весьма часто какъ лгуна, хвастуна, льстеца и труса.

[2]) Вѣроятно, обычное завѣреніе риторовъ въ преданности охлократіи. Ср. въ «Осахъ» же, 666.

[3]) Ср. Equites, 50. Чѣмъ меньше въ каждое засѣданіе рѣшалось дѣлъ, тѣмъ за меньшее число занятыхъ часовъ судья получалъ три обола; въ благодарность ораторамъ, предлагавшимъ распустить судъ тотчасъ по рѣшеніи одного дѣла, судьи отплачивали тѣмъ, что въ народномъ собраніи поддерживали ихъ предложенія.

[4]) Бѣдные аѳиняне носили деньги во рту. Ср. въ «Осахъ» же, 791; Eccl. 818, Aves, 503 и др.

[5]) Въ подлинникѣ ποππύζουσι. Этотъ, непередаваемый по русски, глаголъ значилъ: свистѣть, издавать ласкающій звукъ (въ обращеніи съ дѣтьми, съ животными) или произносить льстивыя восклицанія. По объясненію схоліаста (къ нашему мѣсту), аѳиняне ἐπόππυζον при видѣ молніи, — вѣроятно, что бы ласкающимъ звукомъ умилостивить Зевса.

еніи, подтверждается и изъ другихъ источниковъ. Авторъ трактата „Объ Аѳинскомъ государствѣ“ свидѣтельствуетъ о необходимости, для успѣшнаго окончанія дѣла, встрѣчать судей у входа, умолять ихъ и пожимать руки [1]). Сократъ укоряетъ своихъ соотечественниковъ за то, что у нихъ въ обычаѣ умаливать судей потоками слезъ, приводить съ собою, для внушенія къ себѣ состраданія, дѣтей, родственниковъ и приближенныхъ, однимъ словомъ, творить удивительныя вещи, и что этими жалостными представленіями они дѣлаютъ изъ государства посмѣшище [2]). О томъ же обычаѣ говорятъ Ксенофонтъ, Андокидъ и Лизій [3]). Исократъ сѣтуетъ, что въ его время на богатство стали смотрѣть какъ на величайшее преступленіе, въ которомъ необходимо всячески оправдываться, чтобы остаться цѣлымъ, что гораздо страшнѣе стало даже только казаться богатымъ, чѣмъ совершать открытыя несправедливости, такъ какъ послѣднія караются легко, а богатство влечетъ конечную гибель; что лишенныхъ имуществъ стало больше, чѣмъ наказанныхъ за преступленія [4]); что никому не живется легко и спокойно, но весь городъ переполненъ воплемъ вслѣдствіе того, что одни вынуждены изображать и оплакивать свои нужды и бѣдность, другіе—множество всякаго рода поборовъ [5]). Отъ Лизія мы слышимъ, что ораторы часто добивались обвинительнаго приговора указаніемъ судьямъ на то, что если они оправдаютъ подсудимаго, то въ государственной кассѣ не хватитъ денегъ для раздачи имъ жалованья [6]). Но всего живѣе подтверждаютъ свидѣтельство Аристофана о соціальной борьбѣ

---

[1]) De Rep. Ath. I, 18 (Dind.).

[2]) Plato, Apol. 34, B, сл.

[3]) Xenoph. Memor. IV, 4, 4; Andoc. De Myst. 148—149; Lys. De Vulnere, 20.

[4]) Isocr. De Permut. (XV), 160: πολὺ γὰρ δεινότερον καθέστηκε τὸ δοκεῖν εὐπορεῖν ἢ τὸ φανερῶς ἀδικεῖν· οἱ μὲν γὰρ ἢ συγγνώμης ἔτυχον ἢ μικροῖς ἐζημιώθησαν, οἱ δ᾽ ἄρδην ἀπόλλυνται, καὶ πλείους ἂν εὕροιμεν τοὺς ἐκ τῶν ὄντων ἐκπεπτωκότας ἢ τοὺς δίκην ὑπὲρ τῶν ἁμαρτημάτων δεδωκότας. Cp. ibid. 164: οὕτω γὰρ ἡ πόλις ἐν τῷ παρόντι χαίρει τοὺς μὲν ἐπιεικεῖς πιέζουσα καὶ ταπεινοὺς ποιοῦσα, τοῖς δὲ πονηροῖς ἐξουσίαν διδοῦσα καὶ λέγειν καὶ ποιεῖν ὅτι ἂν βουληθῶσιν.

[5]) Isocr. De Pace (VIII), 127—128: τὸ δὲ πλῆθος ἡμῶν, οὗ κήδεσθαί φασιν, οὕτω διακείμενον ὥστε μηδένα τῶν πολιτῶν ἡδέως ζῆν μηδὲ ῥαθύμως, ἀλλ᾽ ὀδυρμῶν μεστὴν εἶναι τὴν πόλιν. οἱ μὲν γὰρ τὰς πενίας καὶ τὰς ἐνδείας ἀναγκάζονται διεξιέναι καὶ θρηνεῖν πρὸς σφᾶς αὐτούς (въ судахъ, очевидно), οἱ δὲ τὸ πλῆθος τῶν προσταγμάτων καὶ τῶν λειτουργιῶν καὶ τὰ κακὰ τὰ περὶ τὰς συμμορίας καὶ τὰς ἀντιδόσεις· ἃ τοιαύτας ἐμποιεῖ λύπας ὥστ᾽ ἄλγιον ζῆν τοὺς τὰς οὐσίας κεκτημένους ἢ τοὺς συνεχῶς πενομένους.

[6]) Lys. c. Epicrat., 1: ἐνθυμεῖσθαι δὲ χρὴ ὅτι πολλάκις ἠκούσατε τούτων λεγόντων, ὁπότε βούλοιντό τινα ἀδίκως ἀπολέσαι, ὅτι, εἰ μὴ καταψηφιεῖσθε ὧν αὐτοὶ κελεύουσιν, ἐπιλείψει ὑμᾶς ἡ μισθοφορά. Подобнымъ же доводомъ ораторы убѣждали и совѣтъ давать ходъ εἰσαγγελίαι. Lys. Contra Nicom. 22.

въ Аѳинахъ слова Хармида въ Ксенофонтовомъ „Пирѣ“ [1]: „Всѣ согласны въ томъ (говоритъ онъ), что лучше быть спокойнымъ, чѣмъ бояться, быть свободнымъ, чѣмъ рабомъ, лучше заставлять за собою ухаживать, чѣмъ самому ухаживать, и лучше пользоваться довѣріемъ отечества, чѣмъ быть въ подозрѣніи. Когда я былъ богатъ, то опасался, какъ бы кто не сдѣлалъ въ моемъ домѣ подкопъ, не взялъ моихъ денегъ и не доставилъ мнѣ самому какой нибудь непріятности. Я долженъ былъ ухаживать за сикофантами, такъ какъ зналъ, что могу скорѣе отъ нихъ потерпѣть зло, чѣмъ имъ его сдѣлать. Кромѣ того, государство на меня постоянно возлагало какіе нибудь расходы, а выѣхать въ другую страну я не имѣлъ права. Теперь же, послѣ того, какъ я лишился загородныхъ имѣній, а городская земля мнѣ ничего не стала давать, и продано все, чтó было въ домѣ, я сладко сплю въ растяжку, у государства я сталъ въ довѣріи, мнѣ уже никто не угрожаетъ, но я самъ угрожаю другимъ, и какъ свободному человѣку, мнѣ можно жить и въ государствѣ и внѣ его предѣловъ. Когда я прохожу, богатые передо мною встаютъ и уступаютъ дорогу. Вообще, теперь я подобенъ тиранну, а тогда былъ совершеннымъ рабомъ. Прежде я платилъ подать народу, а теперь государство прокармливаетъ меня, давая мнѣ деньги... Когда у меня было большое имущество, я постоянно терялъ чтó нибудь, то по волѣ государства, то по случайности, а теперь я не только не теряю ничего, такъ какъ мнѣ нечего терять, но всегда надѣюсь получить что нибудь“.

Чувства, воодушевлявшія законодательныя собранія, не могли быть лучшими: въ Аѳинахъ творила судъ и давала законы одна и таже толпа. Ѳукидидъ, Платонъ, Аристотель, Исократъ, Демосѳенъ и Аристофанъ единогласно свидѣтельствуютъ, что успѣхъ могли имѣть только тѣ ораторы, которые умѣли льстить толпѣ [2]; Платонъ и Аристофанъ добавляютъ, что особенно убѣдительны были рѣчи молодыхъ витій, извѣстныхъ угодливостью пэдерастамъ [3]; подобное же слышимъ мы

[1] Xenoph. Sympos. IV, 29—32.

[2] Thuc. II, 65, 5—6 (см. выше, стр. 61); Plato, Gorg. 462 C, слѣд.; De Rep. 492, B — 493, E и др. Aristot. Pol. IV, 4, 1292a, 10 — 27; ibid. V, 11, 1313b, 39—1314a, 10 (см. выше, стр. 22, сл., 60), Isocr. De Pace (VIII) 3, сл., 14 и др. De Permut. (XV), 133, сл.; Demosth. Olynth. III, 22 и др.; Aristoph. Equites, 47, слѣд., passim и др.

[3] Plato, Sympos., 192, A: καὶ γὰρ τελεωθέντες μόνοι ἀποβαίνουσιν εἰς τὰ πολιτικὰ ἄνδρες οἱ τοιοῦτοι (οἳ χαίρουσι συγκατακείμενοι καὶ συμπεπλεγμένοι τοῖς ἀνδράσι). Aristoph. Nubes, 1072—1077; Equites, 875; Acharn. 681; Eccl. 112—113:

λέγουσι γὰρ καὶ νεανίσκων ὅσοι
πλεῖστα σποδοῦνται δυνατωτάτους εἶναι λέγειν.

отъ Софокла и отъ комика Платона [1]). Мы узнаемъ также, что главнымъ побужденіемъ посѣщать народное собраніе были платимыя за эти посѣщенія деньги. „Давайте (говоритъ хоръ въ „Бабьемъ Собраніи“ [2]) постараемся прогнать тѣхъ, которые идутъ сюда изъ города. Прежде, когда можно было получить только одинъ оболъ [3]), они сидѣли и болтали возлѣ продавщицъ вѣнковъ [4]), а теперь стали ужъ очень назойливы. Не то было, когда правилъ нами добрякъ Миронидъ [5]). Тогда никто не дерзалъ заботиться о государствѣ изъ-за денегъ. Всякій приходилъ въ собраніе, неся въ мѣшкѣ питье, хлѣбъ, двѣ головки чесноку и три оливки. А теперь только и думаютъ о томъ, чтобы получить три обола,—словно навозники“. Посылка никогда не бывавшаго на войнѣ Клеона во главѣ отряда на Сфактерію ему на зло и на смѣхъ, „чтобы избавиться отъ великаго зла Клеона“ [6]), избраніе Агиррія полководцемъ въ признательность за предложенное и проведенное имъ повышеніе платы участникамъ въ народномъ собраніи съ одного обола до трехъ и за превращеніе раздачи театральныхъ денегъ въ правильное распредѣленіе части государственныхъ доходовъ между гражданами [7]), высшія почести, оказанныя памяти Евбула за изданный по его на-

---

[1]) Soph. fr. 865 (D):

οἱ γὰρ γύνανδροι καὶ λέγειν ἠσκηκότες.

Stob. Flor., II, 3. Meineke, Fragmenta, II, 2, p. 680:

ἢν γὰρ ἀποθάνῃ
εἷς τις πονηρός, δύ' ἀνέφυσαν ῥήτορες·
οὐδεὶς γὰρ ἡμῖν' Ἰόλεως ἐν τῇ πόλει,
ὅστις ἐπικαύσει τὰς κεφαλὰς τῶν ῥητόρων.
κεκολλόπευκας· τοιγαροῦν ῥήτωρ ἔσει.

[2]) Aristoph. Eccles. 300—310. Ср. ibid. 185, сл.

[3]) Первоначальная плата за посѣщеніе народнаго собранія была одинъ оболъ; за тѣмъ, по предложенію Агиррія, ее повысили до трехъ. См. ниже, пр. 7.

[4]) Въ подлинникѣ ἐν τοῖς στεφανώμασι. При переводѣ я руководствуюсь указаніемъ Meineke, ad Pherecr. Ἀγαθοί fr. 2 (Fragmenta II, 1, p. 253), гдѣ ἐν τοῖς στεφανώμασι Мейнеке передаетъ: in ea fori parte ubi flores et corollae veneunt. Что вѣнками торговали продавщицы, слѣдуетъ заключить изъ Aristoph. Thesmoph. 458 и Plut. Arat. 6.

[5]) Миронидъ—старшій современникъ Перикла. Онъ былъ отправленъ посломъ въ Спарту во время битвы при Саламинѣ (Plut. Arist. c. 10) вмѣстѣ съ Ксантиппомъ, отцомъ Перикла; за тѣмъ, въ четвертый годъ восьмидесятой олимпіады (456 г.), былъ полководцемъ при Энофитѣ—тогда на вершинѣ своей славы. Thuc. I, 105. 108. IV. 95. Diog. XI, 79, 81. Böckh, Staatshaushaltung, I, 289.

[6]) Thuc. IV, 27—28.

[7]) Объ Агирріи см. Xenoph. Hell. IV, 8, 31; Diod. XIV, 99; Andocid. De Myster. 133; Harpocr. Ἀγύῤῥιος; Aristoph. Eccl. 184; Plut. 176. См. Böckh, Staatshaushaltung, I, 284 f. 288 f. 384 f.; II, Anm. des Herausg. 65.

стоянію во время крайняго безденежья въ государствѣ законъ, грозившій смертью всякому, кто предложитъ потратить театральныя деньги на военныя нужды [1]); заявленіе Демада, что раздача денегъ народу—клей демократіи [2]), и успокоившій аѳинянъ, требовавшихъ денегъ на посылку вспомогательнаго флота возмутившимся противъ Александра союзникамъ, отвѣтъ того же демагога: „У васъ есть деньги. Я позаботился, чтобы каждый изъ васъ получилъ на Хояхъ по полмины; если же вы предпочитаете ихъ тратить теперь, то доставайте на Хояхъ изъ собственнаго кармана“ [3])—краснорѣчивѣе всякихъ другихъ свидѣтельствъ говорятъ о настроеніи аѳинскихъ законодательныхъ собраній. Совѣтъ въ частности заявилъ о своихъ нравственныхъ качествахъ во время заговора Четырехсотъ, уступивъ заговорщикамъ власть за причитавшееся до конца года жалованье [4]). Говорятъ (подтверждаетъ въ свою очередь продажность аѳинскихъ законодателей авторъ трактата „Объ аѳинскомъ государствѣ“ [5]), что въ Аѳинахъ всякій можетъ устроить свои дѣла, если придетъ въ совѣтъ или въ народное собраніе съ деньгами въ рукахъ. Я вполнѣ согласенъ, что въ Аѳинахъ можно многаго добиться за деньги, и притомъ тѣмъ большаго, чѣмъ больше дашь денегъ“. Аристофанъ былъ поэтому совершенно правъ, вложивъ въ уста своему идеальному демагогу колбаснику рѣчь [6]), въ которой тотъ заявляетъ, что подкупилъ весь совѣтъ, раздавъ каждому изъ его членовъ кишнецу и чесноку на оболъ.

---

[1]) Aeschin. Contr. Ctesiph. 25; Plut. Praec., reip. ger. XV, 176W; Harpocr. Εὔβουλος, θεωρικά; schol. ad Aesch. Or. II, 2; schol. ad Demosth. Olynth. I, 1 (Oratores Attici, rec. Mullerus, Paris, Didot, 1848, II, p. 410, 528). Cp. Böckh, l. c. I, 183, 225 f., 285 и др.

[2]) Plut. Quaest. Plat. X, 4, p. 77, W: ὡς Δημάδης κόλλαν ὀνομάζων τὰ θεωρικὰ τῆς δημοκρατίας. Böckh, l. c. I, 206 f.

[3]) Plut. Praec. reip. ger. XXV, p. 189W., сл., Böckh. l. c. I, 206 f. Хои—второй день Анѳестеріевъ, празднества въ честь Вакха. Hermann, Lehrbuch, II, 301, f.

[4]) Thuc. VIII, 69, 3. Въ краткихъ словахъ Ѳукидида цѣлая трагедія. Даже Гротъ, History of Greece, VII, p. 281, не смотря на все свое пристрастіе къ аѳинской демократіи, называетъ этотъ поступокъ совѣтниковъ «a meannes, which almost branded them as accomplices and dishonoured the expiring hour of the last democratical authority». Ср. выше, стр. 184, пр. 6.

[5]) De. Rep. Ath. III, 3 (Dind): λέγουσι δέ τινες, ἤν τις ἀργύριον ἔχων προσίῃ πρὸς βουλὴν ἢ δῆμον, χρηματιεῖται. ἐγὼ δὲ τούτοις ὁμολογήσαιμ' ἂν ἀπὸ χρημάτων πολλὰ διαπράττεσθαι 'Αθήνησι, καὶ ἔτι ἂν πλείω διαπράττεσθαι, εἰ πλείους ἐπεδίδοσαν ἀργύριον. Само собою разумѣется, что судьи точно также были подкупны. Diod. XIII, 64; Plut. Coriol. 14; Aristot. Ath. Rep. fr. 72 (Fragmenta Historicorum graecorum coll. Müllerus, Paris, Didot, 1848, II, p. 127); Schol. ad Aesch. c. Tim. 87. По единогласному указанію всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, судей впервые подкупилъ извѣстный изъ процесса Сократа—Аннтъ.

[6]) Aristoph. Equites, 622—680.

„Стоитъ послушать (такъ начинаетъ свою рѣчь этотъ демагогъ колбасникъ), что происходило въ совѣтѣ, куда я помчался вслѣдъ за Пафлагонцемъ [1]). Онъ тамъ разражался громовыми словами, кричалъ о всадникахъ [2]) всякіе ужасы, металъ въ нихъ молніи, называлъ ихъ заговорщиками самымъ убѣдительнымъ образомъ. Совѣтъ, слушая его, заполонился ложью, сталъ смотрѣть кисло и понурилъ голову. Увидавъ, что совѣтъ принимаетъ слова Пафлагонца и вводится въ обманъ его лжесплетеніемъ, я повелъ такую рѣчь: „Боги, покровители лжи, обмана, плутней, подлости и низости, рынокъ, на которомъ я воспитывался съ дѣтства, дайте мнѣ смѣлость, бойкій языкъ и наглый голосъ“. Когда я говорилъ это, съ правой стороны возлѣ меня какой-то развратникъ пустилъ громъ. Я привѣтствовалъ это хорошее предзнаменованіе [3]), ударилъ изо всѣхъ силъ задомъ въ перегородку [4]), разломалъ ее, и заоралъ во всю глотку: „О совѣтники, я пришелъ съ добрыми словами и хочу сообщить вамъ благую вѣсть: съ тѣхъ поръ какъ разразилась война, никогда еще не были такъ дешевы корюшки“ [5]). Совѣтники тотчасъ же развеселились и увѣнчали меня за эту благую вѣсть. Въ краткихъ словахъ сообщилъ я имъ свое тайное предложеніе—захватить у гончаровъ всѣ горшки, чтобы вынудить оставшихся безъ посуды торговцевъ давать на одинъ оболъ какъ можно больше корюшекъ [6]). Совѣтники зарукоплескали и стали на меня смотрѣть, разинувъ ротъ. Пафлагонецъ, замѣтивъ это и зная какимъ рѣчамъ всего больше радуется совѣтъ, подалъ слѣдующее мнѣніе: „Совѣтники (сказалъ онъ), мнѣ кажется, что въ благодарность за сообщенное намъ хорошее извѣстіе должно богинѣ принести въ жертву сто быковъ“. Совѣтъ опять склонился на его сторону. Увидавъ себя побѣжденнымъ бычачьимъ навозомъ, я въ свою очередь одолѣлъ Пафлогонца двумя стами быковъ; кромѣ того, по моему предложенію, со-

---

[1]) Подъ этимъ именемъ выступаетъ Клеонъ во «Всадникахъ».

[2]) Всадники принадлежали къ наиболѣе зажиточнымъ гражданамъ Аѳинъ и были поэтому обыкновенно на сторонѣ умѣренной демократіи или даже олигархіи и враждебно относились къ выжимавшимъ изъ нихъ деньги демагогамъ. Ср. Müller Strübing, Aristophanes etc., S. 118.

[3]) Чиханье, бурчанье въ животѣ и под. считалось хорошимъ предзнаменованіемъ. Odyss. XVII, 541. Hymn. in Merc. 295. Xen. Anab., III, 2, 9 и др.

[4]) Перегородка, отдѣлявшая то мѣсто, гдѣ засѣдали совѣтники (а также и судьи). Она охранялась стрѣлками (см. слѣд. стр. пр. 2) и переходить за нее не дозволялось.

[5]) Ἀφύαι—собственно не корюшки, а неизвѣстный намъ видъ мелкой рыбы, которая, какъ видно изъ свидѣтельства Хризиппа, ap. Athen. VII, с. 23, р. 285, и частыхъ упоминаній о ней Аристофана, была обычной пищей незажиточныхъ аѳинянъ.

[6]) При переводѣ этого мѣста я слѣдую толкованію Диндорфа.

вѣтъ далъ обѣтъ принести въ жертву Артемидѣ тысячу козъ, если завтра снѣтки [1]) будутъ по оболу за сотню. Тогда совѣтъ опять перешелъ на мою сторону. Пафлагонецъ, услыхавъ мои слова, вышелъ изъ себя и понесъ такой вздоръ, что его стали выпроваживать пританы и стрѣлки [2]). Совѣтники стояли и кричали о корюшкахъ, а Пафлагонецъ умолялъ ихъ подождать нѣсколько, пока будетъ извѣстно, что скажетъ глашатай, пришедшій изъ Лакедемона для переговоровъ о мирѣ. Но совѣтники всѣ, какъ одинъ, заголосили: „Теперь говорить о мирѣ? Послѣ того, глупецъ, какъ враги узнали, что у насъ стали дешевы корюшки! Не нуждаемся въ переговорахъ. Пусть идетъ война!", приказали пританамъ распустить совѣтъ и стали перепрыгивать черезъ перегородку. А я тѣмъ временемъ побѣжалъ на рынокъ, скупилъ весь бывшій тамъ чеснокъ и кишнецъ и вернувшись сталъ раздавать неимущимъ совѣтникамъ эту приправу къ корюшкамъ даромъ, чтобы только угодить имъ. Они всѣ осыпали меня похвалами и радостными восклицаніями, такъ что я пришелъ сюда, подкупивъ всѣхъ совѣтниковъ кишнецомъ по оболу на каждаго".

Кромѣ борьбы въ народномъ собраніи, совѣтѣ и судѣ, въ Аѳинахъ (какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ Греціи) шла подпольная борьба между различными политическими партіями, особенно усилившаяся во времена Пелопоннезской войны, когда своею ожесточенностью она далеко оставила позади себя всякую другую борьбу.

„Во время Пелопоннезской войны (говоритъ Ѳукидидъ [3]) пришла въ движеніе вся Еллада вслѣдствіе повсемѣстныхъ раздоровъ между представителями народа и олигархами... Среди этихъ волненій въ государствахъ появилось много зла, которое всегда бывало и всегда будетъ, пока останется человѣческая природа такою, какъ теперь, но которое выступаетъ то больше, то меньше, и разнообразится видами, смотря по тому, какой въ каждомъ данномъ случаѣ принимаютъ оборотъ событія. Въ мирное время и при благоденствіи, какъ города, такъ и отдѣльные люди имѣютъ болѣе честныя намѣренія, вслѣдствіе того, что не попадаютъ въ подневольную необходимость; но война, лишая обычнаго въ повседневной жизни довольства, становится суро-

---

[1]) Τριχίδες, точно также какъ ἀφύαι, неизвѣстный родъ мелкой рыбы.

[2]) Пританы — предсѣдатели совѣта (о нихъ Hermann, Lehrbuch, I, 484 f.), они же начальники надъ стрѣлками; стрѣлки—наемные полицейскіе, обыкновенно изъ скиѳовъ. Ср. неподражаемо художественное изображеніе такого скиѳа стрѣлка вмѣстѣ съ пританомъ въ Thesmophoriaz. 930, слѣд.

[3]) Thuc. III, 82—83. Что свидѣтельство Ѳукидида относится также и къ Аѳинамъ, очевидно изъ II, 65 и особенно изъ VIII, 66.

вымъ учителемъ и настраиваетъ чувства толпы сообразно съ обстоятельствами. Итакъ, въ государствахъ поднялись междоусобицы. Правительства [1]), волновавшіяся позже, умудренныя опытомъ, превосходили прежнія въ измышленіяхъ плановъ, въ хитрости нападеній, въ изобрѣтательности мщеній. Извращено было по произволу привычное значеніе словъ примѣнительно къ поступкамъ [2]). Безразсудная смѣлость стала считаться дружелюбною храбростью, предусмотрительная медлительность—благовидною трусостью, скромность—покровомъ малодушія, вниканіе во всякое дѣло—лѣностью во всемъ. Безумная порывистость вмѣнялась въ мужество, а на осторожное обдумываніе смотрѣли какъ на красивый предлогъ къ уклончивости. Поносившій другихъ былъ неизмѣнно надежнымъ, возражавшій ему—подозрительнымъ; удачно строившій козни считался умнымъ, тотъ, кто ихъ предусматривалъ, еще проницательнѣе, а кто ухитрялся такъ, чтобы въ нихъ вовсе не нуждаться—разрушителемъ сотоварищества и трусомъ передъ противникомъ. Вообще хвалили того, кто предупреждалъ злодѣяніями, и того, кто побуждалъ къ нимъ не думавшихъ о нихъ. Даже родственное чувство было пересилено духомъ партіи, болѣе готовымъ рѣшаться на все безъ оглядки: подобныя сообщества устраиваются не по существующимъ законамъ ради государственной пользы, но вопреки установленнымъ изъ-за корысти. Довѣріе другъ къ другу скрѣплялось не столько божественнымъ закономъ, сколько обоюднымъ беззаконіемъ. Добрыя предложенія врага принимались со всею предосторожностью только тогда, когда на его сторонѣ былъ перевѣсъ, а не по благородству. Отмстить считалось болѣе желательнымъ, чѣмъ не потерпѣть обиды. Если уговоръ и скрѣплялся клятвами, то, вслѣдствіе того, что ихъ давали только тогда, когда обѣ стороны были въ безысходной крайности, онѣ оставались въ силѣ лишь до того мгновенія, пока ни та, ни другая не имѣла ни откуда подмоги; но при удобномъ случаѣ тотъ, кто отваживался раньше, едва замѣчалъ беззащитность противника, отомщалъ ему съ тѣмъ большимъ наслажденіемъ, что пользовался его довѣріемъ и не былъ открытымъ врагомъ, принимая при этомъ въ разсчетъ какъ безопасность, такъ и то, что

[1]) Этимъ словомъ я перевожу τὰ τῶν πόλεων — выраженіе, обнимающее собою все, относящееся до государственной жизни города и не находящее соотвѣтственнаго въ русскомъ языкѣ. Переводить это выраженіе въ данномъ случаѣ черезъ «города» кажется мнѣ неумѣстнымъ, такъ какъ въ одномъ и томъ же городѣ τὰ τῆς πόλεως можетъ волноваться не одинъ разъ; на эти неоднократныя волненія въ различныхъ городахъ и указываетъ здѣсь Θукидидъ.

[2]) Съ дальнѣйшимъ ср. стр. 70, пр. 1.

коварствомъ побѣды надъ врагомъ пріобрѣталъ славу умнаго человѣка: люди охотнѣе даютъ себя называть ловкими плутами, чѣмъ добрыми простаками; послѣдняго они стыдятся, первымъ восхищаются [1]). Причина всего этого—жажда власти изъ-за корысти и честолюбія, заставляющихъ страстно желать побѣды въ борьбѣ. Тѣ, которые стояли во главѣ городовъ, отдавая будто бы предпочтеніе то общей равноправности, то умѣренному господству лучшихъ, и прикрываясь этими красивыми именами, служили общественному благу только на словахъ, а на дѣлѣ приносили его въ жертву личнымъ цѣлямъ. Въ стремленіи одолѣть другъ друга всѣми способами, они дерзали на ужаснѣйшія злодѣянія и придумывали еще болѣе страшныя отмщенія, не соображаясь ни съ справедливостью, ни съ государственною пользою, но руководствуясь каждый разъ тѣмъ, что̀ было угодно той или другой сторонѣ, и, когда достигали власти или несправедливымъ осужденіемъ, или открытою силою, были тотчасъ же готовы удовлетворить жажду побѣды. Совѣсть никто не ставилъ ни во что̀, но въ большей славѣ были тѣ, которые, умѣя красно говорить, достигали цѣли ненавистнымъ способомъ. Граждане, не принимавшіе участія въ борьбѣ, уничтожались или за то, что не приносили помощи, или изъ зависти къ ихъ спокойной жизни.

Такимъ образомъ, въ Елладѣ наступилъ развратъ во всѣхъ видахъ, и то простодушіе, которое больше всего свойственно благородству, было осмѣяно и исчезло. Возобладало недовѣрчивое, враждебное настроеніе другъ къ другу и для его прекращенія не было ни сильнаго слова, ни грозной клятвы. Разсчитывая въ непредвидѣнныхъ случайностяхъ больше на свою сообразительность, чѣмъ на чью либо твердость, всѣ думали скорѣе о способахъ не попасть въ бѣду, чѣмъ могли довѣриться. Перевѣсъ бывалъ по большей части на сторонѣ людей менѣе сильнаго ума: опасаясь своей неспособности и проницательности противниковъ, они, чтобы не быть побѣжденными ихъ словами и предупрежденными изворотливостью въ козняхъ, приступали къ дѣлу рѣшительно; а тѣ, въ своемъ самомнѣніи воображая, что могутъ все предусмотрѣть и что нѣтъ нужды дѣйствовать тамъ, гдѣ можно взять умомъ, не принимали мѣръ предосторожности и тѣмъ легче погибали".

---

[1]) Ср. съ этимъ Plato, Theaet., 176, D: τῷ οὖν ἀδικοῦντι καὶ ἀνόσια λέγοντι ἢ πράττοντι μακρῷ ἄριστ᾽ ἔχει τὸ μὴ συγχωρεῖν δεινῷ ὑπὸ πανουργίας εἶναι. ἀγάλλονται γὰρ τῷ ὀνείδει, καὶ οἴονται ἀκούειν, ὅτι οὐ λῆροί εἰσι, γῆς ἄλλως ἄχθη, ἀλλ᾽ ἄνδρες, οἵους δεῖ ἐν πόλει τοὺς σωθησομένους. Одинаково глубокое проникновеніе въ сердца людей.

После всего сказаннаго мною о настроеніи аѳинской демократіи, невозможно сомнѣваться, что какъ законная, такъ и незаконная борьба всего менѣе велась въ интересахъ государства и всего болѣе въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ и партій. Главнымъ средствомъ той и другой было ловкое слово. Кто обладалъ имъ, тотъ при достаточномъ нахальствѣ могъ быть властелиномъ законодательной и судебной трибуны [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ человѣкомъ въ государствѣ. Не безъ глубокаго основанія поэтому, хотя и не безъ горькой ироніи, говоритъ Платонъ, что софисты—люди царственные [2]) и что науку о счастливой жизни слѣдуетъ искать въ искусствѣ составлять рѣчи, или гдѣ нибудь около. „Это искусство (поясняетъ онъ [3])—часть искусства чарователей и не во многомъ уступаетъ ему. Чарователи заговариваютъ змѣй, пауковъ, скорпіоновъ и другихъ звѣрей, или же болѣзни, а составители рѣчей заговариваютъ и укрощаютъ судей, законодателей и другой сбродъ“. При высокомъ умственномъ развитіи аѳинянъ, при ихъ широкомъ знакомствѣ черезъ театръ съ лучшими образцами поэтической риторики, а чрезъ народное собраніе, совѣтъ и судъ—съ лучшими образцами риторики законодательной и судебной [4]), обаятельно дѣйствовать могла лишь особенно выдающаяся рѣчь. Краснорѣчіе второй половины V вѣка было поэтому неутомимо въ изысканіи средствъ производить сильное впечатлѣніе [5]). Протагоръ плѣнялъ воззваніемъ къ общепринятымъ воззрѣніямъ [6]) и привычнымъ волненіямъ [7]), примѣрами [8]), сказаніями [9]), выдержками изъ поэтовъ [10]), особеннымъ грамматическимъ образованіемъ

---

[1]) Ср. Isocr. De Pace (VIII), 121: ἡ ἐπὶ τοῦ βήματος δυναστεία. Ср. также выше, стр. 177, пр. 6.

[2]) Plato, Phaedr. 267, C—D.

[3]) Plato, Euthyd. 289 E, слѣд. Ср. Xenoph. Memor. II, 6, 13.

[4]) Ср. выше, стр. 89, сл., 174, сл. Isocr. De Permut.(XV), 295: χρὴ γὰρ μηδὲ τοῦτο λανθάνειν ὑμᾶς, ὅτι πάντων τῶν δυναμένων λέγειν ἢ παιδεύειν ἡ πόλις ἡμῶν δοκεῖ γεγενῆσθαι διδάσκαλος и пр.

[5]) Подробно о риторикѣ софистовъ я буду говорить при изложеніи жизни и ученія каждаго изъ нихъ, а въ настоящемъ случаѣ ограничусь лишь краткими указаніями.

[6]) Plato, Protag. 328, C., 340, E.

[7]) Plato, Theaet. 162, D—пріемы, недозволительные въ діалектикѣ, но умѣстные въ δημηγορία. Протагоромъ были составлены готовыя воззванія къ различнымъ чувствамъ, такъ называемыя общія мѣста. Cic. Brut. XII, 46; De Oratore III, c. 27, 106, сл.

[8]) Plato, Protag. 327, A, D, E. 328, A.

[9]) Ibid. 328, C.

[10]) Ibid. 339, A, слѣд.

словъ [1])—разставляя всѣ паруса рѣчи, по выраженію Гиппія [2]); Горгій очаровывалъ противопоставленіями, подборомъ однозвучныхъ словъ, симметрическимъ расположеніемъ періодовъ [3]) и, наоборотъ, свободнымъ сочетаніемъ предложеній [4]), ироніей [5]), переходомъ отъ насмѣшливаго тона къ важному и отъ важнаго къ насмѣшливому [6]), поэтическими эпитетами и метафорами [7]); Продикъ поражалъ слухъ различеніемъ сходныхъ по значенію словъ и дѣйствовалъ на сердце обращеніемъ къ возвышеннымъ чувствамъ [8]); Гиппій—обиліемъ изысканныхъ образовъ [9]); Полъ—сугубословіемъ, мыслесловіемъ, образословіемъ [10]); Евенъ—подпоказаніями, косвенными похвалами и порицаніями [11]); а искусствомъ рѣчей жалобно воющихъ и увлекающихъ къ состраданію старости и бѣдности особенно торжествовала сила оратора Халкидонскаго—Ѳразимаха, который то вдругъ воспламенялъ

---

[1]) Plato, Phaedr. 267, C: Πρωταγόρεια δέ, ὦ Σώκρατες, οὐκ ἦν μέντοι τοιαῦτ' ἄττα;—'Ορθοέπειά γέ τίς, ὦ παῖ, καὶ ἄλλα πολλὰ καὶ καλά. Подъ ὀρθοέπεια, какъ увидимъ въ главѣ о Протагорѣ, слѣдуетъ подразумѣвать своеобразную теорію Протагора впервые имъ введеннаго грамматическаго различенія именъ по родамъ. Объ этомъ Aristot. Rhet. III, 5, 1407b, 5, сл.; Soph. Elench. XIV, 137b, 17, сл.; Aristoph. Nubes, 656—691.

[2]) Plato, Protag. 337, C, слѣд. Образцы Протагорова краснорѣчія у Plato, Protag. 320, C, слѣд.; 334, A, сл.; 350, C, сл.; Theaet. 162, D, сл.; 166, A, сл.

[3]) Cic. Orat. c. 52, 175: paria paribus adjuncta (πάρισα) et similiter definita (παρόμοια) itemque contrariis relata contrarie (ἀντίθετα)—Gorgias primus invenit.

[4]) Philostr. Vitae Sophist., p. 201: Γοργίας... ἦρξε ἀποστάσεων καὶ προσβολῶν. Объясненіе этихъ словъ у Foss, De Gorgia Leontino, Halis, 1828, p. 51, слѣд.

[5]) Aristot. Rhet. III, 7, 1408b, 20.

[6]) Ibid. 18, 1419b, 3, сл.

[7]) Ibid. 1, 1402a, 26. Dionys. Hal. de Lys. c. 3, p. 458. Образецъ Горгіева краснорѣчія сохранился въ фрагментѣ произнесенной имъ «Надгробной» рѣчи, Foss, l. c. p. 69. Ср. также въ Платоновомъ «Пирѣ» рѣчь Агаѳона (194, E—197, E), составленную по правиламъ Горгіевой риторики. Исократъ (Panath., 2) свидѣтельствуетъ, что фигуры Горгіевой риторики заставляли зрителей отъ восторга шумѣть.

[8]) Plato, Charm. 163, D: καὶ γὰρ Προδίκου μυρία τινὰ ἀκήκοα περὶ ὀνομάτων διαιροῦντος. Ср. Cratyl. 384, B; Euthyd. 277, E. Образцы этого различенія именъ у Plato, Protag. 337, A, 341, A, сл. Другіе образцы Продикова краснорѣчія, но безъ различенія именъ, можно видѣть у Ксенофонта въ разсказѣ о Геркулесѣ на распутьи (Memor. II, 1, 21, слѣд.) и въ діалогѣ «Аксіохъ» — въ рѣчи о горестяхъ жизни (366 D, слѣд.) и роскошнѣйшей декламаціи о безсмертіи души (ibid., 369, E, сл.).

[9]) Plato, Protag. 337, C.

[10]) Plato, Phaedr. 267, C: Τὰ δὲ Πώλου πῶς φράσομεν αὖ μουσεῖα λόγων, ὡς διπλασιολογίαν καὶ γνωμολογίαν καὶ εἰκονολογίαν и пр. Образецъ у Plato, Gorg. 448, C.

[11]) Plato, Phaedr., 267, A: τὸν δὲ κάλλιστον Πάριον Εὐηνὸν εἰς μέσον οὐκ ἄγομεν, ὃς ὑποδήλωσίν τε πρῶτος εὗρε καὶ παρεπαίνους; οἱ δ' αὐτὸν καὶ παραψόγους φασὶν ἐν μέτρῳ λέγειν, μνήμης χάριν.

гнѣвъ толпы, то опять укрощалъ его словно чарами, и былъ одинаково силенъ какъ опутывать клеветою, такъ и снимать ее [1]).

Но одного искусства произносить рѣчи для счастливой жизни въ Аѳинахъ было не достаточно; въ такой же и даже въ большей мѣрѣ необходимо было умѣнье вести споры. Плавный ораторъ, „звенѣвшій непрерывно какъ мѣдь, пока его не перебивали, но онѣмѣвавшій тотчасъ же, какъ только къ нему прикасались вопросомъ" [2]), могъ быть побѣдителемъ въ законодательныхъ собраніяхъ, гдѣ борьба велась исключительно длинными рѣчами [3]); но не могъ разсчитывать на успѣхъ въ судѣ, гдѣ часто дѣло сводилось къ тому, чтобы ловко поставить вопросъ и изворотливо отвѣтить на предложенный [4]). Постоянною школою діалектической ловкости былъ въ Аѳинахъ театръ и судъ [5]); поэтому до извѣстной степени могъ ее пріобрѣсти собственными средствами всякій аѳинянинъ. Но тѣ, которые желали быть въ ней особенно сильными, должны были обращаться къ ея спеціальнымъ преподавателямъ. Хотя пріемы еристики были обстоятельно разработаны лишь младшими софистами [6]), а окончательно сформулированы только Аристотелемъ [7]), тѣмъ не менѣе и всѣ старшіе со-

---

[1]) Ibid. 267, C — D: τῶν γε μὲν οἰκτρογόων ἐπὶ γῆρας καὶ πενίαν ἑλκομένων λόγων κεκρατηκέναι τέχνῃ μοι φαίνεται τὸ τοῦ Χαλκηδονίου σθένος. ὀργίσαι τ' αὖ πολλοὺς ἅμα δεινὸς ἀνὴρ γέγονε, καὶ πάλιν ὠργισμένοις ἐπᾴδων κηλεῖν ὥς ἔφη· διαβάλλειν τε καὶ ἀπολύσασθαι διαβολὰς ὁθενδὲ κράτιστος.

[2]) Plato, Protag. 329, A.

[3]) Plato, Soph. 268, B: τίνα οὖν ἀποφαινόμεθα τὸν μακρολογώτερον εἶναι;—Δημολογικόν. Ср. Prot. 336, B.

[4]) Образцы искусства ставить на судѣ вопросы даютъ Платонъ, Apol., 24, B, слѣд.; Lys. Adv. Frument. 5; Contra Eratosth. 25, сл.; Contra Agorat. 30; Isaeus, De Hagnii heredit. 5. Отъ Сократа мы слышимъ (Apol. 25, D, слѣд.), что тяжущимся сторонамъ καὶ ὁ νόμος κελεύει ἀποκρίνεσθαι и что нежелавшихъ отвѣчать заставляли отвѣчать судьи (ibid. 27, C); самый законъ приводитъ Демосѳенъ, Contra Steph. II, 10: τοῖν ἀντιδίκοιν ἐπάναγκες εἶναι ἀποκρίνασθαι ἀλλήλοις τὸ ἐρωτώμενον, μαρτυρεῖν δὲ μή. Ср. кромѣ указанныхъ мѣстъ изъ «Апологіи», Лизія и Изэя, приведенный ниже разсказъ о тяжбѣ между Кораксомъ и Тисіемъ (стр. 198) и Aristoph. Acharn. (655—658):

ὁ δὲ νεανίας ἑαυτῷ σπουδάσας ξυνηγορεῖν
ἐς τάχος παίει, ξυνάπτων στρογγύλοις τοῖς ῥήμασι.
κᾆτ' ἀνελκύσας ἐρωτᾷ, σκανδάληθρ' ἱστὰς ἐπῶν,
ἄνδρα Τιθωνὸν σπαράττων καὶ ταράττων καὶ κυκῶν.

См. ниже, стр. 202.

[5]) См. выше, стр. 89, сл.; 192.

[6]) См. выше, стр. 38.

[7]) Aristoph. Soph. Elench. XXXIV, 183b, 34, сл.: ταύτης δὲ τῆς (ἐριστικῆς) πραγματείας οὐ τὸ μὲν ἦν τὸ δ' οὐκ ἦν προεξειργασμένον, ἀλλ' οὐδὲν παντελῶς ὑπῆρχεν. Эти слова слѣдуетъ однако понимать въ болѣе скромномъ смыслѣ, чѣмъ какъ же-

фисты, на ряду съ искусствомъ произносить длинныя рѣчи, учили также предлагать вопросы и давать отвѣты [1]). Для вооруженія учениковъ риторической ловкостью софисты, кромѣ сообщенія правилъ риторики, которыя они излагали въ особыхъ руководствахъ (τέχναι) [2]), устраивали такъ называемыя ἐπιδείξεις [3]) — произносили образцовыя рѣчи, которыя молодые люди заучивали, чтобы потомъ имъ подражать; для упражненія въ еристикѣ Протагоръ ввелъ состязанія (ἀγῶνες) [4]), состоявшія въ томъ, что ученики совмѣстно обсуждали какой нибудь вопросъ общаго свойства [5]), опровергая одинъ другаго [6]). Нѣкоторые изъ софистовъ, впрочемъ, просто давали заучивать составленные ими вопросы и отвѣты [7]).

лалъ бы самъ Аристотель. Его заслуга исключительно въ томъ, что онъ подвелъ пріемы еристики къ опредѣленнымъ правиламъ; основанія для этой формулировки были даны Кораксомъ, Тизіемъ, Зенономъ, Сократомъ и въ особенности Платономъ въ діалогѣ «Евѳидемъ».

[1]) Plato, Protag. 329, B: Πρωταγόρας δ' ὅδ' ἱκανὸς μὲν μακροὺς λόγους καὶ καλοὺς εἰπεῖν... ἱκανὸς δὲ καὶ ἐρωτηθεὶς ἀποκρίνασθαι κατὰ βραχὺ καὶ ἐρόμενος περιμεῖναί τε καὶ ἀποδέξασθαι τὴν ἀπόκρισιν, ἃ ὀλίγοις ἐστὶ παρεσκευασμένα. Ibid. 334, E, слѣд.; Theaet. 167, D — E. Что Протагоръ свое искусство примѣнялъ главнымъ образомъ въ судахъ, видно изъ Theaet., 178, E — A. О Горгіи см. Gorg. 447, C: καὶ γὰρ αὐτῷ (Γοργίᾳ) ἓν τοῦτ' ἦν τῆς ἐπιδείξεως· ἐκέλευε γοῦν νῦν δὴ ἐρωτᾶν ὅ τί τις βούλοιτο τῶν ἔνδον ὄντων, καὶ πρὸς ἅπαντ' ἔφη ἀποκρινεῖσθαι. Ibid. 458, D; Meno 70, B, сл. О Горгіевой μακρολογία и βραχυλογία см. Gorg. 449, B—C; Phaedr. 267, B; 269. B. Искусствомъ отвѣчать на всѣ вопросы хвалятся также Полъ и Гиппій. Gorg. 462, A. Hipp. Major, 287, A — B, Minor, 363, C, 364, D. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что софисты учили отвѣчать на вопросы; что они преподавали также и искусство ставить вопросы, это засвидѣтельствовано Аристотелемъ. См. прим. 7; ср. также Plato Cratyl. 390, E: οἱ ἥρωες ῥήτορές τινες καὶ ἐρωτητικοὶ συμβαίνουσιν, ὥστε ῥητόρων καὶ σοφιστῶν γένος γίγνεται τὸ ἡρωϊκὸν φῦλον.

[2]) Plato, Phaedr. 261, B, слѣд.; De Rep. 493, B (см. выше, стр. 24); Aristot. Rhetor. I, 1, 1354a, 12 и др. (см. ниже, стр. 197); Isocr. Contra Soph. (XIII) 19, (выше, стр. 34).

[3]) Plato, Soph. 217, E; Gorg. 447, A, слѣд.; Euthyd. 275, A; Crat. 384, B. Hipp. Min. 363, D, Maj. 282, B; Isocr. Panath. (XII), 271 и мн. др.

[4]) Diog. Laert. IX, 52: Πρωταγόρας... πρῶτος... λόγων ἀγῶνας ἔθετο. Среди сочиненій Протагора Діогенъ (ib. 55) упоминаетъ: Τέχνη ἐριστικῶν, Ἀντιλογιῶν δύο.

[5]) Ibid. 53: καὶ πρῶτος κατέδειξε πρὸς τὰς θέσεις ἐπιχειρήσεις. О θέσις см. Cic. Top. XXI, 79; Ep. ad. Att. IX, 4; Quintil. Instit. Or. III, c. 5, 5; X, c, 5, 10.

[6]) Plato, Theaet. 167, E: ἀδικεῖν δ' ἐστὶν ἐν τῷ τοιούτῳ (говоритъ Протагоръ), ὅταν τις μὴ χωρὶς μὲν ὡς ἀγωνιζόμενος τὰς διατριβὰς ποιῆται, χωρὶς δὲ διαλεγόμενος καὶ ἐν μὲν τῷ παίζῃ τε καὶ σφάλλῃ καθ' ὅσον ἂν δύνηται, ἐν δὲ τῷ διαλέγεσθαι σπουδάζῃ τε καὶ ἐπανορθοῖ τὸν προσδιαλεγόμενον. Нельзя сомнѣваться, что на состязаніяхъ, которыя устраивалъ Протагоръ, онъ руководствовался именно этими пріемами.

[7]) Aristot. Soph. Elench. XXXIV, 183a, 36, сл.: καὶ γὰρ τῶν περὶ τοὺς ἐριστικοὺς λόγους μισθαρνούντων ὁμοία τις ἦν ἡ παίδευσις τῇ Γοργίου πραγματείᾳ. λόγους γὰρ οἱ μὲν ῥητορικοὺς οἱ δὲ ἐρωτητικοὺς ἐδίδοσαν ἐκμανθάνειν, εἰς οὓς πλειστάκις ἐμπίπτειν ᾠήθησαν ἑκάτεροι τοὺς ἀλλήλων λόγους.

На только что указанную практическую сторону еристики необходимо обратить вниманіе, чтобы понять, какимъ образомъ въ Аѳинахъ могъ существовать особый классъ учителей искусства спорить. Мы знаемъ, правда, что словесныя состязанія происходили не въ однихъ только судахъ и законодательныхъ собраніяхъ, но также и на улицахъ предъ лицомъ толпы [1]) и даже на Олимпійскихъ играхъ: отъ Гиппія мы слышимъ, что онъ каждую Олимпіаду въ храмѣ Зевса предлагалъ задавать себѣ вопросы всякому желающему и всегда оставался побѣдителемъ [2]); подобнымъ же искусствомъ хвалятся Горгій и Полъ [3]). Возможно поэтому, что софисты между прочимъ подготовляли и такихъ тщеславныхъ борцовъ; на эту сторону софистическаго воспитанія, быть можетъ, намекаетъ и Аристотелево опредѣленіе еристики, какъ искусства спорить ради славы [4]). Но едва-ли можно думать, что рукоплесканія уличныхъ слушателей и награда на Олимпійскихъ играхъ могли быть главною цѣлью всѣхъ тѣхъ, которые обучались у еристиковъ. Связь еристики съ судебнымъ искусствомъ (хотя и очевидную [5]), но до сихъ поръ изъ новыхъ изслѣдователей никѣмъ, на сколько мнѣ извѣстно, не отмѣченную) ставитъ на видъ Платонъ, изображая представителей еристики, Евѳидема и Діонисодора, непобѣдимыми на судѣ борцами [6]) и заявляя, что софистамъ никто не сталъ бы давать денегъ, еслибы они не учили препираться о томъ, что̀ справедливо и несправедливо, законно и незаконно [7]); она же подтверждается и тѣми свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о первомъ судебномъ руководствѣ, составленномъ сиракузяниномъ Кораксомъ и разработанномъ ученикомъ послѣдняго, Тизіемъ. Руководство это было обязано своимъ происхожденіемъ тому, что по низверженіи въ Сиракузахъ династіи Гелоновъ и водвореніи демократіи (465 г. [8]), возбуждены были лицами, у которыхъ тиранны отобрали имущество, процессы о возвращеніи этихъ

---

[1]) См. напр. Plato, Euthyd. 271, A, сл.

[2]) Plato, Hipp. Minor, 363, D—364, A.

[3]) Plato, Gorg. 447, C, 462, A; см. пред. стр. пр. 1.

[4]) См. выше, стр. 31.

[5]) Самый характеръ судебной процедуры, основанной на преніяхъ, указываетъ на эту связь.

[6]) Plato, Euthyd. 271, C—272, A. См. выше, стр. 178, пр. 3. Ср. также Plato, Phaedr. 261, C—E (см. выше, стр. 133, пр. 3). De Rep. 499, A: Οὐδέ γε λόγων, ὦ μακάριε, καλῶν τε καὶ ἐλευθέρων ἱκανῶς ἐπήκοοι γεγόνασιν, οἵων ζητεῖν μὲν τὸ ἀληθὲς ξυντεταμένως ἐκ παντὸς τρόπου τοῦ γνῶναι χάριν, τὰ δὲ κομψά τε καὶ ἐριστικὰ καὶ μηδαμόσε ἄλλοσε τείνοντα, ἢ πρὸς δόξαν καὶ ἔριν, καὶ ἐν δίκαις καὶ ἐν ἰδίαις συνουσίαις πόῤῥωθεν ἀσπαζομένων.

[7]) Plato, Soph. 232, B. См. выше, стр. 26, прим. 1.

[8]) Объ этомъ см. Grote, History of Greece, V, p. 86, sq.; VI, 386, sq.

имуществъ, а между тѣмъ сицилійцы были, по выраженію Цицерона, очень остры въ спорахъ и для вѣрнаго успѣха на судѣ нужна была особая ловкость; правила этой ловкости и далъ впервые въ своемъ руководствѣ Кораксъ [1]). О томъ, каковы были эти правила и въ какомъ духѣ примѣнялись, мы узнаемъ отъ Аристотеля и Платона.

Первый, говоря въ свой „Риторикѣ" о правдоподобномъ, указываетъ на то, что какъ еристика вводитъ въ заблужденіе, не опредѣляя въ какомъ отношеніи, въ сравненіи съ чѣмъ и съ какой стороны утверждается что̀ нибудь, точно также и въ риторикѣ обманъ можетъ достигаться вслѣдствіе того, что правдоподобность можетъ быть условная и безусловная. „На отождествленіи той и другой основано руководство Коракса. Пусть (сказано въ этомъ руководствѣ) слабосильный несправедливо обвиняется въ нанесеніи побоевъ; онъ можетъ въ оправданіе указать на свою слабость: не вѣроятно, что онъ—слабый, могъ наносить побои. Пусть, съ другой стороны, въ томъ же преступленіи обвиняется человѣкъ сильный, дѣйствительно нанесшій побои; онъ можетъ въ оправданіе указать на свое сильное тѣлосложеніе: не вѣроятно, чтобы онъ могъ нанести побои, такъ какъ на судѣ это должно показаться вѣроятнымъ. Точно также и во всѣхъ другихъ случаяхъ необходимо, чтобы на человѣка либо падало подозрѣніе, либо не падало. Правдоподобна можетъ быть какъ виновность, такъ и невинность; но одна правдоподобность безусловная, а другая условная. Отождествлять ту и другую значитъ слабое слово дѣлать сильнымъ. Отъ того люди и вознегодовали на это Протагорово обѣщаніе, что оно имѣетъ дѣло съ ложью, а не съ истиной, съ тѣмъ, что̀ только кажется. Кажущееся имѣетъ цѣну только въ двухъ искусствахъ—риторикѣ и еристикѣ, а больше нигдѣ" [2]).

Почти тоже говоритъ Платонъ о руководствѣ Тизія. „Искусные въ риторикѣ люди (слышимъ мы въ діалогѣ „Фэдръ" отъ Сократа [3]) утверждаютъ, что для желающаго быть въ ней сильнымъ вовсе не нужно знать истины о справедливыхъ или несправедливыхъ дѣлахъ или людяхъ,—все равно, по природѣ-ли бываютъ послѣдніе такими или становятся вслѣдствіе воспитанія. Вѣдь въ судахъ объ истинѣ всего этого никто рѣшительно нисколько не заботится, а только о томъ,

[1]) Cicero, Brutus, XII, 46: itaque ait Aristoteles, cum sublatis in Sicilia tyrannis res privatae longo intervallo iudiciis repeterentur, tum primum (quod esset acuta illa gens et controversa natura), artem et praecepta Siculos Coracem et Tisiam conscripsisse. Grote, l. c. V, p. 89.

[2]) Aristot. Rhet. II, 24, 1402a, 3, слѣд.

[3]) Plato, Phaedr. 272, D, слѣд.

чтобы было убѣдительно. Убѣдительно то, что̀ правдоподобно; поэтому на правдоподобное долженъ обращать вниманіе тотъ, кто желаетъ говорить сообразно съ искусствомъ. Даже о томъ, что̀ дѣйствительно было сдѣлано, иногда не слѣдуетъ говорить, если сдѣланное не правдоподобно, но всегда нужно говорить правдоподобное, какъ при обвиненіи, такъ и при защитѣ; да и вообще въ рѣчахъ слѣдуетъ исключительно стараться о правдоподобіи, распрощавшись съ истиной. Соблюденіе этого правила во всякаго рода рѣчахъ составляетъ все ораторское искусство.—Ты, Сократъ (отвѣчаетъ Фэдръ), излагаешь то самое, что̀ утверждаютъ люди, выдающіе себя за искусниковъ въ рѣчахъ... Ты безъ сомнѣнія до точности произошелъ всего Тизія.—Такъ пусть же скажетъ намъ Тизій, подразумѣваетъ-ли онъ подъ правдоподобнымъ что̀ нибудь иное, а не то, что̀ кажется толпѣ?—Что же иное?—Вотъ, насколько помнится, какое мудрое изобрѣтеніе изложилъ въ своемъ руководствѣ Тизій. Если человѣкъ малосильный, но мужественный, нападетъ на сильнаго, но трусливаго, съ цѣлью отнять у него одежду или что̀ нибудь другое, то ни тотъ, ни другой не должны говорить правду. Трусъ станетъ доказывать, что на него напалъ мужественный не одинъ; а мужественный будетъ возражать, что они были одни, но въ оправданіе воспользуется тѣмъ, что „какъ же мнѣ было такому поднять руки на такого“. Между тѣмъ первый, конечно, не сознается въ своей трусости, но попытается лгать какъ нибудь и этимъ можетъ дать противнику случай обличить себя. И относительно всего другаго въ руководствѣ Тизія даются такіе же совѣты“.

Еристическій характеръ правилъ, преподанныхъ Кораксомъ и Тизіемъ (названныхъ Аристотелемъ и Платономъ риторическими, а не еристическими, очевидно потому только, что Кораксъ и Тизій были извѣстны какъ риторы, а не какъ софисты) не можетъ подлежать сомнѣнію; они были принаровлены къ веденію судебныхъ преній и не давали указаній на то, какъ составлять и располагать рѣчи. Особенно ясно выступаетъ этотъ ихъ характеръ изъ преданія о возникшей между Кораксомъ и Тизіемъ тяжбѣ, которую тотъ и другой вели согласно правиламъ ими же составленнаго руководства. Тизій, научившись отъ Коракса риторическому искусству, самъ выступилъ учителемъ риторики и, полагаясь на свою ловкость вести судебныя дѣла, не пожелалъ заплатить своему учителю условленнаго вознагражденія. Кораксъ потребовалъ Тизія къ суду. Скажи мнѣ, Кораксъ (обратился къ своему бывшему наставнику Тизій), чего я объявляю себя учителемъ?—Искусства убѣждать кого угодно (отвѣчалъ Кораксъ). Но если ты выучилъ меня этому искусству, то вотъ я тебя убѣждаю ни-

чего съ меня не брать; если же ты меня не выучилъ убѣждать, то и въ этомъ случаѣ я тебѣ ничего не долженъ, такъ какъ ты не научилъ меня тому, чему обѣщалъ. На это Кораксъ возразилъ: „Если, научившись отъ меня искусству убѣждать, ты убѣждаешь меня съ тебя ничего не брать, то ты долженъ мнѣ отдать вознагражденіе, такъ какъ ты умѣешь убѣждать; если же ты меня не убѣждаешь, то ты опять таки долженъ заплатить мнѣ деньги, такъ какъ я тобою не убѣжденъ не брать съ тебя денегъ. Судьи вмѣсто приговора сказали: У плохаго ворона плохія и яйца. Какъ воронята готовы пожрать своихъ родителей, точно также и вы здѣсь пожираете другъ друга“ [1]).

Изъ „дурныхъ яицъ“ Коракса вышелъ не одинъ только Тизій. Кораксово руководство было широко распространено въ Греціи. Мы имѣемъ прямыя указанія на то, что на немъ были воспитаны Горгій, Ѳразимахъ, риторы Ѳеодоръ и Антифонтъ (Рамнузійскій) [2]). Всѣ остальные софисты и риторы слѣдовали несомнѣнно указанному Кораксомъ направленію; относительно Протагора это засвидѣтельствовано Аристотелемъ [3]). Разсчитывать на успѣхъ софисты и риторы могли, заботясь не о томъ, чтобы перемѣнить это направленіе, выражавшее общую въ то время нравственную точку зрѣнія [4]), а о томъ, чтобы превзойти Коракса и Тизія въ измышленіи риторическихъ и еристическихъ уловокъ.

Когда Кораксъ и Тизій составляли свое руководство, Зенонъ только вступалъ на философское поприще, Протагоръ занимался

---

[1]) Proleg. in Hermog. p. 6. Sext. Emp. adv. Math. II, 96, сл. Ср. Cicero, De Orat. III, c. 21, 81: quare Coracem istum veterem patiamur nos quidem pullos suos excludere in nido, qui evolent clamatores odiosi et molesti. Подобное же слышимъ мы о тяжбѣ между Протагоромъ и его ученикомъ Еваѳломъ. Diog. Laert. IX, 56; Quint. Instit. Or. III, 1; Apul. Floril. IV, 18. Разсказы, однако, не тождественны, и возможно, что и тотъ и другой равно правдивы: сходство можетъ быть объяснено одинаковостью обстоятельствъ дѣла и одинаковостью руководства, указаніямъ котораго въ томъ и другомъ случаѣ слѣдовали тяжущіяся стороны. Считать эти разсказы вымысломъ не вижу основанія.

[2]) На связь риторики Горгія съ Тизіевой указываютъ Philostr., Vitae Soph. p. 192 и Plato, Phaedr. 267, A: Τισίαν δὲ Γοργίαν τ' ἐάσωμεν εὕδειν, οἳ πρὸ τῶν ἀληθῶν τὰ εἰκότα εἶδον ὡς τιμητέα μᾶλλον. О преемствѣ между риторикой Тизія, Ѳразимаха и Ѳеодора, ср. Aristot. Soph. Elench. XXXIV, 183b, 29, сл.: οἱ δὲ νῦν εὐδοκιμοῦντες παραλαβόντες παρὰ πολλῶν οἷον ἐκ διαδοχῆς κατὰ μέρος προαγαγόντων οὕτως ηὐξήκασι, Τισίας μὲν μετὰ τοὺς πρώτους, Θρασύμαχος δὲ μετὰ Τισίαν, Θεόδωρος δὲ μετὰ τοῦτον, καὶ πολλοὶ πολλὰ συνενηνόχασι μέρη. Антифонтъ воспользовался правилами Кораксова руководства въ первой рѣчи первой тетралогіи, 4—8. Ср. Blass, Attische Beredsamkeit, I, Leipz., 1868, S. 142 f.

[3]) См. выше, стр. 197.

[4]) См. выше, стр. 21, сл.; 96, сл.

переноской тяжестей, а Сократу было всего четыре года: діалектики и философской еристики еще не существовало. Ни Кораксъ и Тизій, ни ближайшіе ихъ преемники—старшіе софисты, не имѣли въ своемъ распоряженіи богатаго запаса готовыхъ словесныхъ ухищреній. Протагоръ, Горгій и Гиппій, хотя и учили искусству отвѣчать [1])—послѣдніе два даже на всякіе вопросы [2]), не скрывали своего отвращенія отъ діалектическихъ тонкостей [3]), и въ области отвлеченной мысли были плохими еристиками: всѣ они оказывались безсильными предъ испытующимъ обличеніемъ Сократа. Младшіе софисты, напротивъ, унаслѣдовали отъ Зенона, Сократа и старшихъ софистовъ богатый запасъ выработанныхъ діалектикой и еристикой пріемовъ и могли поэтому сдѣлать еристику особымъ ремесломъ. Встрѣчею двоякаго рода теченій—практическаго, шедшаго отъ потребностей судебной и законодательной дѣятельности [4]) и философскаго, шедшаго отъ Гераклита, Зенона и Сократа, создана была та своеобразная, на половину философская, на половину практическая еристика, представителей которой Платонъ изображаетъ въ діалогахъ „Евѳидемъ“ и „Софистъ“. Въ первомъ мы видимъ послѣдователей Протагора [5]), во второмъ—подражателей Сократу [6]).

[1]) См. выше, стр. 195, пр. 1 и 7.

[2]) См. выше, стр. 195, пр. 1; стр. 196.

[3]) Plato, Protag. 334, E; 348, B, сл.; 368, E; De Rep. 386, B, сл.; Hipp. Maj. 301, C; 304, A—B; Minor 369, B—C.

[4]) О связи законодательной дѣятельности съ судебной см. выше, стр. 178.

[5]) См. выше, стр. 122, пр. 1.

[6]) Гротъ (History of Greece VIII, p. 165), указывая на данное Платономъ въ этомъ діалогѣ опредѣленіе слову софистъ, замѣчаетъ, что оно подходитъ къ самому Сократу, «говоря интеллектуально» (intellectually speaking), лучше чѣмъ къ какому-нибудь другому намъ извѣстному лицу. Сходство между Сократомъ и изображеннымъ Платономъ софистомъ, по Гроту (Plato, II, p. 428 sq.), во первыхъ въ томъ, что тотъ и другой охотится за богатыми юношами; во вторыхъ въ томъ, что тотъ и другой бесѣдуетъ въ небольшомъ кругу слушателей о разнообразныхъ вещахъ, о которыхъ не имѣетъ истиннаго знанія; въ третьихъ въ томъ, что тотъ и другой ἐναντιοποιολογικός и εἴρων—заставляетъ слушателей противорѣчить самимъ себѣ и ихъ иронизируетъ. Я не понимаю, что̀ значатъ слова «говоря интеллектуально»; но для меня очевидно то, что разница между Сократомъ и изображеннымъ Платономъ софистомъ не менѣе велика, чѣмъ сходство. Софистъ гоняется за богатыми юношами, чтобы отъ нихъ нажиться; Сократъ бесѣдуетъ не только даромъ, но даже себѣ въ ущербъ, такъ какъ въ этихъ бесѣдахъ проводитъ все время и вслѣдствіе этого живетъ въ крайней бѣдности (Plato, Apol. 23, B). Софистъ берется разсуждать обо всемъ безъ исключенія, между прочимъ и о «вещахъ божественныхъ»—небѣ, землѣ и проч. (Plato, Soph. 232, B слѣд.; см. выше, стр. 26, пр. 1); Сократъ разсужденія «о божественныхъ вещахъ» сильно отсовѣтываетъ и ограничивается бесѣдами только о дѣлахъ человѣческихъ (Xen. Mem. I, 1, 11, сл. и др.). Софистъ выдаетъ себя за знающаго все рѣшительно (Soph., 268 A: ὡς εἰδὼς ἐσχημάτισται, см. выше, стр. 28, пр. 5); Сократъ неизмѣнно выдаетъ себя за

Въ какомъ положеніи въ Аѳинахъ были тѣ, которые либо не имѣли достаточной риторической и діалектической ловкости, либо не желали ихъ примѣнять въ демократической борьбѣ всѣхъ противъ

ничего незнающаго (Plato, Apol., 20 C. сл.; Theaet 150 C. сл.; Hipp. Min. 372 B; Gorg. 506, A и мн. др.). Сократъ заставляетъ слушателей противорѣчить самимъ себѣ съ цѣлью очистить ихъ душу отъ мѣшающихъ пріобрѣтенію знанія ложныхъ мнѣній и направить этимъ на путь истиннаго знанія (Plato, Theaet. 150, B, слѣд.) или что для Сократа одно и тоже—на путь добродѣтели (Arist. Eth. Nic. VI, 13, 1144b, 17 и 28; Xen. Memor. III, 9, 5 и др.); софистъ дѣлаетъ это ради тщеславія (въ еристическихъ состязаніяхъ) или же съ цѣлью вооружить посредствомъ еристическихъ упражненій учениковъ необходимою въ практической жизни діалектической ловкостью—не только не справляясь съ требованіями нравственности, но даже обыкновенно вопреки имъ. Иронія Сократа происходитъ отъ глубокаго разлада между его убѣжденіями и убѣжденіями толпы, иронія софиста—отъ сознанія чисто внѣшняго діалектическаго превосходства. Однимъ словомъ, Сократъ похожъ на изображеннаго Платономъ софиста такъ же, какъ собака на волка (Plato, Soph. 230, E — 231, A; см. выше, стр. 26, пр. 3): при сходствѣ внѣшняго облика, характеры совершенно различны; средства дѣятельности одни и тѣ же, но ея цѣли прямо противоположны. Внѣшнее сходство объясняется тѣмъ, что Платонъ въ «Софистѣ» изображаетъ еристиковъ обличителей—подражателей Сократу—тѣхъ самыхъ, появленіе которыхъ Сократъ предсказываетъ въ «Апологіи» (39, C, сл.). Сопоставляя изображеннаго имъ софиста съ очистителемъ души, Платонъ излагаетъ методъ этого очищенія (ibid. 230, B, сл.) въ такихъ чертахъ и выраженіяхъ, которыя несомнѣнно указываютъ на пріемы Сократа. (Лучшимъ поясненіемъ къ только что указанному мѣсту изъ «Софиста» могутъ служить приведенные Ксенофонтомъ (Memor. III, 6; IV, 2 и 3) разговоры Сократа съ Главкономъ и Евѳидемомъ). Что Сократъ дѣйствительно вызвалъ появленіе особаго рода еристиковъ, объ этомъ мы имѣемъ самыя положительныя свидѣтельства. Самъ Сократъ въ «Апологіи» (23, C) заявляетъ, что юноши, принадлежащіе къ богатѣйшимъ семействамъ и слушающіе его, имѣя свободное время, охотно наблюдаютъ, какъ онъ испытываетъ людей, и часто сами, подражая ему, стараются испытывать другихъ. На то же самое очевидно намекаетъ Ксенофонтъ въ разсказѣ о томъ, какъ юноша Евѳидемъ, послѣ того какъ сталъ ученикомъ Сократа, началъ и самъ кое-чему подражать изъ того, чѣмъ тотъ занимался (Mem. IV, 2, 40). Сократъ бесѣдовалъ со всѣми одинаково охотно; въ числѣ его учениковъ были какъ богатые, такъ и бѣдные, и то, что богатымъ служило лишь средствомъ развлеченія, бѣдными было обращено въ способъ наживы. Какъ восторгались молодые люди діалектикой и какіе плоды она имъ обыкновенно приносила, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Сократа въ «Филебѣ» и «Государствѣ». «Юноша, вкусившій въ первый разъ того, какъ въ рѣчахъ попеременно все становится то единымъ, то многимъ, радуется (читаемъ мы въ «Филебѣ», 15, D, сл.), словно обрѣлъ какое сокровище мудрости, приходитъ отъ удовольствія въ восторгъ и охотно крушитъ всякое утвержденіе, то поворачивая его въ одну сторону и смѣшивая во едино, то опять развивая и раздѣляя, и такимъ образомъ вводитъ въ недоумѣніе прежде и больше всего самого себя, а потомъ и ближняго, кто бы онъ ни былъ—юноша, старецъ или сверстникъ—не щадя ни отца, ни матери и никого изъ слушателей, даже почти и другихъ животныхъ, не только людей». «Не въ томъ ли должна состоять крайняя осторожность (спрашиваетъ Сократъ Главкона въ «Государствѣ», 539, B), что бы молодые люди не вкушали діа-

всѣхъ, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ Аристофана, Платона и Ксенофонта.

Аристофанъ (въ „Ахарнянахъ") рисуетъ картину привлеченныхъ къ суду старцевъ [1]. „Мы, дряхлые старики (говорятъ они), горько жалуемся на государство. Не покоите вы насъ, стариковъ, какъ мы того заслужили своими морскими побѣдами, но подвергаете бѣдствіямъ. Вы призываете стариковъ передъ судъ, отдаете на посмѣяніе молодымъ риторамъ насъ, людей дряхлыхъ, глухихъ, оттрубившихъ свой вѣкъ, для которыхъ Посейдонъ охранитель — ихъ посохъ [2]. Едва бормоча, стоимъ мы у ораторскаго камня, не видя ничего, кромѣ помраченія правды. А молодой риторъ, изощрившійся въ искусствѣ обвинять, такъ насъ и бьетъ, такъ и подхватываетъ своими закругленными словами, стрѣляетъ въ насъ вопросами, разставляетъ западни изъ словъ, рветъ и мечетъ бѣднаго Тиѳона [3], пока, сбитый

лектики? Вѣдь я думаю, ты замѣчалъ, что дѣтишки, вкусивъ впервые разсужденій, пользуются ими ради забавы, чтобы противорѣчить, и подражая тѣмъ, которые обличаютъ, сами начинаютъ обличать другихъ и радуются, подобно щенятамъ, что словами тянутъ и рвутъ всякаго, кто подойдетъ къ нимъ близко... Послѣ же того, какъ они обличатъ многихъ и сами будутъ обличены многими, они сильно и скоро приходятъ въ такое состояніе, что не признаютъ ничего изъ того, что̀ признавали прежде, а чрезъ это и сами становятся презрѣнными въ глазахъ прочихъ людей и навлекаютъ позоръ на все касающееся философіи». Сила діалектики Сократа была не менѣе велика, чѣмъ у учениковъ желаніе ему подражать. Мнѣ поэтому кажется безспорнымъ, что никто въ такой мѣрѣ не способствовалъ размноженію въ Аѳинахъ еристиковъ, какъ Сократъ. Но хотя Сократъ былъ родоначальникомъ особаго, самаго распространеннаго рода еристиковъ, было бы совершенно неосновательно предполагать (какъ это дѣлаетъ Sidgwick, Journal of Philology, 1872, vol. IV, p. 288, sq.), будто онъ былъ родоначальникомъ всей вообще еристики; сказанное мною въ предыдущей и настоящей главахъ объ ея происхожденіи не оставляетъ въ этомъ, думаю, никакого сомнѣнія. Столь же неосновательно отождествлять дѣятельность Сократа съ дѣятельностью его послѣдователей—еристиковъ обличителей. Предпринятое Сократомъ испытующее обличеніе людей не могло пересилить господствующаго теченія и потому принесло плоды какъ разъ противоположные тѣмъ, которые онъ надѣялся видѣть: орудіе, которымъ онъ боролся противъ практическаго субъективизма, было обращено послѣднимъ въ свою пользу, и вмѣсто «ручныхъ собакъ» изъ учениковъ Сократа выходили «хищные волки» (Plato, Soph. 230, E—231, A).

[1]) Aristoph. Acharn., 642—672.

[2]) Въ подлинникѣ непередаваемая игра словъ: Ποσειδῶν ἀσφάλειος — намекъ на ποσί и ἀσφάλεια. Посейдонъ не только богъ моря, но и земледержецъ (γαιήοχος). Стариковъ однако не столько держитъ земля, сколько поддерживаетъ посохъ.

[3]) Тиѳонъ, сынъ троянскаго царя Лаомедонта, былъ похищенъ Эосъ, которая выпросила для него у Зевса безсмертіе, но позабыла выпросить вѣчную юность. Когда Тиѳонъ состарѣлся такъ, что «не могъ двинуть и поднять ни одного члена», Эосъ заперла его навсегда въ спальнѣ. Hom. Hymn. in Venerem, 218—238. По другому сказанію, Тиѳонъ былъ превращенъ въ кузнечика (схол. къ нашему мѣсту).

съ толку, тотъ, шатаясь, не отойдетъ должникомъ. Всхлипываетъ, плачетъ старикъ, жалуется своимъ друзьямъ: „Я долженъ теперь отдать то, что сколотилъ на гробъ!...“ Пристойно ли губить у песочныхъ часовъ бѣднаго старика, много разъ потрудившагося въ потѣ лица, заслуженнаго предъ государствомъ мараѳонскаго воина? Когда мы были при Мараѳонѣ, мы преслѣдовали, а теперь насъ преслѣдуютъ и берутъ въ плѣнъ никуда негодные люди. Есть-ли справедливость въ томъ, чтобы согбенный старецъ, подобный Ѳукидиду [1]), палъ въ скиѳской пустынѣ [2]) жертвой этого Кефисодема [3]), всегда готоваго на обвиненія болтуна? У меня сердце сжалось отъ горя и я отеръ слезу, когда увидалъ, какъ этотъ старецъ въ конецъ спутанъ стрѣлкомъ“.

Въ діалогѣ „Горгій“ Калликлъ говоритъ Сократу [4]): „Ты, Сократъ, не заботишься о томъ, о чемъ долженъ былъ бы заботиться, и такую благородную природу души, какъ твоя, украшаешь дѣтскимъ вздоромъ. Ты не способенъ ни самъ предложить въ судѣ правильной рѣчи и оцѣнить правдоподобной и убѣдительной, ни выступить съ смѣлымъ рѣшеніемъ на защиту другаго. Не позорно-ли... кажется тебѣ быть въ такомъ положеніи, въ какомъ, по моему мнѣнію, находишься ты и другіе, такъ далеко заходящіе въ философіи? Вѣдь еслибы тебя или другаго въ родѣ тебя кто-нибудь отвелъ въ тюрьму, утверждая, что ты совершилъ преступленіе, хотя бы на дѣлѣ ты не былъ ни въ чемъ виновенъ, будь увѣренъ, ты не зналъ бы, что съ собою дѣлать, у тебя закружилась бы голова, ты стоялъ бы съ разинутымъ ртомъ, не находя, что сказать, а когда бы ты предсталъ предъ судъ, пусть даже твой обвинитель былъ бы самымъ слабымъ и ничтожнымъ, ты бы погибъ, еслибы онъ захотѣлъ наказать тебя смертью [5]). Въ чемъ

[1]) Различныя догадки о томъ, кто былъ этотъ Ѳукидидъ, знаменитый ли соперникъ Перикла, или какой-нибудь другой, см. у Ribbeck, Die Acharner des Aristophanes, Leipz. 1864, S. 235f.; Müller Strübing, Aristophanes und die historische Kritik, S. 320 f.

[2]) Вмѣсто: «среди погибели и бѣдствій, такъ какъ скиѳскія пустыни переполнены звѣрями»—поясняетъ схоліастъ.

[3]) О Кефисодемѣ намъ ничего неизвѣстно.

[4]) Plato, Gorg. 485, E—486, C.

[5]) Cp. Antiph. De Caede Herod. 2—3: οὐ δέ με δεῖ σωθῆναι μετὰ τῆς ἀληθείας εἰπόντα τὰ γενόμενα, ἐν τούτῳ με βλάπτει ἡ τοῦ λέγειν ἀδυναμία. πολλοὶ γὰρ ἤδη τῶν οὐ δυναμένων λέγειν ἄπιστοι γενόμενοι τοῖς ἀληθέσιν, αὐτοῖς τούτοις ἀπώλοντο, οὐ δυνάμενοι δηλῶσαι αὐτά· πολλοὶ δὲ τῶν λέγειν δυναμένων πιστοὶ γενόμενοι τῷ ψεύδεσθαι, τούτῳ ἐσώθησαν, διότι ἐψεύσαντο и пр. Isocrat. De Permut (XV), 136: καίτοι πόσους οἴει διὰ τὰς τούτων (τῶν ῥητόρων) ψευδολογίας τοὺς μὲν συμφοραῖς περιπεπτωκέναι, τοὺς δ' ἀτίμους εἶναι.

же тутъ мудрость, Сократъ, „если искусство, завладѣвъ даровитымъ человѣкомъ, дѣлаетъ его худшимъ“,—неспособнымъ оказать себѣ помощь и спасти отъ великихъ опасностей ни себя, ни другихъ, такъ что враги разграбляютъ его имущество, а самъ онъ живетъ въ городѣ словно безчестный? Да такому (хоть и грубо сказать) можно безнаказанно дать плюху“.—„Я очень хорошо знаю (отвѣчаетъ Сократъ)[1]), что меня можно не только ограбить, но даже убить безнаказанно. Я былъ бы глупъ, еслибы думалъ, что не могу потерпѣть въ этомъ городѣ всякую неправду; но утѣшаюсь тѣмъ, что погибну не отъ хорошаго, а отъ дурнаго человѣка“.

А вотъ разсказъ Ксенофонта, глубоко трагическій при всей его простотѣ[2]): „Однажды Сократъ разговаривалъ съ Критономъ, жаловавшимся, что трудно жить въ Аѳинахъ тому, кто желаетъ заниматься своимъ дѣломъ. „Теперь (говорилъ онъ) меня таскаютъ по судамъ не потому, что обижены мною чѣмъ-нибудь, но полагая, что я скорѣе отдамъ деньги, чѣмъ стану путаться“. Сократъ на это отвѣчалъ: „Скажи мнѣ, Критонъ, держишь-ли ты собакъ, чтобы онѣ отгоняли волковъ отъ твоихъ овецъ?“—„Даже многихъ, отвѣчалъ Критонъ, такъ какъ мнѣ выгоднѣе держать ихъ, чѣмъ не держать.“—„Такъ почему же бы тебѣ не держать и человѣка, который имѣлъ бы желаніе и способность отражать отъ тебя тѣхъ, кто пытается дѣлать тебѣ непріятности?“—„Да я бы съ большимъ удовольствіемъ, еслибы не боялся, что онъ обратится противъ меня же.“—„Какъ, развѣ тебѣ не ясно, что отъ такого человѣка, какъ ты, гораздо пріятнѣе получать пользу угождая, чѣмъ досаждая? Будь увѣренъ, что здѣсь найдутся такіе люди, которые сочтутъ за большую честь пользоваться твоею дружбой“. Послѣ этого они находятъ Архедема, весьма способнаго оратора и дѣльца, но человѣка бѣднаго. Онъ былъ не изъ такихъ, чтобы обогащаться всякимъ способомъ, но любилъ добро и находилъ, что всего легче наживаться отъ сикофантовъ. Зная это, Критонъ всякій разъ, какъ получалъ съ поля хлѣбъ, масло, вино, шерсть или что̀-нибудь другое изъ полезнаго въ жизни, удѣлялъ часть Архедему, звалъ, когда приносилъ жертву, и оказывалъ другія подобныя заботы. Въ свою очередь и Архедемъ, считая домъ Критона своимъ убѣжищемъ, весьма хлопоталъ о его благосостояніи. При первомъ же удобномъ случаѣ открываетъ онъ множество преступленій, совершенныхъ досаждав-

---

[1]) Plato, Gorg. 508, E, сл., 521, C, слѣд. Отвѣтъ Сократа я привожу не въ переводѣ, а въ изложеніи.

[2]) Xenoph. Memor. II, 9.

шими Критону сикофантами и многихъ враждебно-настроенныхъ противъ нихъ лицъ, и требуетъ одного изъ этихъ доносщиковъ передъ народный судъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ наложилъ на него какое-нибудь наказаніе или же заставилъ уплатить пеню. Тотъ, зная за собою множество преступнаго, дѣлалъ все, чтобы отвязаться отъ Архедема. Архедемъ однако не отставалъ до тѣхъ поръ, пока доносщикъ не оставилъ Критона въ покоѣ и самому ему не уплатилъ денегъ. Послѣ этого и другихъ такихъ же успѣховъ Архедема, подобно тому, какъ къ пастуху, имѣющему хорошую собаку, и другіе пастухи стараются ставить поближе свои стада, чтобы этою собакою воспользоваться, точно также и къ Критону многіе друзья стали обращаться съ просьбой сдѣлать Архедема и ихъ сторожемъ. Архедемъ охотно исполнялъ желанія Критона, и не только самъ Критонъ, но и его друзья стали жить въ покоѣ".

Эта картина плачущихъ старцевъ „среди помраченія правды" подстрѣленныхъ словами ловкаго судейскаго дѣльца, это свидѣтельство о полной возможности давать безнаказанно своимъ ближнимъ плюхи, грабить и убивать, и этотъ разсказъ о необходимости человѣку держать человѣка-собаку для отраженія людей-волковъ, какъ и вообще все, что было мною со словъ древнихъ сказано о настроеніи аѳинской демократіи, не соотвѣтствуетъ ни тѣмъ поэтическимъ Аѳинамъ [1]), гдѣ въ самомъ воздухѣ посѣяна мудрость и насаждена гармонія, гдѣ вѣнчанная благоухающими розами Киприда посылаетъ любовь въ помощницы мудрости и для содѣйствія всякой добродѣтели, и гдѣ поэтому преступникъ не можетъ найти себѣ мѣста [2]), ни идеалу человѣческаго достоинства, ни грезамъ о спасительномъ будто бы для этого достоинства царствѣ равенства и свободы. Не слѣдуетъ однако забывать разницы между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что подсказываетъ наше сердце. Исполнятъ-ли люди когда-нибудь данный имъ Побѣдителемъ міра [3]) завѣтъ любить ближняго какъ самого себя — какъ желаетъ вѣрить современная этика прогресса [4]), — этотъ вопросъ всякій можетъ рѣшать по своему. Но пока завѣтъ любви не исполненъ, до тѣхъ поръ жизнь, откуда бы мы ни стали смотрѣть на нее—съ вершины-ли идеальнаго философскаго и религіознаго міровоззрѣнія, или

[1]) Сходную съ предложенною мною оцѣнку аѳинской демократіи даетъ J. Schvarcz, Die Demokratie, I, Leipz. 1877—1882. Сколь ни блестящи отдѣльныя части этого труда, въ общемъ его нельзя признать ни строго основательнымъ, ни безпристрастнымъ. Мнѣ пришлось съ нимъ познакомиться уже тогда, когда настоящая глава была въ печати; поэтому я имѣлъ возможность имъ воспользоваться лишь въ незначительной мѣрѣ.

[2]) Eurip. Medea 824—845 и далѣе.

[3]) Ioann. XVI, 33.

[4]) Spencer, The Data of Ethics, p. 242, sq.

съ точки зрѣнія равнодушнаго ко всему высокому естествовѣдѣнія,— повсюду будетъ представлять одно и тоже поприще неустанной борьбы, гдѣ сильный тѣснитъ слабаго [1]); до тѣхъ поръ и слова „равенство и свобода“ могутъ имѣть въ человѣческомъ общежитіи только ограниченный смыслъ: равенство возможно лишь передъ закономъ и блюдущей законъ властью; свобода лишь въ томъ случаѣ, если эта власть стоитъ на стражѣ закона твердо и неусыпно. Обольстительное для отвлекающаго воображенія народовластіе на дѣлѣ не что̀ иное, какъ чередованіе гнета оттѣсняющихъ одна другую партій, послушныхъ каждый разъ произволу сильнѣйшаго вожака. И какъ бы въ посмѣяніе заносчивой самоувѣренности человѣческаго достоинства, весь пережитой историческій опытъ свидѣтельствуетъ убѣдительно, что самая жестокая тираннія возникаетъ на почвѣ разнузданной свободы [2]) и самыя отвратительныя себялюбивыя страсти выводятся наружу измышленнымъ братствомъ [3]). Въ государствахъ съ незыблемымъ порядкомъ и съ неустанно блюдущей законы властью возможно вмѣстѣ съ Пиндаромъ [4]) сомнѣваться, восходятъ-ли люди на высокую стѣну путемъ правды или извилистыми тропами обмана; но тамъ, гдѣ всякій желаетъ замѣнить собою законъ и гдѣ поэтому нѣтъ никакого постояннаго закона, гдѣ всякій на перебой другому стремится ко власти и гдѣ поэтому нѣтъ никакой твердой власти, гдѣ, однимъ словомъ, го-

---

[1]) Ср. выше, стр. 160, пр. 1.

[2]) См. выше, стр. 61; стр. 165, пр. 2. Аристотель былъ поэтому совершенно правъ, что ἡ δημοκρατία ἡ τελευταία τυραννίς ἐστιν (Pol. V, 10, 1312b, 6 и друг.).

[3]) Ср. Sudre, Histoire du Communisme, ou réfutation historique des utopies socialistes, 5-me éd. Paris, 1856 (дѣльное, ясное, безпристрастное изслѣдованіе). Въ Аѳинахъ во времена охлократіи, точно такъ же какъ во Франціи во времена демократическихъ движеній въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ концѣ прошлаго, были въ ходу и коммунистическія теоріи. Доказательствомъ служатъ «Государство» Платона и Аристофановы «Бабье Собраніе» и «Богатство». Нелѣпости коммунизма представлены въ первой изъ этихъ комедій съ неоставляющею ничего желать ясностью. Заслуживаютъ для правильной оцѣнки коммунизма также вниманія слѣдующія разсудительныя замѣчанія, направленныя Аристотелемъ противъ Платона (Polit. II, 5, 1263b, 15, слѣд.): εὐπρόσωπος μὲν οὖν ἡ τοιαύτη νομοθεσία καὶ φιλάνθρωπος ἂν εἶναι δόξειεν· ὁ γὰρ ἀκροώμενος ἄσμενος ἀποδέχεται, νομίζων ἔσεσθαι φιλίαν τινὰ θαυμαστὴν πᾶσι πρὸς ἅπαντας, ἄλλως τε καὶ ὅταν κατηγορῇ τις τῶν νῦν ὑπαρχόντων ἐν ταῖς πολιτείαις κακῶν ὡς γινομένων διὰ τὸ μὴ κοινὴν εἶναι τὴν οὐσίαν, λέγω δὲ δίκας τε πρὸς ἀλλήλους περὶ συμβολαίων καὶ ψευδομαρτυριῶν κρίσεις καὶ πλουσίων κολακείας. ὧν οὐδὲν γίνεται διὰ τὴν ἀκοινωνησίαν ἀλλὰ διὰ τὴν μοχθηρίαν, ἐπεὶ καὶ τοὺς κοινὰ κεκτημένους καὶ κοινωνοῦντας πολλῷ διαφερομένους μᾶλλον ὁρῶμεν ἢ τοὺς χωρὶς τὰς οὐσίας ἔχοντας· ὀλλὰ θεωροῦμεν ὀλίγους τοὺς ἐκ τῶν κοινωνιῶν διαφερομένους πρὸς πολλοὺς συμβάλλοντες τοὺς κεκτημένους ἰδίᾳ τὰς κτήσεις.

[4]) См. выше, стр. 94, пр. 1.

сударемъ бываетъ „многоголовый звѣрь“ [1]),—тамъ на поставленный Пиндаромъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: на высокую стѣну люди восходятъ либо насиліемъ, либо извилистыми тропами обмана [2]). Проницательные и опытные сами хорошо знаютъ и легко находятъ излучины обмана; для людей неопытныхъ и непроницательныхъ нужны ловкіе и искусные проводники. Въ Аѳинахъ, гдѣ народовластіе водворялось всею ихъ исторіей, ко времени его полнаго разцвѣта появился цѣлый разрядъ такихъ проводниковъ. Этими проводниками были софисты [3]).

---

[1]) Ср. Plato, De Rep. 493, A, сл.; 496, D; 588, C, сл.; Euthyd. 290, A; Theaet. 176, D.

[2]) Ср. Thuc. III, 82, 4, сл. (См. выше, стр. 190, сл.). Plato, Theaet. 173, A– B: ἐξ ἁπάντων τούτων ἔντονοι καὶ δριμεῖς γίγνονται (демократическіе дѣятели), ἐπιστάμενοι τὸν δεσπότην λόγῳ τε θωπεῦσαι καὶ ἔργῳ χαρίσασθαι, σμικροὶ δὲ καὶ οὐκ ὀρθοὶ τὰς ψυχάς. τὴν γὰρ αὔξην καὶ τὸ εὐθύ τε καὶ τὸ ἐλεύθερον ἡ ἐκ νέων δουλεία ἀφῄρηται, ἀναγκάζουσα πράττειν σκολιά, μεγάλους κινδύνους καὶ φόβους ἔτι ἁπαλαῖς ψυχαῖς ἐπιβάλλουσα, οὓς οὐ δυνάμενοι μετὰ τοῦ δικαίου καὶ ἀληθοῦς ὑποφέρειν, εὐθὺς ἐπὶ τὸ ψεῦδός τε καὶ τὸ ἀλλήλους ἀνταδικεῖν τρεπόμενοι πολλὰ κάμπτονται καὶ συγκλῶνται, ὥσθ' ὑγιὲς οὐδὲν ἔχοντες τῆς διανοίας εἰς ἄνδρας ἐκ μειρακίων τελευτῶσι, δεινοί τε καὶ σοφοὶ γεγονότες, ὥς οἴονται.

[3]) Какъ сильно было, особенно въ молодыхъ аѳинянахъ, желаніе взобраться «на высокую стѣну», всего лучше можно видѣть изъ разговоровъ Сократа съ Алкивіадомъ (Plato, Alcib. I и II), Евѳидемомъ (Xenoph. Memor. IV, 2 и 3) и Главкономъ (ibid. III, 6). Послѣдній желалъ стать во главѣ государства, не имѣя еще и двадцати лѣтъ отъ роду, и неоднократно порывался взобраться — правда, не на высокую стѣну, а на ораторскую трибуну, чтобы оттуда руководить аѳинянами, но каждый разъ бывалъ стаскиваемъ при общемъ хохотѣ, пока Сократъ его не отвадилъ отъ этихъ попытокъ.

ДОПОЛНЕНІЯ, ПОПРАВКИ и ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
12	15 сверху	Clem. Alex. I, 280	Clem. Alex. Strom. I, 280
—	16 »	II, 2, p. 16	II, 1, p. 16
—	8 снизу	Гормесъ	Гермесъ
17	16 сверху	σεσόφισμένος	σεσοφισμένος
—	30 »	Aristoph. Nub. 206 и пр.	Aristoph. Nubes 206 (хитрая штука); Aves 431, Plut. 160 (ухищреніе); Ranae 17, 871 (хитрыя слова), 1102
22	1, 2, 3 и 4 сн.	47, 48, 51, 50	1, 2, 3, 4, 5
27	12 снизу	Элеатъ	Елеецъ
25	5 »	Эвѳидемъ	Евѳидемъ
—	19 сверху	ими самихъ	ими самими
31	4 »	тщеславной наживы	тщеславія и наживы
—	12 и 13 сн.	διατὶριβαῖς	διατριβαῖς и вмѣсто ἐπ τὸ слѣд. ἐπὶ τὸ
38	16 снизу	Къ слову «теоріями» слѣдуетъ сдѣлать примѣчаніе:	Ср. особенно Plut. Them. II: μᾶλλον οὖν ἄν τις προσέχοι τοῖς Μνησιφίλου τὸν Θεμιστοκλέα τοῦ Φρεαρίου ζηλωτὴν γενέσθαι λέγουσιν, οὔτε ῥήτορος ὄντος, οὔτε τῶν φυσικῶν κληθέντων φιλοσόφων, ἀλλὰ τὴν τότε καλουμένην σοφίαν, οὖσαν δὲ δεινότητα πολιτικήν, καὶ δραστήριον σύνεσιν, ἐπιτήδευμα πεποιημένου καὶ διασώζοντος ὥσπερ αἵρεσιν ἐκ διαδοχῆς ἀπὸ Σόλωνος· ἣν οἱ μετὰ ταῦτα δικανικαῖς μίξαντες τέχναις, καὶ μεταγαγόντες ἀπὸ τῶν πράξεων τὴν ἄσκησιν ἐπὶ τοὺς λόγους, σοφισταὶ προσηγορεύθησαν.
61	6 снизу	стр. 53, пр. 5 и слѣд.	стр. 54, пр. 1 и слѣд.
62	19 сверху	другихъ вѣшалъ	другихъ душилъ
63	9 снизу	кимаринэевъ	камаринянъ
66	2 »	χείρον	χεῖρον
69	1 »	Pericl. XI	Pericl. IX
76	1 сверху	къ словамъ «по природѣ» должно сдѣлать сноску:	Ср. Xenoph. Memor. IV, 4, 14: καὶ ὁ Ἱππίας, Νόμους δ' ἔφη, ὦ Σώκρατες, πῶς ἄν τις ἡγήσαιτο σπουδαῖον πρᾶγμ' εἶναι ἢ τὸ πείθεσθαι αὐτοῖς, οὕς γε πολλάκις αὐτοὶ οἱ θέμενοι ἀποδοκιμάσαντες μετατίθενται. Ср. также Plato, Theaet. 160, C.
76	4 сверху	къ словамъ «въ одолѣніи силой» слѣдуетъ въ сноскѣ прибавить:	См. ниже, стр. 82, слѣд. См. также главу V.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
77	23 сверху	къ половинѣ V вѣка	къ концу V вѣка
—	10 снизу	πείφομαι	πείθομαι
79	4 »	оргіями,	оргіями (Aristot. Poet. IV, 11—12 Sus.)
83	5 сверху	«Говорятъ—будто	«Скажетъ ли кто—что на небесахъ
86	2 снизу	этому хору	этому хору въ «Антигонѣ»
87	18 »	1706	1077
88	7 »	Κορκύρα	Κερκύρα
—	4 »	Aves, 549; Nubes	Aves 549, 1253, сл.; Nubes
89	3 »	Ion	Io
95	3 »	См. особ. Protag. 349, Е:	Φέρε. Ср. особ. Protag. 333, С: ἆρά τί σοι δοκεῖ ἀδικῶν ἄνθρωπος σωφρωνεῖν, ὅτι ἀδικεῖ (спрашиваетъ Сократъ у Протагора); Αἰσχυνοίμην ἂν ἔγωγ', ἔφη (Протагоръ), τοῦθ' ὁμολογεῖν, ἐπεὶ πολλοί γέ φασι τῶν ἀνθρώπων.
96	5 снизу	Hipp. Minor	Hipp. Major
97	14 »	съ ученіемъ Апостола	съ ученіемъ Евангелія (Math. XV, 19) и Апостола
101	11 сверху	до V вѣка	до второй половины V вѣка
—	12 »	» » »	до этого времени
102	1 »	съ V вѣка	со второй половины V вѣка
113	9 снизу	Демокрита и Филолая	Демокрита, Филолая и Архелая.
—	1 »	οὐ νόμῳ.	οὐ νόμῳ, послѣдній совершенно въ духѣ софистовъ (Diog. Laert. II, 17) ἔλεγε... καὶ τὸ δίκαιον εἶναι καὶ τὸ αἰσχρὸν οὐ φύσει ἀλλὰ νόμῳ.
117	23 снизу	Гераклитова ученія;	Гераклитова ученія (Plato, Theaet 152, D, сл.);
119	18 »	Ξενοράνην	Ξενοφάνην
122	10 »	ἀἐι	ἀεὶ
131	14 »	стр. прим.	стр. 133, прим. 3.
136	12 »	τινε	τιν'
141	13 »	выше, прим.	выше, прим. 3.
147	— »	ὁ μεν	ὁ μὲν
—	1 »	ἀπαθές ὑπὸ	ἀπαθὲς ὑπὸ
150	29 »	Демокрита.	Демокрита (Diog. Laert. IX, 53; Philostr. Vitae Soph. I, 10, 1; Clemens, Strom. I, 301; Galen Hist. Phil. c. 2).
—	13 снизу	возраста. Подробнѣе	возраста. Предполагать обратное, т.-е. что Демокритъ усвоилъ Протагорову теорію, нѣтъ никакого основанія. Подробнѣе
152	5 снизу	самое большое	самое бóльшее
154	15 »	Κορίνθιος	Κορύνθιος
157	16 »	на отвращеніе	и на отвращеніе
160	18 »	Selbsgefühl	Selbstgefühl
—	1 »	4	1
162	2 сверху	lectotem	lectorem
—	11 »	Spinosa	Spinoza

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
166	3 сверху	αἰσχρόν	αἰσχρόν. Tacit. Diolog. 5: quid est tutius quam eam exercere artem, qua semper armatus praesidium amicis, opem alienis, salutem periclitantibus, invidis vero et inimicis metum et terrorem ultro feras, ipse securus et quadam velut perpetua potentia ac potestate munitus? eloquentia, praesidium simul ac telum, qua propugnare pariter, et incessere, sive in judicio, sive in senatu, sive apud principem possis.
167	16 снизу	ἠναγκασμένον ὑπηρετεῖν	ἠναγκασμένον ὑπηρετεῖν
172	2 сверху	πολὺ	πολὺ
—	9 снизу	τί ἐστὶ	τί ἐστι
—	14 »	Athen. XX, 71	Athen. X, c. 71, p. 449, E
173	10 »	ἁρμονίας	ἁρμονίας
—	19 сверху	αἰδοίοσι	αἰδοίοισι
174	20 снизу	тебя будутъ называть, какъ Гиппократовыхъ дѣтей,	ты будешь подобенъ Гиппократовымъ дѣтямъ и тебя будутъ называть
175	14 сверху	κώλη	κωλῆ
183	21 »	καγκεχόδασί με	κἀγκεχόδασί με
184	11 снизу	βουληθῶσιν.	βουληθῶσιν. Ср. также приведенныя на стр. 54 свидѣтельства Аристотеля, Платона и Еврипида.
192	15 снизу	Phaedr. 267, C—D	Phaedr. 266, C—D
196	17 »	Гелоновъ	Гелона
203	4 сверху	бѣднаго старика	сѣдаго старика

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Платонизмъ какъ основаніе современнаго міровоззрѣнія въ связ: съ вопросомъ о задачахъ и судьбѣ философіи. Москва, 1887. Ц. 85 к

Значеніе философіи. Кіевъ, 1888. Ц. 30 к.

Цѣна 2 рубля.